

РУДОЛЬФ ШТАЙНЕР
ИСТОРИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА И МИРОВОЗЗРЕНИЯ
КУЛЬТУРНЫХ НАРОДОВ

GA 353

Перевел с немецкого Александр ДЕМИДОВ

RUDOLF STEINER
Die Geschichte der und die
Weltanschauungen der Kulturvolker
RUDOLF STEINER VERLAG DORNACH/SCHWEIZ
РУДОЛЬФ ШТАЙНЕР ИСТОРИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА И
МИРОВОЗЗРЕНИЯ КУЛЬТУРНЫХ НАРОДОВ
Семнадцать лекций, прочитанных для
Работающих на строительстве Гётанума в Дорнахе
с 1 марта по 25 июля 1924 г.
Библ. №353
Москва 2004
Пер. с нем. А. Демидов
Оригинал этой книги опубликован на
немецком языке под названием
Die Geschichte der Menschheit und
die Weltanschauungen der Kultuivölker
в издательстве Rudolf Steiner Verlag, Dornach (Schweiz)
как том 353 в Собрании трудов Рудольфа Штайнера
(Rudolf Steiner Gesamtausgabe)
Публикация данного перевода согласована
с Управлением наследием Рудольфа Штайнера
(Rudolf Steiner-Nachlassverwaltung, Dornach)
© Rudolf Steiner Nachlassverwaltung, 1988
© Издательство «ЭНИГМА», 2004
© «ОДДИ-Стиль», 2004

СОДЕРЖАНИЕ

Введение Марии Штайнер

Первая лекция. Дорнах, 1 марта 1924 г..

Воздействие кладбищенской атмосферы на человека.

Мировоззрение древних индусов, египтян, вавилонян и евреев

Вторая лекция. 5 марта 1924 г.

Сверхфизические связи в человеческой жизни. Эллинизм и христианство

Третья лекция. 8 марта 1924 г.

Вступление христианства в античный мир и мистерии

Четвертая лекция. 12 марта 1924 г.

Звездная мудрость, религии Луны и Солнца

Пятая лекция. 15 марта 1924 г

Как выглядела Европа ко времени распространения христианства?

Шестая лекция. 19 марта 1924 г.

Троица, три формы христианства и ислам. Крестовые походы

Седьмая лекция. 26 марта 1924 г.

Представления о Христе в древнее и новое время

Девятая лекция. 26 апреля 1924 г

Об образовании шрамов. О мумиях

Десятая лекция. 5 мая 1924 г

Восьмая лекция. 12 апреля 1924 г

К основанию духовнонаучной астрономии

О празднике Пасхи

Одиннадцатая лекция. 8 мая 1924 г. О сущности иудаизма

Двенадцатая лекция. 10 мая 1924 г. О древе Сефирот

Тринадцатая лекция. 14 мая 1924 г.

О Канте, Шопенгауэре и Эдуарде фон Гартмане
Четырнадцатая лекция. 17 мая 1924 г.

О кометах и Солнечной системе, о Зодиаке и о прочих неподвижных звездах на небе

Пятнадцатая лекция. 20 мая 1924 г.

Моисей. Декадентская атлантическая культура в Тибете. Далай-лама. Как Европа может распространить в Азии свою духовную культуру? Англичане и немцы как колонизаторы

Шестнадцатая лекция. 4 июня 1924 г.

Природа Солнца. Происхождение масонства. О знаках, прикосновениях и слове. Ку-клукс-клан

Семнадцатая лекция. 25 июня 1924 г.

Человек и иерархии. Утрата древнего знания. О «Философии свободы»

Примечания. Цветные доски.

МАРИЯ ШТАЙНЕР

Введение к выходу в свет публикаций из лекций Рудольфа Штайнера для работающих на строительстве Гётеанума с августа 1922 г. по сентябрь 1924 г.

Эти лекции можно было бы назвать диалогом, поскольку их содержание по настоянию Рудольфа Штайнера всегда определяли сами рабочие. Им было разрешено самим избирать темы, он побуждал их задавать вопросы и делать сообщения, поощрял их самопроявление, их возражения. Рассматривалось и дальнейшее и ближайшее. Особенно интересными оказались терапевтические и гигиенические стороны жизни; видно, что об этих вещах рабочим приходилось думать каждый день. Но также затрагивались и все явления природы, бытие минералов, растений и животных, причем это рассмотрение выводило в космос, к первоистoku вещей и существ. В конце рабочие просили дать им введение в духоведение, в познавательную основу для понимания Мистерии христианства.

Общая духовная работа сложилась на основе нескольких курсов, которые доктор Роман Боос проводил по окончании работ на стройке для интересующихся; позднее эти курсы проводились и дальше другими членами Антропософского Общества. Позднее рабочие просили Рудольфа Штайнера принять их и утратить между знаний — и, если возможно, посвятить этому один час обычного рабочего времени, пока они еще бодры и могут сохранять восприимчивость. Это происходило в утренние часы после перерыва в работе. Могли прийти также некоторые служащие строительной конторы и еще двое или трое из узкого рабочего круга доктора Штайнера. Обсуждались практические вещи, например, разведение пчел для тех, кто интересовался пчеловодством. Когда Рудольфа Штайнера уже не было среди нас, экспериментальная агрогруппа опубликовала для своих членов конспект этих лекций в виде брошюры.

Многие проявляют большое желание ознакомиться с этими лекциями. Однако они были рассчитаны на особую аудиторию, и в той особой ситуации были импровизацией на темы, продиктованные обстоятельствами и настроением рабочих-слушателей; при этом они не предназначались для печати. Именно та форма, в которой они были прочитаны, позволила сохранить свежесть и непосредственность, которые не хотелось бы потерять. Была создана особая атмосфера взаимодействия того, что жило в душе спрашивающего и в душе дающего ответ. Не хотелось бы упускать этот колорит, эту окраску в ходе педантичной редакторской работы. Поэтому мы отважились по возможности ограничить ее. Пусть не все здесь соответствует стилистическим литературным канонам, зато во всей своей непосредственности сохраняется настоящая жизнь.

ПЕРВАЯ ЛЕКЦИЯ

Дорнах. 1 марта 1924 г.

Доброе утро, господа! Есть ли что-нибудь на сегодня?

Господин Доллингер: Я хотел спросить, почему происходит так, что люди, живущие вблизи кладбища, часто бывают менее живучими и на вид бледны? (приводит подтверждающий пример.) Мне хотелось бы узнать, что за ритм действует

в телах, не может ли он действовать положительно?

Доктор Штайнер: Я полагаю, что мне удастся достаточно хорошо осветить этот вопрос, так как я сам с восьми до восемнадцати лет жил в непосредственной близости кладбища. Следовательно, я тогда тоже должен был быть очень бледным. Отчасти это верно. Различные утверждения, сделанные вами, должны были бы оказаться верными именно в моем случае.

Это было кладбище в маленьком селении(1)— может быть, в пятьсот жителей, — следовательно, само кладбище было не очень большое. Однако именно там находились вокзал и дом, где мы жили. Вокруг довольно близко проживали люди, как это обычно бывает в таких местечках. Там была церковь, вокруг кладбища и дальше шли дома: так что всегда можно было видеть, как обстояло дело со здоровьем у тех людей, которые живут вокруг кладбища. Можно сказать, что среди жителей были весьма заметные различия, и что, например, пастор, живший не очень далеко от кладбища, не был бледным и хилым, он был достаточно дородным и выглядел очень хорошо. Вот что довелось мне тогда наблюдать.

Во многих селениях кладбища располагаются вокруг церкви — но все же если оценить обычное состояние здоровья, первое впечатление таково: нельзя считать, что это вредит очень сильно. Правда, в таких селениях в то же время было много ореховых деревьев, деревьев, на которых растет грецкий орех (*Juglans regia* L. — прим. перев.). Эти деревья грецкого ореха благодаря запаху, который они распространяют, исключительно сильно воздействуют на здоровье. Вы только должны принять к сведению то, что в таких селениях, где изначально царят благочестивые настроения, сохранились здоровые инстинкты: это привело к тому, что, поскольку кладбище располагалось в центре селения и вокруг него жили люди, вблизи были насажены каштаны, грецкие орехи и липы. Липы и деревья грецкого ореха противодействовали вредным воздействиям, исходящим от кладбища, компенсировали их.

Здесь надо также обратить внимание на следующее: видите ли, если более точно рассмотреть то, что, в сущности, хочет узнать господин Доллингер, а именно воздействие на высшие тела, то следует уяснить себе, что среди тех тел, о которых я рассказывал, то физическое тело и эфирное тело действуют оживляюще. В то же время астральное тело и "Я" действуют не оживляющим, а, напротив, по преимуществу разрушительным образом. Они действуют как душа и дух. Из того, что я говорил, вы можете видеть, что физическое тело и эфирное тело подобны растению; они растут, они строят органы. Но если бы мы обладали только ими, только физическим телом и эфирным телом, мы постоянно находились бы в обморочном, бессознательном состоянии. Мы вели бы сонную жизнь подобно растениям, если бы постоянно не подвергались разрушению: только вследствие того, что в нас постоянно происходит разложение, мы не живем соевой растительной жизнью. Астральное тело и "Я" снова и снова разрушают, деструктивируют. В человеке всегда имеет место построение и разложение. Именно астральное тело производит наиболее сильные разрушения в нашем человеческом существе. Все продукты выделения, о которых я говорил, подвергаются разложению именно со стороны астрального тела и "Я". Эфирное тело лишь чуть-чуть содействует при этом. Все это я вам рассказывал.

Видите ли, господа, поднимающиеся испарения кладбища родственны тому, что в астральном теле производит разложение эти испарения поддерживают процесс разложения. И человек разлагается в большей степени, если он проживает вблизи кладбища, нежели когда он проживает в лесу. Если он живет на природе, в лесу, то его формирующие силы укрепляются, если же он проживает у кладбища, то укрепляются его разрушительные, разлагающие силы. Однако если бы мы не имели никаких разрушающих сил, то, как я уже говорил, на протяжении всей жизни оставались бы глупыми(2). Нам необходимы разрушающие силы. Надо учесть и кое-что другое. Я сказал вам, что могу говорить об этих вещах, поскольку пережил это на собственном опыте, причем пережил в юношеском возрасте, когда столь многое формируется. У меня всегда была склонность мыслить как можно точнее. Этой склонностью к точному мышлению я, по моему убеждению, обязан именно тому обстоятельству, что моя судьба дала мне возможность вырасти вблизи кладбища. Следовательно, здесь есть и нечто положительное, господа. И это вы тоже должны принять к сведению.

Ведь, не правда ли, вредным фактором на кладбище являются те трупы,

которые там находятся. Трупы только разлагаются. Если мы умираем, отпадает то, что мы все снова и снова строили и разлагали. Тут разложение продолжается. Следовательно, астральное тело вблизи кладбища получает побуждение двигаться хорошо. Нельзя этого не признать.

Там, что сейчас называют Бургенландом (историческая область в Австрии — прим. перев.) и где я вырос, повсюду были деревни с кладбищами посередине. Бургенланд — область, из-за которой было много споров. Там есть отдельные крупные города, такие, как Айзенштадт и тому подобные, но они расположены далеко друг от друга; повсюду разбросаны деревни и везде кладбища располагаются в середине. Так вот, дело обстояло, можно сказать, так, что люди там обладали известной крестьянской смекалкой. И нельзя не признать, что эта крестьянская смекалка развивалась под влиянием кладбищенской атмосферы. А вредные факторы устранялись благодаря тому, что вокруг повсюду были посажены деревья грецкого ореха и липы.

Тогда эта местность была винодельческой. Атмосфера виноградных лоз тоже действует некоторым образом как компенсация. Аромат цветущей липы, как вы знаете, является очень сильным, дерево грецкого ореха тоже пахнет очень сильно; это воздействует на астральное тело оживляющим образом. Атмосфера виноградной лозы тоже действует оживляюще, но уже на "Я". Так что мы даже в этом случае сталкиваемся с очень сильным воздействием на высшие тела человека.

Конечно, не подлежит сомнению то, что по мере развития цивилизации эти вещи изменяются. Естественно, что с той поры, когда городки укрупнились, когда вокруг понастроили много домов и вследствие того, что много домов было построено кругом, воздействию деревьев был нанесен ущерб, вредное воздействие кладбищ усилилось; вот тогда-то, естественно, и появились бледные лица у живших вблизи кладбища. Компенсации уже не возникало, и вследствие этого кладбище действовало так, что люди страдали от кладбищенских испарений. И опять-таки, благодаря природному инстинкту, при разрастании деревень до городского уровня кладбища стали удалять вне города.

Здесь, конечно, играет роль кое-что еще. Речь идет о том случае, когда воздействия распространяются еще дальше, когда они доходят до эфирного тела. Видите ли, все то, что поднимается в атмосферу в качестве тонких испарений, действует на астральное тело и на "Я". Следовательно, тот слабый запах трупов, который всегда имеется вокруг кладбища, так же, как и запах грецкого ореха, липы и конского каштана, действующего особенно оживляющим образом, может воздействовать, в сущности, только на высшие тела; до эфирного тела это доходит не так сильно.

С эфирным телом обстоит так, что особенно сильное воздействие на эфирное тело оказывает вода в той или иной местности. Вода производит совершенно особенное, сильное действие. А в окрестности кладбища вода очень легко пропитывается тем, что выделяется из трупов. Эту воду пьют, на этой воде готовят пищу. Следовательно, если где-то в деревне, где кладбище находится вблизи домов, вода оказывается испорченной, то тут никакие деревья не помогут! В этом случае природа помогает очень мало. Как следствие, люди очень легко становятся подвержены чуме (туберкулезу), люди тогда чрезвычайно сильно страдают от этого.

Видите ли, это я могу уверенно констатировать. Там было одно место — оно было на удалении часа ходьбы с небольшим от того места, где я жил — это было маленькое селение. Почти все там жили вокруг кладбища. Люди там от природы были очень вялыми; они были просто ни на что не способны. У них были дряблые мускулы, дряблые нервы, все в них было расслаблено; они были бледными. Я спрашивал себя: почему это происходит? Видите ли, вот что было интересно: у нас в Нойдорфле люди, тоже живущие вокруг кладбища, были относительно здоровы. Это серьезный вопрос для того, кто изучает свойства местности, имеющие значение для людей. Там была деревня, где люди проживали вокруг кладбища и не предпринимали ничего иного, кроме посадок грецкого ореха; его сажали там, и это было проявлением здравого инстинкта. Однако в остальном — даже воду для приготовления пищи очень часто они брали из деревенского ручейка! Тут располагался ряд домов (изображается на рисунке, слева вверху), между ними — деревенский ручеек; здесь был церковный дворик, тут была церковь; здесь жили мы, здесь — патер, здесь было здание школы затем здесь находился ряд домов,

между ними — ручеек и повсюду были ореховые деревья. Люди просто брали воду из ручейка; в этот ручеек попадали, конечно, и останки, и бактерии, и бактерии, и бактерии от всего того, что просачивалось с кладбища. Так было всюду. Люди — именно те, кто проживал там — не отличались особой чистоплотностью: дома там были покрыты соломенными крышами, повсюду прямо перед входом лежали навозные кучи, рядом находились свинарники — прекрасный альянс свинарника и навозной кучи. К тому же стоки попадали в деревенский ручеек, подходя к которому можно было увязнуть в коричневой жиже. Так что, как видите, все это не было — как сегодня говорят — обустроено гигиенически! А люди, тем не менее, были здоровы. Во-первых, если люди здоровые, то даже трупы вначале не так плохи, как в тех местах, где люди отравлены. Хотя это не имеет существенного значения. Был более существенный вопрос: почему получалось так, что тут эти люди были здоровы, а там (в другом месте — прим. перев.) больны, вялы и нежизнеспособны? Это объясняется следующим. Вблизи этого селения находилось другое⁽³⁾, совсем маленькое, зато это был курорт; там находился холодный углекислый источник, источник углекислой воды. Вся деревня получала питьевую воду из этого места. И питьевая вода из этого места, углекислая вода действовала в качестве компенсации по отношению к отравленной воде с кладбища. А другие люди, находящиеся далеко от этого углекислого источника, были этого лишены. Так что на приведенном примере можно исследовать, как углекислая вода, та, о которой я вам говорил однажды, особенно сильно воздействует на "Я" и на мышление, как она отражается на "Я" и на эфирном теле, как она в эфирном теле компенсирует разрушительные воздействия, оказываемые тем, что просочилось в деревенский ручеек с кладбища.

Естественно, если в городах остается кладбище, то в сущности — по крайней мере тогда, когда вода не доставляется издалека — улучшение кладбищеской атмосферы едва ли поможет. Итак, если в городе кладбище занимает центральное место и воду берут из колодцев, то тем самым естественно создаются условия, вредные для здоровья, поскольку тогда происходит отравление эфирного тела; эфирное тело таково, что не подчиняется влияниям, идущим из астрального тела и "Я".

Вы видите, что санитарно-гигиенические условия с этой точки зрения представляют большой интерес. При этом, конечно, нельзя упускать из виду, что на таких людей, живущих вокруг кладбища — если это верующие люди, если они еще не превратились в атеистов, — вновь и вновь повторяющаяся картина похоронных обрядов действует согревающим образом! И это опять-таки действует как компенсация. Это действует на "Я". Действует укрепляющим образом. Если рассматривать это с точки зрения здоровья, то это тоже действует как компенсация.

Вот примерно то, что вы хотели узнать? Может быть, кому-то пришло на ум еще что-нибудь?

Ну, господа, тогда я хочу продолжить рассмотрение этого вопроса, но уже с совершенно иной стороны. Видите ли, мы рассматривали многое: давайте же сегодня с той точки зрения, с помощью того познания, которого мы достигли, рассмотрим следующее.

Если вы посмотрите на географическую карту, то вы можете заинтересоваться ею и сказать: вот здесь живет один народ, там живет другой народ. Нас интересуют различные народы, живущие рядом друг с другом. Но вы можете сказать и так: я хочу посмотреть однажды на географическую карту с точки зрения эволюции человечества. И тогда географическая карта действительно становится очень интересной.

Давайте рассмотрим кусочек географической карты. Я хочу нарисовать это лишь приблизительно. Здесь, например, мы имеем, если мы переходим к Азии — я это вам уже рисовал, говоря о человеческих расах, — мы имеем Индию, Переднюю Индию⁽⁴⁾; здесь находится Аравия; а здесь затем идет Малая Азия. Здесь Азия переходит в Европу; мы переходим в Европу, то есть к тем островам, которые относятся к Европе. Это Греция. Видите ли, сегодня небольшие народности живут повсюду. Затем здесь мы переходим к Африке. Здесь у нас находится река, это Нил; тут находится Египет, которым, как вы знаете, сегодня полностью владеют англичане; когда-то это была свободная страна. Видите, повсюду тут живут народности. В Индии живут индусы, сегодня они на подъеме. Долгое время они находились под владычеством англичан, оно отбрасывается и сегодня, но, тем не менее, индусы поднимаются, и те, кто в Англии обладают предвидением, и пытаются

откровенный страх перед тем, что индусы смогут когда-нибудь стать независимыми. Сегодня существует большое индийское движение; его пробудил в Индии, как его называют, Махатма Ганди(4а), который был посажен в тюрьму, но теперь снова освобожден по состоянию здоровья. Здесь, в Аравии, точно так же живут люди, в большей или меньшей степени находящиеся под господством англичан; это пока еще почти непроходимая местность, Аравия. Вы знаете, что причиной Первой мировой войны было главным образом намерение проложить дорогу через Турцию до сих пор, так, чтобы одна дорога направлялась в одну сторону, в Индию, а вторая — в другую сторону, в Аравию. Это собиралась сделать Германия; вследствие этого у других народов возникли сильная зависть и ревность, направленные против Германии, хотевшей построить через Турцию так называемую Багдадскую дорогу в Азию. Тут когда-то была Сирия.

Видите ли, с самых различных точек зрения было бы интересно сказать себе однажды: здесь с самых древнейших времен повсюду жили народы; они имели самый различный образ жизни. Достаточно назвать лишь пару вещей, и обнаружится, как отличалась жизнь этих людей. В Индии, например, имело место строгое разделение на касты, разделение, по сравнению с которым все то, что известно нам как классы, является лишь тенью отражением. В Индии человек рождался в касте. Высшей кастой были брахманы. Это были те, кто исполнял священнодействия, те, кому позволялось учиться. В древнейшие времена все дети брахманов ходили в школу. Это были те, кто умели читать, это была высшая каста. Из этой касты набирали священников, но не раджей. Раджей брали из второй касты, из касты воинов. Но никогда и никто не мог из касты воинов возвыситься до касты брахманов. Они были строго отделены. Третьей кастой были крестьяне, сельские жители, и четвертой кастой были те, кто, в сущности, считались рабочими, работавшими физически. Между этими кастами было строгое разделение. В Древней Индии переход человека из одной касты в другую выглядел бы так, как если бы лев должен был стать ягненком! Касты отличали друг от друга так же, как отличают друг от друга отдельные виды животных. Вот почему у людей не было столкновений на этот счет. Для них перейти из третьей касты в первую было бы таким же безумием, как если бы лев захотел стать быком. Различие было очевидно, это было само собой разумеющимся у этих людей. Итак, это было в Индии.

Теперь перейдем к Египту: тут тоже были касты. («В Египте существует семь различных каст: жрецы, воины, коровьи пастухи, свинопасы, мелочные торговцы, толмачи и кормчие... Каста воинов делится на так называемых каласириев и гермотебиев». Геродот кн. 2, 164 — прим. перев.) То, что я рассказывал вам сегодня, господа, вы должны отнести ко времени примерно за три тысячи или три с половиной тысяч лет до возникновения христианства. Мы, следовательно, должны вернуться на пять или шесть тысяч лет назад, если хотим заглянуть назад в то время, о котором я вам рассказываю. Итак, в Египте тоже были касты, но они были не так строго разграничены; там тот или иной человек уже мог перейти в ту или иную касту. Так что хотя они и не были так строго разграничены, касты в Египте еще были. Но с другой стороны, в Египте все государственное устройство исходило от жреческого сословия. Жречество устанавливало порядок во всем. В Индии тоже было так, но там все определялось устройством каст, тогда как в Египте кастовая организация не была очень строгой. Однако твердо придерживались того, что все законы исходили от жреческого сословия.

Соответствующим образом существовали и другие народы, жившие в Сирии, в Малой Азии. Они имели свои отличительные признаки, они были различны.

Для того, чтобы вы увидели, что за роль играли в истории человечества те вещи, которые мы тут излагаем, я хотел бы рассказать вам об этих народностях кое-что другое. Давайте возьмем четыре народа: во-первых, индусов, затем египтян, а затем те народы, которые осели здесь. Евфрат и Тигр впадают тут в морской залив; здесь жил один народ, который позднее называли вавилонянами. Его мы рассмотрим третьим по счету.

Вы знаете, что здесь действовал народ, позднее игравший большую роль в истории; это семиты, евреи, иудеи. Они сначала перешли в Египет, но затем ушли оттуда назад и жили затем здесь, в Палестине — по размерам это относительно маленький народ, но такой народ, который сыграл большую роль в истории. Итак, мы можем рассматривать их друг за другом: во-первых, индусов, во-вторых, египтян, в-третьих, вавилонян и, в-четвертых, евреев. Давайте рассмотрим сегодня эти четыре

народа.

Видите ли, для индусов особенно характерным является то, что они разграничивали людей как физические классы животных и делили людей на четыре касты. К этому вела своеобразная религия, бывшая у индусов в древности. Индусы не делали различия между духовным и телесным миром; в то время, когда индийское население первоначально складывалось, различий между духом и телом не было. В случае дерева не проводили различия, как у других народов: вот тут находится физическое дерево, а тут, внутри живет дух — нет, этого индусы не различали. Дерево было в то же время и духом, только духом более грубым, чем человек и животное. Животное для индусов тоже не различалось как тело и душа, оно было душой так же, как человек. Не было различия между телом и душой. Если древний индус задавался вопросом о душе — а он знал, что человек вдыхает, выдыхает воздух, — то для него этот вдыхаемый воздух и был духом. Тогда он знал: воздух находится снаружи; это и есть дух, обнимающий всю Землю. Если же этот обнимающий всю Землю дух начинал струиться, дуть, то тогда индус называл этого духа, двигавшегося, вставшего над всей Землей, Варуна. Но и то, что он имел в себе, тоже было Варуна. Если он бушевал вовне, это был Варуна; внутри — тоже Варуна. Сегодня можно услышать, как часто говорят: индусы поклонялись природе, так как они почитали ветер и грозу и так далее. Но можно было бы с таким же правом сказать, что индусы поклонялись духу, поскольку они все и везде рассматривали как дух. Понятия тела у индусов не было вообще. Поэтому у индусов каждая часть тела человека была в то же самое время духом: печень была духом, почки были духом, все было духом. Они не проводили различия между телом и духом. Именно в этом состоит тайна древней индийской мудрости, что они не делали различия между телом и духом. Печень была духом печени, желудок — духом желудка.

Видите ли, если мы сегодня рассматриваем желудок, то мы находим, что в желудке для обеспечения правильного пищеварения должно находиться нечто: мы называем это вещество пепсином. Если пепсин отсутствует, то пищеварение идет неправильно, тогда нам приходится добавить немного соляной кислоты. Индус говорил — названием он еще не пользовался, а уже знал, что здесь находится дух, — так уж устроен желудок; индус говорил: это дух желудка. Сегодня можно приобрести желудочные капли под названием «Хоффман-гейст», «дух Хоффмана», или называемые как-либо иначе: но вы всегда обнаруживаете в случае обычной речи, что понятие духа напечатлено в словах.

Итак, индусы видели дух всюду. А потому у них не вызывал недовольства дух кастовости, они рассматривали это как нечто духовное так же, как и различия у животных рассматривались ими как духовные.

При углублении в индийское мировоззрение нельзя не заинтересоваться тем, что индусы обладали весьма точными познаниями всех человеческих органов. Индусы рассматривали эти органы именно как дух. Человек был составлен из чистых духов: духа легких, духа желудка, духа почек и так далее, причем индусы смотрели лишь на физическое тело. В отношении индусов, можно сказать: в своих воззрениях индусы брали за основу физическое тело как дух.

1. Индусы: физическое тело духовно.

Это очень интересно, ведь тут нам открывается народ, который в первую очередь имел точное знание о физическом теле, физическом организме.

Теперь мы переходим к египтянам. У египтян ситуация была такова. У египтян на первом плане был Нил. Нил является, в сущности, кормильцем и отцом этой страны. Каждый год в июле Нил выходил из берегов, а в октябре возвращался назад. Древние египтяне знали следующее: в Ниле находится вода; вода стужает в период холодного времени года: вода снова приходит, затопляя страну, и становится благодетельницей человека. Но если вода в октябре отступает, то остается очень плодородный ил, так что никаких удобрений не нужно! В этот ил можно посеять зерно разных сортов и, когда они взойдут, убрать их до нового разлива Нила. Таким образом, Нил ежегодно подготавливал для них пашню. Так что египтяне глубоко переживали эту благую деятельность воды. Они занимались вопросом о том, что представляет собою вода в природе. Видите ли, мы в настоящее время восхищаемся нашим инженерным искусством, создадим канализацию. Но египтяне за тысячи лет до нас очень хорошо решали канализационные проблемы! Ведь если Нил выходил из берегов и разливался, то он при подобных обстоятельствах оказывался и там, где это было нежелательно. И вот египтяне уже в древности

создали озеро Мэрис, целое озеро! Оно не было создано природой, оно было сделано искусственно для того, чтобы удерживать половодье в необходимых границах. Воды разлива собирались в этом озере Мэрис. Так искусственным образом египтяне подчиняли природу. Но как следствие этого их внимание было особенно направлено на воду. Отвечая на вопрос, заданный господином Доллингером, я говорил вам: вода оказывает необычайное влияние на эфирное тело человека. Руководствуясь инстинктом, которым египтяне еще обладали, они создали следующее учение: человек состоит не только из физического тела, но он имеет также эфирное тело. Это интересно, как видно: здесь, позади, в Индии жили древнейшие народы; многие из этих древнейших народов, миновав Арвию, поселились в Египте. В Египте была особая форма древнего культа, происходившая из Индии. Ведь переселившись в Египет, индусы ощутили благодетельность воды. И тогда они говорили себе: вода действует не на физическое тело, которое мы изучали в Индии, но действует на более высокое тело человека. Вот так главным образом благодаря переживаниям, связанным с водой, египтяне — а также и индусы — открыли эфирное тело.

Благодаря тому, что египтяне открыли эфирное тело, сложилась вся их религия, ибо она является религией эфирного тела. Если взять наиболее важное из египетской религии, то это — следующая легенда. Египтяне везде рассказывали ее подобно тому, как в известное время в Европе рассказывали о евангельских событиях. Египтяне рассказывали так: есть высокий бог; они называли этого высокого бога Осирисом. Этот высокий бог есть благодетель человечества. Он создатель всего, что приходит к человеку посредством водного элемента. Но у него есть враг. Этот враг живет в знойном ветре, который дует из пустыни. Вот здесь была эта пустыня (изображается на рисунке). Так что у египтян было два божества: Осирис и Тифон, Осирис и его враг Тифон. Все то, что египтяне наблюдали в природе, они видели в то же время и в человеческой жизни. Но они в отличие от индусов брали за основу не физическое тело, а тело эфирное. Далее их легенда гласила: однажды Тифон убил Осириса и похитил его. Супруга Осириса, Исида, отыскала труп и разные его части похоронила в разных местах. По этому повсюду в качестве памятников были воздвигнуты архитектурные сооружения. С тех пор Осирис является владыкой умерших. Когда-то он был владыкой живых, но затем стал владыкой умерших. Египтяне уже думали на тему смерти. Вы ведь знаете — это я вам уже рассказывал, — через несколько дней после смерти эфирное тело человека уходит: тогда человек постепенно снова приходит в сознание. Это выражено в легенде таким образом, что Осирис уходит, но Исида снова возвращает его. Человек снова получает свое сознание после смерти.

Так что можно сказать: египтяне пришли к тому, что человек имеет эфирное тело. Это очень интересно! Индусы еще признавали в качестве духовного начала физическое тело. Египтяне же в качестве духовного начала рассматривали эфирное тело.

2. Египтяне: эфирное тело духовно. Осирис, Тифон и Исида.

И все то, во что верили египтяне, все то, над чем они работали, было, в сущности, эфирным телом. Это целиком определяло их воззрения.

Видите ли, господа, вам приходилось наблюдать у египтян еще одно: это мумии. Недавно я указал вам на это(5), я сказал: когда средневековые медики говорили о мумиях, они имели в виду нечто духовное; я объяснял это вам. Однако если сегодня заходит разговор о мумиях, то имеют в виду только египетские мумии. Трупы бальзамировались, причем бальзамировали умело, и сохраняли. Почему же это было? Египтяне знали только об эфирном теле и сохраняли физические тела для того, чтобы если человек когда-нибудь будет жить снова, то он снова смог бы найти свое физическое тело. (Вера в существование такого рода существовали в глубокой древности и сохраняются даже поныне. Мэри П. Холл сообщает: «Распространенное убеждение в том, что египтяне мумифицировали своих мертвых для того, чтобы сохранить их форму до воскрешения, неприемлемо в свете современного знания об их философии смерти». Далее он же пишет: «Ранние христиане, следуя Священному Писанию, сохраняли тела мертвых в соленой воде, чтобы в день воскресения мертвые могли восстать в хорошо сохранившемся теле. Вера в то, что вскрытие, необходимое для извлечения внутренностей и дальнейшего бальзамирования, препятствует возвращению духа в тело, христиане хранили мертвых без использования тщательно разработанной процедуры мумификации,

принятой египтянами». По той же причине современные христиане избегают кремации и патологоанатомического вскрытия тела. Кроме того, там же: «Сервий, комментируя «Энеиду» Вергилия, делает следующее наблюдение: «Мудрые египтяне заботились о бальзамировании сводных тел, клали их в катакомбы, чтобы душа еще долго могла быть в контакте с телом и не скоро отчуждалась от него...» Рудольф Штайнер сообщает в ПСС том 216, что главной причиной мумифицирования было подержание общения с демоническими лунными существами, подселавшимися в мумии и сообщавшими жрецам через двойника КА и душу БАИ умершего сведения из духовного мира — прим. перев). Если бы они знали об астральном теле и о "Я", то они не стали бы верить, что физическое тело надо сохранять (см. примечание ба). Они знали только об эфирном теле, которое и вправду очень духовно. Если бы им было известно о "Я" и об астральном теле, то они говорили бы так: они сами построят для себя физическое тело. Но им было известно лишь это тонкое эфирное тело; поэтому-то они и верили, что необходимо сохранять физическое тело, чтобы человек нашел его, вернувшись снова (см. примечание ба). Итак, существование эфирного тела было открыто египтянами.

Теперь мы переходим к третьему, к вавилонянам. Они были широко и разносторонне образованы, у них было хорошо проработано мышление, так что много мыслей, принадлежащих вавилонянам, сохраняется до сих пор. Но особенно хорошо было разработано у них учение о звездах. Они строили высокие астрономические башни, с которых наблюдали за звездами. Они уже тогда заметили, что человек зависит не только от того, что находится на Земле, но зависит и от того, что происходит со звездами. Они особенно хорошо исследовали воздействие звезд на человека и в первую очередь подвергали наблюдениям чередование времен года. Благодаря звездам год оказывал большое влияние на человека. Итак, вавилоняне страдали от своей жизни на Земле и создавали учение о звездах: знания о воздействии звезд на человека они сделали специальной наукой. Вот почему в основу системы счисления они положили числа шестьдесят, двенадцать и так далее.

Они, например, подсчитывали деньги, используя числа шестьдесят и двенадцать. Только позднее появилась десятичная система счисления, счет на десятки. Но даже сегодня в случае с английским шиллингом вы обнаруживаете эту вавилонскую систему счисления по дюжинам⁽⁶⁾. Итак, именно в Вавилоне эта система счисления была сведена с неба на Землю. На что же у человека оказывал особое воздействие мир звезд? На астральное тело, господа. Астральное тело целиком и полностью подчинено влиянию звездного мира. Но поскольку в настоящее время астрономия ничего не знает об астральном теле, она не предпринимает усилий по наблюдению влияния звезд на человека. То, что вычисляет нынешняя астрономия, действительно не оказывает особо сильного влияния на человека. Но наука о звездах у вавилонян была весьма тонкой. И благодаря ей они открыли астральное тело человека. Это нечто удивительное. Мы можем сказать: вавилоняне открыли астральное тело духовным образом.

3. Вавилоняне: Астральное тело духовно. Поэтому астральное тело получило такое название. Вавилоняне первыми открыли его. А поскольку открыли его благодаря звездам, благодаря астральному — астрологии, астрономии, науке о звездах, учению о звездах — то его и назвали астральным телом (то есть звездным — прим. перев.). Итак, вы видите, что следующие друг за другом народы открывали, исходя из духа, одно за другим: индусы — физическое тело, египтяне — эфирное тело, а вавилоняне — астральное тело.

Если исследовать, что лежит в основе вавилонской мифологии, окажется, что это звезды. Только не позволяйте современной науке с ее книгами вводить себя в заблуждение. Тут один ученый говорит: первоначально все религии произошли из звездного культа. Поэтому, мол, мы должны рассматривать астральный, звездный культ как первоисточник всех религий. Другой же говорит так: нет, все религии возникли из поклонения природе; поклонялись ветру, грозе. Третий скажет: все религии происходят от стихий, от воды и ее влияний. Да, господа, но на чем основано различие? Кто скажет вам, что религия происходит от звездного культа, не изучал ничего другого, кроме вавилонской эпохи. Он полагает, что если так было у вавилонян, то и везде так было. Тот, кто говорит вам, что религия основана на поклонении стихиям, не извещал ничего, кроме Египта. Он смотрит на все с точки зрения египтологии. И он говорит: все религии возникли как поклонение ветру и

грозе. Разногласие возникает оттого, что эти люди ограничены, они изучают лишь отдельные предметы. Религии же имеют самые различные источники.

Кроме того, говорил я вам, есть еще один небольшой народ в Палестине евреи, иудеи. Видите ли, они жили среди других народов, но были не совсем довольны этими народами. Вы можете прочесть в Библии, в Ветхом Завете, как евреи все время были недовольны и как складывались у них отношения с совершенно невоспринимаемым духовным Существом. Ведь физическое тело вполне воспринимаемо, видимо. Эфирное тело проявляется в разливах, в водных воздействиях Нила, оно тоже налицо. Астральное тело вавилонян, хотя и невоспринимаемо на Земле, но, изучая звезды, обнаруживают астральное тело. Евреи же не желали иметь дело со всем перечисленным, а лишь с невоспринимаемым, с невидимым Богом. Кто же этот невидимый Бог? Он тот, кто действует на человеческое "Я". Итак:

4. Евреи: "Я" духовно (Яхве).

Евреи приходили к "Я" как к духовному началу и называли его «Яхве».

Вот ведь какая история! Вы можете прочесть сколько угодно книг по истории, однако вы не поймете, как развивались древние народы. Вам расскажут обо всем на свете, о всевозможных войнах, о царях; все это вызывает в голове человека калейдоскопический хаос; но непонятно, в чем же дело. Вам в лучшем случае расскажут о религиях; но никто не знает, откуда же они произошли. Но теперь вы знаете: человек состоит из физического тела, эфирного тела, астрального тела и "Я", и все они последовательно, друг за другом, сперва были открыты людьми, а затем легли в основу их мировоззрений. Вы получаете такую картину: индусы открыли физическое тело, египтяне — эфирное тело, вавилоняне — астральное тело, евреи открыли "Я". Мало-помалу обнаруживалось, что человек имеет эти различные тела. Это знание не свалилось с неба, это было открыто людьми в соответствии с условиями их жизни.

1. Индусы:

2. Египтяне:

3. Вавилоняне:

4. Евреи:

физическое тело духовно эфирное тело духовно Осирис, Тифон, Исида астральное тело духовно «Я» духовно Яхве

Индусы, среди которых было много народов, так что в расовом отношении они отличались друг от друга, пришли к физическому телу. Египтяне, которым приходилось много дела иметь с водой, пришли к эфиру и, благодаря этому, к эфирному человеку. Вавилоняне пришли к учению о звездах, причем все то, что привело их к астральному телу, они заимствовали у других народов, а именно у тех, где жрецы научились строить высокие башни. И евреи, которые всегда странствовали — это вы можете проследить по истории Авраама, Моисея и других, — вообще отказались от почитания чего-либо видимого как вверху, так и внизу; они пришли к невидимому «Яхве», который является Творцом и Ваятелем человеческого "Я".

Таким образом, все в целом обретает для вас смысл! Вы видите, как мало-помалу человек открывал самого себя. Затем это пойдет и дальше. Это мы тоже еще рассмотрим. Итак, господа — сегодня суббота, в ближайшую среду мы увидимся снова.

ВТОРАЯ ЛЕКЦИЯ

Дорнах. 5 марта 1924 г.

Ну, господа, не пришло ли кому-то из вас что-нибудь на ум?

Вопрос: О назначении кануна поста, масленицы. Нельзя ли было бы услышать от доктора Штайнера что-нибудь на эту тему? Откуда происходит праздник масленицы, что он означает?

Доктор Штайнер: итак, вы имеете в виду масленицу, масленичный карнавал. Какова его цель? Видите ли, праздник карнавала не понять, спрашивая о том, какую цель он имеет. По крайней мере, форма его проведения говорит о том, что, в конце концов, люди с годами могли бы вполне обходиться без этого праздника. Можно было бы сказать, что, в сущности, по нынешним воззрениям этот праздник не имеет никакого смысла. Он не имеет больше своего первоначального значения. С карнавалом и подобными ему вещами дело обстоит так же, как с орденами,

пышными одежаниями и так далее. В прошлом они имели определенный положительный смысл, но постепенно этот смысл утрачивался. Ведь, не правда ли, другие праздники тоже мало-помалу исчезают: так что постепенно они теряют свое значение, если они не будут обновлены в своем первоначальном смысле. В отношении карнавала не предпринимается каких-либо усилий для восстановления его прежнего значения. А ведь карнавал мог бы еще глубже проникнуть в социальную жизнь, если бы он снова получил свой первоначальный смысл, который он имел, например, в Древнем

Если мы вернемся к Древнему Риму, то обнаружим следующее. В то время между людьми существовало, если можно так выразиться, такое же разделение, как и теперь, в настоящее время: одни были государственными чиновниками, другие — воинами, третьи — рабочими и так далее, причем разделение это, по крайней мере в социальном смысле, было еще более жестким, чем сейчас. Ведь тех, кто был рабом, могли даже продать, человек был объектом купли-продажи. Можно сказать так: различия между людьми в Древнем Риме были гораздо значительнее. Однако это сознание социального неравенства должно было исчезать хотя бы на несколько дней в году. Ведь, не правда ли, сегодня говорят о демократии и полагают, что все люди, хотя бы чисто теоретически, равны между собой. Римляне ни в коем случае так не считали; напротив, у них считался настоящим человеком только тот, кто по рождению принадлежал к высшему сословию. Вы знаете, что вплоть до нашего времени некоторые люди руководствовались поговоркой «Человек начинается только с барона» — то есть тот, кто был ниже барона, и человеком-то не считался.

Такие традиции были, конечно, очень сильны в Древнем Риме. Хотя дворянства в то время еще не существовало в той форме, как это было позднее, ведь дворянство — это чисто средневековое установление, свойственное так называемой эпохе феодализма, тем не менее, в Древнем Риме сословные различия были очень велики. Но хотя бы на пару дней в году люди должны были почувствовать равенство, господство демократии. Конечно, это не могло происходить так, чтобы люди выступали в своих обычных обликах, иначе они узнавали бы друг друга; поэтому они должны были носить маски. Тогда они становились тем, чем была маска. При этом какой-то человек становился королем карнавала. Он мог в эти дни делать все что хотел. Он мог отдавать приказы, хотя в иное время ему приходилось лишь исполнять чужие приказы. И весь Рим на пару дней становился тогда безумным, сдвинувшимся; люди могли вести себя даже со своим начальством совсем иначе, они не должны были оказывать им уважение — итак, на несколько дней люди становились равными! Эта традиция, конечно, приводила к тому, что в эти дни люди не печалились и не плакали, они радовались тому, что хоть пару дней им можно так прожить. И эта радость превращалась в карнавальное веселье: люди выделяли всякие дурацкие шутки, освободившись на пару дней. Вот так возникали все эти карнавальные удовольствия, карнавальная распушенность.

Вследствие того, что эта традиция очень нравилась людям, она сохранялась. Но хотя она и сохранялась, об ее первоначальном значении уже не знали. Остался только карнавал — время, когда можно было выделять дурацкие шутки, так как тогда позволялось делать такие дурацкие шутки. Но затем церковные власти решили, что необходимо вслед за праздником отмечать пепельную среду, чтобы человек чувствовал свою вину, чтобы не смели делать все, что захочется, и так далее. Тогда христианство развило одну традицию, один обычай — характерный, по крайней мере, для прошлого времени; человек должен был испытывать лишения, это проявилось в установлении поста. Было, конечно, целесообразным сочетать время карнавала и время поста (в православной традиции масляная неделя, масленица, и Великий пост — прим. перев), поскольку во время карнавала люди меньше всего сдерживали себя, они немедленно делали все, что им нравилось. А после этого становилось гораздо хуже, нельзя было есть то, что ели перед этим. Затем становилось так, как если бы предшествующего времени и не было. Так сочетались между собой эти праздники.

Причем в Риме дело обстояло так, что в более отдаленном прошлом карнавал начинался примерно в то

нут на более позднее время года. Именно благодаря этому мы сохранили нынешний карнавал. Даты карнавала отсчитываются, как я полагаю, во всех местностях от Пасхи, только в Базеле он празднуется неделей पहले, насколько

мне известно. Впрочем, это приводит, как я слышал, лишь к тому, что его празднуют дважды!

Вот то, что следовало сказать по этому вопросу. То же самое можно было бы сказать и о многих других свойственных человечеству вещах: первоначально они имели смысл, но затем, позднее, этот смысл был утерян. И вот спрашивают: почему это все происходит?

Может быть, кто-либо хочет сегодня спросить о чем-то еще?

Вопрос: Я хотел бы спросить господина доктора, нельзя ли было бы продолжить историческую тему, как в прошлый раз?

Вопрос: Мне хотелось бы спросить у господина доктора, возможно ли такое, что люди наносят друг другу вред или причиняют боль, стало быть, могут воздействовать друг на друга (минуя прямой контакт — прим. перев.)? Госпожа — назовем ее А. — имела трехлетнего ребенка, который всегда видел, как через двери и через окна входят какие-то существа. Ребенок часто беспокоился ночью, особенно если женщина, стиравшая нательное белье, заимствовала вещи из дома — ребенок всегда беспокоился. В конце концов, это прекратилось, затем, позднее, женщина умерла. Мне хотелось бы спросить господина доктора, возможно ли нечто подобное? (Вопрос или задан сбивчиво, или записан не полностью — прим. перев.)

Доктор Штайнер: Эти вещи относятся, конечно, к той области, где из-за легковерия людей могут особенно сильную роль играть всевозможные суеверия. Хотя тут есть и фактическая сторона. Вы должны только уяснить себе, что в мире существуют закономерности, связи, которые нельзя проследить исключительно физически. Я хочу начать с очень простых закономерностей.

Давайте возьмем такую вещь, как сбор винограда. Вы собираете виноград, отжимаете его, приготавливаете вино, заливаете в бочки, складываете в подвале. И вот вы замечаете, что вино играет, становится беспокойным ко времени выделки вина из следующего урожая — когда снова подходит время выделывать вино. Оно ведь никак физически не сообщается, а тем не менее, связь налицо. Это простой факт, который показывает вам, что и в самой природе есть связи, которые нельзя проследить глазами, если не прибегать к чему-то еще.

Сегодня, как вам известно, есть примеры, выходящие за пределы повседневной очевидности. Подумайте хотя бы о том, что даже в области неживой природы в настоящее время существуют устройства, которые не только в утонченном, но и в бытовом смысле находятся за пределами очевидного. Подумайте хотя бы о радиопередачах! На чем основана радиопередача? Она основана на том, что где-то находится электрогенератор, радиопередатчик; к нему не присоединяют проводов, он располагается отдельно, сам по себе. Где-то в другом месте находится другой аппарат, не связанный с первым, внутри него находятся тонкие пластины, которые могут двигаться (вероятно, имеется в виду воздушный конденсатор — прим. перев.). Такой аппарат называют когерером. Вы, как кажется, не имеете никакой физической связи, но если здесь (в первом аппарате — прим. перев.) возбуждается электричество, то там (в другом аппарате — прим. перев.) принимается сигнал. Если вы установите связь с первым аппаратом, то сможете получать оттуда депеши так же, как с помощью проволоки получаете электричество. Несомненно, это основано на свойстве электричества распространяться, но увидеть этого нельзя; распространение электричества осуществляется тут помимо грубо-физических связей. Так что здесь вы даже в области неживой природы имеете дела с такой связью, о которой можно сказать, что она лежит за пределами очевидного, хотя бы до известной степени.

Вещи такого рода могут распространяться шире. Возьмем пару близнецов. У пары близнецов отсутствуют какие бы то ни было физические связи, если они уже достигли определенного, более позднего возраста. Один может находиться в одном месте, второй — в другом. И все же именно у близнецов можно наблюдать, что если один из них, например, в определенное время заболевает, то и другой, находящийся очень далеко, тоже болеет! Или один в какое-то время чем-то сильно опечален, у другого появляется то же самое. Все эти вещи показывают вам, что в мире есть воздействие такого рода, когда нельзя говорить о каком-либо физическом воздействии.

Если же обратиться к миру животных, то и там мы очень скоро заметим, что у животных есть такие восприятия, которых нет у человека. Возьмем пример, когда в какой-то местности происходит землетрясение или извержение вулкана, столь

вредное для людей. Люди спокойно остаются на месте, тогда как животные еще за день до событий стремятся убежать прочь оттуда, стремятся оставить эту местность! На этом примере вы тоже можете видеть, что у животных могут быть ощущения, не укладывающиеся в рамки физического. Если бы они происходили на физическом уровне, то и люди были бы в состоянии хоть что-то воспринимать в такой ситуации.

Из всего этого вы видите, что в мире имеются связи, реализующиеся помимо физического. Если мы относимся к таким тонким связям с пониманием, то мы приходим к тому, что иногда люди чувствуют нечто такое, чего они ни в коем случае не могли бы воспринять на физическом уровне. Я хочу привести один пример. Человек находится в каком-то месте — такие вещи происходят на удалении в сотни и тысячи километров от случившегося — вдруг он вздрагивает, перед ним внезапно появляется образ, подобно сновидению, он вскрикивает и произносит: мой друг! Но друг тут же исчезает. Он может переживать это в Европе, а друг может находиться в Америке. Мой друг! С ним что-то произошло. Выясняется, что тот умер. Следовательно, такие вещи существуют. Опять-таки можно констатировать, что такие вещи могут реализовываться без физической коммуникации.

Надо, однако, заметить: это благо для нашего человечества, что такие вещи не распространяются повсеместно. Вы только представьте себе, что ваша голова была бы приспособлена к тому, чтобы воспринимать все то, что говорит или думает о вас плохого тот или иной человек — это была бы скверная история! Вы ведь знаете, не так ли, что если мы имеем дело с телеграфным аппаратом, то надо сперва наладить оборудование, подключить провода и тогда уж вести передачу. Точно так же и в случае беспроволочной телеграфии, радиопередачи, надо сперва навести порядок здесь, удалить эту вещь нельзя (показывается на рисунке), и тогда будет происходить передача (вероятно, имеется в виду настройка приемника на волну передатчика с помощью воздушного конденсатора — прим. перев.). В самом распространенном случае у полностью здоровых людей дело обстоит так, что человек не подключается ко всем проходящим здесь токам; но в особых, специфических случаях может происходить так, что человек подключается к тому или иному (поток).

Возьмем, например, вот что; по понятным причинам я не могу достаточно хорошо исследовать ваш случай, поскольку, по всей вероятности, вы и сами не знаете, правдоподобен ли он. Но я хочу исследовать похожий случай, тогда и ваш случай станет для вас понятнее. Мне всегда хочется говорить только об абсолютно достоверных вещах, так как в ином случае можно легко опуститься до обыкновенной болтовни. Вы, по всей вероятности, не сами пережили этот случай, но прочли или услышали рассказы о нем? Итак, я хотел бы исследовать только то, что совершенно достоверно. Допустим следующее: одна женщина, назовем ее фрау А., во время беременности поссорилась с другой женщиной, фрау В., которая жила по соседству. Ведь бывает так, что люди ссорятся друг с другом, не так ли? Могло случиться, что эта фрау В., живущая по соседству, так сильно проклинала другую, фрау А., что эта последняя вследствие ругани и ярости фрау В. была очень сильно напугана. Из-за этого родившийся потом ребенок мог попасть в определенную зависимость от этой фрау В., причем и сама фрау В. стала зависимой от ребенка. Могло произойти так, что из-за этого ребенок стал особенно чувствителен по отношению ко всему, что ему давали как нательное белье или нечто подобное, если вещи стирала фрау В. Но с другой стороны, и для самой этой фрау В. могло оказаться важным получать это нательное белье. Ей оно было нужно потому, что она испытывала все же некоторое раскаяние в том, что она причинила фрау А., и для успокоения ей нужны были какие-нибудь вещи из этого дома (из дома фрау А. — прим. перев.). В тот момент, когда фрау В. возвращала эти вещи, ей очень хотелось любым путем получить что-то из них снова. Люди, страстно желающие что-то получить, и не будучи вороватыми от природы, могут «заимствовать» разные вещи. Склонность к воровству проявляется у них только по отношению к этим вещам; в ином случае они бы не стали красть, но они изыскивают любой способ, чтобы только получить именно эти вещи. Могло произойти даже так, что вследствие духовно-душевного влияния на здоровье человека фрау В., когда вещи у нее забрали, испытала своего рода внушительное потрясение, истощение, истощающее ее лихорадочное состояние и умерла. Или, может быть, умерла она, скажем, от сердечного или нервного приступа. Это вполне возможно.

Следовательно, можно сказать так: такие вещи происходят в мире, такие вещи объяснимы, так как при определенных условиях они могут иметь место вследствие

влияния одного человека на другого, влияния, реализуемого без каких бы то ни было физических связей. Однако при этом всегда надо исследовать предпосылки. В описанном вами случае предпосылки могли быть совсем иными. Тем не менее, если, например, во время беременности произошла ссора между обеими женщинами, это могло бы послужить причиной того, что позднее состоялось взаимное подключение, установление коммуникации между второй женщиной и ребенком.

Господа, было высказано пожелание, чтобы я далее говорил о рассказанном мною недавно. Я показал вам, как в совсем иных условиях жили люди в Древней Индии в эпоху, отстоящую от нашего времени примерно от четырех до пяти тысяч лет. Именно благодаря особенностям индийской природы, благодаря форме совместного быта народов древние индусы формировали свои воззрения на человеческое физическое тело.

Египтяне же, чья страна целиком и полностью находилась под влиянием Нила, которые были обнесены Нилу всем, что у них было и вследствие этого внимание человека обращалось к эфиру, формировали свое воззрение об эфирном теле человека.

Жившие в Ассирии, а также вавилоняне — благодаря тому, что они в определенное время года с легкостью могли наблюдать звезды, чему способствовали чистота воздуха и проживание их на возвышенностях, — ставили в центр своих воззрений астральное тело.

А иудеи, евреи, которые в начальном периоде своей истории были вынуждены странствовать, нигде не могли осесть и только позднее стали оседлыми, мыслили и ощущали в большей степени внутреннее в человеческой природе, они сформировали воззрения о "Я" человека.

Так постепенно складывались воззрения о физическом теле, эфирном теле, астральном теле и "Я". Видите ли, слово Яхве означало не что иное, как "Я" есмь. Вот каким было значение слова. (В соответствии с Ветхим Заветом эти слова говорит Моисею Бог в ответ на просьбу Моисея дать ему знак, чтобы его слушался народ. Таким образом Моисей — один из первых, имеющих "Я" — прим. перев.) Таким образом, почитание Яхве как высшего Бога, исповедание высшего Бога ясно указывает на человеческое "Я".

Исследуя это историческое развитие, мы найдем, что все эти народы в своих мыслях и чувствах выражали то, что они переживали. Индусы переживали плодородную, богатую природу, все там находилось в непрерывном цветении и росте, природа была богатой, пышной. Индус особенным образом воспринимал богатство физического мира и в соответствии с этим особенно разрабатывал в своем мировоззрении представление о физическом теле. В свою очередь, египтянин, наблюдая Нил и замечая, что только этот Нил помогает ему, создавал, соответственно, учение об эфире и так далее. Но и тот, и другой создавали все это в соответствии со своими переживаниями.

Им противостоял другой народ. Мы можем сказать так (изображается на рисунке): здесь Древняя Индия, здесь — Аравия, здесь, следовательно, Египет, здесь протекает Нил. Теперь это переходит сюда, и здесь, например в Африке находится страна, примкнувшая затем к Европе. Здесь находится Ассирия, как я говорил вам в последний раз, здесь — Египет, здесь Индия. Здесь располагается Палестина, где осели евреи; а здесь у нас находится Греция. В Греции оседали народы, мигрировавшие из различных областей Азии и Европы, здесь они смешивались друг с другом. Народы, переселившиеся сюда, находили здесь и коренное население. Так на этом полуострове Европы постепенно складывался греческий народ. Этот греческий народ был, в сущности, первым, у кого, можно сказать, впервые открылись глаза на внешний мир; переживания у этого народа воображали не только изнутри. Индусы переживали природу внутренне, изнутри; египтяне переживали воздействие эфира; ассирийцы переживали астральное тело с помощью звезд; иудеи, евреи переживали свое "Я". Греки же впервые, как я сказал, направили свой взгляд на внешнее и стали рассматривать мир. Другие (народы), в сущности, еще не рассматривали мир. Так что можно сказать: природоведение не было особенно развито ни у индусов с египтянами, ни у вавилонян с евреями; они знали о природе немного, поскольку их глаза еще не были открыты и направлены на наблюдение. Природоведение возникло только у греков, поскольку именно у греков раскрылись глаза на внешний мир, они стали наблюдать внешнее. Итак, только в Греции человек впервые обратил внимание на внешний мир.

Видите ли, индусы очень хорошо знали следующее: этот физический мир является частью мира в целом; при рождении я выхожу из духовного (мира); после смерти я снова вхожу туда. Египтяне даже верили^(6a), что необходимо сохранять мумии для того, чтобы человек мог снова вернуться назад (Р. Штайнер пишет, что египтяне считали так, ибо не знали об астральном теле и "Я". В данном контексте речь идет о раннем Египте IV тысячелетия до Р. Х. Хотя мнение о том, что мумия была нужна для последующей жизни и оспаривается, доля истины в нем есть; Р. Штайнер сообщает: «В силу известного закона, относящегося к тем душам, трупы которых были мумифицированы, именно эти души сравнительно в скором времени призываются опять к воплощению на Земле», ПСС том 238 — прим. перев), при этом они особенным образом взирали на духовное (духовный мир). Вавилоняне видели волю духов в звездном небе, которое они наблюдали, то есть в астральном. Итак, все они верили в духов. А о евреях, иудеях, вы знаете, что, по их воззрениям, Яхве снова возвратит их в те древние времена, когда жили праотцы. Следовательно, и они, в сущности, тоже взирали на то, что связывает человека с духовным миром.

У греков это стало другим. Греки были, по существу, первыми, кто начал с любовью обживать внешний мир. Прежние народы не очень-то полагались на этот внешний мир. Греки же полагались именно на внешний мир; известно одно греческое изречение, оно гласит: лучше быть нищим в верхнем мире — то есть, как считали в Греции, на земле, — чем царем в царстве мертвых⁽⁷⁾, то есть в царстве умерших. Следовательно, греки прежде всего с любовью обживали мир и благодаря этому впервые создали природоведение.

У других народов было, в частности, развито учение о человеке, учение о человеке. У индусов уже в самые древние времена существовало некоторое учение о человеке. Но они создавали это учение о человеке совсем иначе, нежели сейчас; они не отправляли мертвых людей в патологоанатомический зал и не расчленяли их там! Если бы индусам приходилось это делать, они никогда не создали бы своего учения о человеке. Они, однако, умели вживаться в отдельные части человека — в то время это еще было возможно — умели ощущать, как ведут себя печень, легкие. Они узнавали об этом благодаря внутреннему познанию. Именно это приводило индусов к их величайшей мудрости, поскольку они благодаря внутренним ощущениям и чувствам узнавали, как действует печень и тому подобное. Сегодня человек знает только то, какой вкус у него во рту имеет кусочек мяса. Индус знал, как ведет себя этот кусочек мяса в кишечнике, что делают печень и желчный пузырь, он знал это благодаря внутреннему переживанию подобно тому, как в настоящее время человек ощущает во рту тот кусок мяса, который он ест.

Египтяне же разработали геометрию, поскольку она была им нужна. Им приходилось каждый раз заново устанавливать, где расположены пахотные поля; ведь каждый год Нил затоплял все. Однако создание геометрии происходило благодаря деятельности головы, складывалось в голове.

Вавилоняне создали астрологию, учение о звездах — опять-таки нечто, не связанное с земным. У них и не было сильного интереса к земному, а то, что иудеи (евреи) тоже не имели особо сильного интереса к земному, обнаруживается из того, какой интерес проявлял еврей к находящемуся вокруг него чувственно воспринимаемому миру. Еврей умел хорошо мыслить, но он не проявлял исключительного интереса к тому, что окружало его в чувственно воспринимаемом мире.

Именно греки были тем народом, который проявлял преимущественный интерес к тому, что находилось вокруг него в чувственно воспринимаемом мире. Производя исследования, обнаруживают, что греки видели весь мир иначе, нежели мы в настоящее время; это интересно. Впечатление от синего цвета было у греков иным, нежели у нас, небо они видели гораздо более темным, почти черным с легким зеленоватым оттенком. Особенно сильно воспринимали они красный цвет. Мы, с нашим поблекшим восприятием красного цвета даже не можем больше представить себе, какое сильное впечатление производил на греков красный цвет! Именно потому, что человечество мало-помалу развило себе ощущение синего цвета, оно отчасти утратило остроту чувственных впечатлений. Итак, греки прежде всего с любовью относились к тому, что находилось вокруг них. Благодаря этому греки совершенно особым образом выработали то, что сегодня называют мифологией. Греки почитали мир богов: Зевс, Аполлон, Афина Паллада, Арес, Афродита; повсюду они видели богов. Они почитали целый божественный мир, поскольку для

них вся любимая ими внешняя природа еще повсюду являлась одушевленной и одухотворенной. Не такой мертвой, как для нас, но всюду оживленной и одухотворенной представляла она перед греками. Итак, они почитали божеств, находящихся в самой природе, которую они так любили.

Однако в течение греческой эпохи все люди, принадлежавшие к этой греческой цивилизации, к этой культуре эллинизма, зависящие от греческой духовной жизни, забывали о том, что же в качестве духовного начала переживали индусы, египтяне и вавилоняне. Знали бы вы, господа, какое огромное влияние на все развитие человечества оказала Греция. Оно действует вплоть до настоящего времени! Тот, кто в состоянии сегодня отдать своего сына в гимназию, тот дает ему возможность и сегодня изучать греческий язык. Но раньше этот язык был распространен значительно шире. Раньше человек считался, так сказать, ослом, если он не понимал по-гречески или, по крайней мере, не мог читать греческих писателей, поэтов. Греция оказала необычайно сильное влияние на мир именно потому, что с самого начала интересовалась этим внешним миром. В то время как в Греции развивали этот интерес к внешнему миру, здесь, в Азии выступило как самое значительное то, что развивалось в результате Мистерии Голгофы; Греция к тому времени была завоевана и все это находилось под владычеством Рима. Но что означало это римское господство? Оно было целиком проникнуто греческим духом. Все образованные римляне учили греческий язык, всякий образованный человек в Риме знал и греческий. Эллинизм повсюду оказывал огромное влияние. И вот в то время, когда эллинизм так распространился, в Азии, в одной малоизвестной римской провинции — это была Палестина; евреи были завоеваны, и Палестина стала римской провинцией — появился один человек, Иисус из Назарета, который говорил нечто совсем иное, нежели то, что говорили до того времени люди. Вы можете представить себе, что поскольку Он говорил нечто особенное, Его не сразу понимали другие. Поэтому в первое время понимали Его лишь немногие. Так что же, в сущности, говорил этот человек Иисус, в Палестине? Иисус как личность говорил в той форме, в какой Он мог тогда выразить себя: сегодня повсюду верят — имеется в виду тогдашнее «сегодня», — что человек есть земное существо. Но это не так. Он является существом, которое происходит из духовного мира и которое, когда он умирает, снова возвращается в духовный мир. В настоящее время, когда христианство действует уже почти на протяжении двух тысячелетий, может показаться странным, что нечто подобное говорилось в то время. Но тогда ничего странного в этом не было. Азиатские и африканские представления о духе были в Греции мало известны, мало распространены. Здесь человек был в большей степени обращен к миру. Поэтому то о чем учил Иисус из Назарета, было необычайно значительным, особенно по сравнению с распространенным в мире эллинизмом, что имело место и в Риме.

Однако только этим Он не сделал бы еще ничего иного, кроме восстановления представлений, имевших уже у древних народов, индусов, египтян и тому подобных. Это было бы всего лишь возобновлением того, о чем я вам только что рассказывал, это было бы всего лишь повторением того, что уже было здесь. Но Иисус из Назарета не только снова возжег то, что уже было здесь; Он говорил также и следующее. Он говорил: если бы Я сегодня прислушивался лишь к тому, что могли бы Мне сказать люди, Мне не удалось бы сказать учение о Духе, поскольку эти люди в действительности ничего больше о Духе не знают. Это приходит ко Мне не от земли (не от мира сего). Так Он осознал, что Он был не только Иисусом, но что в его душе открывается Существо, которое было Христом. Иисус был для этого Существа тем, кто родился на земле из тела матери. Христос был Тот, кто подобно потоку проник в его душу, хотя и в более позднее время (по Р. Штайнеру — при крещении в Иордане — прим. перев). Благодаря этому в Его душе раскрылась истина о том, что люди обладают духовной природой.

Теперь мы должны спросить себя: как вынашивались различные древние учения в Индии, в Египте, в Вавилоне, а также среди евреев? Если сегодня вы совершите обзор духовной жизни, то вы найдете, с одной стороны, церковь, а с другой стороны, школу. Церковные власти и руководство школьного образования, в крайнем случае, спорят лишь о том, сколь велико должно быть влияние одного на другое; однако они полностью отделены друг от друга. У древних же народов — ни у индусов, ни у египтян, ни у вавилонян или евреев — этого никогда не было. Все, что было связано с религией, было в то же самое время связано и со школой; имело

место единство церковной службы и школьного образования. Многие из этого прорастают вплоть до нашего времени; однако дело все же обстоит не так, как прежде, когда священник был в то же время и учителем. Священник был учителем как в Индии, так и в Египте, Вавилоне и так далее. Священник был учителем. Где же он учил? Он учил там же, где совершалось богослужение, где совершался культ. Культ был вообще тесно увязан с обучением. Существовали мистериальные центры, места мистерий. Не было церкви и школы, но были такие места, такие учреждения, где совершалось и то и другое одновременно, что мы сегодня называем мистериями. Причем повсеместно было распространено мнение, что необходима осторожность в отношении всего, чему там можно было научиться.

Видите ли, господа, было такое древнее воззрение, что человек должен сначала созреть для того, чтобы получить определенное знание. Сегодня такие правила совершенно утрачены. Тех, кто достигал в мистериях высшего достоинства, везде называли «Отцом». Этот обычай сохранился, например, в Католической Церкви, там некоторых священников называют «патер» (то есть Отец). В древние времена у индусов, египтян, вавилонян и так далее были люди, посвященные в знание, в познание, их называли «Отцами» (в православной традиции «отец» или «батюшка» — прим. перев). И когда такие Отцы обучали затем тех, кто был избран, о ком Отцы полагали, что они смогут сделать их зрелыми, то аналогично тому, как они сами были названы «Отцами», они называли обучаемых «сынами». И все остальные, которые не имели доступа к мистериям, не были избранными, тоже назывались «детьми» Отцов; к ним обращались «сын» или «дочь». Вы можете понять, что эти слова были проявлением определенных воззрений. В соответствии с этими воззрениями люди, бывшие в то время гораздо более верующими, чем сегодня, действительно в духовном смысле ощущали как своих отцов тех людей, которые принадлежали мистериям. Они охотно рассматривали их как своих отцов, как своих духовных отцов. И, прежде всего они верили, что эти духовные отцы находились в более тесном контакте с богами, чем они, внешние. Будучи внешними, они должны были сначала принимать вести, сведения от отцов. Таким образом, они постепенно попадали в зависимость от этих отцов. То положение, которое, как я полагаю, от всего сердца хотела бы установить Католическая Церковь, было в древности чем-то само собой разумеющимся. Так было всюду. Ни один человек тогда не протестовал по этому поводу. Говорили так: если хочешь стать настоящим человеком, то ты или сам должен стать «Отцом» и тогда боги будут общаться с тобой непосредственно, или ты должен узнать кое-что о богах от «Отцов». Ты являешься человеком благодаря тому, что тебе рассказывают те, кто присутствуют в школах, в мистериях. Вследствие этого возникла разница между «божественными детьми» и «человеческими детьми», между «сыном Божьим» и «сынами человеческими». Тех, кто участвовал в мистериях, называли «сынами Божьими», поскольку эти последние взирали на самих богов как на «Отцов». Но те, кто жили внешне и могли получать лишь сообщения о том, что происходило в мистериях, назывались «человеческими детьми» или «сынами человеческими». Сегодня это может даже показаться человеку смешным, но в ту пору это было вполне естественным. И все же даже в настоящее время — хотя и не в Швейцарии, впрочем, я не знаю, может, это еще имеет место и здесь, но вот в соседних странах это было совсем недавно, хотя уже и прекращается — здесь отличали человека с титулом «ваше превосходительство» от обычного человека, отличали барона от обычного человека. Это воспринималось как нечто само собой разумеющееся. Но в древности как нечто само собою разумеющееся воспринималось различие между сыновьями Божьими, детьми Божьими и детьми человеческими.

Тот, кто называл тогда себя Христом Иисусом, Тот, кого так называли, говорил так: Сыном Божьим, божественным ребенком становятся не благодаря людям, но каждый становится таковым благодаря самому Богу. Тут дело только в том, осознает ли себя человек таковым. Древний человек говорил: «Отец» из мистерий должен доводить последнее до сознания каждого. Христос Иисус же сказал: человек несет в себе зародыш божественного, и он может сам вырастить его из себя, если только будет правильным образом прилагать к этому усилия.

Однако тем самым Христос Иисус учил тому, что делает в душе равными людей по всей земле. Тем самым величайшая разница между Сынами Божьими и сынами человеческими благодаря Христу Иисусу преодолевается.

Люди, каждый по-своему, неправильно поняли это: древние — потому что не

хотели упразднения различий между Сынами Божьими и детьми человеческими; те, кто жили позднее, вообще больше не понимали, о чем, собственно, шла речь. Точно так же, как жившие позднее не понимали больше карнавала, масленицы, так не сознавали они и того, что подразумевалось под Сынами Божьими и сынами человеческими.

В Библии, в Новом Завете в связи с этим постоянно используются выражения, где Иисус Христос называется то Сыном Божиим, то сыном человеческим; во всех местах, где речь идет о Сыне Божьем и о сыне человеческом имеется в виду однозначность обоих терминов; именно поэтому используется то один, то другой. Но если этого не знать, то Евангелие вообще понять нельзя. Вот отчего оно в настоящее время так плохо понимается теми, кто его исповедует.

Тем самым вы получаете на эмоциональном уровне отражение того, что, в сущности, пришло в мир благодаря Христу Иисусу. По отношению к вещам, происходящим в настоящее время во внешнем мире, я должен сказать: вы видите, что повсюду между людьми обычно господствовало неравенство. Достаточно представить себе Древнюю Индию. Там различие было таким, как у животных, между разными видами животных: брахманы — священники, сельские жители — труженики. Египтяне тоже имели целую армию рабов. Хотя касты здесь не были отделены друг от друга так строго, но, тем не менее, они еще существовали в некотором смысле. В Древней Греции и Риме еще существовало различие между свободно рожденными и рабами. Эти внешние различия стали устраняться по ходу истории в Новое время, причем благодаря тому, что устранялись различия между «детьми Божьими» и «детьми человеческими». Следовательно, на всю социальную жизнь человека неизгладимое влияние было оказано в результате того, что произошло в Палестине благодаря Христу Иисусу.

Возникает, однако, вопрос: можно ли обнаружить, как неземным образом духовное начало входит в человека? Видите ли, сегодня очень нелегко говорить об этом, так как все рассматривается с точки зрения материализма. Вот, например, речь. Вы знаете, что в различных областях, различных странах Земли говорят на разных языках; и все же в языках имеется тайное сходство. Это сходство не столь очевидно, как, скажем, в немецком и английском, немецком и голландском. И все же дело обстоит так, что в языках, несмотря на их различия, есть некоторое сходство. Можно обнаружить, что, к примеру, язык, на котором говорят в Индии, если он не воспринимается поверхностно, если вникнуть в него, содержит отдельные обороты речи, подобные германским.

Что говорят люди, желая в настоящее время дать объяснение этому? Предполагая, что все обусловлено Землей, они говорят: язык возникает в определенном месте на Земле, затем народы мигрируют, перенося язык в другое место, и язык от этого меняется. Но все это происходит от одного языка.

Это одно из величайших научных суеверий, появившихся в Новое время. Видите ли, господа, это научное суеверие равносильно следующему. Представьте себе, человек живет в Индии; когда светит солнце, ему становится жарко. И вот появляется такое суждение: человеку может становиться жарко. Позднее люди, находясь в Европе, обнаруживают, что летом им тоже становится жарко. Им тоже жарко. Теперь они берут себе на помощь не рассудок, а чувство и говорят: то, что человеку становится жарко, на основе современных событий не объяснить, но вот в Древней Индии людям становилось жарко, они переселились в Европу, и перенесли в Европу это свое свойство, вследствие которого им становится жарко. Если бы кто-то сказал так, то это, разумеется, было бы дуростью, господа. Но ведь филологи говорят то же самое! Они не говорят, что если в Европе и Индии языки похожи друг на друга, то это значит, что и в Европе, и в Индии действует одно и то же неземное (космическое) влияние. Вместо этого они говорят: язык был перенесен при переселении! Если в двух регионах человеку становится жарко, то нельзя сказать, что свойство, вследствие которого ему становится жарко, он приобрел благодаря переселению. Ведь человек может взглянуть на Солнце, общее для всех, греющее как в Индии, так и в Европе. Обнаружив сходство языков в отдаленных друг от друга регионах, следовало бы искать причину этого не в перенесении языка при переселении, а в общем влиянии, подобном влиянию Солнца на всю Землю, в том общем воздействии, которое из неземного окружения, из Космоса оказывается на народы в различных регионах Земли. Но поскольку люди решительно не желают согласиться с наличием неземного влияния, имеющего духовный

характер, то они выдумывают всякую всячину; никто, однако, дурачества при этом не замечает, так как она скрывается под видом учености. Если бы эти люди не опасались прослыть полными дураками, они стали бы отрицать и то, что жарко становится от Солнца. Они стали бы говорить: когда-то в древности возникло свойство, вследствие которого человеку становится жарко, и потом это свойство распространилось по всей Земле.

Они были бы готовы отрицать и солнечное влияние, если бы такое отрицание не было явной дурачьем! Именно на это необходимо обратить внимание, если хочешь понять возникновение христианства.

Для дальнейших ответов сегодня уже слишком поздно; мы можем поговорить об этом в следующую субботу.

ТРЕТЬЯ ЛЕКЦИЯ

Дорнах. 8 марта 1924 г.

Доброе утро, господа! Сегодня я продолжу рассмотрение, начатое нами. Не правда ли, ситуация вам ясна: на Востоке простирается Азия. Из Азии в глубокой древности человек пришел в Европу, в Грецию, по всей протяженности целого ряда островов. Дело обстояло так (изображается на рисунке): здесь кончается Азия, здесь переход в Африку; здесь Нил, о котором я вам много рассказывал. Здесь Греция, здесь — Адриатическое море, здесь Италия, здесь остров Сицилия. А здесь располагается множество островов: Самос, Родос, Кипр и так далее; по этим островам из Азии переходят в Грецию. Здесь находится Греция, здесь Римская империя, современная Италия.

Вы, господа, должны теперь вызвать в своей памяти следующее. Видите ли, можно сказать, что в Древней Греции лет за 1000, 1200 до Рождества Христова развилось все то, о чем я рассказывал вам; люди учились обращать свое внимание на мир. Но уже к IV и III векам до Рождества Христова Древняя Греция потеряла свою самостоятельность, и там установилось господство Рима. Он тогда был столицей. Дело обстояло так, что, уже начиная с самой глубокой древности греки, особенно те, кто был недоволен положением в самой Греции, эмигрировали, перебирались оттуда и селились здесь, как в Сицилии, так и в Нижней Италии. Благодаря этому к первой половине первого тысячелетия до Рождества Христова, в четырехсотых, трехсотых годах древнегреческая культура распространилась здесь повсюду, так что Нижнюю Италию и Сицилию даже называли тогда Великой Грецией. Туда перебирались не только недовольные, но и такие люди, как великий философ Платон⁽⁸⁾, намеревавшийся основать там образцовое государство. В сущности, наиболее значительные люди, создававшие культуру, жили в Нижней Италии. Можно сказать: здесь, в Нижней Италии, на юге, существовала утонченная, проникнутая образованностью жизнь, в то время как сверху (то есть с севера Италии — прим. перев.) распространялось нечто грубое, позднее проявившееся как римское господство.

Вы знаете, что первоначальное население Рима возникло весьма примечательным образом; предводитель, в основном известный под именем Ромула^(8a) создал всех негодных пройдох в округе. Все проходимцы были созваны в Рим, и с их помощью и было основано первоначально первое римское разбойничье государство. Разбойничье устроение продолжалось и при первых римских царях. Однако вскоре, при четвертом и пятом царе имели место колонизация и переселение северного племени, этрусков. Эти люди, так сказать, смешивались с потомками разбойников, благодаря чему в римский элемент влился еще один поток людей. Однако установленное позднее Римом мировое господство, вплоть до нашего времени передававшееся человечеству как притязание на господство, происходило — на этот счет не следует питать никаких иллюзий — от той первоначальной колонии негодяев (Halunken), основанной на семи холмах Рима. Сюда, конечно, вливалось все, что только можно: все приобрело более утонченную форму. В то же время не удастся понять того, как обстояли тут дела в более позднее время, если не знать, что первоначально это была колония собравшихся из лесов разбойников. И затем отсюда по всей Европе распространялось притязание на господство и тому подобное, что играет большую роль и по сей день. В Риме было порождено то, что затем все больше и больше связывало церковь со стремлением к мировому господству. Из-за этого затем возникли известные события средневековья и так далее.

Видите ли, в начале нашего летоисчисления произошла Мистерия Голгофы. Ведь римское владычество возникло, как я вам сейчас описал, в восьмом столетии до Рождества Христова, а спустя семь столетий после установления римской власти она распространилась очень широко, под владычество Рима подпали целые области вплоть до Азии. Римское владычество распространилось и там, где произошла Мистерия Голгофы. Евреи, жившие в Палестине, среди которых выступал Иисус из Назарета, находились под владычеством Рима. Было бы хорошо после всего сказанного о Мистерии Голгофы обратить внимание и на то, что, в сущности, разыгрывалось на итальянском полуострове с самых древнейших времен.

Фактически дело обстояло так, что необходимо сказать о следующем: Европа еще и сейчас понимает только то, что восходит к римскому началу, латинству. Наши так называемые образованные люди, хотя и изучают греческий язык, но, тем не менее, греческое начертание, эллинизм понимают в Европе крайне слабо. Видите ли, очень интересно, что даже такой крупнейший римский писатель как Тацит⁽⁹⁾ через сто лет после Мистерии Голгофы в своем объемистом историческом сочинении написал об Иисусе Христе одну-единственную фразу^(9a)! Через сто лет после Мистерии Голгофы Тацит описывал, например, древних германцев, прародителей немцев, причем так, как позднее уже никому не удалось описать их. И вот в его сочинении можно найти лишь одну единственную фразу о Христе Иисусе, которая гласит: «Так называемый Христос основал среди иудеев секту, а затем был осужден на смерть и казнен». Вот единственное, что мог сказать сто лет спустя после основания христианства в Палестине образованный римлянин Тацит! Вы только представьте себе: карабля курсировали туда и сюда, развивались разнообразные торговые отношения, духовные отношения, и, тем не менее, в Риме через указанные сто лет нельзя обнаружить ни одной записи о христианстве, кроме этой записи о том, что была основана секта и что основатель, правомерно осужденный на смерть, был казнен!

Сюда относится и то, что у римлян, несмотря на то, что Римскую империю еще нельзя называть государством (понятие государства пришло в Европу лишь в XVI веке) все же имел место государственный образ мыслей. Благодаря римскому началу, собственно, выросло то, что впоследствии стало государственным образом мыслей. Можно, следовательно, сказать: уже Тацит был проникнут государственным образом мыслей; в событиях с Иисусом Христом ему показалось самым существенным лишь то, что Он был якобы справедливо приговорен к смерти и казнен. Это первое.

Но затем вам надо подумать вот о чем: вначале христианство было совершенно не таким, каким оно сформировалось позднее. Первоначально христианство было действительно свободным. Можно даже сказать так: в христианстве существовали самые различные точки зрения, сходящиеся лишь в одном; все они видели в Христе Иисусе нечто особенное. Но, тем не менее, точки зрения были самые различные.

Господа, вы только тогда поймете, что пришло в мир вместе с Христом Иисусом и зачем мне понадобилось указывать вам на то, как влияет на Землю окружающий ее мир, даже относительно речи, — вы только тогда поймете это, если мне удастся сейчас показать вам, как формировалось христианство в качестве учения, взглядов, мировоззрения, жизненной позиции и какое отношение к этому формированию христианства имел сам Христос Иисус. Надо при этом увидеть нечто особенное здесь: в Иерусалиме, было основано христианство; столетие спустя один из самых образованных римлян знает о нем не больше, чем я только что сообщил вам! Но ведь люди постоянно курсируют туда и сюда, из Азии через Африку в Италию. И вот под поверхностью того, что, глядя из Рима, рассматривают как человечество, распространяется эта христианская секта. Когда Тацит писал то, о чем я рассказал вам, в Риме уже были последователи Христа, христиане, как их называли; они уже давно распространялись в Иудее, тогда как знатных римлян это не заботило.

Но как поступали с этими христианами? Видите ли, эти разбойничьи потомки Ромула время от времени собирались в определенных местах, где они «изошряли свою образованность». «Образованность» такого рода состояла в том, что они, помимо всего прочего, строили арены для сражений с дикими зверями. Им доставляло огромное удовольствие бросать этим зверям тех, кто по понятиям римлян не достиг человеческого уровня — был недочеловеком. Они забавлялись тем, как этих последних после вынужденного сражения со зверями эти самые звери пожирали. Это было «утонченное» наслаждение. И вот, презренная секта христиан

особенно годилась на то, чтобы быть пожранной этими зверями; так считали в Риме — на что я вам уже указывал. Римляне считали, что совсем неплохо обмазывать христиан смолой, поджигать и пускать на обозрение в цирке в качестве факела. Но христиане, несмотря ни на что, находили возможность жить. Это удавалось им благодаря тому, что они проводили свои церемонии незаметно. То, что они считали правильным и достойным распространения, они осуществляли под землей, в катакомбах. Катакомбы представляли собой отдаленные помещения под землей. В этих дальних помещениях под землей христиане погребали тех, кого считали достойными. Тут были могилы, и на могилах совершалась божественная служба, совершались священнодействия. В то время вообще было в обычае совершать богослужения на гробницах. Поэтому еще и сегодня, если рассмотрите алтарь в католической церкви, вы можете увидеть: это настоящая гробница (изображается на рисунке) и в ней могут находиться реликвии, мощи святых и другое. В древнейшие времена алтарь вообще был могильным камнем, на котором совершалась божественная служба. Но под землей, в этих катакомбах христиане первого столетия могли скрывать то, что они делали.

Если же вы взглянете на пару столетий позже, то картина коренным образом изменится. Тогда произошло следующее. Видите ли, римляне в первом столетии после основания христианства восседали наверху и забавлялись описанным образом, тогда как христиане сидели внизу, в катакомбах. Но через пару столетий римляне исчезли, а христиане получили власть над миром. Хорошо ли они управляли или плохо, мы в данном случае обсуждать не станем; но мировое господство они все же получили. Однако величайший вред христианству был нанесен именно тем, что оно оказалось связанным с мировым господством; ибо в мировой истории религиозная жизнь не выносит слияния с внешней государственной и мировой властью. Дело обстоит следующим образом: становление христианства, участие Христа Иисуса в становлении христианства можно понять, только зная о том, что в древности религиозная жизнь пронизывала буквально все. Я уже говорил вам: в древности существовали так называемые мистерии. Видите ли, мистерии были, используя современную терминологию, такими учреждениями, в которых изучали все, что вообще может изучать человек. Но они в то же самое время были и религиозными учреждениями, культовыми учреждениями. Вся духовная жизнь исходила из мистерий. Обучение в древнейшие времена было не таким, как сейчас. Чем является обучение в настоящее время? Сегодня обучение выглядит так, что в гимназии или реальном училище человека натаскивают к экзаменам: затем он проводит годы в университете, но от этого он не становится иным человеком. Зато в мистериях человек становился иным. Здесь человек должен был достигнуть иного отношения ко всему миру. В мистериях он должен был стать мудрым. Сегодня благодаря имеющимся в мире учреждениям, учебным заведениям ни один человек не становится более мудрым; зато он становится очень ученым. Однако две вещи совместимы друг с другом и две вещи несовместимы: мудрость несовместима с глупостью, но ученость очень хорошо уживается с большой глупостью. Когда-то было именно так: в древних мистериях становились мудрыми, там человек становился тем, кто был пронизан духовностью. Человек становился тем, кто мог серьезно принимать духовность. Надо было пройти семь ступеней. Очень немногие достигали высшей ступени. Эти семь ступеней имели названия, которые надо было понять, чтобы понять, что делали люди на той или иной ступени.

Если интерпретируют то, чем занимались люди, только что принятые в мистерии, то используют выражение «ворон». Итак, первая ступень — так называемый ворон. Тот, кто был принят в мистерии, становился вороном. Чем занимался ворон? Ворон занимался тем, что он, прежде всего, становился посредником между внешним миром и мистериями. Ведь тогда еще не было газет. Первые газеты появились лишь на тысячу лет позднее, когда возникло искусство книгопечатания. Те, кому в мистериях принадлежала роль учителей, должны были получать информацию через доверенных людей, которых они могли посылать для наблюдений в мире. Следовательно, можно сказать, что вороны были просто-напросто доверенными лицами тех, кто был в мистериях. Надо было учиться, чтобы стать настоящим доверенным лицом. Сегодня в качестве доверенных лиц выступают многие люди, особенно в папстве и тому подобное, но при этом остается вопросом, а достойны ли доверия эти доверенные лица! Однако те, кто здесь, в мистериях, выступали как вороны, рассматривались в качестве доверенных лиц

только после проверки. Они, прежде всего, должны были научиться: с ответственностью наблюдать и затем правдиво сообщать в мистериях то, что они видели. Итак, в то время надо было сперва научиться тому, что, в сущности, значит в человеке истина. Можно с уверенностью сказать: в древности люди лгали ничуть не меньше, чем лгут в настоящее время. Но в настоящее время ложь разносится повсюду; прежде, однако, надо было сначала научиться быть правдивым человеком. Это необходимо было усвоить, когда человек в течение десяти лет был вороном, доверенным лицом мистерий.

Вторая ступень представляла собой нечто совершенно несимпатичное для современного человека; вторая ступень — это так называемый оккультист, скрытник. «Оккультный» означает «тайный», «скрытый». Они уже не находились «на посылках», но в течение определенного времени учились тому, чему современный человек не склонен учиться, а именно молчанию.

Была в этих древних мистериях такая ступень обучения: обучение молчанию. Вам самим может показаться странным, даже смешным, что человек, по крайней мере год и даже больше был обязан просто молчать! Но это правда. Благодаря молчанию человек учился очень многому; страшно многому учился человек посредством молчания. Сегодня это невозможно осуществить. Ибо представьте себе, если бы в наших школах было положено — а это совершенно необходимо для достижения мудрости — молодым людям в возрасте от восемнадцати до двадцати лет целый год проводить в молчании вместо прохождения военной службы, то эти люди благодаря молчанию становились бы ужасно мудрыми! Однако в настоящее время это невыполнимо. А вот другое успешно исполняется. Несомненно, к этому невозможно приучить сегодня тех людей, которым не хочется молчать, но хочется поболтать; каждый человек теперь все очень хорошо знает. Кого вы сегодня ни встретите — у каждого есть так называемая собственная точка зрения. Точка зрения есть у каждого. Конечно, каждый имеет свою точку зрения; но с любой точки зрения мир выглядит по-разному. Для того, кто знает жизнь, в этом нет ничего нового, это само собой разумеется. Если вы стоите здесь, то эта гора будет выглядеть иначе, нежели если бы вы стояли выше. Так происходит и в духовной жизни. У каждого есть своя собственная точка зрения, и каждый может что-то видеть иначе. Если соберется дюжина людей, то сегодня, пожалуй, они будут иметь целых тринадцать мнений! Впрочем, это не обязательно. Однако не следует удивляться тому, что они имеют двенадцать точек зрения, хотя и придавать этому особого значения тоже не стоит. Ведь у каждого есть своя точка зрения, которую он считает очень, прямо-таки страшно великой! Раньше люди в мистериях были обязаны просто молчать по отношению к тому, что им надо было изучать; им позволялось быть лишь слушателями, послушниками. Можно было бы назвать принадлежащих к «оккультным» слушателями, «послушниками», поскольку они должны были слушать. Сегодня у нас тех, кто обучается в высшем учебном заведении, называют слушателями — при этом опускается приставка «по»: они уже не ученики (в оригинале обигрывается параллель между «послушником» и «слушателем» — прим. перев.), однако они зачастую вовсе не «слушатели», а просто болтуны. Болтовня с товарищами порой значит для них больше, чем слушание в аудитории. Иногда к слушанию не относятся с должной серьезностью. Итак, это была вторая ступень, на которой люди могли научиться молчанию. В молчании особенно сильно проступало то — связанное одно с другим, как причина и следствие, — что внутренний мир человека начинал говорить ему. Именно к этому приходил тут человек. Представьте себе, что у вас есть бассейн с водой, и вы будете отводить ее по шлангу; при условии, что в бассейне нет источника воды, вода убежит прочь, а в бассейне ничего не останется. Так же обстоит дело и в том случае, если человек постоянно болтает; вместе со словами все вытекает наружу, и внутри ничего не остается. Древние люди понимали это и поэтому их слушателям, прежде всего предписывалось молчание. Итак, после того, как человека приучали ценить истину, его обучали молчанию; только тогда он учился молчанию.

Третья ступень была тем, что при переводе можно было бы назвать «защитник». Теперь люди начинают говорить. Теперь они смели защищать ту истину, которой они посредством молчания обучались в мистериях. На них была возложена защита духа. «Защитник» — вот то слово, которое можно использовать для этой третьей ступени. Принадлежавшие к этой третьей ступени должны были знать достаточно много для того, чтобы то, что они могли сказать о духовном,

им **б**о вес, было поистине весомо. Следовательно, в этих мистериях человек должен был не просто говорить о духе, он должен был сначала изучить этот дух, он **д**олжен был сначала стать истинным защитником духа. Тогда он поднимался к четвертой ступени.

Эту четвертую ступень можно интерпретировать словом «лев». Обычно она интерпретируется так. Но **б**о бы еще лучше интерпретировать ее словом «сфинкс». Сфинкс — это слово, которое означает приблизительно следующее: самому стать духом. Конечно, человек еще пребывал в человеческом теле, но среди людей человек вел себя так, как вели себя боги. В древности люди не делали большой разницы между человеком и божеством; в мистериях человек постепенно становился божеством. Такова несравненно более свободная точка зрения древних. Представители Нового времени, конечно, рассматривали богов как стоящих выше человечества. Но взгляды древних были не таковы. Ну, а сегодня говорят даже так: человек произошел от обезьяны, ну, и **х**ошо. Известный естествоиспытатель Дюбуа Раймонд⁽¹⁰⁾ высказался даже так: когда-то в естественной истории произошел гигантский скачок от человекообразной обезьяны к человеку, причем скачок выразился даже в увеличении головного мозга. Головной мозг вдруг стал больше, чем у человекообразной обезьяны. Видите ли, это высказывание современного ученого заслуживает внимания. Следует предположить, что, говоря о том, насколько мозг современного человека больше, чем мозг человекообразной обезьяны, Дюбуа Раймонд знает это потому, что ему приходилось вскрывать человекообразных обезьян, что ему известно, каких размеров у них мозг. Но если вы будете читать дальше, то **о**бнаружите, что этот ученый был вынужден признать: в действительности человекообразные обезьяны вообще не открыты! (Дюбуа Раймонд, вероятно, имел в виду некий до сих пор не обнаруженный вид, занимающий промежуточное положение между человеком и обезьяной, так называемое «недостающее звено» — прим. перев.) Итак, знаменитый натуралист Дюбуа Раймонд говорил о том, что вообще еще не открыто, о том, чего еще никто не видел: о человекообразных обезьянах, у которых головной мозг намного меньше, чем у человека. На такого рода «добросовестности» основана современная наука. Люди даже не задумываются над тем, что известный естествоиспытатель Дюбуа Раймонд говорит о том, чего не видел. Они думают: «Ах, это великий ученый, он знает все!» Ведь в настоящее время люди гораздо более доверчивы, чем в древности. Итак, древние считали, что человек способен развить себя до уровня божественного сознания. Тот, кто находился на четвертой ступени, говорил уже не как «защитник» с третьей ступени, он говорил таким языком, что выражения его были, в сущности, с трудом доступны для понимания; надо было размышлять над тем, как его понять. Современному человеку трудно составить себе представление об этом языке, на котором говорили «сфинксы», поскольку современный человек не в состоянии больше правильным образом рассматривать такие вещи. Но в средневековье, даже, например, в XVII веке, то есть всего два века тому назад, еще существовали традиции использования такой речи. Они сохранялись тогда, два века назад, в так называемых розенкрейцерских школах. Там некоторые посвященные еще использовали этот язык, представлявший собой нечто сокровенное, язык, который требовалось изучать; они говорили на языке образов. Так, например, еще два столетия назад вы могли бы встретить картину — может быть, это **з**аинтересует вас, — которая должна была кое-что **о**бъяснить человеку. Эта картина (изображается на рисунке) была такова: человеческий облик с львиной головой и тут же рядом человеческий облик с бычьей головой. Обращаясь к тем, кого хотели обучить, и желая **в**разить отношение между этими двумя существами, «существом с бычьей головой и существом с львиной головой», имели в виду мужчину и женщину. Но при этом не использовали этих двух слов «мужчина» и «женщина», но говорили: «существо с бычьей головой», подразумевая мужчину, и «существо с львиной головой», подразумевая женщину. В отношениях между быком и львом видели нечто, подобное отношениям между мужчиной и женщиной. Сегодня это кажется человеку весьма парадоксальным, смешным; но это **с**охранялось как традиция. «Сфинксы» повсюду использовали имена животных, чтобы яснее характеризовать то, что жило в человеке. Вы видите, что «сфинксы» говорили на таком языке, в котором речь в большей степени велась из духовного начала.

Затем шла пятая ступень. На пятой ступени **н**аходились те люди, в обязанность которых входило **в**ообще говорить только из духа. Они назывались в соответствии

с принадлежностью к тому или иному народу «персом», или «индусом», или «греком». В Греции только они и были настоящими греками. Говорили себе так: если кто-то принадлежит к определенному народу, то он имеет свои личные интересы, кроме того, он хочет еще чего-то, причем он хочет чего-то иного, нежели тот, кто принадлежит к другому народу! Только в том случае, когда он зашел настолько далеко, что поднялся до пятой ступени, он уже не хочет ничего особенного; он хочет только того, чего хочет весь народ; это становится его интересом. Итак, он становится духом народа. Эти духи народа в древних мистериях, также и в Греции, были поистине очень и очень мудрыми людьми. Им было чуждо такое настроение: «Я все знаю, по отношению к любому человеку я противопоставляю себя, у меня собственная точка зрения». Нет, несмотря на достижение ими пятой ступени они с помощью упражнений долго готовились к тому, чтобы вынести суждение о чем-то. Видите ли, если сегодня кто-то является государственным человеком, то ему приходится отвечать на запросы, внесенные в рейхстаг, в парламент. Представьте себе, что это делалось бы так, как делалось когда-то! Если бы тот, кто обязан дать ответ (на запрос — прим. перев), сказал так: сначала я должен на восемь дней удалиться от мира, погрузиться в себя, чтобы вынести суждение об этом; хотел бы я знать, что скажут партии в Рейхстаге, скажем, господину Штресеману⁽¹¹⁾ или другим конференциям, если бы на запрос последует такой ответ: чтобы составить зрелое суждение по заданному вами вопросу, я сначала должен буду на восемь дней удалиться от дел! Но ведь когда-то делали именно так. Ведь тогда доверяли духовному миру и знали: в мирской суете духовный мир не говорит, духовный мир говорит только тогда, если можно отстраниться от суеты. Во всяком случае, человек приобретал способность отстраняться даже и среди этой мирской суеты, но этому надо было сначала научиться. Научившись этому, человек в древности достигал шестой ступени.

Шестая ступень состояла в том, что данный человек вообще не имел больше точки зрения, связанной с земным, например, с определенным народом. Но он говорил так: я «грек», тогда как мой брат, посвященный в Ассирии в пятую степень — «ассириец», а тот, кто живет еще дальше — «перс». Но все это лишь отдельные местоположения, односторонние точки зрения. Солнце идет из Персии в Грецию; оно светит над всеми нами. Те, кто являлись посвященными шестой ступени, не желали больше учиться тому, что говорит отдельный народ, они хотели учиться тому, что говорит Солнце. Они становились «солнечными людьми», не «земными людьми», но «солнечными людьми». Видите ли, все такие «солнечные люди» пытались ракурсоматривать все с точки зрения Солнца. Как все это делалось когда-то, об этом современные люди не имеют больше никакого понятия, ибо современные люди совсем ничего не знают о тайнах мира.

Желая заглянуть в эти вещи, следовало бы обдумать, например, следующее. Некоторое время назад ко мне пришел один человек, который говорил: появилась одна замечательная книга, в этой книге доказывается, что Евангелия были написаны в соответствии с цифровым ключом, они подчиняются числовой закономерности. А именно, если какое-либо слово находится тут в Евангелии — допустим, слово «начало» в Евангелии от Иоанна. «В начале было слово. И слово было у Бога. И Бог был слово» — то мы, анализируя это слово, обнаруживаем, что какая-то часть в два раза длиннее другой и что каждому слову может соответствовать числовое значение. На одном месте стоит слово, численное значение которого 50, затем следует 25, затем снова слово со значением 50, затем снова слово — 25. Можно вычислить, что за слово должно стоять в определенном месте.

Интересно проверить, господа, как согласуются такие вещи. Давайте возьмем, например, какое-нибудь слово — я хочу сделать пояснение с помощью слова, еще используемого в немецком языке. Возьмем слово Ева. Допустим, что «Е» соответствует единице, «в» соответствует двум и «а» соответствует трем. Допустим, что это так. В древности каждой букве ставили в соответствие числовое значение. (См. например: Лайтман М. Кабала, таинственное еврейское учение. — Новосибирск, 1993. Ч. III С. 96: «Как известно, каждой букве алфавита соответствует числовое значение» — прим. перев) Буквенный знак не был только буквой; знали, что, имея дело с L, имеют дело с тем или иным числом. Это вы можете проследить в римских буквах, им соответствуют числовые значения.

I = единица,

V = пять,

v

X = десять, x

Это, буквы, но в то же время эти буквы имеют числовые значения.

Давайте возьмем в качестве примера — хотя в слове Ева числа 1, 2 и 3 не подходят — но в качестве примера, для пояснения, допустим, что это так:

1 2 3

ЕВА — Мать всего живущего. Теперь перевернем слово:

3 2 1

А в е — Тут мы получим слово Аве, означающее конец жизни. Рассматривая по расходящемуся направлению сзади наперед, читаем наоборот, как перевертыш:

1 2 3 Ева

3 2 1 Аве

Так можно, изменяя цифры, повсюду находить соответствия между числами и буквами.

Есть некий цифровой ключ. Можно сказать: рассмотрим теперь первую строчку из Евангелия от Иоанна. Она представляет собой число. Рассмотрим вторую строчку: это то же самое число, только перевернутое наоборот, и в том, что оно перевернуто, заключается определенный смысл. Видите ли, такие вещи удивляют современных людей. Однако, господа, я знал одного человека — его звали Лувье (Louvier)⁽¹²⁾, — который, перевернув слово «сфинкс», получил «загадка разгадана». Он исследовал гетевского «Фауста» в отношении числовых соответствий и обнаружил их. Гёте даже и не предполагал сочинять «Фауста» в соответствии с каким-либо числовым законом. И тем не менее, существует, ибо в любом поэтическом произведении внутри скрываются числовые закономерности. Даже если вы что-либо скажете, а я постараюсь использовать некий цифровой ключ, то окажется, что он применим и к сказанному вами; таково свойство самой речи. В сказанном вами господствует духовное начало.

Это, господа, относится ко вземному; это возникает в результате солнечного влияния. Вот почему указанные «солнечные люди» исследовали тайны Солнца. Пирамиды, например, строились поистине не только для того, чтобы быть гробницами фараонов; в пирамидах были особые отверстия, через которые в определенное время года мог проникать солнечный луч. Солнечный луч описывал некую фигуру на земле. И когда такую фигуру рассматривали упомянутые люди, они получали инспирации от этой фигуры. Благодаря этому они исследовали тайны солнечной жизни. Следовательно, такой человек, ставший «солнечным человеком», мог сказать, что он больше не ориентируется на земное, что он ориентируется на Солнце. И затем, если он в течение долгого времени пребывал в состоянии «солнечного человека» и обучал людей тому, что является вземным, космическим, он возвышался до ранга «Отца». Это было высшее достоинство, высший ранг, которого достигали немногие. Это были те, кто стали совершенно зрелыми: их слушались, следовали за ними. Человек подчинялся им, поскольку, вопреки, они достигали почтенного возраста — ведь пока человек преодолевал эти семь ступеней, он успевал состариться, — их слушались еще и потому, что они обладали житейской мудростью, и, кроме того, обладали также вселенской мудростью.

Мистерии

1. Ворон;
2. Окультист: слушатель (послушник);
3. Защитник — защитник духа;
4. Сфинкс;
5. Грек: дух народа;
6. Солнечный человек;
7. Отец.

Теперь, господа, представьте себе, что Христос Иисус, Иисус из Назарета жил в то время, когда в Азии повсюду было еще кое-что известно об этих мистериях. Было известно, например, и то, что есть люди, которые возвещают солнечную мудрость. Иисус из Назарета хотел, чтобы не только в мистериях, но и помимо мистерий можно было просвещать людей, чтобы людям становилось ясно следующее: то, что совершает для человека Солнце, уже заложено в самом человеке, оно заложено в каждом человеке. Наиболее важным во Христе Иисусе является то, что Он сам являлся Солнечной Истиной, то, что Он учил солнечному слову, как Он называл

его, являющемуся всеобщим для всех людей. Однако вы должны видеть отличие между Христом Иисусом и другими «солнечными людьми». Не поняв этого, вы никогда не придете к пониманию мистерии Голгофы. Видите ли, дело обстоит так: что должен был делать человек в древности, чтобы стать «солнечным человеком»? Он должен был сперва стать «вороном», затем «окультистом», «защитником», «сфинксом», «народной душой» — и затем он мог подняться до «солнечного человека» (иногда эта ступень называлась «солнечный герой» — прим. перев). Другого пути не было. Он должен был быть принят в мистерии. Что же сделал Иисус из Назарета? Он позволил окрестить себя в Иордане по обычаю евреев того времени; и при таких обстоятельствах, без того, чтобы Он сначала побывал в мистериях, на Него сошло то Существо, которое в иных случаях имели только «солнечные люди». Что же Он мог сказать при этом? Он мог сказать: это существо пришло ко Мне от самого Солнца. Следовательно, Он был первым, Кто помимо мистерий вступил в контакт с небом. Что говорил тот, кто становился «солнечным человеком» в мистериях, взирая на того, кто стоял уже на седьмой ступени? В этом случае он говорил: смотри, это «Отец». «Отец» стоял на алтаре в белых одеждах, в облачении священника. Это был «Отец». Он был «Отцом» среди тех, кто проходил в мистериях по различным ступеням. Христос Иисус не проходил этого в мистериях. Он получил это от самого Солнца. Вот почему Он говорил: «Мой Отец находится не на Земле». Он имел в виду «не в мистериях», но «мой Отец сверху, в духовном мире». Итак, он очевидным образом указывает на Отца в духовном мире. Следовательно, Христос Иисус хотел указать людям, прежде принимавшим все духовное от Земли, на внеземной источник духовности. Вот почему все время неправильно понимали то, что, собственно, имел в виду Христос Иисус. Ибо, видите ли, говорили, например, как Христос Иисус учил о том, что очень скоро Земля погибнет и придет тысячелетнее духовное Царство. Интеллектуальные современники, будучи разумными, иногда охотно проявляют благосклонность к древности, они и к Иисусу относятся благосклонно и говорят так: что ж, эсхатологию Иисус перенял у своего времени, ведь Он был сыном своего времени и перенял это (то есть эсхатологическое настроение — прим. перев).

Однако все, что говорят об этом люди, — просто чушь; поскольку это тысячелетнее Царство действительно наступило, однако оно выглядит не так, как представляют его себе люди в мире; дело обстоит так: в древности человек вышеописанным образом много получал из духовного мира, получал понятия, получал переживания. Это было обычным в древности, когда люди были иными. Но в то время, когда жил Христос Иисус, это прекратилось, и люди должны были приходить к духу каким-то иным образом. Дух надо было находить непосредственно (то есть помимо мистерий — прим. перев.). Это и совершил Христос Иисус. И если бы Христос Иисус не сделал того, что было сделано Им, человечество окончательно пришло бы в упадок. Жизнь стала бы бессмысленной. Это не противоречит тому, что в более позднее время именно по вине многих христианских учреждений произошло много бессмысленного; ведь первоначально христианство было свободно от этого. Люди стали бы глупеть. Мистерии все равно пришли бы в упадок, что с ними и случилось; но вот люди уже ничего не знали бы из того, чему обучались в мистериях. Вот возьмите, к примеру, древнего «солнечного человека». Что говорили о «солнечном человеке»? Было известно, что он знает то, что исходит от Солнца; он умер для земной жизни. Говорили об умершем для земной жизни, ели речь шла о «солнечном человеке». Вот почему перед тем, как кто-нибудь становился «солнечным человеком», в мистериях всегда проводилась церемония, имитирующая смерть и погребение. Смерть и погребение Христа Иисуса происходили вовне (то есть вне мистерийного храма — прим. перев.), перед всем миром. То, что совершалось как смерть Христа, было перед людьми всего мира лишь повторением того, что всегда происходило в культе в мистериях. Только в одном случае это было мистериальной тайной, а в другом — свершилось на Голгофе перед всем миром. Видите ли, с «солнечным человеком» дело действительно обстоит так, что он как бы умирал по отношению к Земле, земному. Благодаря этому он становился между переходящим моментом смерти и миром воскресения, миром вечности.

Порой подвергают критике вещи, дошедшие из древности, смысла которых больше не понимают. Представьте себе, к примеру, канонизацию святых, происходившую в Риме. Кто-то провозглашается святым в Риме. Это большая

церемония, когда канонизируют кого-то через сотни лет после его смерти. Как же проводится эта церемония? Церемония проводится так, что сперва выступает «адвокат Бога», *advocatus Dei*, божественный «защитник». Он превозносит все положительные качества данного человека, кого должен провозгласить святым. А затем выступает «адвокат дьявола», *advocatus diaboli*, обвинитель от черта; он перечисляет все дурные качества, которые имел святой. И между этими двумя выносятся затем решения; я не хочу сказать, что решение всегда оказывается справедливым, но решение выносится. Эта церемония исполняется и сегодня. Если кто-либо, как, например, Орлеанская Дева⁽¹³⁾ провозглашается святым, то выступают адвокат Бога и адвокат дьявола. Между ними, тем, кто перечисляет лишь хорошее, и тем, кто перечисляет только плохое, духовно присутствует сам святой. Вы знаете то, что обычно изображается на картине Голгофы: Христос Иисус на кресте в середине и рядом оба так называемых злодея, разбойники, как их называют. Замечательно то, что Христос говорит одному из них: «Ныне же будешь со Мною в раю». Один уходит наверх, а другой идет вниз. Это Люцифер и Ариман — адвокат Бога и адвокат дьявола.

Так обстоит дело и с древним «солнечным человеком». Он знакомился с Люцифером и Ариманом, с тем, кто хочет вознести человека наверх в духовный мир, чтобы человек стал исключительно духовным — что тоже не подходит человеку, — и тем, кто хочет увлечь человека вниз, в земное, что опять-таки не подходит человеку, так как человек должен занимать промежуточную ступень.

Итак, благодаря Мистерии Голгофы перед всем миром предстало то, что прежде совершалось только в мистериях, причем совершалось лишь в обрядовой форме, так как по-настоящему там никто не умирал. Человек там становился «Отцом». Христос же умирал по-настоящему. Но Он говорил: дух Мой не умрет; он идет к Отцу, ибо Отец действует теперь не внизу, как праотец, но Он действует в духовном мире. Эти воззрения целиком и полностью происходят из мистерий. И если мы хотим иметь представление об Отце, надо искать его в древних мистериях. Только тогда правильно понимают, как складывалось христианство.

Видите ли, господа, все то, что я вам здесь рассказываю, в Азии считалось вполне обычным делом. Это также играло роль в основании христианства. Греки знали об этом очень мало, поскольку они строили внешнюю культуру. А народ Ромула, происходивший от разбойничьей колонии, и вовсе ничего об этом не знал; они были заняты лишь внешним мировым господством. Им хорошо удавалось только внешнее мировое господство; римские кесари, императоры даже по отношению к посвящению вели себя внешним образом; это, правда, происходило уже в то время, когда мистерии совсем пришли в упадок. Так, например, был римский император, один из первых в эпоху империи, его звали Калигула. Видите ли, в XIX веке один немецкий историк⁽¹⁴⁾ захотел написать про германского императора Вильгельма⁽¹⁵⁾; но сделать этого было нельзя, ничего бы не получилось: его бы посадили под арест, если бы он подписался! И вот тогда этот добрый человек написал книжечку под названием «Калигула». Он описывал римского Калигулу^(15a), но каждый шаг его подходил к Вильгельму Второму! Любой человек, хоть скольконибудь понимающий, знал: Калигула — это наш император Вильгельм Второй. Только так мог автор это сделать. Этот Калигула был в то же самое время и посвященным, ведь все тогда стало внешним. Конечно, благодаря тому, что делали правители государства, можно было понять и то, что должны были делать «вороны», особенно если не относиться к этому очень серьезно. Вот и Калигула стал таким образом «солнечным человеком» но, конечно, лишь внешне: так можно было бы считать «титулом» того, кто пять-шесть лет подряд наряжался в солдатскую форму. Подобно этому и Калигула стал посвященным. Он взял только внешнее. Но ведь он должен был посвящать других! Однажды с ним произошла история, когда во время одной церемонии^(15b) надо было нанести символический удар мечом одному «сфинксу»; Калигула зарубил этого человека мечом насмерть! Но ему, как императору это сошло с рук. У римлян все это стало исключительно внешним; они уже утратили внутреннее понимание всего этого. Неудивительно, что и христианство они не сумели понять правильно.

Вот так христианство в Риме идентифицировалось с мировым господством. В Риме дело обстояло так, что когда туда пришло христианство, там находился обладатель мирового господства, владыка мира, смотревший на себя как на бога, — конечно, ведь если кто-то был посвященным, он становился богом.

Августа^(15в) считали богом, его преемников — тоже. Но, кроме того, там существовал еще верховный жрец, Pontifex maximus, «великий строитель мостов». Это был духовный владыка. Однако последний мало-помалу становился в Риме всего лишь тенью, не имеющей никакого значения; значение имел единственный — властитель мира. Это больше импонировало народу, предком которого был Ромул, собравший когда-то проходивцев со всей округи. Вы видите, что именно благодаря Римскому христианство приобрело мирской, государственной характер, было секуляризовано.

Вот то, что сегодня я должен был сказать вам о внешней стороне христианства. О внутренней стороне — действительном влиянии Солнца на Иисуса — я расскажу вам в следующий раз, в ближайшую среду.

ЧЕТВЕРТАЯ ЛЕКЦИЯ

Дорнах. 12 марта 1924 г.

Господа, давайте продолжим рассмотрение Мистерии Голгофы. Я говорил вам: дальнейшее развитие обусловлено тем, что происходящее на Земле зависит не только от Земли, но от всего мира. Современному человеку очень трудно составить себе представление об этой зависимости земных событий от всего мира. Однако ни одно даже простейшее событие, происходящее с человеком, не может быть понято, если не знать, что мировое пространство постоянно оказывает влияние на Землю. Это я демонстрировал вам на многочисленных примерах. Сегодня я продемонстрирую вам это в связи с Мистерией Голгофы.

Я обращал ваше внимание на то, что евреи, о которых я рассказывал как о четвертом народе в ходе эволюции, открыли четвертый член человека, открыли "Я" человека. Эту четвертую составную часть, понимаемую как божественное внутреннее начало человека, они называли Яхве. Они также в некотором смысле соотносили Яхве со Вселенной и звездным небом.

Вы знаете, что христианство первоначально возникло в Палестине. Иисус из Назарета жил в Палестине, и окружение Иисуса из Назарета было иудейским. В качестве религии в Палестине в то время господствовал иудаизм, религия евреев; политическое господство уже принадлежало римлянам, но римляне были не в состоянии переделывать религию в отдаленных странах. Итак, в окружении Иисуса из Назарета господствовал иудаизм, религия евреев.

Что же представляла собой эта иудейская религия, иудаизм? Вы поймете это значительно лучше, если я еще кое-что расскажу вам о том народе, которого я называл предшествующим еврейскому, народу, жившем в Месопотамии, то есть немного подальше в Азии; это вавилоняне, ассирийцы. Эти народы, жившие несколько дальше в Азии, были, во всяком случае, соседями евреев; их религия носила ясно выраженный звездный характер. В настоящее время люди говорят: да, в Ассирии боготворили звезды. Однако они не сотворили звезды, но благодаря инстинктивной мудрости того времени знали о звездах больше, чем знают о звездах современные люди. Ведь это так; современные люди верят, что им известно о звездах все.

Вы, возможно, читали на днях, что это гарантированное знание о звездах не такое уж прочное. На днях стало известно о том, что было недавно открыто: оказывается, Землю окружает не пустое пространство; если подняться на высоту четырехсот километров, то там Земля окружена твердыми кристаллами азота! Приходится допустить, что древнее кристалльное небо, о котором говорили древние, постепенно редуцируется наукой. Но об этом я хочу упомянуть только мимоходом. На подобных примерах достаточно разумные люди нашего времени могли бы увидеть, как мало, в сущности, известно о мире звезд.

Вы только подумайте о следующем. Представьте себе марсианина, жителя Марса — ведь астрономия допускает, что Марс может быть заселен. Так вот, если марсианин взглянет вниз на Землю, то людей на Земле он тоже не увидит. Если этот марсианин не вооружится сверхсовременным телескопом, он не увидит людей, зато он увидит Землю, сияющую в мировом пространстве зеленоватым светом. Но на Земле прямо-таки кишат люди, и эти люди связаны с духовными существами. Так же обстоит дело и на других небесных телах, на других звездах. И точно так же, как физические силы звезд влияют на Землю, духовные силы этих звезд тоже, конечно, оказывают на Землю влияние, особенно они влияют на человеческое существо. Древняя мудрость, инстинктивная мудрость восточных стран хорошо знала о том, что светила (небесные тела, планеты — прим. перев.) тоже имеют в себе духовных

существ, и этим духовным существам они оказывали свое особое почитание, именно им, а не внешним физическим звездам. В этом смысле религия здесь, наверху в Передней Азии носила звездный характер. Иными словами, люди считали, что на Сатурне, например, есть духовные существа, оказывающие определенное влияние на человека. У Юпитера тоже есть духовные существа, и все эти духовные существа оказывают известное влияние на земную человеческую жизнь.

Евреи уделяли мало внимания остальным светилам (планетам — прим. перев.); но они взяли из древних религий влияние Луны. И своего Яхве, своего Иегову они связывали с духами Луны. Итак, в соответствии с изначальной древнееврейской религией, Яхве, который живет в человеческом "Я", зависит от Луны. Господа, это не просто какая-то легенда, это не просто какое-то суеверное религиозное представление, нет, это нечто такое, что вполне может быть научно доказано. Дело обстоит так, что фактически в то весьма важное для земного бытия человека время беременности матери, в то время когда человек еще пребывает в виде зародыша, эмбриона человека, он всецело зависит от Луны. Эта зависимость человека от Луны в эмбриональном периоде, пока он является зародышем, была известна с давних пор, так что даже продолжительность беременности определяли в десять лунных месяцев. Только в самое последнее время получилось так, что лунные месяцы были пересчитаны на солнечные месяцы, на девять месяцев. Но в эти десять лунных месяцев, которые нормальным образом отводятся для времени беременности, имеет место зависимость от Луны, которой подвергается человек в своем эмбриональном периоде, в качестве зародыша в теле матери. Насколько же простирается эта зависимость от Луны? Я уже обращал на это ваше внимание.

Видите ли, дело обстоит так, что первая оплодотворенная яйцеклетка содержит, в сущности, разрыхленную земную материю, содержит распавшуюся в прах, пылевидную, земную материю, из которой не возникло бы вообще ничего, если бы на нее действовали только земные силы, — никогда!

Из этого человеческого зародыша нечто возникло только потому, что существует влияние Луны на Землю. Можно сказать: человек приходит в земную жизнь благодаря лунным силам. Так что евреи, ратовавшие Яхве как лунное божество, хотели, в сущности, указать на эту зависимость человека от лунных сил при схождении этого человека на Землю.

Конечно, люди, жившие в Азии подальше, вавилоняне, ассирийцы, признавали также и иные влияния, а не только влияние Луны. Они, например, говорили: Юпитер оказывает влияние на то, будет ли человек при своем дальнейшем развитии умен или останется глупым, или что-нибудь в этом роде. Однако евреи не уделяли внимания такого рода побочным влияниям. Они почитали лишь одного Бога, это было именно лунное божество. Обычно как крупное достижение в религиозной области рассматривают то, что евреи от многих божеств продвинулись к единобожию, от политеизма продвинулись к монотеизму.

Этого единственного почитаемого евреями Бога, бога Яхве встретил в господствующей вокруг иудейской религии и Христос Иисус. Это в некотором смысле преподавали Ему.

Вы можете представить себе, что если почитают исключительно лунного бога, от которого человек зависит в то время, когда мать носит его в своем теле, то и все остальное объясняют исходя из того, что человек приносит на Землю все свое существо в целом, приносит то, что в нем есть и еще будет. Этот принцип находит свое выражение в древней иудейской религии, религии Яхве. Если бы вы спросили у древнего еврея, который, скажем, заболел: «Почему ты заболел?», то он сказал бы: «Такова воля Яхве». Если у него сгорел дом, и его спросят: «Почему у тебя сгорел дом?», он ответит: «Такова воля Яхве», и так далее. Он имеет только единственного Бога, благодаря которому человек вступает в земной мир, и он все сводит к этому Яхве. Из-за этого иудейская религия стала застывшей, косной. Человек в течение всей своей жизни чувствовал себя зависимым от того, что он принес с собой на Землю.

Кроме иудейской религии Иисус из Назарета знакомился и с другими религиями, гласившими: существуют не только влияние Луны на человека, влияют на него и другие светила (планеты, небесные тела — прим. перев). Видите ли, в Евангелиях имеются указания на отношения между звездными религиями Востока, Азии и теми населенными евреями странами, где родился Иисус из Назарета. Сказано, что мудрецы (волхвы) из восточных стран видели звезду, которая привела

их к месту рождения Иисуса из Назарета.

Однако то, как это выражено в Евангелиях, понимается сегодня неверно. Дело в том, что мудрецы из стран Востока опирались на свою науку о звездах; из звездных констелляций, из положения звезд они увидели, что happens событие исключительной важности. Так звездная мудрость Востока, звездная мудрость Азии при рождении Иисуса из Назарета пришла в соприкосновение с ним самим. Эта связь всегда поддерживалась.

Главной целью Иисуса из Назарета было дать человеку находящемуся на Земле внутреннюю мудрость. Еврей говорил: все приходит от Яхве. Но Яхве оказывает решающее значение только до рождения, когда же человек родился, то он, будучи странствующим по Земле человеком, уже не является просто продолжателем одного этого импульса Яхве. Что Христос Иисус прежде всего принес в мир? То, что человек в течение своей жизни — это не только круглый шарик (то есть body — прим. перев), всего лишь движущийся по инерции в результате толчка, полученного им от Яхве в теле матери. Нет, человек, кроме того, в течение своей жизни обладает внутренней волей, посредством которой он может сделать свое собственное существо, свою личность лучше или хуже. Для того времени это было прямо-таки колоссальной идеей. Ибо, видите ли, звездная мудрость скрывалась как тайна, и в самой Палестине об этом никто ничего не знал! В Риме тем более не знали. Звездная мудрость была тайной, тщательно скрывавшейся. Так что это было очень значительным деянием, когда Иисус из Назарета, указывая не на другие планеты, а прежде всего на Солнце, сказал: влияние на человека оказывает не только Луна, но влияние оказывает также и Солнце.

Тем самым тогда было сделано очень много. Надо, однако, помнить, что эти вещи следует рассматривать не только как теорию, но их надо рассматривать в соответствии с действительностью. Что, в сущности, происходит из-за влияния Луны, когда человек находится в теле матери? Господа, при этом от Луны в физического человека входит душевное, душевно-духовное начало. Человек как душа сходит вниз из небесного мира, от Луны. Так что же означало то, что говорили евреи: «Яхве влияет на человека во время беременности матери?» Это означало, что, как считали евреи, все являющееся в человеке душевно-духовным, происходит от Луны; в Луне находится творец человеческой души. Итак, о человеке, пребывающем на Земле, еврей говорил: то, что в человеке является физическим, то, что вещественно, он получает от Земли; то, что душевно-духовно, он получает от Луны из отдаленного мира. Следовательно, человеческий дух устремляется в человека через Луну. Тем самым сказано вот что: по отношению к человеку мое мнение должно быть следующим — твоя душа устремляется в тебя через Луну, и то, что живет в твоей душе, ты получил на пути, проходящем через лунных божеств.

Иисус из Назарета учил: правильно, у человека есть такая душа; но в более поздней своей жизни эта душа может изменяться. Человек частично обладает свободной волей. Душа человека может измениться в дальнейшей жизни.

Как пришел Иисус из Назарета к тому, чтобы утверждать нечто подобное? Это большой вопрос. И если хочешь ответить на этот вопрос, приходишь к следующему.

Вы ведь знаете, что евреи отличаются от других земных народов. Это отличие основано хотя бы на том, что на протяжении столетий евреи воспитывались в лунной религии и отстраняли в своей душе любые иные влияния. Видите ли, желая понять эти вещи, необходимо вникнуть в некоторые своеобразные качества еврейства. Вы можете узнать о том, что у евреев есть большие музыкальные способности и, напротив, их способности в отношении скульптуры, живописи и тому подобное очень незначительны. У евреев есть склонности к материализму, но мало склонности к признанию духовного мира, поскольку извне, извнеземного мира они почитали только Луну и едва ли знали больше. Еврейский характер и греческий характер представляют собой полную противоположность. Греки были, преимущественно скульпторами, живописцами, они были расположены к архитектуре, по меньшей мере, к ваянию. Евреи же являются музыкальным народом, народом священников, которые по преимуществу вырабатывают внутренний мир, начинающий свое начало из первоначальной одаренности, полученной от материнского тела.

В то время, когда жил Иисус из Назарета, эти способности вырабатывались чрезвычайно сильно. Не правда ли, евреи, с которыми в настоящее время можно

позн^{аю}комиться в Европе, давно живут среди других народов и кое-что переняли у них. Однако тот, кто способен ра^{зуме}личать, всегда сможет еще отличить особый духовный склад еврея от духовного склада другого человека. Это совсем не означает, что они хуже, но отличительные признаки у них есть. Так как же обстояло дело у евр^{ев}? Это было так: весь свой душевный склад, свой нрав, всю душу они ориентировали на Луну. Благодаря эт^{иму} у них вырабатывалось все то, что имело отношение к Луне, но не вырабатывалось то, что относилось к Солн^{цу}. Солнце оставалось в забвении. И если бы Иисус из Назарета остался в лоне иудаизма, то Он тоже не смог бы научиться ничему другому, кроме лунной религии. Но Он не оставался исключительно в лоне иудаизма, а получил в ходе своей жизни другой импульс; на Его долю выпало прямое духовное влияние от Солнца.

Видите ли, вследствие этого Он являлся в опред^{еленном} смысле дваждырожденным. Дваждырожде^{нность} еще имела место во всех более ранних вост^{очных} религиях. Однако это было забыто; сегодня есть только сведения об этом. Это больше не понимают. Итак, Иисус из Назарета в определенный момент почувствовал: теперь Я в некотором смысле родился еще раз; как в теле матери Я, благодаря Луне, получил мою душу, точно так же теперь Я получаю обновление Моей души от Солнца. И в кругах посвященных с эт^{им} момента того, кто был Иисусом из Назарета, стали называть Христос Иисус. Говорили: Иисус из Наз^{арета} стал человеком, стал иудеем благодаря лунным силам, как и прочие иудеи; но благодаря тому, что в определенный момент своей жизни Он получил влия^{ние} от Солнца, Он родился второй раз как Христос.

Конечно, современный человек, не постигающий таких вещей духовно, вообще не может думать обо всех этих вещах. Он не думает о том, что человек до рождения, будучи в материнском теле, соединяется, благодаря Луне, со своей душой, следовательно, эту душу он получает из внешнего (внеземного) мира. Тем более, он не думает о том, что Иисус из Назарета получил солнечное влияние, что в него некоторым образом вошла вторая личность. Как первая личность вошла в материнское тело, так в Иисуса из Назарета как вторая личность, вошло солнечное существо.

Видите ли, Римско-Католическая Церковь на сл^{ухах} совершенно забыла то, о чем я вам сейчас расск^{азал}. Однако, посетите литургию, мессу; вы в случае праздничной литургии увидите стоящую на алтаре и служащую для благословения святую святых, даро^{носицу} (см. рисунок); здесь внутри — гостия, здесь — л^{унна}. Что это такое? Это Солнце, а тут Луна. И вся дар^{носица}, вся «святая святых» своей формой говорит о том, что христианство произошло от мировоззрения, где в отличие от иудеев, почитающих только Луну, почиталось также и Солнце. И как человек при своем рождении имеет влияние от Луны, так Христос им^{еет} влияние от Солнца.

Можно сказать: но ведь любой человек мог бы быть дважды рожденным и на протяжении своей жизни т^{акже} получать влияние от Солнца. Но это не так: дело все же обстоит несколько иначе. А именно так: Христос Иисус получил влияние, оказываемое непосредственно на человеческое "Я". На что оказывалось влияние от Луны в материнском теле? Господа, я говорил вам: ч^{еловек} состоит из физического тела, эфирного тела, а^{стрального} тела и "Я". Лунное влияние оказывалось на астральное тело, а астральное тело в человеке бесс^{мысленно}; на него влияет Луна. Напротив, солнечное влияние у Христа оказывалось на "Я", сходило на "Я". Но "Я" является самостоятельным, отдельным!

Если бы солнечное влияние на человека было т^{аким} же, как и лунное влияние, то что произошло бы тогда? Господа, в качестве отдельного человека мы не оказываем особо сильного непосредственного влияния на наше рождение; мы просто посылаемся в мир посред^{ством} нашего рождения. Если бы солнечное влияние было точно таким же, как и лунное, то тогда мы, скажем, на тридцатом году жизни испытали бы это солнечное влияние, но ничего не могли бы при этом поделать, как не можем мы ничего поделать при нашем рождении. Мы на тридцатом году внезапно становились бы друг^{ими} людьми, и даже забывали то, что мы делали прежде. Представьте себе, что все вы были бы молодыми люд^{ьми}, дожившими до двадцати девяти лет, и вот наступает тридцатилетие; все вы рождаетесь заново. И вот вам попадается навстречу кто-то, еще не достигший тридц^{ати} лет и говорит вам: «Доброе утро, Эрбсмель!» (фам^{илия} одного из слушателей — прим.. перев.) — Что? Я... я тебя не знаю! Я только сегодня появился здесь! «Что тебе от меня надо?» Так

было бы в том случае, если бы на каждого человека в возрасте, скажем, тридцати лет оказывалось солнечное влияние. Да, господа, это может показаться вам невероятным, и все же это правда. Об этом забыли, поскольку исторические сведения постепенно искажаются; поэтому об этом ничего не известно. Нечто весьма похожее существовало в древности, хотя и не проявлялось с такой грубой очевидностью, как в вышеприведенном мною примере. Но в очень глубокой древности, скажем, семь-восемь тысяч лет тому назад, если бы мы заглянули, например, в Индию, то там действительно существовало такое явление: достигнув тридцати лет жизни, люди не знали больше о своей прежней жизни, они становились совершенно новыми людьми. И тогда, принимая их, окружающие их люди говорили им: «Теперь ты приступаешь к "служению"», — я исполняю современное выражение. И только тогда данному человеку сообщали, как его зовут и кто он. Конечно, это становилось все слабее и слабее, это преображение, но оно, тем не менее, существовало. Например, еще у египтян было так, что люди, достигшие пятидесяти лет, не могли вспомнить свое детство, их воспоминания простирались только до тридцатого года; все остальное они узнавали от окружающих их людей, подобно тому, как и мы узнаем от окружающих нас людей о том, что было с нами, когда мы были младенцами или двухлетними детьми. История не сообщает об этих происходивших с человечеством изменениях, но, тем не менее, они были. Вследствие особой ситуации Иисус из Назарета был последним из тех, кто достиг контакта с Солнцем, в то время как другие уже больше не достигали его. Об этом солнечном влиянии говорится в Евангелиях, хотя люди истолковывают это неверно. Видите ли, в Евангелии рассказано о том, что Иисуса крестил Иоанн в Иордане. При этом спустился голубь. Этот голубь как раз и означал солнечное влияние, контакт с Солнцем. При этом Солнечная Сущность вошла в Иисуса. На этом все завершилось; Он был последним из тех, кто принял в себя эту Солнечную Сущность. Другие в Его время из-за своих телесных свойств уже не были зрелы для этого. Он был последним.

Возвратимся назад, к людям Древнего Востока; там каждый мог сказать: по ходу жизни Солнце оказывало влияние на людей, в человека входило новое существо. В то время, когда жил Христос Иисус, это, в общем, уже нельзя было сказать, и священники знали об этом лишь из внешней науки, а не благодаря внутреннему созерцанию.

Так что же должно было теперь выступить вместо почитания Солнца? В древности, до еврейской эпохи поклонялись Солнцу, поскольку знали: от Солнца исходит мощное влияние в течение жизни. Но теперь люди уже не могли поклоняться Солнцу, так как никакого влияния больше не получали. Кто же выступал вместо Солнца? Сам Христос Иисус! При основании христианства звездной религии сопутствовала солнечная религия, причем человек обращался непосредственно к Солнцу; когда же Христос Иисус оказался последним из тех, кто достиг контакта с Солнцем, солнечного влияния, стали обращаться лишь ко Христу и могли сказать: в Нем пребывает Дух Солнца.

Поистине, это был большой переломный момент. Это являлось необычайной революцией в мышлении; Христос Иисус низвел на Землю то, что прежде можно было видеть на Солнце. Вот почему в древности или в первые века христианства Христа всегда называли Солнцем. В Евангелиях вы повсюду найдете выражения: «Солнце, Христос», поскольку тогда знали, о чем идет речь. Но позднее это было целиком и полностью забыто. При каждой праздничной мессе это можно видеть в дароносице, в «святая святых». Но если кто-нибудь всерьез говорил о том, что это можно видеть, то это считалось большой ересью, и его преследовали как еретика. Ибо в христианской церкви всегда считали опасным сообщение истин о небесных телах, о звездах, в том числе и о Солнце.

Почему же так было, господа? Тут мы снова должны вернуться к древним мистериям и сравнить их с христианством. Видите ли, не все люди допускались в древние мистерии. Я говорил вам, какие там были группы: были следующие посвященные: «ворон», «окультист», «защитник», «сфинкс», и так далее. Они знали о звездном влиянии (то есть о влиянии звезд и планетарном влиянии — прим. перев), они это знали. Поэт посвященное священство строго следило за тем, чтобы не все люди обретали разум, чтобы этот разум, разумность существовала только под их контролем, в мистериях. Ведь знание — это власть, даже если его порой притесняют. Но пока священство было могущественным, знание было

тождественно власти.

Однако эта звездная мудрость погибла. И вот появился Христос Иисус. Он восстановил ее заново, хотя и в преображенном облике. Он говорил: надо свести на Землю солнечного Бога. Он возобновил религию Солнца. Если бы Христос действовал в полном соответствии со своим учением, то вся древняя звездная религия снова возродилась бы как действие Солнца! В первые века христианства это нередко происходило. Снова расцвели древние мистерии. Но Христос Иисус произвел также необычайную революцию: то, что раньше было сокрыто в мистериях, он представил перед всем миром, на всеобщее обозрение. Это теперь должно было стать достоянием всех людей. Но никакие усилия не были в состоянии отдать людям то, о чем я сейчас говорю.

Был в четвертом столетии по Р. Х. римский император Юлиан⁽¹⁶⁾, которого называют Апостатом, Отступником; он хотел снова ввести древнюю звездную религию. Он был убит во время похода в Персию! То, что произошло в Риме, можно объяснить только следующим образом.

В Риме произошло то, что звездный культ, который, в сущности, был заново дан Христом Иисусом, был дискредитирован как суеверие, даже не просто как суеверие; клевета приравняла его к сатанизму. Следовательно, именно то, что вело к истинному познанию, к познанию духовного начала в мире, было дискредитировано, ошельмовано и даже до некоторой степени уничтожено. С другой стороны, теперь позволялось верить только во внешнеисторические события, происходившие с Христом Иисусом в Палестине, как об этом сообщала церковь. Вследствие этого для всех, кто становился верующим, церковь обрела высшую власть, определяющую, что человек должен думать. Видите ли, христианство как таковое не вошло в Европу через Рим; через Рим вошло подмененное христианство, опирающееся лишь на внешние события в Палестине, а не на всеобщие мировые закономерности. Отчего это произошло?

Видите ли, ведь Рим, в сущности, произошел от шайки разбойников, которые в самом начале собрались вместе. И кое-что от подобного образа мыслей влияло долгое время. Рим всегда добивался мирового господства и в то же время господства духовного. Это типично римская тенденция — стяжать мировое господство наряду с духовным господством. На место древнего, еще языческого первосвященника, Pontifex maximus, переняв даже его имя, заступил римский папа. Папа в течение средних веков занял место римских цезарей, римских императоров, приобрел мировое господство и одновременно с этим господство над мыслями. Лишь однажды в начале XI века в Средней Европе один очень значительный германский император хотел сделать нечто подобное тому, что сделал Юлиан, названный Отступником, ренегатом; это был Генрих II (Генрих II Святой из Саксонской династии — прим. перев.)⁽¹⁷⁾. Это очень интересно! Генрих II прежде всего представлял собой своего рода святого, так как он был очень хорошим представителем христианского мировоззрения. Он правил с 1002 по 1024 год по Р. Х. Он правил как своего рода святой. Даже в истории он получил второе имя: Святой. Видите ли, если сегодня посмотреть в католическую богослужебную папскую книгу, где перечислены все святые, то там есть и этот Генрих II Святой. Однако этот Генрих II, был тем, кто хотел обратиться к древней истине. Он хотел отстоять для христианства ту точку зрения, что во Христе Иисусе жил Дух Солнца. Он добивался Ecclesia catholica non romana, что означает Католическая Церковь, но не Римская. Вдумайтесь в дату: начало XI века! Лютеранство возникло значительно позднее. Если бы тогда удалось то, к чему стремился Генрих II — создание Католической Церкви, которая не была бы римской, то христианство обрело бы в Европе свое мировое значение, и благодаря религиозной жизни уже тогда могла бы возникнуть настоящая духовная наука. Но Рим победил тогда, победил так называемый цезарепапистский Рим. Ecclesia catholica non romana не возникла, а Ecclesia catholica romana — Римско-Католическая Церковь продолжала жить дальше. Император Генрих II хотел полностью отделить Католическую Церковь от мирового господства.

Вы все согласитесь с тем, что это было бы величайшим деянием, потому что тогда не смогли бы достигаться преследования ересей и еретиков. Ведь все эти преследования происходили ради господства над мыслями. Но в действительности нельзя установить господство над мышлением. Задумайтесь как-нибудь над этим! Разве можно установить господство над нашими мыслями? Нет, господствовать над ними невозможно! Господствовать над ними можно, лишь установив всемирное

господство над людьми, принуждая людей ходить в определенные школы, вдалбливая им в головы определенные вещи, детерминирующие их принадлежность к конкретному классу. Человек при этом получает классовое мировоззрение и так далее. Но мысли не допускают господства над собой! Церковь никогда не стала бы вредной, если бы не ее претензии на мировое господство, сопровождающееся ее господством над людьми как физическими существами. Ведь церковь может только учить, а человек — самостоятельно воспринимать то, чему она учит. Этого и хотел добиться Генрих II Святой. Однако, как сказано, древний цезарь, древний император — уже в виде римского папы — одержал тогда победу. Как вы знаете, мировое господство было тогда весьма сильным. Этот факт могут расценивать отрицательно, но, в любом случае, во времена правления Генриха II Святого мировое господство было очень сильно (термин «мировое господство» не следует понимать как всемирное господство, поскольку в XI веке существовало множество независимых государств — прим. перев). И если бы тогда удалось организовать Католическую Церковь так, чтобы она утратила свой римский характер, перестала быть римской, то тем самым учение церкви было бы отделено от идеи мирового господства.

Видите ли, именно эту цель, в сущности, преследовали крестовые походы⁽¹⁸⁾. О крестовых походах всегда говорится так, будто они проводились в качестве службы, оказываемой Риму. Обычно крестовые походы описываются так: поскольку Иерусалим был окружен и захвачен турками, паломники не могли больше спокойно молиться в Иерусалиме, добравшись туда. Тогда Рим отправил Петра Амьенского^(18a) проповедовать в Европе крестовый поход. Это означало, что многие люди должны были устремиться в крестовый поход, переправиться в Азию, в Иерусалим. В результате проповеди Петра Амьенского возникла большая армия крестоносцев, находившаяся под командованием этого Петра Амьенского и Валтера фон Хабенхихта^(18b). Почему он назывался фон Хабенхихт, то есть «неимущий» можно только предполагать. Во всяком случае, он был таким же «неимущим», как и мы с вами. Нам трудно представить себе ту сумму, в какую обошелся один крестовый поход в Азию. Но вся эта армия крестоносцев уже по дороге перестала существовать. Так ничего и не было достигнуто.

Тогда за это дело взялись другие люди под предводительством Готфрида Бульонского⁽¹⁹⁾. Они не состояли на службе у Рима, напротив, намерения их походили на намерения Генриха II Святого. Они хотели помешать установлению мирового господства. Здесь находится Италия (изображается на рисунке), здесь Греция, это Черное море, здесь Палестина, здесь Иерусалим; сюда следовало перенести крест, и Иерусалим должен был стать главным центром христианской религии. Рим должен был отречься от настоящего первого крестового похода. Крестовый поход был, в сущности, направлен против Рима. Тем самым снова хотели сделать Ecclesia, Церковь, независимой от мирового господства.

Но достичь всего этого не удалось. В более поздние крестовые походы опять-таки вмешались римские властители. Все это можно прочесть в истории крестовых походов.

И вот затем случилось так, что основа христианства в целом — величественная идея о сошествии солнечной силы на Землю посредством Христа Иисуса и освобождение каждого человека, понявшего это: «и познаете истину и истина сделает вас свободными», только истина осталась непознанной — все эти вещи в ходе всего развития человечества оставались по существу неизвестными. И только сегодня человек благодаря духовной науке может открыть для себя истинное христианство. Совсем неудивительно, что представители официального христианства в настоящее время выступают против того христианства, которое действительно связано со Христом Иисусом, и учит именно тому, чему учил сам Христос Иисус. Это и происходит в случае антропософии. Вот почему совсем неудивительно, что у тех, кто знает христианство лишь в его современных формах, возникает большая антипатия к такому христианству. Но на христианство как таковое эта антипатия не направлена. Христианство достигло необычайного успеха в социальном отношении именно в том, что постепенно исчезло рабство. Не будь христианства, господа, не было бы и всей современной науки. Вы посмотрите: большинство действительно великих открытий было сделано монахами. Вот только воздушную помпу, насос, изобрел бравый бургомистр Мариенбурга господин Гуерике^(19a); но большинство крупных открытий сделали именно монахи. И тот, кто создал

коперниковскую систему, Коперник⁽¹⁹⁶⁾, был настоятелем собора, католическим настоятелем собора. Да и все школы тоже зависели от монахов.

Но тут возникает нечто иное. Видите ли, дело обстоит так, что в древней церкви не очень доброжелательно смотрели на монастыри, поскольку монахи еще многое сохраняли от древней мудрости. И у монахов — хотя они и заикнуться не смели об этом, — еще находилось знание о древней звездной мудрости. При желании его вполне можно было отыскать. Вещи, которые я вам рассказывал — в последний раз я отмечал различия между мужчиной и женщиной в XVII веке, — проросли из древности благодаря монахам, а не благодаря внешней светской власти. Это шло через монашество, и полностью покончить с этим удалось лишь в XVII—XVIII веках. Средневековье вовсе не было столь мрачным, как обычно считают. Мрачным было только то, на что обычно обращают внимание. Но тайным образом люди тогда обладали большой мудростью; только сегодня эту мудрость не понимают, даже если читают древние книги. Я показывал вам на примере слова «мумия», что ни один человек сегодня не знает, что такое «мумия». Это я вам объяснял.

Итак, величайшей идеей христианства является идея о сошествии солнечной силы на Землю.

Видите ли, господа, благодаря этому впервые появилось то, что называют историей. Ведь в странах Востока хотя и обладали большой звездной мудростью, но историей не занимались. Те, кто были учеными на Востоке, были знающими, указывали лишь на то, что как творение происходило в небесных далях. Однако их не очень заботило то, что делали люди на Земле. У древних евреев возникло нечто похожее на историю, но эта история брала начало из звездной мудрости, ибо «семь дней творения» — это звездная мудрость. Вот почему эта история хаотична, там все перемешано. Настоящая история, разделившая все развитие на дохристианское и послехристианское, началась вместе с христианством.

Вот то, что я хотел сказать вам сегодня. В следующую субботу я хочу дать кое-какие дополнения.

ПЯТАЯ ЛЕКЦИЯ

Дорнах, 15 марта 1924 г.

Давайте продолжим, господа, и я покажу вам действительно, как приживалось христианство в Европе.

Видите ли, в первое время после основания христианства оно распространялось сначала на юге вплоть до Рима и затем, позднее, с III, IV, V столетия стало распространяться и на Севере. Давайте ретроспективно посмотрим на Европу ко времени распространения в ней христианства, в период основания христианства. Я хотел бы ответить вам на вопрос, как выглядела Европа — в смысле нашей цивилизации — в то время, когда распространялось христианство.

Если мы здесь вверху представим себе Азию (изображается на рисунке), то Европа окажется маленьким придатком Азии, своего рода маленьким полуостровом. Вы ведь знаете, Европа выглядит так: здесь мы имеем Скандинавию, здесь мы имеем Балтийское море, Океан; затем мы переходим в Россию. Здесь расположена современная Дания. Здесь мы переходим к морскому побережью Германии, здесь мы приходим в голландские, а здесь во французские области. Здесь мы переходим в Испанию, здесь переходим в Италию. Теперь мы приходим в ту область, которая нам уже известна; мы приходим к Адриатическому морю, а здесь — к Греции; затем идет Черное море. Здесь мы приходим в прилегающую сюда Малую Азию, а тут мы переходим затем в Африку. По другую сторону находятся у нас Англия и Уэльс, а здесь Ирландия, обозначенная лишь слегка.

Я попытаюсь сделать ясным для вас, как выглядела Европа в то время, когда христианство, постепенно расширяясь, приходило в Европу. Здесь Европу от Азии отделяет Урал. Здесь мы имеем могучую реку Волгу, и если бы мы в то время попали в эти области, которые сегодня составляют Южную Россию, Украину и так далее, то мы застали бы там — в то время, когда христианство поднималось с юга — народ, потом совершенно исчезнувший из этих земель, переместившийся на Запад и на Западе растворившийся среди других народов; это остготы. Итак, в то время, когда христианство начало распространяться, здесь жили остготы. Сразу после этого вы видите, как в определенное время все эти народы начинают переселяться (имеется в виду великое переселение народов IV—VI вв. по Р. Х. — прим. перев). Однако в то время, когда христианство продвигалось вверх с юга, эти народности в Европе

занимали определенное место, проявляли оседлость.

Видите ли, если вы возьмете Дунай, то, переходя дальше, вы имеете здесь современную Румынию и современную Венгрию. В этих областях — нынешней Румынии и нынешней Венгрии — тогда осели вестготы. Если мы перейдем дальше, то здесь, в нынешней западной Венгрии, севернее Дуная находились вандалы. Так тогда назывались эти народности. А там, где сегодня находятся Моравия, Богемия, Бавария, располагались так называемые суевены, из которых затем возникли швабы. Если мы поднимемся дальше вверх — здесь течет Эльба, затем она впадает в Остзее, в Балтийское море, то здесь повсюду находились готы. Но здесь, здесь находится Рейн, который вы хорошо знаете; здесь располагался бы современный Кёльн, здесь вокруг Рейна жили так называемые рипуарические франки. Поднимаясь выше (по карте, а не по реке — прим. перев), где устье Рейна, жили салические франки. И здесь, вплоть до Эльбы, жили саксы. Саксы получили свое наименование от людей, находившихся южнее. Они получили такое название, поскольку находившиеся южнее народы отличались тем, что питались по преимуществу или исключительно мясом, и их называли «пожирателями мяса», «мясоедами».

Здесь, дальше в этой местности располагались римляне; в нынешней Франции, нынешней Испании и так далее, даже здесь, повсюду находились греко-римские народы. Среди них христианство распространялось в первую очередь, а затем продвигалось на Север. Можно сказать, здесь, в этой области, христианство появилось на Север раньше (имеется в виду Причерноморье, Украина — прим. перев), чем в более западных областях. Так, среди готов мы находим древнего епископа Вульфилу⁽²⁰⁾, что означает «волчонок». Вульфилла перевел Библию на готский язык^(20a), причем очень рано, в IV столетии по Р. Х. Этот перевод Библии очень интересен, так как весьма сильно отличается от более поздних переводов Библии. Он содержится в чрезвычайно ценной книге, находящейся сегодня в uppsальской библиотеке в Швеции; таким образом, можно видеть, что здесь, на Востоке, христианство распространилось раньше. Следуя за тем, что я нарисовал, вы найдете, что здесь располагались греко-римские народы; но в этих областях повсюду находилась в древнейшие времена еще одна древняя группа народов, древнейшее население Европы, которое представляет большой интерес. Это древнейшее европейское население, которое я вам обозначил теперь на рисунке красным цветом, ко времени продвижения христианства на Север было уже отодвинуто в западные области. Ибо все эти народности (имеются в виду те, кто отодвигал кельтов на запад — прим. перев) первоначально не находились в этих областях, но появились там только к тому времени, когда начало распространяться христианство. Все эти народности следует представлять себе живущими на границе между Азией и Европой. А те, кто в настоящее время являются славянами, находились еще дальше, внутри Азии.

Вопрос состоит в том, что если мы вернемся ко времени возникновения христианства, то я должен буду для вас всю эту карту Европы заштриховать красным цветом. Тогда вся Европа была пронизана древним кельтским населением. А все те, кто появился в Европе позднее, кого я вам здесь нарисовал и описал, все они гораздо позднее переселялись из Азии — за пару столетий до, пару столетий после основания христианства. И вот возникает вопрос: почему же все эти народности переселялись? Эти народности в определенный момент мировой истории приходят в движение; они устремляются в Европу. Это происходило по следующей причине: если вы посмотрите на нынешнюю Сибирь, то она представляет собой гигантскую запустевшую малонаселенную территорию. Эта Сибирь в не столь отдаленное время, незадолго до возникновения христианства, за пару столетий до него, была более населенной страной, и эта более низменная страна была относительно теплой. Затем произошел подъем. Подъем суши был совсем не велик, тем не менее, в тех странах, где раньше было тепло, стало холодно, озера высохли, все запустевало. Итак, здесь сама природа содействовала тому, чтобы люди переселялись с Востока на Запад. Кельтское население Европы было очень интеллигентным. С этим кельтским населением сталкивались народы, мигрировавшие на Запад. Кельты были относительно миролюбивым народом. Кельтское население Европы еще в значительной степени обладало тем, что можно назвать первоначальным ясновидением, настоящим изначальным ясновидением. Если эти люди принимались за какое-нибудь ремесло, то они думали: в этом ремесле им помогают

духи. И если кто-то чувствовал, что он сможет ловко изготавливать обувь — ну, обуви как таковой еще не было, но было нечто подобное, покрывающее ноги, — то в проявлении своей умелости он видел духовную помощь. И он действительно мог воспринимать то, что помогало ему из духовного мира. Эти древние кельты так смотрели на свою жизнь, что были в некотором смысле «на ты» с духовным миром. Вот почему эти народности изготавливали очень красивые вещи. Кельтское население проникало также в Италию в очень глубокой древности и создало там много прекрасного, вследствие чего грубый римский образ жизни, унаследованный от рабойничьего народа, стал более изысканным. Именно благодаря проникновению кельтского населения первоначальная римская грубость немного смягчилась.

Итак, в древности повсюду в Европе было кельтское население. На юге тогда находилось римско-греческое, романско-греческое, латино-греческое население. И, как было сказано, из-за подъема суши в Сибири, отчего Сибирь запустела, сюда надвигались эти (то есть прежде населявшие Сибирь — прим. перев.) народности. К тому времени, когда христианство пришло с юга на север, карта Европы выглядела так (указывается на рисунке).

Вот на что стоит обратить внимание, господа: некоторые свойства народов сохранились хорошо, другие отличительные особенности сохранились меньше. Можно, например, отметить следующее: среди народностей, переселявшихся из Азии в Европу, были также гунны, могущественным царем у которых был Аттила⁽²¹⁾. Но Аттила — готское имя! Ведь Аттила на готском языке означает «батюшка». Поскольку многие из перечисленных мною народов признавали гуннского царя Аттилу своим царем, он получил готское имя. Однако гунны очень сильно отличались от других народностей. Это происходило оттого, что все эти большей частью дикие народы, переселявшиеся сюда, были первоначально в Азии горцами, горными народами. Более кроткие народы среди переселенцев, такие как готы, были по большей части народами равнин. Дикие дела гуннов, а позднее дикие дела мадьяр обуславливались тем, что первоначально в Азии они были горцами, народами гор.

Случилось так, что римляне — независимо от христианства — все больше и больше расширяли сферу своего господства на Север, где они сталкивались с народностями, переселившимися из Азии. Возникло множество войн между римлянами и народами, находившимися на севере. В последний раз я уже упоминал вам имя одного весьма значительного римского писателя, Тацита. Он много написал по римской истории, но, кроме того, он также написал великолепную мощную книгу под названием «Германия»^(21a). В ней он описывает народности, находившиеся здесь, вверху примерно через сто лет после основания христианства, описывает великолепно, так что в описаниях Тацита эти люди предстают как живые. Но я говорил вам также и о другом: Тацит писал, будучи образованным римлянином, но он не смог сказать о христианстве ничего, кроме того, что оно было основано как секта в Азии неким Христом, который был осужден и казнен! Следовательно, Тацит писал в Риме еще в то время, когда христиане были поработаны, когда они еще жили в своих подземных катакомбах; он ни разу не описал их правильно. Следовательно, среди этих северных (по отношению к Палестине — прим. перев) людей христианство было неизвестно.

Однако эти северные люди имели тогда религию. Очень интересно, что же за религия была у этих северных людей? Вспомните еще раз, господа, как складывались религиозные представления у южных и северных народов. Мы говорили об Индии; там преимущественно рассматривали физическое тело, то есть обращали внимание на нечто, принадлежащее человеку. Египтяне смотрели на эфирное тело — опять-таки, на нечто, принадлежащее человеку. Вавилоняне и ассирийцы рассматривали астральное тело — это снова нечто чуждое. Иудеи, евреи видели "Я" в своем Яхве — и это тоже нечто от человека. И только о греках — это потом перешло и к римлянам — я должен был сказать вам: они меньше обращали внимание на человека, они больше направляли свой взор на природу. Греки были поистине великолепными наблюдателями природы.

Однако люди, находившиеся здесь на Севере, вообще обращали взгляд на человека как такового, на внутреннего человека в еще меньшей степени, чем греки. Это интересно: люди здесь на Севере полностью забыли о внутреннем человеке, они даже не вспомнили о том, что можно думать о внутреннем человеке. Греки и римляне имели, по крайней мере, воспоминания; они жили по соседству с

народами, населявшими Переднюю Азию, с египтянами, вавилонянами и так далее; греки имели воспоминания о том, что думали эти древние народы. Народы северные смотрели только на окружающий мир, только наружу, из человека. И они видели не природу, они видели находящихся вне человека стихийных духов. Древние греки видели природу, тогда как люди здесь, на Севере видели природных духов. Поэтому именно среди этих людей возникали прекрасные рассказы, сказки, саги, мифы; эти люди повсюду видели духов. Греки видели высокую гору, Олимп; на Олимпе жили боги. Люди на севере не говорили: на горе живут боги, но они в некотором смысле в вершине горы видели самого бога, так как вершина горы не казалась им просто скалой. Если на вершине горы блестела утренняя заря, гора покрывалась золотом, над горой поднималось утреннее Солнце, то эти народы видели не саму гору, а этот покров утреннего солнца над горой; это и было божественным для них. Это происходило для них духовным образом. Для них было вполне естественным видеть простирающееся над горой духовное.

Греки строили храмы для богов. Во всей Азии для богов строили храмы. Но люди на севере говорили: мы не строим храмов. Что значит, строить храм? Там внутри мрачно; но над горами светло и ясно. И богов, то есть духов, следует почитать, поднявшись на гору. Они размышляли следующим образом: если над горой сияет свет, то он приходит от Солнца; но Солнце наиболее благотворно в середине лета, когда наступает Иванов день, как мы это называем сейчас. И они взбирались на гору, разводили огонь и отмечали праздники своих богов не в храме, но на высоких горах. Еще они говорили: да, солнечный свет и солнечное тепло входят в Землю, а весной они снова выходят из Земли наружу, чему содействует Солнце. Вот почему надо почитать Солнце даже в том случае, когда оно посылает свои силы наружу из земли. Особо благоприятным методом, чтобы ощутить, как солнечная сила возвратным образом действует из Земли, были для них леса, где росло много деревьев. Вот почему они поклонялись своим богам в лесах. Не в храмах, но на горах и в лесах.

Видите ли, эти народности считали все одухотворенным. Древние кельты, изгнанные этими племенами, еще видели самих духов. Эти племена уже не видели больше духов, но во всей природе рассматривали как божественное то, что блестело как свет, присутствовало как тепло, действовало в облаках как воздух. Такова была древнегерманская религия, древняя религия, которая затем была вытеснена христианством.

Христианство, приходило в эти области в двух формах. Когда-то оно проникло сюда, вверх, в Южную Россию, а также в те области, где расположены нынешние Румыния и Венгрия. Здесь затем вышедший Вульфила переводил Библию. Сюда пришло христианство (арианство — прим. перев), бывшее более истинным, нежели то христианство, которое на восточном пути повсеместно распространялось из Рима. Из Рима христианство распространялось в большей степени как господство. Можно сказать даже так: если бы христианство, поднимавшееся здесь, на Восток, через Россию в то время, когда там еще не было славянских племен, — если бы распространилось именно это христианство, то христианство в целом стало бы совершенно другим; оно стало бы тогда более внутренним, поскольку приняло бы азиатский характер. Азиатский характер является более внутренним. Христианство же, распространявшееся из Рима, приняло более внешнюю форму, которая затем стала мертвой в культе, ибо значение этого культа больше не постигалось. Я рассказывал вам о дароносице, о «святой святых», отобразившей, в сущности, Солнце и Луну — но это было скрыто, это не могли больше оценить по достоинству. И так здесь распространялся культ, потерявший сущность, иллюзорный культ. Этот потерявший сущность культ был затем перенесен одним потерявшим сущность императором в Константинополь; был основан город Константинополь. А в более позднее время это «видоизмененное» христианство распространилось и по другим странам. (Штайнер называет византийское христианство «измененным», так как оно, будучи римским, несло несовместимое с христианством стремление к мирской власти, светскому господству и, кроме того, потеряло свои космические, астрономические основы. В период разделения церковью IX—XI вв. на Римско-Католическую и Греко-Православную христианство было принято на Руси, причем сильное влияние при этом было оказано со стороны болгарского манихейства, богомилства, о чем свидетельствует двоеперстие — манихейско-катарский жест — официально просуществовавшее на Руси до патриарха Никона — прим. перев)

Христианство, изложенное, например, в переводе Библии сделанном Вульфиллой (имеется в виду арианство), совершенно исчезло в Европе. Здесь распространилось культовое христианство, имеющее внешний характер. И на Востоке, когда туда пришли славяне, тем более распространилось то, что в большей степени представляло собой культ, что лишь в малой степени обладало внутренней сущностью.

То, что я говорил вам о религиозных представлениях этих (германских) народов, позднее претерпело некоторые изменения. У людей всегда получается так, что в самом начале они еще знают, о чем идет речь; но затем знание о том, в чем дело, прерывается, и остаются только воспоминания. Остается нечто внешнее. Вот так из богов, которых люди видели, из духов природы определилось три главных божества. Вотана представляли подобным свету и воздуху, парящему надо всем. Вотана, в частности, почитали во время непогоды: тогда говорили: Вотан в ветре, Вотан веет в ветре.

Отличительным качеством этих (германских) народов была способность воспроизводить в своей речи то, что они воспринимали в природе. Ведь не так ли, Вотана они почитали в веющем ветре. Ощутите то, что я произнесу: Вотан веет в ветре — три звука «В»! Люди приходили в ужас, когда бушевала буря, они подражали этой буре, говоря: Вотан веет в ветре! Так мы можем сказать и сегодня, однако в древней речи это звучало очень похоже.

Когда наступало лето и люди видели молнию и слышали гром при грозе, то в этом они тоже видели духовное начало. Они подражали ему в речи; духа, который раскатывался в громе, они называли Доннар: Доннар гремит в громе. То, что это заложено в речь, указывает на связь этих людей с внешним миром. Греки еще не были так хорошо связаны с внешним миром. Греки больше искали в ритме, а не в построении речи. А у этих северных народов это закладывалось в саму речь.

Когда эти (германские) народы переходили в Европу, они прежде всего сталкивались с кельтами, при этом постоянно возникала борьба и войны. Ко времени распространения христианства военные действия велись постоянно. Как в веющем ветре и гремящем громе видели духовное начало, так видели его и в битве. Это происходило так: у людей были щиты и с помощью этих щитов сомкнутыми рядами они всей массой шли в атаку. Так они наступали еще тогда, когда приходилось вести борьбу с римлянами. А если римляне бросались им навстречу и штурмовали северян сверху вниз, то римлянам приходилось слышать ужасный клич: при наступлении у северян из тысяч глоток вырывался крик, направленный в их щиты. И гораздо больше, чем от германских мечей, римляне испытывали страх от этого страшного клича нападающих. И если бы сегодня кто-либо захотел воспроизвести нечто подобное наступательному крику этих племен, направленному в их щиты, то это звучало бы как: «Циу цвинг цвист! Циу цвинг цвист!» Циу был духом битвы; они верили, что он идет на штурм вместе с ними. Если какое-то германское племя шло на битву, они чувствовали: среди них находится духовное существо, оно принуждает (zwing) к войне. «Zwist» — означает война. «Циу цвинг цвист!» — это они выкрикивали в свои щиты. И римляне слышали эти приглушенные звуки: «Циу цвинг цвист! Циу цвинг цвист!» И это при атаке несло над головами римлян. Как говорят, это внушало им больший страх, чем все луки, стрелы и тому подобное. Поистине, духовное начало жило в мужестве и стремлении этих людей к битве.

Видите ли, если бы можно было вновь воскресить этих людей в их прежнем виде — они, конечно, воскреснут снова, так как люди перевоплощаются, но тогда они забудут эту историю — если бы можно было воскресить их в том виде, какой они имели когда-то и сравнить их с нынешним населением, то все нынешнее население показалось бы им сонными тетерями, ночными колпаками! И они сказали бы так: совсем не годится для человека, если он постоянно ведет себя как сонная тетеря, как ночной колпак! Пусть надевает этот ночной колпак и отправляется спать. Их образ жизни был совсем иным, они были подвижны.

Конечно, затем наступали и такие времена, когда эти народы не воевали. Но если они не воевали, тогда, то они ложились на медвежьи шкуры, имевшие у них, и пили — они пили ужасно много. Это было их вторым занятием. Это тогда считалось добродетелью; питье их совсем не было столь же опасным, как теперь, это был относительно безвредный напиток, сваренный из различных трав. Из этого возникло позднее пиво, хотя оно, конечно, очень отличалось. Эти племена пили в

больших количествах. Они чувствовали себя людьми только тогда, когда по всему их телу сладко разливался этот сладкий напиток, этот мед (Met). Иногда еще встречаются люди, у которых можно заметить, если они немного чувствуют себя поминками этих древних германцев, как что-то от этих последних оживает в них. Так в Веймаре я встречался с одним немецким поэтом, который пил почти так же много, как древние германцы! Но он, конечно, пил пиво. Древние германцы пили медовый напиток. Мы разговорились, и я сказал ему: но ведь это просто невозможно, чтобы у человека была такая жажда! Тогда он сказал: какая там жажда, если у меня жажда, я пью воду; а вот если у меня никакой жажды нет, я пью пиво. Когда я пью пиво, то пью я не ради жажды, а ради веселья. Так было и с германцами; они становились веселы, они становились деятельными, когда эта медовая сладкая жидкость струилась по их членам, когда они возлежали на медвежьих шкурах.

Ну, а третьим основным занятием тогда была охота. Обработка пашен была в то время дополнительным занятием, и ее выполняли подчиненные народы. Когда племя умножалось, оно подчиняло себе других; эти последние и должны были тогда заниматься земледелием. Это были несвободные люди. Когда же начиналась война, они тоже должны были в ней принимать участие, они должны были носить оружие и так далее. Конечно, в то время разница между свободным населением и несвободным была очень велика. Свободное население, те, кто вел войну, занимался охотой, пил, возлежав на медвежьих шкурах, совместно осуществляли управление. Собираясь вместе, они обсуждали судебные и военные дела и все тому подобное, все, что было необходимо. Ничего не записывалось, потому что и писать-то тогда не умели. Все обсуждалось только устно. Городов тогда не было; люди жили рассеянно, по деревням. Они всегда образовывали своего рода общины из сотен и сотен деревень, так что примерно сотня деревень составляла общину. Они принадлежали друг другу, это называлось сотня. В свою очередь объединения из сотен составляли область, гау. Сотни имели свои собрания, области — свои. Люди, имевшие право собираться на такие собрания, свободно пользовались полной демократией. То, что функционировало при этом, называли не госсветом, не рейхстагом — все эти слова появились позже. Поскольку такие собрания были приурочены к определенному дню, их так и называли («рейхстаг» буквально означает «государственный день» — прим. перев), в то время как все, что не было так регламентировано, называли динг (вещь). В английском языке вы и сейчас еще можете услышать, если говорят о чем-то, чему не удается сразу подобрать название: thing = Ding, это называли Tageding (деловой день). Слово Ding (вещь, дело и др.) сегодня не пользуется уважением, не вызывает доверия к себе. Мне пришлось столкнуться с этим. Мне поручили однажды сформулировать резолюцию, причем я употребил в этой резолюции слово «Ding»; при этом председательствующий, очень известный астроном, страшно обиделся на меня, поскольку это слово в наше время считается неподходящим; его нельзя употреблять по отношению к собраниям серьезных людей! Но в древности такие собрания называли Ding. Не говорили: собрался рейхстаг, говорили: идти на Tageding (тагунг, вече). И в разговоре могли сказать: он «обвечевал» это дело, er «vertagedingt» die Sache. Видите ли, из слова «vertagedingen» (обсуждать на вече) путем преобразования возникло слово «verteidigen» (защищать, оборонять, отстаивать). Так позднее переформируются слова: verteigigen «защищать» возникает из vertagedingen (отстаивать на вече). Сегодня слово (защитник) используется только в суде. Здесь, в Швейцарии используют не слово «защитник», а слова «поверенный», адвокат, но в других местах говорят «защитник», «Vertidiger». Вот как жили эти люди, с их божествами и духами. Этим людям в ту пору южные народы принесли христианство.

Но с другой стороны, здесь, на Западе христианство тоже возникало двояким образом. Частично оно было принесено прямо в Рим; но плелась еще иная линия распространения христианства. Из Азии сюда, по большей части через самые южные области, где латинско-римский элемент еще не оказывал сколько-нибудь существенного влияния, через Испанию в Ирландию. В Ирландии в первые христианские столетия форма распространения христианства носила весьма утонченный характер. Эта форма распространения христианства проникала и сюда, в Уэльс. Отсюда христианские миссионеры тоже проникали в Европу. Отчасти христианство приносили они, отчасти оно распространялось из Рима.

Видите ли, господа, я говорил вам, что, например, в монастырях, а также в

первых университетах существовало многое, относящееся к древней науке, так что там христианство связывали с этой древней наукой. Вот то, что было получено от древней звездной мудрости, астрологии, все то, что позднее в Европе совсем исчезло, приходило из Ирландии. Из Рима, в сущности, распространялся только культ. Лишь позднее, когда Средняя Европа обратилась к Евангелию, Евангелие дополнило культ. Но среди людей жило многое из того, что было принесено из Ирландии. Видите ли, в Европе христианство постепенно целиком и полностью превратилось в стремление к мировому господству. Положительные элементы христианства, существовавшие здесь, вверху, там, где возник готский перевод Библии Вульфилы, а также занесенные сюда из Ирландии, позднее мало-помалу совершенно исчезли. Они еще существовали в средневековье в большом объеме, но затем по большей мере совсем исчезли. Видите ли, Рим действовал с большой хитростью. У народов, описанных мною выше, первоначально тесно связанных с природой, и перекочевавших из Азии в Европу — они не могли остаться в Азии, так как там земля подверглась запустению, — у этих народов сохранилась склонность к странствованию, бродяжничеству. События развивались весьма замечательным образом. Здесь, например, находится Эльба. Здесь, выше по Эльбе, во время, последовавшее сразу же за возникновением христианства, жили некоторые племена; это были лангобарды. Они жили здесь в северо-восточном направлении от саксов, на Эльбе. Вскоре после этого, спустя два столетия мы находим этих же самых лангобардов здесь внизу, на реке По, в Италии! Следовательно, лангобарды перекочевали сюда. Ко времени, когда христианства еще не было здесь, но оно уже возникло, мы находим готов, остготов (восточных готов) здесь, на Черном море. Вскоре после этого несколько столетий спустя, мы находим их здесь, где раньше осели вандалы и вестготы (западные готы). Вестготы кочевали все дальше и дальше на Запад. Через некоторое время мы находим их здесь, в Испании. Вандалов находим мы здесь, на Дунае. Несколько столетий спустя, вандалы вообще находятся не в Европе, но здесь, в Африке, напротив Италии. Эти народности кочуют. Они кочуют именно в то время, когда распространяется христианство; они все больше и больше оттесняются к Западу. Славяне пришли сюда лишь значительно позднее.

Что же тогда возникло на Западе? Римляне уже обрели мировым господством, когда возникло христианство. Римляне вели себя чрезвычайно хитро. К тому времени, когда эти народы приходили на Запад и выступали против римского государства, римляне были достаточно изнурены, они ослабели, превратились в опустившихся парней. Они не могли поделаться ничем иным, кроме как испытывать дрожь в коленках, когда сверху раздавалось: «Циу цвинг цвист!» и раскаты по щитам. Они дрожали при этом как осиновый лист. Но умы у них были хитрые, заносчивые, гордые и высокомерные. Ну, а те племена по необходимости были скроены иначе. Конечно, между теми и этими существовала большая разница. У одних (римлян — прим. перев.) здесь внизу были их земли — пашни, они были оседлые, имели за собой что-то. Эти же племена (германцы — прим. перев.) здесь вверху не были привязаны к месту имуществом, они кочевали. Было так, что римляне принимали к себе эти племена, атакующие их в южном направлении. Они предоставляли им земли, поскольку у римлян земель было в избытке. Они давали им земли. В результате этого эти народности переходили от охоты и войны к земледелию, обработке почвы. Но на каких условиях римляне давали им землю? Да, эти германские народности имели земли, они могли обрабатывать пашню. Они могли это делать, но управление принадлежало римлянам! Благодаря этому римляне постепенно становились господами. Сильнее всего такое господство проявлялось здесь на Западе. В областях, позднее заселенных немцами, люди сопротивлялись дольше. Однако такие люди, как готы, приходя в Италию и приходя в соприкосновение с тамошними людьми, попадали в зависимость. Ведь римско-латинское население отличалось хитростью. Что они делали? Они говорили: если мы беремся за меч, у нас это больше не получается как надо. Ведь они стали худосочными парнями. Что же они сделали? Они сделали воинов из тех людей, которые к ним приходили! Если римляне хотели вести войну, то они вели ее с помощью германцев, ведь эти последние были военным народом. Они получали свои пашни и за это должны были воевать, вести войну. Германцы, оставшиеся вверху, должны были воевать со своими собственными бойцами! Римляне побеждали их, командуя германцами! Так что в первое время после распространения христианства мы наблюдаем войны, которые южное население, римское население

ведет с помощью тех же самых германцев, выступающих среди них. В лучшем случае только командование римской армией состояло из римлян. Рядовой состав римской армии состоял, в сущности, из германцев, ставших римлянами. Дело было также и в том, что религиозное начало исходило из Рима и вводилось соответствующим образом, приобщая этих людей. В эти древние времена люди зависели от своей религии значительно больше, чем позднее. Поэтому происходило, например, следующее. Видите ли, эти люди повсюду в природе воспринимали свет и воздух как нечто духовное. Они тяжело переживали выпадение снега в октябрь-ноябре, когда снег покрывал Землю и все духовное должно было исчезать. И напротив, они очень почитали то время года, на которое приходится наше Рождество. Тогда они ощущали: Солнце теперь снова возвращается. Это был праздник зимнего солнцеворота. Солнце снова обращалось к людям. Так что эти народности особенным образом относились к одухотворенной природе.

Римляне, уже возведшие христианство в принцип власти, господства, позволяли германцам отмечать этот праздник солнцеворота. Но они говорили: мы празднуем не солнцеворот, а Рождество Христа. Так что германцы могли в привычное для них время праздновать свой праздник, хотя они праздновали его далеко уже с иным значением.

Германцы, можно сказать, повсюду под каждым приметным деревом видели какого-нибудь духа. Римляне превращали такого духа в своего святого! Благодаря этому люди меньше замечали это, и в такой форме христианство распространялось среди германских народов. Праздники, подобные празднику обращения Солнца и так далее, были ориентированы на то, что древние германцы любили праздновать праздники своих богов на воле, в горах и лесах.

Следовательно, можно сказать: в Новое время, с момента основания христианства Рим преимущественным образом, действовал хитростью. С помощью хитрости, по существу, и управляли Европой в течение многих столетий, — с помощью римской хитрости. Это зашло так далеко, что римляне даже в школах сохраняли древний латинский язык, а на родном языке говорили только среди народа. Когда затем римляне вместе с христианством вводили и науку, в ней не употреблялась родная речь — это пришло только в XVIII столетии — но повсюду научные дисциплины преподавались на латинском языке. Столь долго римское начало выступало в своем исходном облике.

Но что же происходило на Западе, если мы перенесемся через Испанию и Францию вплоть до Англии? Видите ли, римское начало здесь оставалось живым. Поэтому и возникли языки, где продолжает жить римское начало. Здесь же, в Средней Европе в большей степени одержал победу германский элемент. Здесь возникли германские языки. Здесь, выше одержал победу романский элемент; поэтому возникли романские языки. Но по своему происхождению все эти люди, находящиеся здесь, как те, которые были в Испании, так и те, которые перекочевали в Италию, были германцами. Я описывал вам рипуарических франков, салических франков, которые позднее переместились сюда — все они были германскими племенами, нашедшими Францию. И над этими франками, увлеченными во Францию, подобно облаку распространилась романская речь, из которой возникли французский и испанский языки. Так древнее латинство продолжало жить в измененной форме.

Дальше на Восток от Рейна люди, будучи народом, сказали себе: ну, ученые в париках, преподающие в школах, могут говорить по-латыни и тот, кто хочет стать священником, должен их слушать; но народ должен сберечь свой язык, сохранить его. Вот отсюда и возникло то противоречие, которое актуально для Европы по сей день, противоречие между Средней Европой и Западной Европой.

Постепенно с Востока приходили славяне. Не правда ли, я должен был сказать вам: эти народы перебрались на Запад, где они частью исчезали, частью перенимали иную речь и так далее, затем позднее приходили славяне, расселялись на Востоке Европы и проникали в отдельных местах довольно далеко. Здесь, например, древнегерманский элемент смешивался со славянским элементом по определенным причинам, которые я изложу вам в следующий раз, славяне на Востоке получили название «русы»; и напротив, те, кто предпочел эти области, исчезли среди германцев. Осталось смешение крови. И здесь тогда возникли «руссы», те, кто был авангардом русов. Из «боруссов» потом возникли «прусы»! Это всего лишь измененное слово. Здесь очень много славянской крови. В то время

как сами славяне, оставшиеся позади, оказывались более пассивным, более спокойным населением, те, которые приняли другую кровь, стали воинственными! В них нашла свое продолжение та воинственность, которой обладали древние германцы. Итак, те, кто находились в Пруссии, стали довольно воинственным народом; даже те, кто продвинулся сюда на Запад, даже чешское население является достаточно воинственным.

Такое, можно сказать, самоперемешивание осуществляла Европа. И в этот замес вступало христианство. Мы продолжим в следующий раз.

ШЕСТАЯ ЛЕКЦИЯ

Дорнах 19 марта 1924 г.

Поставленный вопрос, господа, весьма многоплановый, так что параллельно с ним нам надо будет обсудить еще кое-что.

Сегодня мне хотелось бы еще подробнее рассказать о более позднем распространении христианства. В настоящее время, если мы посмотрим на христианство, оно проявляет себя в трех формах. Эти три формы обращают на себя внимание, если правильным образом и на основе современных понятий хотят вернуться к тому, что произошло в ходе Мистерии Голгофы.

Прежде всего, рассмотрим эти вещи применительно к Европе. Недавно я уже говорил вам, как это было: здесь, выше, мы имеем Азию, Европа же является своего рода полуостровом Азии. Она, как вы знаете, выглядит вот так (рисует географическая карта). Здесь — Норвегия, здесь мы переходим в Россию, здесь мы переходим к северному побережью Германии; здесь мы имеем Данию. Тут мы переходим в Голландию, Францию, а тут находится Испания. Здесь мы приходим в Италию, Грецию; здесь — Черное море, и тут мы переходим в Азию. Внизу располагается Африка.

Видите ли, в настоящее время трудно говорить о распространении христианства, поскольку теперь относительно данного вопроса господствуют особые обстоятельства. И все же, если рассматривать христианство в этих областях России за период вплоть до Мировой войны (то есть до 1914 года — прим. перев) обнаруживается следующее: это восточное христианство в значительной степени сохранило первоначальный религиозный характер, присущий Азии; я описывал вам различные проявления этого характера у египтян, у индусов, у ассирийцев. Многие из принимавшегося в качестве культовых действий, жертвоприношений — что очень хорошо понимали в Азии — перетекло в ту религию, которая, будучи формой христианства, укоренилась в этих восточных областях. При знакомстве с религией этих восточных областей возникает непосредственное ощущение: здесь в большей степени доминирует культ, а не какое-либо вероучение. Вероучение стремится выразить в человеческих словах то, что имеет отношение к духовному миру, или, по крайней мере, то, что от этого духовного мира может быть доступно человеческому чувству. Вероучение является также и тем, что человек постоянно хочет развивать дальше с помощью своего разума. Напротив, культ есть нечто данное раз и навсегда, что остается более консервативным. И там, где господствующее положение занимает культ, религия принимает консервативный характер. Можно сказать так: восточная религия здесь носит консервативный характер; по сравнению с более западными религиями она уделяет большее внимание самому культу, нежели внутренним, религиозным импульсам, религиозной жизни в человеке.

На второе течение христианства, исходившее из Рима и распространившееся на север, сильное влияние оказывалось из Ирландии, откуда приходили миссионеры. Южное среднеевропейское христианство, тоже направляемое из Рима, хотя и сохраняло культ, но, тем не менее, придавало вероучению большую ценность, чем это делали на Востоке. Поэтому культ во всем своем значении переживался в римском католицизме в меньшей степени, чем проповедь и вероучение. О сущностном содержании вероучения в Римско-Католической Церкви имело место гораздо больше разногласий, чем в Восточной Церкви.

Но христианство пережило еще одно влияние иного рода. Видите ли, христианство зарождалось в начале нашего летоисчисления. Примерно шесть столетий спустя, через пять-шесть столетий после него возник ислам. Недавно я описывал вам арабов. Если здесь я еще раз нарисую Малую Азию, то здесь, внизу мы приходим к арабам, а здесь переходим в Индию. Здесь располагается Африка, здесь — Египет. Так вот, здесь, в Аравии благодаря Мохаммеду⁽²²⁾ возник ислам. Этот

ислам очень быстро стал распространяться во второй половине первого христианского тысячелетия. Из Азии он распространялся сначала в районе Сирии вверх до Черного моря, затем через Африку в Италию, Испанию и до европейского Запада. Этот ислам имел одно особое отличительное свойство: он как религия объединял элементы фантастики с необычайно трезвым рассудочным элементом. Основопологающим законом магометанской религии, быстро распространившейся в VII, VIII и IX вв. на юг и Запад Европы и в Азии, было: есть только один Бог, о котором возвещает вам Мохаммед.

Надо только правильно понять, что же, в сущности, означало в мировой истории отстаивавшееся Мохаммедом в качестве основного закона: есть только один Бог. Почему Мохаммед акцентировал это так сильно? Мохаммед уже был знаком с христианством; в христианстве не было трех Богов, там шла речь лишь о трех Божественных Лицах, Ипостасях. Сегодня этого больше не чувствуют. В настоящее время не чувствуют, что христианство изначально исповедовало не трех Богов, а лишь три божественных облика, три божественных Лица: Отец, Сын и Святой Дух. Что это значит? Видите ли, слово «персона» в латинском языке обозначало первоначально не что иное, как «облик», «маска», то, что проявляется вовне. И в первоначальном христианстве говорили не о трех Богах, но о трех обликах, трех Лицах, в которых являет себя один Бог. Тогда еще ощущали, как обстоит дело с этими тремя Лицами, тремя обликами (ипостасями). (Теологические споры древняя христианская церковь разрешала на Вселенских Соборах, история которых может быть разделена на три части в соответствии с предметом споров: тринитарные споры, о соотношении Лиц Божественной Троицы — II—V вв., Первый и Второй Соборы; затем споры о Богочеловечестве Иисуса Христа: монофизитские, — о соотношении природы человеческой и Божественной в Иисусе Христе, и монофелитские — о соотношении человеческой и Божественной воли в Иисусе Христе — V—VIII вв., Третий, Четвертый, Пятый и Шестой Соборы; затем последовали споры иконоборческие о святых иконах, иных изображениях, — VIII—IX вв., Седьмой и Восьмой Соборы. Возобновление тринитарного спора об исхождении Святого Духа от Отца, или от Отца и от Сына, а также ряд политических обстоятельств привели к разделению Греческой и Римской Церквей и окончанию периода Вселенских Соборов. Тринитарные споры подспудно продолжались на протяжении всего первого тысячелетия: так в VI в. существовала секта Тритеитов, по учению которой Бог троичен по существу и три Лица Троицы суть три бога: именно такое мнение справедливо опротестовывал пророк Мохаммед, опасаясь возрождения политеизма. Тритеитам противостояли, например, монархиане, действовавшие с III в. и отстаивавшие единство Лица в Боге, противники троичности. Они подразделялись на несколько типов: первые, монархиане-динамисты, утверждали, что Христос есть простой человек, в котором действует особая божественная сила; монархиане второго типа назывались модалистами и видели во Христе самого Бога-Отца, воплотившегося ради нашего спасения; еще один тип — монархиане-патрипассиане — считали, что на кресте пострадал сам Бог-Отец. Монархиане-модалисты учили, что в одной ипостаси пребывают три ипостаси, как в Солнце, которое существует как одно, а действует тройко: как свет, как тепло при шарообразной форме. См.: Христианство. Энциклопедический словарь. М., 1995; Карташев А. В. Вселенские Соборы. М., 1994;

Спасский А. История догматических движений в эпоху Вселенских Соборов. Сергиев Посад, 1914, Болотов В. В. Лекции по истории Древней Церкви. М., 1994 (по изданию 1907 г.) — прим. перев.)

Давайте посмотрим, как же обстоит дело с тремя Лицами. Не правда ли, в настоящее время, хотя наука с религией самым очевидным образом существует и наука, вопрос о трех Лицах понять не удастся. Ведь наука сегодня функционирует совершенно независимо от религии, и, говоря с точки зрения научной жизни, религиозную жизнь не принимают в расчет, не смотрят в ее сторону. В прежнее время это было совсем не так, даже в первые века христианства было иначе; дело тогда обстоит так, что одновременно с религией развивалась и вся наука в прежней ее форме. Тогда не было отдельно священника и отдельно учителя, но было так, что священники в то же самое время являлись учителями, преподавателями. Особенно это имело место в том, что я описывал вам как последние мистерии.

Там прежде всего обращали внимание на то, что человек является природным

существом. Человек есть природное существо, когда он с помощью природных сил рождается из материнского тела как физический человек. При этом — как думали и ощущали тогда — в человеке действуют природные силы. Если я обнаруживаю свой взгляд на то, как человек возникает в физическом смысле, в качестве физического человека, то я смотрю на те же силы, которые я обнаруживаю, смотря на произрастание дерева в природе, возможное лишь при наличии испаряющейся воды и выпадении дождя. Это природные силы. Но за этими природными силами в древности видели духовные силы. Повсюду в природе проявляли активность эти духовные силы. Если внутри горы возникает кристалл, следовательно, если камень растёт, действуют духовные силы. Когда испаряется вода, образуются облака, выпадает дождь, действуют духовные силы. Те же самые духовные силы действуют и в человеке, когда он в эмбриональном состоянии развивается в теле матери. Те же самые духовные силы действуют, когда его кровь струится по сосудам, когда он вдыхает и выдыхает. Во всем, что тогда видели в качестве духа в природе, видимого также и в физическом человеке, во всем этом усматривали принцип Отца, усматривали Отца, поскольку естественное воззвание было в то же самое время и религией.

Говорили себе: тот, кто в мистериях добился высочайшего просветления, является отображением этого Духа-Отца, Который оказывает решающее воздействие на все, что есть в природе. Это была седьмая ступень, ступень, на которую человек мог взойти в мистериях, достигнув достоинства Отца.

Ближайшим достоинством, ближайшим рангом — это я вам уже говорил — был ранг солнечного Духа. Что же понималось под солнечным Духом, которого позднее стали называть Сыном? Что понимали под этим? Я уже рассказывал вам, что Христос называл себя самого солнечным Духом. Говорили себе: разумеется, человек родится благодаря силам природы, благодаря тем самым силам, благодаря которым растут растения и так далее; но вот если он живет на Земле, то он развивает себя. По факту его рождения, осуществленного посредством природных сил, было бы столь же нелепо говорить о добре и зле, как и в случае растения. Вам ведь никогда не придет в голову называть злой белену только оттого, что она ядовита для человека. Вы скажете: она тут ни при чем. Белена не обладает волей, как обладает ею человек. Так что нельзя сказать, что рожденный ребенок благодаря природным силам может быть добрым или злым. Добрым и злым он становится тогда, когда постепенно реализуется его человеческая воля; и в противоположность тем силам, которые действуют в природе, то, что действует в человеческой воле, то, что может стать в человеке добрым или злым, называли Богом-Сыном или солнечным Духом. Тот, кто смог подняться в мистериях до шестой ступени, был лишь Его представителем. Все отдельные представители шестой ступени были наместниками Бога на Земле. Тогда знали, что Солнце является не только газовым телом; Солнце дает не только свет и тепло, но и солнечный Дух. Бог-Сын является одновременно и солнечным Духом. Следовательно, говорили так: Божество Отца пребывает повсюду в природе; Божество Сына пребывает там, где человек развивает свободную волю.

Чувствовали, однако, нечто совершенно странное, особенное. Спрашивали: становится ли человек более ценным или менее ценным существом, когда он развивает свободную волю и подчиняется Богу-Сыну? Этот вопрос задавали себе и в то время, когда было основано христианство.

Господа, посмотрите на какое-нибудь произведение природы вплоть до животного включительно. Ведь если корова стара, то вы с полным правом можете сказать, что за эту корову платить полагается меньшую цену, чем за молодую. Следовательно, старая корова стала менее ценной, нежели в то время, когда она была молодой. Это, конечно, совершенно правильно; но дело тут не в этом, а в том, что корова, очевидно, стала менее ценной не от воздействия своего внутреннего мира, а именно своей воли, нет, она стала менее ценной в результате естественного процесса природы. А вот человек, поступающий плохо, плохо направляющий свою волю, становится менее ценным, чем он является от природы! Поэтому-то человеку необходимо наличие третьего божества, которое направляет его, чтобы вновь сделать его волю доброй, исцелить его нездоровую волю. Это и был третий облик Божества: Святой Дух, Которому в мистериях повсюду уподоблялись на пятой ступени посвящения, называвшейся по принадлежности к тому или иному народу. (Пятая ступень означала отождествление с Духом народа и называлась по имени народа: Грек, Израильянин, и тому подобное, например: «Иисус, увидев идущего к нему Нафанаила, говорит о нем: вот подлинно Израильянин, в котором нет

лукавства». Ин. 1: 47 — прим. перев.)

Древние говорили так: есть три вида, под которыми является Божество. Видите ли, они могли бы сказать и так: есть Бог природы, Бог воли и Бог духа, в котором воля вновь исцеляется, одухотворяется. Они могли сказать так, ибо древние слова означали именно это. «Отец» означало нечто, связанное с первоисточником, первоначалом физического, означало нечто природное. Лишь в новых языках значение этих слов было утрачено. Но затем древние добавляли еще нечто, говоря: есть Бог природы, Отец; есть Бог воли, Сын; и есть Бог, Который вновь исцеляет все, что из-за проявлений воли может стать в человеке больным, Святой Дух; но при этом древние добавляли, что эти трое суть одно. Итак, как свое важнейшее положение, как свое важнейшее убеждение они высказывали следующее: есть три Лица Божества, но эти трое суть одно (являются одним).

Затем они говорили еще нечто: наблюдая человека, так говорили они, мы обнаруживаем у него существенные отличия по сравнению с природой. Мы наблюдаем камень: что действует там внутри? Бог-Отец. Мы наблюдаем растение; что действует там внутри? Бог-Отец. Если мы наблюдаем человека именно как физического человека, то что действует там внутри? Бог-Отец. Но если мы наблюдаем за душевными проявлениями человека, наблюдаем человека душевного, наблюдаем человека в отношении его воли, то что действует там внутри? Бог-Сын. Если же человек прогнозирует будущее человечества, каким оно должно стать, когда все в воле снова станет здоровым, — тут действует Бог-Дух. Все три Божества как говорили, действуют в человеке. Есть три Бога или три божественных лица; но они суть одно, и действуют они в человеке как единство.

Таково было изначальное убеждение христианства. Возвращаясь к первым временам христианства, мы находим, что тогда люди высказывали еще одно убеждение. Они говорили: верно то, что этот Дух-Исцелитель, этот оздоравливающий Дух должен действовать двояким образом. Во-первых, поскольку природа может стать больной, он должен воздействовать на физическое, на то, что происходит от Бога-Отца. А поскольку воля тоже должна быть здоровой, Он (Дух-Исцелитель — прим. перев.) должен воздействовать на то, что происходит от Сына. Итак, они говорили: этот Святой Дух должен действовать так, что Он исходит (ausgeht) одновременно от Отца и от Сына. Это было первоначальным убеждением христианства. (Вопрос об исхождении Святого Духа от Отца или же от Отца и от Сына играл исключительную роль в богословии. Первоначальное убеждение христианства было сформулировано в Евангелии от Иоанна: «Когда же придет Утешитель, Которого Я пошлю вам от Отца, Дух истины, КОТОРЫЙ ОТ ОТЦА ИСХОДИТ, Он будет свидетельствовать о Мне» (Ин. 15: 26). В данных словах Христос Иисус свидетельствует о двояком: о вневременном исхождении Святого Духа от Отца и о временном посланничестве Святого Духа через Сына. Однако Никео-Цареградский Символ веры, явившийся результатом Первого и Второго Вселенских Соборов в IV в, акцентировал лишь онтологическое отношение Святого Духа и Отца, не упоминая о посланничестве Святого Духа от Сына: «И в Духа Святого, Господа животворящего, иже от Отца исходящего... » По указанной причине уже с VI — VII в. в Испании на Поместных соборах предлагалась добавка «и от Сына»; в начале IX в. император Карл Великий вопреки мнению римского Папы Льва III настоял на внесении прибавки «филиокве», то есть «и от Сына» в Никео-Цареградский Символ веры, что считалось канонически недопустимым, но было принято последующими папами. Отстаивая примат римской власти, папа Николай I (858—867 г.) на Римском соборе 863 г. отлучил Константинопольского патриарха Фотия (858—886); в ответ патриарх Фотий обвинил папу в искажении Никео-Цареградского Символа, прибавке Filioque, «и от Сына», причем на Соборе 867 г. латинские нововведения были осуждены, а папа Николай I был низложен и предан анафеме. В свою очередь, латиняне созвали в 869 г. в Церкви св. Софии «экуменический» или мнимый вселенский Собор, на котором был осужден и предан анафеме патриарх Фотий. Собор 879 г. в храме св. Софии в Константинополе восстановил Фотия и осудил Собор 869 г., а также всякие изменения в Символе веры. Эти события положили начало процессу разделения Восточной и Западной Церквей, формально состоявшемуся в 1054 г. В дальнейшем спор о «филиокве» не раз становился камнем преткновения в деле соединения Восточной и Западной Церквей. На Флорентийском Соборе 1438 г. была предложена формула «от Отца через Сына», учитывающая как вечный характер исхождения Святого Духа от

Отца, так и временной характер Его посланничества «чужез» Сына; но к окончательному решению до сих пор прийти не удалось — прим. перев.)

В сущности, Мохаммед руководствовался определенными опасениями. Он видел, как древнее язычество, исповедовавшее многобожие, вырождается, становится все хуже и разрушительно воздействует на человечество. Он видел подъем христианства и рассуждал так: оно тоже подвергается опасности впасть в многобожие, а именно иметь трех Богов. Он не рассматривал их как три божественных облика (три Лица). Поэтому он выступил в качестве оппозиционера (по отношению к христианству, особенно же к христианской секте Тритеитов, рассматривавшей лица Троицы как отдельных богов — прим. перев.), причем он особенно подчеркивал: есть лишь один-единственный Бог и Мохаммед проповедует его вам. Все остальное, что говорится о Боге, неправильно.

Данное вероучение распространялось с неумеренным фанатизмом. Вследствие этого в исламе, в магометанстве полностью отсутствует представление о трех божественных Лицах (трех ипостасях). Здесь в большей степени ограничиваются тем, что говорят о едином Боге, Которого называют Отцом всего существующего. Поэтому образ мыслей в исламе сводился к следующему: как камень не обладает свободной волей, чтобы вырасти и стать таким, каков он есть, как растение не обладает свободной волей, но от природы полыхает желтые или красные цветы, так и в человеке все развитие происходит от природы. Вследствие этого в исламе возникла жесткая идея судьбы, ее называют фатализмом, в соответствии с которой человек должен быть безусловно подчинен неумолимому (жесткому) року, фатуму: если он счастлив, то это детерминировано Богом-Отцом; если он несчастлив, то это тоже детерминировано Богом-Отцом. Он брошен на произвол тора, что называют фатумом, роком. (В период формирования ислама в арабском мире оживило наследие античной и более древней восточной астрологии, которая наглядно демонстрировала зависимость не только судьбы, но и волевой направленности человека от хода небесных тел, что не могло не повлиять на утверждение идеи фатализма в первоначальном исламе. Христианство же в значительной степени акцентировало более свойственное европейцам принцип свободы воли, лежащий в основе таких понятий, как искупление и спасение. Ведь если поведение человека жестко детерминировано движением небесных тел — что, безусловно, имеет место, хотя бы отчасти, — то он не имеет личной вины за свои преступления, и тем самым основная идея христианства — искупление человечества — теряет точку опоры. Многие истинные проповедники христианства, начиная с Фомы Аквинского, умаляли и даже почти совсем игнорировали значение астрологии, а церковь — как средневековая, так и современная, например, Русская

Православная Церковь в лице своих иерархов — даже считала занятие астрологией неприемлемым для христианина. Так в вопросе о том, чему отдать предпочтение свободе воли или природной необходимости, проявлением которой является, конечно, и движение небесных тел, исчисляемое астрономией и астрологией, — ортодоксальная церковь обращает внимание на свободную волю человека, а ислам — на природную необходимость как манифестацию Аллаха. Нежелание ортодоксального христианства принять астрологию как одну из наук, имеющих право на существование, лишь углубляет и без того глубокие разногласия между христианством и исламом — прим. перев.)

Видите ли, господа, такова была религиозная сторона магометанства. Но именно вследствие того, что Мохаммед полагал, что в человеке все происходит так же, как и в природе, он с большей легкостью приобщался ко всем древним искусствам и к древней, античной жизни, нежели христианин. Христианство по преимуществу рассматривало то, каким образом может быть исцелена человеческая воля. Магометанство не интересовалось этим вопросом. Надо ли было заниматься этим вопросом? Если предопределено, что человек становится хуже, то такое предопределение исходит от Бога-Отца. В христианстве говорили: древние язычники преимущественно ориентировались на Бога-Отца; надо присоединить Бога-Сына.

Мохаммед и его более поздние приверженцы не говорили так, зато они говорили: хотя древние язычники имели много богов, они, тем не менее, почитали природное начало, в котором действует один Бог. Вот почему в магометанстве нашло свое продолжение много из древней науки и искусства. Дело обстояло так: в IX столетии по Р. Х. в Европе, во Франции, правил Карл Великий⁽²³⁾, известный

средневековый правитель, о котором всегда упоминает история. Он с трудом освоил алфавит и не умел писать — и то, что он сделал в области искусства и науки, было просто мелочью по сравнению с тем, что возникло в Азии при правлении Гаруна аль Рашида^(23a) — так его звали — действовавшего во времена Карла Великого в качестве представителя ислама, магометанства. Там, в Азии, развивались в большом объеме и искусство, и наука, причем согласно тому, как эти последние сложились еще в древнем язычестве. Эти искусства и наука насаждались в Европе, приходя с юга в Испанию.

Христианство же распространялось из Рима. Я мог бы сказать, что магометанство, продвигаясь из Азии, обогнуло, обошло христианство. (Имеется в виду чисто географическое распространение магометанства из Африки по Северной Африке до Франции — прим. перев.). Здесь происходила сильная борьба между христианством и магометанством. Поистине, магометанство проделало нечто весьма примечательное. Вы знаете, что если где-нибудь располагается войско, то стратегический успех может быть достигнут тогда, если удастся незаметно обойти это войско и напасть на него с другой стороны. Именно это и проделало магометанство с христианством; оно обошло христиан с юга и затем напало на них с левого фланга. (Имеется в виду распространение магометанства на южном побережье Средиземного моря в Северной Африке и удар, нанесенный по Испании и Франции в VIII—IX вв. по Р. Х. — прим. перев.)

И все же, господа, если бы этого не произошло, если бы в указанных областях распространялось исключительно одно христианство, мы еще и сегодня не имели бы никакой науки! Религиозный элемент магометанства был отражен, он был преодолен военным путем. Но вот духовный элемент, который не вязывался в религиозные прения, но продолжал развивать древнюю науку, — этот духовный элемент магометанство принесло в Европу. Он, будучи изучен европейцами, вливается даже и в современную науку.

Вот почему в настоящее время наша душа поставлена в Европе перед двояким: мы имеем религию, пробужденную христианством, и мы имеем науку, пробужденную магометанством, хотя и на окольном пути. И христианство может развиваться здесь, только находясь под научным влиянием магометанства.

Однако вследствие сказанного на европейском Западе возникало все большее желание во что бы то ни стало отстоять христианство. Где господствует культ, там религия меньше нуждается в защите, так как культ оказывает большое влияние на людей. Но здесь исходивший из Рима культ господствовал меньше, хотя он сохранялся; в большей степени господствовало вероучение. Но его теперь постоянно приходилось защищать от нападающего магометанства. В сущности, все средневековье протекало в этой борьбе, которую поддерживало магометанство, в борьбе, носившей сначала военный характер, а затем ставшей духовной борьбой. Во второй половине средних веков постепенно развивалось то, что называют европейской культурой или цивилизацией. Что же постепенно возникало тут?

На Востоке вплоть до Греции христианство не могло развиваться иначе, нежели придерживаясь древних культовых традиций. Но что это означает? Это означает, что исполнялись внешние священнодействия, носившие лишь символический характер. Здесь надо было ориентироваться на природу. Здесь были склонны Бога-Отца акцентировать в большей степени, нежели Бога-Сына. И как у Мохаммеда на расщепленном уровне возникает принцип судьбы, принцип необходимости строгого подчинения человека тому, что определено от Бога-Отца, так и в восточном христианстве Богу-Отцу отводится более значительное место, Бог-Отец обретает больший смысл, нежели Бог-Сын. Только здесь имеет место своеобразная мысленная перегруппировка; хотя люди на Востоке в сильной степени придерживаются Христа, но они переносят на Христа свойства Бога-Отца. Здесь в этом вопросе нет ясности, он затуманен; тут не так много говорят о Боге-Сыне, тем не менее, признают своим Богом Христа, наделяя Его при этом свойствами Бога-Отца. Так в этой восточной религии возникло следующее воззрение: Христос — наш Отец. И во всей восточной религии живет по существу это положение: Христос — наш Отец. (Данную точку зрения подтверждает наличие в Восточной Церкви образа Христа-Пантократора, то есть Вседержителя. Атрибут Вседержителя православный Символ веры относит к Богу-Отцу; так в первом члене Символа веры — молитве «Верую» — сказано: «верую во Единство Бога-Отца Вседержителя» — прим. перев.)

Если же мы теперь переходим в Европу, то там, вследствие стремления

защититься от магометанства, от монотеизма в чистом виде, где не идет речь ни о каких трех обликах, возникла тщательно разработанная доктрина о трех божественных персонах (личностях, ипостасях).

Видите ли, господа, вы, вероятно, знаете, что люди могут собираться вместе и очень долго спорить, спорить и спорить; один говорит другому одно, другой говорит первому другое! Они так и будут спорить. Но что обычно бывает при этом? В конце концов, они разделяются, расходятся друг с другом! Завершением прений становится разобщение, разделение. Принятие вопроса достигается в редчайших случаях, тем более, если разногласия принимают крупный характер. Вы знаете, что вначале была одна социалистическая партия; там много спорили. Там были левая фракция и правая фракция. Но затем каждая из этих фракций образовала собственное партийное руководство. Вот так же обстояло дело и с распространением христианства. Оно распространялось. Здесь, в Азии, то есть на Востоке, отдавали предпочтение Богу-Отцу, хотя утверждали Христа; в Европе же проводили большее различие между Отцом и Сыном. На эту тему дискутировали, вели прения до IX, X вв. по Р. Х. А затем произошло великое разделение Церквей. Восточная Церковь, которую сегодня называют Православной, ибо она исповедует изначальные древние положения, и Западная, Римско-Католическая Церковь отделились друг от друга (1054 г. по Р. Х. — прим. перев.). Так проявилось это большое различие между Восточным христианством и западным христианством.

Такая ситуация длилась долго. В XI, XII и XIII столетиях происходило вживание в это восточное и западное начала. Но затем произошло событие, которое, я мог бы сказать, в известном отношении перепутало все названные вещи. Это были крестовые походы.

Те, среди кого первоначально действовал Мохамед, кто прежде других приняли ислам, были, преимущественным образом, арабами. У этих арабов религия носила ясно выраженный природный характер, была религией природы. Тем самым они были подготовлены к ясному пониманию «Отца», к признанию Бога-Отца. Поэтому на первой стадии магометанства развивались воззрения о Боге-Отце, действующем через всю природу, а также действующем и в природе человека.

Но затем из отдаленных областей Азии пришли другие племена, чьими потомками являются в настоящее время турки. Пришли монгольские, татарские племена. Они вели войны против арабов. Отличительным признаком этого монгольского населения, чьими потомками стали потом турки, было то, что у них по существу не было никакого Бога природы. Им было присуще то, что обычно присуще человеку в наиболее древнее время: в отличие от греков они совсем не направляли свой взгляд на природу. Они обделили себя от этого. Из мест своего первоначального обитания турки не принесли понимания природы, поэтому они принесли необычайное понимание духовного Бога, Бога, которого можно было постигнуть лишь мысленно, которого нельзя было нигде увидеть. Эта особая форма рассмотрения Бога перешла в ислам, магометанство. Турки переняли от побежденных магометанскую религию, но они изменили ее сообразно своему образу мыслей. И если на ранней стадии магометанская религия была проникнута искусством и наукой, турки, в сущности, отбросили все, что было наукой и искусством, они заняли враждебную позицию по отношению ко всему художественному и научному. Они несли ужас западному населению, ужас всем, принявшим христианство.

Видите ли, для христиан местность, где возникло христианство, Палестина с Иерусалимом, была особо священной местностью. Из западных областей туда направлялось множество паломников, приносящих при этом значительные жертвы. Было множество очень бедных людей, отказывавшихся от всего необходимого, чтобы только совершить это путешествие в Палестину к Святому Гробу Господню, как его называли. Но, тем не менее, такое путешествие предпринималось! И толпы после прихода турок эти путешествия стали опасными, ибо турки властвовали над Палестиной и они вредили христианским паломникам, пилигримам, куда те приходили туда. Европейцы хотели освободить Палестину, чтобы можно было приезжать туда. Они хотели установить в Палестине свою собственную власть, поэтому они и предпринимали большие военные походы, ставшие известными как крестовые походы, чья цель так и не была достигнута, но которые явились выражением борьбы между западным христианством, восточным христианством и проникнутым тюркизмом магометанством. Христианство должно

было быть спасено от ставшего тюркским магометанства.

И вот многие люди потянулись в Азию, прежде всего как воины. Что они увидели там? Крестовые походы начались в XI—XII вв. по Р. Х., продолжались в течение столетий и приходились, следовательно, на середину средневековья. Так что же, прежде всего, видели те, кто отправлялись в Азию как крестоносцы, воины креста? Прежде всего, они увидели, что турки являются страшным врагом. В лице турок они столкнулись со страшным врагом. Но если тот или иной крестоносец в дни, свободные от сражений, мог немного присмотреться, с ним могли произойти знаменательные события. Он мог, например, встретить какого-нибудь старца, жившего в какой-то хижине, которого не заботили ни турки, ни христиане, ни арабы, но который, однако, с замечательной верностью, преданностью являлся продолжателем древних языческих традиций, продолжателем того, что жило в древнем язычестве, будучи культурой, наукой, обучением. Турок это не заботило. Все это было, в сущности, искоренено из официальной культуры; но такие люди (носители языческих традиций — прим. перев.) были, и их было много. Так европейцы знакомились со многим, относившимся к древней мудрости, со многим, уже не существовавшим больше в христианстве. Все это они брали с собой, возвращаясь назад, в Европу.

Теперь представьте себе, господа, как это было. Еще в ранние времена арабы, пробираясь через Италию, Испанию, приносили с собой искусство и научный образ мыслей. Распространяясь, это становилось настоящей наукой. Тогда же сюда переносилась восточная древнейшая наука; та и другая смешивались друг с другом. Благодаря этому в Европе возникало нечто совершенно особенное.

Видите ли, Римская Церковь практиковала культ, несмотря на то, что она заботилась о нем в меньшей степени, нежели Восточная Церковь. Римская Церковь практиковала культ, но она также очень сильно опиралась и на вероучение. Но это вероучение, это преподавание религии в древней Церкви зависело от личности. Вплоть до крестовых походов оно зависело от личности. То, что возвещалось с церковной кафедры, то, что проводившиеся Вселенские Соборы рассматривали как положительное, становилось предметом обучения. Но помимо этого существовали еще и так называемый Новый Завет, Библия. Однако читать Библию людям, которые сами не были священниками, было запрещено, и этого запрета строго придерживались. Было бы расценено как нечто ужасное, если бы в то древнее время перед крестовыми походами кто-нибудь прочитал Библию, Новый Завет. Это не разрешалось. Вследствие сказанного знали только то, чему учили священники. Простой верующий не держал в руках Библию.

Однако вследствие того, что арабы приносили науку, вследствие того, что человек знакомился с древней восточной мудростью, возникало весьма сильное чувство: а ведь священники, которые нас учат, ничего этого совсем не знают! Есть гораздо большая мудрость, чем та, которой они нас учат. Так созревало намерение: мы хотим посмотреть, откуда они берут свою мудрость. Так возникала тенденция, намерение по-настоящему изучать Библию, ознакомиться с Новым Заветом. Отсюда и возникли третья форма христианства: евангелическое христианство, которое затем обрело в Лютере⁽²⁴⁾ своего особого представителя, хотя в соответствии с указанными тенденциями оно складывалось значительно раньше.

Возьмите, например, области нынешней Чехословакии, Богемии, Баварии, возьмите области здесь, на Рейне от Голландии до Германии — я мог бы назвать и многие другие области, — здесь повсюду образовывались братства. Здесь образовалось «Братство общей См. жизни» от Голландии по Рейну. Здесь (указывается на рисунке) образовались братства получившие названия «Моравских братьев». Чего же хотели эти братства? Эти братства говорили: из Рима распространяется не настоящее христианство; христианство таково, что с ним надо сначала познакомиться, с ним надо познакомиться посредством внутренней жизни. Сначала намерение познакомиться с христианством, изучить его, было внутренним стремлением. Только позднее стали говорить: надо изучать Евангелие. Но и то, и другое происходило из одного источника.

Видите ли, есть существенное различие между Гусом⁽²⁵⁾ действовавшим там, где теперь Чехословакия, и Лютером. Гус еще мало смотрит на Евангелие, больше обращает внимание на то, чтобы человек переживал христианство внутренним образом. Позднее это стало более внешним, проявившись в изучении Евангелия.

Но Евангелие, Новый Завет был написан при совершенно иных условиях. Тогда

использовался образный способ выражения, и этот образный способ выражения позднее почти не понимали больше. Я хочу привести вам один пример.

В одном месте Евангелия рассказывается, как Христос исцелил больного. В то время, когда Христос исцелял больных, в местности, где Он учил, было распространено гораздо больше тех заболеваний, которые сегодня называют нервными заболеваниями, неврозами, нежели болезней, носивших органический характер. Эти нервные заболевания могут быть излечены благодаря ободрению, любви, передающейся от одного человека к другому. Большинство описанных здесь случаев исцеления болезней восходит к исцелениям такого рода. Но затем в одном месте сказано: «Когда заходило солнце, Христос собирал вокруг Себя людей и исцелял их» («При наступлении же вечера, когда заходило Солнце, приносили к нему всех больных и бесноватых», Мк. 1: 33; также: «При захождении же солнца все, имевшие больных различными болезнями приходили к Нему и Он, возлагая на каждого руки, исцелял их», Лк. 4: 40 — прим. перев). Это место, если вы сегодня читаете его в Евангелии, может показаться незначительным, может показаться человеку лишь указанием на временные данные. Но зачем в этом месте ссылаться на временные данные? Потому что тем самым хотят сказать: силы, развиваемые здесь человеком, который хочет исцелить другого, становятся сильнее, если Солнце не стоит на небе, если его лучи проникают сквозь землю, нежели тогда, когда Солнце стоит на небе. Это место очень значительно, здесь сказано: «Когда заходило солнце, люди собирались вокруг Христа и он исцелял их». На это больше не обращают внимания. Тем самым здесь хотели указать на то, что Христос использует для исцеления собственные природные силы человека. Евангелия переводились в то время, когда их уже не могли понять. В сущности, Евангелия по-настоящему понимали очень мало.

Как в восточном христианстве, так и в христианском евангелическом — во всех этих областях дело обстоит так, как это бывает и в других случаях, о которых я рассказывал; когда нечто, хорошо понятное вначале, позднее, хотя и сохраняется, но уже не понимается. Во всех трех формах христианство больше не понимается правильно. Я хотел бы сказать, что каждая из этих трех форм берет за основу что-то одно. Восточное христианство берет за основу Бога-Отца, даже если оно называет его Христом. Римско-Католическая западная религия берет за основу Бога-Сына, она лишь иногда рассматривает Бога-Отца как Старца с волнистой бородой, Которого хотя и изображают, но говорят о Боге-Отце здесь мало. Евангелическое христианство берет за основу Бога-Духа. В евангелическом христианстве особенно дискутируются вопросы: «Как человеку освободиться от греха? Как будет человек исцелен от греха? Как человек оправдывается пред Богом?», и так далее.

Дело, по существу, в следующем: если изначально христианство имело одно Божество в трех обликах, то затем это христианство распалось на три вероисповедания. Каждое вероисповедание обладает одной частью, одной правомерной частью христианства.

Однако вследствие абстрактного объединения трех частей нельзя восстановить изначальное христианство. Оно может быть найдено снова только благодаря самим истинно человеческим силам, как я это уже начинал показывать в только что приведенном мной примере (евангельских исцелений — прим. перев). Но тем самым я хотел вам в то же время показать, как трудно в настоящее время прийти к изначальному христианству. Ведь если спросить у ориентального, восточного христианства, каково истинное христианство, то вам скажут все то, что относится к Отцу, и назовут затем Отца Христом. Если вы спросите о сущности христианства у Римско-Католической Церкви, то вам скажут обо всем, что относится к грехопадению человека, к испорченности человеческой природы, о том, что человек должен быть спасен своими страданиями, и так далее. Вам скажут все то, что относится к Сыну, ко Христу. Если же вы спросите у евангелического христианства, в чем состоит сущность христианства, то вам скажут: все основано на принципе оздоровления воли, исцеления, восстановления здоровья воли, оправдания перед Богом. Говорят о Святом Духе, но называют Его Христом.

Вот почему происходит все то, что мы имеем сегодня; люди совсем не думают о том, что пора бы объединить три различных стороны христианства. Люди говорят: здесь больше нельзя ничего понять! Из-за этого возникает современное настроение и необходимость вновь найти христианство.

Таким же образом я бы хотел поговорить с вами в ближайшую субботу⁽²⁶⁾ о

Мистерии Голгофы. Тогда мне будет видно, завершён ли ответ на этот вопрос.

СЕДЬМАЯ ЛЕКЦИЯ

Дорнах, 26 марта 1924 г.

Доброе утро, господа. Сегодня мы добавим ещё кое-что по вопросу, касающемуся христианства. К сожалению, мне не удалось говорить в последнюю субботу, так как я должен был поехать в Листаль. Мы пытались говорить о том, что можно считать специфической сущностью христианства, и о том, что было воспринято христианством в ходе развития человечества. Затем мы говорили о борьбе, возникшей в связи с распространением христианства в Европе, борьбе, как я говорил, долгое время основывавшейся, в сущности, на том, что одна партия больше подчеркивала принцип Бога Отца — это было восточное христианство, тогда как другая партия больше подчеркивала принцип Сына — это была Римско-Католическая Церковь, а третья партия — Евангелическая Церковь — больше подчеркивала принцип Духа.

В настоящее время трудно вести речь о таких вещах, поскольку большинство людей думает так: а можно ли вообще затевать споры об этих вещах таким образом? Ведь сегодня, не правда ли, мир занят иными проблемами, из-за которых идет борьба; когда-то воевали друг с другом самым страшным образом по той причине, что одни придерживались иных принципов, нежели другие; современному человеку это трудно понять. Но, видите ли, господа, надо стараться понять это, ибо когда-нибудь придут и такие времена, когда не будет понятно, почему люди так страдали из-за нынешних проблем! И произойти это может уже в не столь отдалённом будущем.

И если задуматься над этим, то можно будет понять и то, почему древние люди спорили по совсем иному поводу, нежели спорят сегодня. Однако при этом следует знать, о чем же тогда спорили люди, ибо это ещё живёт среди нас.

Что являлось внешним символом, наиболее настоятельно сохранившимся в христианстве? Наиболее prominentным символом христианства весьма долгое время был умерший Иисус — крест, и на нём мертвый Иисус. Но не с самого начала христианства стали обращаться к мертвому Иисусу. Если рассмотреть наиболее древние времена, то мы найдем, что тогда наиболее частым и распространённым был тот образ Христа Иисуса, где Христос изображен как молодой человек с ягнёнком за плечами, и как пастух. Это изображение называли Пастырь Добрый. В I, II, III христианских столетиях наиболее распространённым был образ Доброго Пастыря. И только в VI в. по Р. Х. появились изображения, где Христос висел на кресте и был мертв; как говорят, изображения распятия, изображения Распятого. Первые христиане никогда не изображали распятия.

За этим стоит нечто важное. Видите ли, первые христиане ещё целиком и полностью придерживались воззрения, что Христос вошёл в Иисуса из Солнца, что Христос является внеземным существом. Все это в первом позднее понималось неверно. Все это в целом было позднее превращено в догму о так называемом непорочном зачатии, которая гласила, что Иисус, когда Он уже родился, не был ни зачат, ни рожден, так как это обыкновенно происходит с людьми. Только когда перестали понимать, что Иисус сначала был человеком, хотя и исключительно значительным человеком, и что только на тридцатом году Его жизни на него сошел Дух, Которого называли Христос, сошел Солнечный Дух, — в то время, когда это уже перестали понимать, так сразу, с одной стороны, появилось стремление изображать на кресте мертвого Христа, умершего Христа, а с другой стороны, духовное вхождение Христа было перенесено на Рождество. Это возникшее после VI в. по Р. Х. истолкование было неверным. Однако оно позволяет заглянуть очень глубоко. Ведь между тем временем, когда христиане ещё изображали Иисуса Христа как Доброго Пастыря, и тем временем, когда Он стал изображаться как Распятый, — итак, в этом промежутке произошло одно вполне определенное событие. Оно состояло в том, что на одном из Соборов⁽²⁷⁾ (имеется в виду «экуменический», или мнимо вселенский, Собор 869 г. — прим. перев.) было решено: человек состоит не из трех частей — тела, души и духа — но лишь из двух частей, из тела и души, душа же, как говорили, обладала духовными свойствами.

Это очень важно, господа! Видите ли, на протяжении всего средневековья так называемая трихотомия, трехчленность человека, троичность человека считалась еретическим воззрением. Никто, будучи православным, не смел верить в

трехчленность человека. Никто не смел сказать: человек тоже имеет дух, но надо было говорить так: человек имеет тело и душу, а душа обладает духовными свойствами. Однако вследствие того, что дух был в некотором смысле упразднен, весь путь человека к духу был загражден, и только в настоящее время стало возможным снова ввести в употребление науку о духе, для того, чтобы возвратить человечеству то, что у него отобрали.

Первые христиане прежде всего знали: то, что живет в них как Христос, вообще не может ни родиться, ни умереть. Это нечто отличное от человеческого. Человек рождается и умирает. Но Христос, пребывавший в Иисусе, при жизни последнего не был рожден, подобно тому, как рождается человек, и не мог также умереть на кресте, как Иисус, смерть не могла затронуть Его (Христа): Христос, подобно человеку, меняющему одежду, но при этом остающемуся собой, мог принять другую форму, а именно, духовную форму. Но если кто-либо жаждет изобразить то, что духовно — ведь увидеть этого глазами нельзя, не так ли? — он должен прибегнуть к образному, символическому изображению. Изображая Христа Иисуса как Доброго Пастыря, хотели отобразить то, что дух контролирует человека, блюдет человека, что дух является добрым советчиком для человека. Нечто подобное имеет силу до сих пор, но только люди в настоящее время этого больше не понимают. Часто бывает так, что от образа, от картины остается только часть. Сегодня нередко говорят, имея в виду Христа: «Агнец Божий». Это было видно на изображениях, дошедших из первых веков; часть от такой картины, изображающая ягненка, находящегося на плечах у Христа, еще сохранилась. Сохранилась только эта часть. Вообще, в древности человека называли по какой-либо части. Например, человека зовут Каппа, есть такое имя — когда-то маленький головной убор назывался каппа. И по головному убору некоторые люди получали имена, прозвища. Если кого-то называли «Орел», он мог когда-то иметь орла в своем гербе и так далее. Так и имя «Агнец Божий» сохранилось, поскольку указывало на часть древнего изображения. В VI веке по Р. Х. все воззрения о духе были искажены; следствием этого стала вера, будто бы Христа Иисуса можно рассматривать только в аспекте человеческой судьбы. Не рассматривали живого Христа, Который является Духом, рассматривали только умершего человека Иисуса и полагали, что это и есть Христос. Поэтому событие умирания стало с VI в. особенно актуальным.

Видите ли, здесь же сыграл свою роль материализм. И исследуя развитие христианства, мы видим, как материализм развивается все больше. Из-за этого в более позднее время произошло многое, чего в ином случае бы не произошло.

Я говорил вам⁽²⁸⁾, господа: знание о том, что Христос является Существом с Солнца, жившим в первом веке Иисусе, выражено посредством тех символов, которые по сей день во время каждой торжественной мессы можно видеть на алтаре. Это святая святых, дароносица (см. рисунок); Солнце в середине и Луна, над которой находится Солнце. Это имело положительный смысл, поскольку было известно, что Христос является Существом с Солнца. Ибо что находится в дароносице? Запеченная мука. Каким образом возникает эта запеченная мука? Она возникает оттого, что на Землю падают солнечные лучи, оттого, что Солнце посылает на Землю свет и тепло, оттого, что растут зерновые и из зерновых делают муку. Это в полном смысле продукт Солнца. Иначе говоря: поистине, это тело, созданное солнечным светом. И пока об этом знали, все в целом обретало смысл.

Далее: Луна изображалась в таком виде (в такой фазе), поскольку именно лунный серп представлялся как самое важное. Я говорил вам: силы, придающие человеку его физический облик — это лунные силы. Все в целом обретает смысл, пока известно, как обстоят эти дела. Однако постепенно все эти вещи утрачивают все свое значение.

Я хочу сказать вам еще кое-что, дабы вы смогли увидеть, какое значение имели такие вещи.

Подумайте о том, что турки, магометане, как я говорил вам, исповедовали только одного Бога, а не три ипостаси, три Лица; они все возлагали исключительно на Бога-Отца. Какой же символ они должны были принять в этом случае? Конечно, Луну! Именно поэтому символом турок является полумесяц.

Христианам необходимо знать, что их знак символизирует победу Солнца над Луной. И первые христиане изображали победу Солнца над Луной как следствие Мистерии Голгофы. Но что это значит? Видите ли, теперь все в духовном, по

существо, идет кувырком! Ведь если понимают смысл изображения Солнца, то говорят себе: тот, кто знает смысл этого образа Солнца, тот принимает и то, что человек в своей жизни обладает свободной волей, что в него может входить еще нечто, имеющее значение для жизни. А тот, кто верит только в Луну, думает, что человек получает все уже при своем рождении, что он ничего не может поднести с самим собой. Именно это и является турецким фатализмом! Но ведь турки все еще кое-что знают об этом. И в этом отношении турки оказываются разумеется европейцев, ибо европейцы, хотя и имели когда-то в качестве своего символа Солнце, но давно забыли о смысле, значении этого символа.

Стоит только задуматься над тем, что в VI столетии уже ничего не было известно о духовном Христе, как станет понятным и то, почему в средние века — в X, XI, XII и XIII столетиях и даже позднее — вдруг начали спорить о том, что, в сущности, означала Таинственная вечеря? Она имеет значение только для того, кто обладает духовным восприятием образа. Но этого больше не умеют делать; тут-то и возникают споры. Одни говорят: на алтаре в церкви хлеб действительно превращается в Тело Христово. Другие в это не верят, так как не могут представить себе, что хлеб, внешний вид которого остается прежним, превратился в плоть. Они не могут этого понять. Так возникли все те средневековые споры, результат которых был просто ужасен. Одни говорили: веруем в то, что хлеб является настоящей плотью. Они представляли собой римско-католическую «партию». Другие говорили: мы не можем поверить в это; в лучшем случае то, что здесь происходит (то есть в случае пресуществления — прим. перев), имеет чисто символическое значение. Это были те, из кого впоследствии возникли евангелические христиане.

Из-за этих вопросов возникло все то, что известно как религиозные войны средневековья, апогеем которых стала страшная Тридцатилетняя война, длившаяся с 1618 по 1648 год. Эта Тридцатилетняя война началась из-за взаимного столкновения католиков и протестантов. Как известно, Тридцатилетняя война началась с так называемого пражского фенстерштуха, выкидывания из окна. Императорских наместников в Праге оппозиционная партия выбросила из окна; несмотря на то, что они упали со второго этажа, они приземлились так удачно, что им ничего не было, так как упали они на мусорную кучу! Однако эта куча не была коровьим или конским навозом; это были обрезки бумаг и всякая дрянь, так как в Праге тогда был такой порядок, что обрезки бумаг, конверты и так далее попросту выкидывались из окон. Но в данном случае это пошло на пользу, поскольку когда католики спорили с протестантами и императорских наместников Мартинца, Славата и тайного секретаря Фабрициуса выкинули из окна — а в те времена это делали часто, такие случаи не были редкостью, — все трое уцелели. Но именно тогда и началась Тридцатилетняя война.

Конечно, вам не следует думать, что в течение всей Тридцатилетней войны занимались распутыванием религиозных споров. В таком случае Тридцатилетняя война, вероятно, закончилась бы раньше. Ко всему добавились раздоры между князьями. Им шло на пользу то, что люди наступали друг на друга. Один приставал к одной партии, другой — к другой партии, и под видом религиозной борьбы они преследовали собственные цели, так что Тридцатилетняя война длилась именно тридцать лет. Но началась она по причине, которую я вам указал.

Видите ли, до Тридцатилетней войны (1618—1648), до XVII столетия длились споры; прошло не так уж много времени с того момента, когда люди начали спорить о таких вещах. Из этого спора и возник протестантизм, Евангелическая Церковь.

Вы скажете: но если Дух отменили, то как же ты можешь говорить нам, что протестантская, Евангелическая Церковь из трех Божественных Ипостасей приняла Дух? Да, господа, на это можно ответить, что в Евангелической Церкви даже и не знали, что они вымолили Дух, ибо Дух действительно был «отменен». Сознательным образом они не имели Его. Но я уже часто говорил вам: то, о чем не знают, тем не менее, может существовать. Некоторое духовное начало, хотя и не очень значительное, действовало все же в Евангелической Церкви. Но представители ее не знали об этом. Видите ли, если бы не было всего того, о чем не знают, например профессора, то что вообще осталось бы в этом мире? Это именно так, господа, должно быть ясно; можно говорить о том, что делает человек, даже если он сам и не знает, что он делает! Так и в случае возникновения протестантизма позволительно говорить о том, что этот третий облик, третья Ипостась — святой Дух — действовал здесь.

Но здесь вы видите, каким образом возникает форменный материализм! Древним христианам не приходилось спорить по поводу, превращается ли запеченная мука в настоящую плоть, потому что это совсем не соответствовало их образу мыслей. Только когда обо всем стали думать как о материальном, то и о данном предмете стали думать как о материальном. Вообще-то это очень интересно. Материализм выступает в двух формах: сначала обо всем духовном думают как о материальном, а после вообще отрицают дух. Таков, по существу, путь, которым идет материализм.

Интересно видеть, как даже позднее, даже после VI столетия, в Средней Европе христианские воззрения носили гораздо более духовный характер, нежели позднее. Материалистическим христианство стало прежде всего на юге. В Средней Европе есть два прекрасных поэтических произведения. Одно из них возникло в Эльзасе в IX в. по Р. Х. и называлось оно «Евангельская гармония» Отфрида⁽²⁹⁾. Другая поэма возникла, однако, в иной местности, в настоящее время это Саксония, и называлось оно «Хелианд»^(29a), «Хайланд». Если вы читаете «Хелианд», то вам бросится в глаза одно: вы скажете себе: этот монах — ведь персонажем «Хелианда» является монах крестьянского происхождения — описывает Иисуса Христа, но совершенно особым образом; он описывает его примерно так, как следовало бы описывать германского герцога, который, сражаясь во главе германского войска, одерживает победу над своими врагами. Читая «Хелианд», чувствуешь себя не в Палестине, а в Германии. Конечно, здесь рассказано о тех же событиях, которые описаны в Евангелиях, но рассказан так, как если бы Христос был немецким герцогом, немецким князем. Так же рассказано и о деяниях Иисуса.

Что это означает, господа? Что это означает, когда человеку, написавшему «Хелианд», совершенно безразличны внешние факты, которые можно было видеть глазами в Палестине; он даже не имеет желания верно описать их! Внешняя картина оставляет его безразличным. Он намеревался описывать духовного Христа и думал так: не имеет значения, странствует ли Он по свету в облике германского герцога или в облике палестинского иудея. Итак, в эпоху возникновения «Хелианда», в Средней Европе еще действительно верили в духовного Христа, там еще не возобладали материалистические настроения. На юге дело шло иначе: романские народы, греческие народы, уже обрели тогда материалистическую настроенность. Но в Средней Европе еще сохранилось некоторое понимание духовности; вот почему персонаж «Хелианда», саксонский монах, описывает Христа в облике германского герцога. Отсюда вы можете увидеть, что здесь, в Средней Европе, еще можно было найти возможности указать на то, что Христа надо прежде всего представлять духовно, а именно как Солнечного Духа, о котором я вам уже сообщал.

Поняв характер, который в «Хелианде» имеет Христос, можно обнаружить, что Хелианд, как Христос изображенный в этой саксонской книге, прежде всего является «свободным человеком», а это значит, что он несет в себе солнечное начало, а не только лунное; Он, следовательно, является свободным человеком.

Поистине все связи Христа с вневременным миром были попросту преданы забвению, и в настоящее время о них больше ничего не знают.

Но мне хотелось бы сказать вам еще нечто. Если возвратиться к тем мистериям, о которых я рассказывал вам — что они в древности являлись одновременно и образовательным центром, и религиозным центром, и центром искусств, — если вернуться к этим древним мистериям, мы обнаружим, что в этих мистериях справлялись праздники, причем эти праздники были связаны с годовым кругооборотом. Весной праздновался так называемый праздник Воскресения. Природа воскресала ко времени Пасхи. Говорили: человеческая душа может праздновать Воскресение так же, как и природа. У природы есть Отец. Весной силы природы обновляются. Но в человеке, если он следит за собой, если он работает над собой, обновляются душевные силы. И люди, обладавшие знанием, люди, имевшие — как я говорил — мудрость, в древних мистериях стремились преимущественно к тому, чтобы в душе возникало переживание, чтобы возникало своего рода переживание весны. Видите ли, переживание весны — это то, когда можно сказать себе: «Ах, все то, что я знал раньше, не имеет значения! Я как новорожденный!» Однажды в жизни к человеку приходило познание, что он как новорожденный, то есть он вновь родился от духа. Вам это покажется странным, но во всех азиатских странах люди подразделяются на тех, кто был рожден один раз, и на тех, кто был

рожден дважды. Повсюду говорят о дваждырожденных людях. Рожденные один раз благодаря лунным силам оставались такими же на протяжении всей своей жизни. Другие, дваждырожденные, проходили обучение в мистериях, чему-то научались и знали: человек может сделать себя свободным, человек может направлять себя своими же собственными силами! Но это изображалось в образной форме.

Можно углубиться и в еще более отдаленное время, когда повсюду во время весны существовали определенные праздники, где в мистериях изображали, как имеющий человеческий облик Бог умирал, его погребали, а на третий день он воскресал снова. Это было настоящее представление, которое всегда представлялось в древних мистериях весной. Там люди собирались вместе. Там находился и образ божества в человеческом облике. Изображалось, как божество умирает; образ погребали. Через три дня образ извлекали из могилы и в праздничной процессии, в праздничном ходу проносили по окрестностям при совместных восклицаниях: «Хейланд воскрес!» (Der Heiland ist uns wiedereistanden!). И если в течение трех дней, когда Хейланд образно пребывал в могиле, они отмечали своего рода тризну, скорбные дни, то вслед за этими скорбными днями следовал радостный праздник.

Видите ли, господа, это очень значительно; ведь это означает, что все происходившее на Голгофе ежегодно всегда разыгрывалось в образной форме в мистериях.

Если в Евангелиях рассказывается, что на Голгофе находился крест, что там умер Христос, то при этом имеют в виду историческую сторону дела. Но в образной форме это существовало на протяжении всех древнейших времен. И поэтому древние христиане ощущали преемственность указанных событий, ощущали их как исполнение пророчества. Они говорили: те, кто переживал древние мистерии, пророчески предвещали то, что совершилось как Мистерия Голгофы.

Итак, вы видите: в древности тоже в некотором смысле существовало христианство. Однако это христианство не было христианством Иисуса Христа, это было некое духовное христианство, праздновавшееся в образной форме.

Видите ли, одним из наиболее значительных святых в Католической Церкви является святой Августин⁽³⁰⁾, живший в IV—V вв. по Р. Х. Святой Августин был сначала язычником, затем он обратился к христианству и позднее стал одним из наиболее уважаемых священников и святых в Католической Церкви. Так вот, в трудах святого Августина вы найдете замечательные слова. Он говорит: «Христианство было и до Иисуса Христа; древние мудрецы уже были христианами, только их еще не называли христианами». (Августин, р. 354 г., ум. 430 г. по Р. Х. — величайший из отцов древней Церкви христианского Запада, родился в африканском городе Тагаст, преподавал в Карфагене риторику, в течение 9 лет был манихеем, находясь под влиянием манихейского профессора Фауста. После переезда в Италию в 384 г., изучал платонизм, в 387 г. крестился, а в 395 г. стал епископом. Боролся с язычеством, манихейством, донатизмом и пелагианством, был автором 92 трудов в 232 книгах, оказавших исключительное влияние на формирование католического мировоззрения — прим. перев.)

Да, господа, нечто чрезвычайно значительное заключено в таком, сделанном уже в христианское время, признании, признании того, что уже существовавшее когда-то в древних мистериях христианство, благодаря Иисусу Христу было явлено вновь, при этом в то время, когда мистерий уже не стало. Таким образом, это явление должно было стать событием, объединяющим всю Землю.

Однако сознание того, что христианство жило еще в древнем язычестве, тоже было утрачено. Материализм попросту разрушил чрезвычайно многое из того, что уже было обретено человечеством. В той образной форме, в которой каждую весну изображалось воскресение умирающего Богочеловека (Menscheugott), в той образной форме древний мудрец со всей очевидностью прозревал и свою собственную судьбу. Он говорил: таким я должен стать; я тоже должен развить в себе знание, которое позволит мне сказать себе, что смертно во мне только то, что возникло из сил природы, а не то, что позднее возникло во мне как вторичное, не то, что я приобрел своими собственными человеческими силами.

В первоначальном христианстве люди еще говорили себе: чтобы стать бессмертным, человек должен в течение жизни пробудить в себе душу; тогда он в истинном смысле становится бессмертным. Но, конечно, в этом вопросе не следует впадать в заблуждение. Тем не менее, такое заблуждение, ложное мнение,

выступило как альтернатива. А именно: во время распространения христианства в первые века люди говорили: человек должен заботиться о душе, чтобы душа человека не умерла; но позднее Церковь стала проповедовать иную точку зрения. Церковь не хотела больше позволять человеку самому заботиться о своей душе; она пожелала всю заботу о его душе взять на себя! Во все большей степени должна была Церковь осуществлять эту заботу о душе человека вместо того, чтобы сам человек заботился о своей душе. Это привело к тому, что в человеке перестали видеть то, откуда должна была правильным образом проистекать такая забота о душе, перестали видеть, что в душе рождается дух, что в душе рождается солнечное начало. Ведь о солнечном начале невозможно проявлять заботу материалистическим образом. Что значит: — заботиться о солнечном начале материалистическим образом? Это значит, что надо было бы снарядить экспедицию и доставлять с Солнца то, что надо дать человеку! Но, конечно, сделать этого нельзя. Представления обо всем этом в целом носят ложный характер.

Видите ли, господа, все это я говорю вам для того, чтобы показать, как в ходе времен материализм захватывал вокруг себя все больше и больше, так что совершенно перестали понимать, чем является в человеке духовное начало. В настоящее время дело обстоит так, что вышеуказанный принцип, не позволяющий человеку самому заботиться о своей душе и возлагающий эту заботу о душе человека на Церковь, этот принцип еще не привел к умерщвлению человеческой души. Но если этот самый принцип будет доминировать и дальше, то не пройдет много времени, как души будут умирать вместе с телами. Сегодня человеческие души еще живут; они еще могут быть пробуждены, если придет истинная духовная наука. Но спустя одно или два столетия души уже не смогут жить, если не придет духовная наука, если все будет продолжаться только по-прежнему.

Что произойдет в случае сохранения материализма? Видите ли, мало-помалу материализм должен был бы сам посмеяться над собой; ведь даже при воспитании приходится действовать духовным образом. Нельзя воспитывать и преподавать, не говоря о духе. Если и дальше дело пойдет так, как это уже выявляется в отдельных случаях, то материализм должен будет или смеяться над самим собой, говоря о духе, или хотя бы становиться более честным.

После того, как я и некоторые другие антропологические друзья в 1922 году выступали на конгрессе в Вене, вышла одна статья⁽³¹⁾, заканчивающаяся такими словами ее автора: «Мы должны вести борьбу против духа!» Но куда может завести такое откровенное ведение борьбы против духа? Тогда, пожелав начать воспитание шестилетнего ребенка, автор должен был бы честно-благородно заявить: черт возьми, ведь материя первична, а дух вторичен, материя есть предпосылка духа! Давайте-ка лучше попробуем прописать этому ребенку порошок или что-то в этом роде, чтобы изменить его материю; вот тогда-то он поумнеет, тогда-то он будет что-то знать! Вот какие выводы должен был бы сделать материализм, будучи честным. Он должен был бы приходящим в школу детям — подобно тому, как делают прививки от оспы — делать одному ребенку за другим прививки для ума-разума; ведь если разум понимается материалистически, то его следует прививать с помощью инъекций. Вот тогда материализм действовал бы честно. Ведь если кто-то говорит, что он мыслит не своей душой и своим духом, а головным мозгом — головной мозг является вещью, — то ему следовало бы делать свой головной мозг умнее, используя материально-вещественный, а не духовный способ. Вот до какого страшного противоречия дошел материализм.

Спасти тут можно, хотя бы немного научившись знанию о духе. Уже в наше время необходим приход духовной науки, так как в ином случае человеческие души будут умирать.

ВОСЬМАЯ ЛЕКЦИЯ

Дорнах, 12 апреля 1924 г.

Доброе утро, господа! Так как на ближайшей неделе я не смогу быть здесь, поскольку должен находиться в Берне, то я хотел бы сказать вам сегодня кое-что, связанное с тем, о чем мы уже говорили на тему Пасхи. Или у вас есть другие вопросы, о том, что теперь особенно важно для вас?

Господин Бурле: Мне тоже хотелось бы кое-что спросить, но это не связано с Пасхой. Недавно пришла из Парижа одна статья из газеты, где описывалась возможность с помощью кожи читать и даже видеть. Не может ли господин доктор

что-нибудь сказать об этом? Меня очень удивило то, что я услышал.

Доктор Штайнер: Получая сообщение о таких вещах в той форме, как это имело место в данной статье из газеты, следует прежде всего быть осторожным. Надо проверить эти вещи. Итак, речь идет о том, что некоторые люди — а по утверждению этого человека, все люди — могут обрести способность видеть с помощью кончиков кожи, могут читать каким-либо участком кожи.

Однако явление это известно давно: некоторых людей благодаря определенной тренировке можно обучить таким образом, что они приобретут способность читать с помощью своей кожи, с помощью каких-либо отдельно избранных участков кожи. Впрочем, мне хотелось бы в данном случае обратить ваше внимание на то, что подобные вещи не должны никого слишком сильно удивлять. Подумайте о том, что люди обучаются далеко не всему, на что они способны; у них формируются не все способности. Если приложить усилия, можно довольно быстро обучиться некоторым вещам. Конечно, можно было бы всех детей обучить чтению посредством пальцев, используя простые буквы и затем, давая детям прикасаться к бумаге. Ведь в том месте, где не стоит буква, бумага иная, нежели там, где есть буква. Допустим только, что буквы выдавлены, вытеснены на бумагу — так почему же нельзя научиться читать по ним! Ведь когда делают буквы из дерева, то по ним тоже можно читать с помощью осязания с закрытыми глазами. Эту способность надо только сделать более тонкой.

Видите ли, в юности я, например, делал упражнения, которые люди делают очень редко; удерживая карандаш между большим пальцем ноги и ближайшим пальцем надо было писать. Этому можно научиться. Можно научиться таким вещам, которые обычно не изучают; благодаря этому возникают известные способности; утончая их, мы можем добиться чего-то, вызывающего удивление. Но удивляться тут не надо. Это относится к формированию осязательных способностей. Можно читать каждым участком тела. Как можно почувствовать укол иглы, так же можно почувствовать, воспринять небольшие тиснения, составляющие буквы. На этой основе может проводиться обучение.

Однако в данном случае этим дело не исчерпывается, так как господин утверждает, что он может у любого человека пробудить способность действительно читать руками. Однако это описание не настолько точно, чтобы можно было проверить все подробности. Если когда-нибудь появится научное обоснование данного феномена, то едва ли станут утверждать, что, положив страницу книги себе на живот, вы сможете ее прочесть. Прежде надо как следует разузнать, действительно ли речь идет об исключительно тонком чувстве осязания, о способности осязать, или этот господин просто врет. Что стоит за этим, нельзя определить на основании этого описания. Само содержание этого сообщения меня не очень удивляет, так как я вполне допускаю, что это возможно; но меня удивило глупое замечание, добавленное журналистом: «Если это правда, то это было бы открыто давно». Разве стал бы кто-нибудь говорить при, например, открытии телефона: «Если это правда, то это было бы открыто давно, это должно было быть известно человечеству с давних пор». Меня гораздо больше удивляет, что возможны такие высказывания, нежели сам предмет. Факт сам по себе не представляет собой ничего удивительного, поскольку человек способен очень многому научиться в области осязательного чувства, органа осязания. Ведь люди не замечают, что при вынесении суждения многое зависит от того, на что направлено внимание. В пальцах, например, можно разработать очень чувствительное, тонкое восприятие чего угодно. Итак, суждение о том, может ли этот человек, утверждающий, что путем месячной тренировки он может любую часть тела сделать видящей — может ли он в самом деле это сделать или нет, — такое суждение может быть вынесено только на действительно научной основе. Мне приходилось читать об этом в немецких, английских и французских газетах; но эти сообщения не позволяли установить, то ли этот человек ненормален, то ли он мошенник, то ли настоящий ученый. Вот так обстоит это дело.

Теперь мне хотелось бы еще кое-что сказать вам о празднике Пасхи. Тема праздника Пасхи увязывается с тем, что было сказано о Мистерии Голгофы, особенно потому, что, как вам известно, праздник Пасхи относится к так называемым подвижным праздникам. Каждый год он празднуется в разное время. Он колеблется. Почему же он колеблется, смещается? Он смещается, поскольку он ориентирован не на земные отношения, он устанавливается в соответствии с

небесными констелляциями. Датировка праздника связана с вопросом: когда наступает начало весны? Начало весны (весеннее равноденствие — прим. перев), конечно, всегда наступает 21 марта (по григорианскому календарю — прим. перев). Следовательно, до наступления весны (то есть до весеннего равноденствия — прим. перев) праздник Пасха наступить не может. Но затем ожидают — начало весны приходится на 21 марта — наступления полнолуния. По наступлении полнолуния снова ожидают ближайшего воскресенья и в качестве праздника Пасхи назначают то воскресенье, которое является первым после первого полнолуния после начала весны (весеннего равноденствия). Первое полнолуние может прийти на 22 марта; тогда ближайшее воскресенье будет для нас Пасхальным Воскресением, так как оно является первым воскресеньем после весеннего полнолуния. В этом случае Пасха считается самой ранней. Но может случиться, что полнолуние наступит только двадцать девять дней спустя после 21 марта. Если, например, полнолуние наступит 19 марта, то сперва должно наступить начало весны, весеннее равноденствие, а затем, через 29 дней — полнолуние. В этом случае Пасхальным Воскресением окажется воскресенье через четыре недели (после Пасхального Воскресения при самой ранней Пасхе). Тогда праздник Пасхи отодвигается на апрель. Таким образом, праздник Пасхи смещается между 21 марта и концом апреля. Так он и сдвигается то в одну, то в другую сторону.

Господа, почему же Праздник Пасхи устанавливается в соответствии с происходящим на небе? Это связано с тем, о чем я уже говорил вам; с тем, что известно раньше; Луна и Солнце влияют на все, что есть на Земле.

Взгляните на растения, вырастающие из Земли. Допустим, что здесь находится Земля (см. рисунок), вы берете семя, если хотели вырастить растение, совсем маленькое семя, и сажаете его в Землю. Растение в целом, вся жизнь растения сосредоточена в этом маленьком семени. Что получается из этого семени? Сначала корень. Тут вся жизнь, расширяясь, образует корень.

Затем она (жизнь) вновь консолидируется, и рост осуществляется консолидированно; при этом образуется стебель. Затем снова происходит расширение, и образуются листья. Потом возникает цветок. Затем опять-таки происходит консолидация при образовании семени, которое ожидает до следующего года. Так что же, следовательно, мы имеем у растения? У растения мы наблюдаем расширение и консолидацию, расширение и консолидацию, расширение — консолидацию.

Так вот, каждый раз, когда растение расширяется — это действие Солнца, которое, в частности, выпячивает лист; каждый раз, когда растение консолидируется, когда оно становится семенем или стеблем — это действие Луны, вызывающей консолидацию, сжатие. Итак, здесь, между листьями, действует Луна. Так что если возникает растение, то относительно выпускаемых листьев, выпускаемого корня, и, прежде всего, относительно семени мы можем сказать: это Луна; затем Солнце, снова Луна, снова Солнце, снова Луна, Солнце, и Луной процесс завершается (то есть образованием нового семени — прим. перев.). Так, в любом растении мы можем отметить чередование: действие Солнца, действие Луны, силы Солнца, силы Луны. Если мы посмотрим вокруг себя на поле с растущими растениями, то увидим там действие Солнца и Луны. Я говорил вам: даже если в мир приходит человек (а не растение — прим. перев), то и в этом случае образование его физического тела зависит от Луны; а то, что он имеет как внутреннюю силу для того, чтобы преобразовывать себя самого, зависит от Солнца. Это я говорил вам при описании Мистерии Голгофы.

Видите ли, это было известно и раньше, только об этом забыли. Говорили так: когда весной становятся наибольшими те силы, которые дают возможность растениям правильно, успешно развиваться, которые наиболее благоприятны для успешного развития человека? Когда Солнце и Луна правильным образом взаимодействуют. Это происходит в том случае, если в первый раз (в году — прим. перев.) полная Луна посылает к Земле свое полное излучение и поддерживает излучение Солнца. Сочетание Солнца и Луны, следовательно, происходит тогда, когда Солнце, имеющее свою наивысшую силу весной, и Луна, имеющая высшую силу каждые четыре недели (то есть в полнолуние — прим. перев.), правильно взаимодействуют друг с другом; вот почему Пасха происходит в воскресенье, день, посвященный Солнцу, идущее после весеннего полнолуния. Итак, при

установлении праздника Пасхи знали, что он должен приходиться на начало весны — весеннее равноденствие, наступающее после зимнего солнцеворота.

Однако первоначальное возникновение праздника Пасхи относится не ко времени христианства, а восходит к древнему языческому празднику, к празднику, на который я вам уже указывал и теперь хочу описать его точнее; праздник Пасхи восходит к так называемому празднику Адониса. В чем состоял этот праздник Адониса? Видите ли, господа, праздник Адониса был учрежден в тех художественно-образовательно-религиозных центрах, центрах искусства, науки и религии, которые я описал вам как мистериологии. В сущности, Адонис был своего рода образом, отражающим духовно-душевное начало в человеке. Итак, под Адонисом подразумевали то, что было в человеке духовно-духовным началом. Думали так: то, что представляет собой духовно-душевное начало в человеке, согласуется со всем остальным миром. Следует только обратить внимание на то, что праздник Адониса, подобный нашей нынешней Пасхе, у древних язычников, которые еще соблюдали все духовные соотношения, возник так, что праздновался осенью! Итак, древний праздник Пасхи праздновался осенью. Празднование происходило следующим образом.

Праздник проходил так: брали изображение вечной, бессмертной части человека, духовно-душевной части, погружали в водоем или морскую воду, если это происходило на побережье, и оставляли там на три дня, причем погружение образа люди сопровождали погребальным пением, песнями скорби. Это погружение образа было связано с обрядом, совершаемым в семейном или дружеском кругу, если кто-либо умирает, — это была настоящая тризна.

Описанное всегда отмечалось в тот день, который мы сегодня называем пятницей. Название Страстной пятницы (Karfreitag) возникло лишь тогда, когда обряд перешел в Среднюю Европу, в германские области. Слово «кар» происходит от «кара», а кара означает скорбь. Это, следовательно, была скорбная пятница. Насколько мало знают люди сегодня о том, как были эти вещи изначально, свидетельствует то, что англичане называют эту пятницу Good Friday, Добрая Пятница, тогда как в древности название звучало как Смертная Пятница, Страстная Пятница, скорбная пятница. Это была настоящая тризна, день поминовения усопшего; поминали Адониса. Там, где вообще не было воды, сооружали какой-нибудь искусственный бассейн, куда они могли погрузить этот образ — это было скульптурное изображение, статуя, — и через три дня образ снова извлекали оттуда, причем извлекали именно в воскресенье (в день Солнца). Вы видите, господа, это было настоящее поминовение усопшего.

При извлечении же звучали радостные песнопения, настоящие песни радости. Таким образом, как человеческая душа вовлекалась в то, что сначала побуждало к скорби, а через три дня — к величайшей радости. Звучали ликующие песнопения. И содержание этих ликующих песнопений сводилось к возгласию: Бог воскрес! (Бог воскрес для нас снова!)

Так что же означал этот праздник, господа? Я при этом должен еще раз отметить, что прежде он совершался осенью, — что же означал этот праздник?

Я уже рассказывал вам, хотя и в другой связи: когда человек умирает, он слагает свое физическое тело. Когда человек умирает, оставшиеся близкие родственники покойного, друзья, печалются и, договорившись, совершают поминовение, причем по естественным причинам: поминовение, подобное тому, что совершали когда-то люди при погружении Адониса. Только при этом чего-то недостает. Ведь я говорил вам: в течение трех дней после своей смерти человек остается в состоянии, когда он смотрит назад на свою земную жизнь. Он сложил свое физическое тело, но он еще имеет свое эфирное тело. Оно становится все больше и больше и, наконец, рассеивается в мире. Тогда человек находится только в своем астральном теле и в своем "Я".

Люди, учредившие праздник Адониса, рассуждали так: люди должны знать, что человек не только умирает, если умирает его физическое тело, но что он через три дня снова воскресает в духовном мире. Для того, чтобы ежегодно доводить это до сознания людей, и был учрежден праздник Адониса. На празднике Адониса осенью говорили: смотрите, природа умирает. Деревья роняют свои листья, Земля покрывается снегом, наступают холода, пронзительный ветер, Земля перестает плодоносить; она выглядит так же, как если бы умер физический человек. Если посмотреть на Землю, то надо подождать до весны, и тогда она снова должна

воскреснуть. Если же посмотреть на человека, то он воскресает через три дня в душе и в духе. Это необходимо было довести до сознания. Поэтому-то и существовал праздник поминовения и в то же самое время праздник воскресения — хотя и осенью; тем самым человеку давали возможность уяснить: человек является противоположностью по отношению к природе. Природа затихает, она всю зиму остается мертвой, поскольку она — всего лишь природа; человек же и после смерти продолжает жить в духовном мире, он выступает как нечто, противоположное природе. Когда в природе опадают листья, все покрывается снегом, пронизывается холодным ветром, тогда внимание человека надо обратить на следующее: ты иной, нежели природа; когда ты умираешь, ты снова воскресаешь на третий день.

Это был один из прекраснейших праздников на протяжении всех древних времен. Люди собирались в тех местах, где совершался мистериальный культ, оставались там в течение всех этих пасхальных дней, затем они исполняли скорбные песнопения, а на третий день осознавали: каждая душа, каждое "Я" и каждое астральное тело воскресают в духовном мире на третий день после смерти. Это было для людей совместным приобщением к духовному миру; ведь на Пасху они отвращались от физического мира. Видите ли, это могло совпасть в соответствии со временем; ведь в древности время праздника было иным, нежели теперь. Теперь праздник Пасхи люди справляют весной, когда у них много других дел, если это сельские жители. Древний праздник Пасхи, праздник Адониса, праздновался в то время, когда были собраны последние плоды урожая, когда заканчивался сбор винограда, когда у людей начинался зимний отдых; тогда-то они и хотели пробудиться в духе. И тут они справляли праздник Адониса. И этот праздник Адониса — в различных местностях этого Адониса именовали по-разному — тем не менее, этот праздник Адониса праздновался повсюду, где существовали древние религии. Ибо все древние религии тем самым говорили человеку о бессмертии души.

В первые христианские столетия праздник Пасхи тоже справлялся иначе, нежели теперь; лишь постепенно в III, IV вв. возникла нынешняя форма. Но именно тогда люди уже не понимали больше ничего, касающегося духовного мира, они совсем ничего больше не понимали, они хотели видеть только природу, естество. Только природа еще заботила их. При этом они рассуждали так: как же можем мы справлять воскресение осенью? Ведь в это время ничего не воскресает! О том, что воскресает человек, они больше не знали и поэтому говорили так: осенью ничего не воскресает, все покрывается снегом, весной же воскресает все; так праздник Пасхи сделали весенним. Это было нечто, вызванное материализмом, пусть даже этот материализм еще заглядывал на небо и учреждал праздник Пасхи в соответствии с Солнцем и Луной. В III, IV вв. по Р. Х. материализм уже был, хотя материализм того времени, по крайней мере, выглядел в мир; он еще не был тем «материализмом дождевого червя», когда человек смотрит только на Землю. Название «материализм дождевого червя» предложено по той причине, что дождевые черви всегда находятся под Землей и в лучшем случае вылезают оттуда только во время дождя. Именно так обстоит дело с современными людьми: современные люди уже не рассматривают ничего, кроме находящегося на Земле. В первое время празднования Пасхи материализм еще, по крайней мере, верил, что есть миллионы звезд, влияющих на человека. Но и это было забыто с XVI столетия. Так праздник Пасхи был перенесен на весну. Переход на весну обуславливается и тем, что у христиан существовала тенденция совершенно искоренить из мира все древние истины. Это я вам уже показал, говоря о Мистерии Голгофы; в сущности, древние истины стремились искоренить из мира. И к VIII, IX вв. по Р. Х. люди оказались в полном неведении относительно того, что явление Христа как-то связано с Солнцем.

Видите ли, очень интересно наблюдать, как в IV столетии друг за другом правили два императора. Сначала это был император Константин⁽³²⁾, человек исключительно самонадеянный. Он основал Константинополь. Некое сокровище (вероятно, имеется в виду Палладий — прим. перев), когда-то перенесенное из Трои в Рим и укрытое там, император Константин велел перенести из Рима в Константинополь и закопать там, а над ним воздвигнуть столп; на этом столпе должна была быть установлена статуя языческого бога Аполлона. Одно из стран Востока была доставлена древесина — как говорят, от креста Господня, креста Христа — и из нее был сделан лучезарный венец наподобие нимба. Но там, где древесина образовывала этот лучезарный венец, люди должны были видеть самого

Константин! Так началось почитание Константина, стоявшего на столпе, воздвигнутом на величайшем римском царском сокровище. Столп стал внешним выражением того, что люди ничего больше не знали о мировых тайнах, не знали о том, что Христос связан с Солнцем.

Между тем пришел другой, Юлиан, получивший воспитание в мистериях, хотя и существовавших еще в то время, но жизнь их была трудна. И если позднее они были искоренены императором Юстинианом I^(32a), то уже в течение столетий до него вели очень трудную жизнь. Их больше не хотели терпеть, христианство относилось к мистериям с ненавистью. Но Юлиан был воспитан в мистериях, он еще знал: существует не только одно Солнце, но существуют три Солнца. Когда люди слышали, что Юлиан говорит о существовании трех Солнц, они впадали в ярость. Ибо это было тайной древних мистерий.

Видите ли, Солнце является, прежде всего, физическим телом, которое вы видите, тем бело-желтым физическим телом. Оно прежде всего является физическим телом. Но у этого Солнца есть душа; это и есть второе Солнце. Затем есть также и третье Солнце; духовное Солнце. Как человек имеет тело, душу и дух, так и Солнце тоже имеет тело, душу и дух. Юлиан говорил о трех Солнцах и хотел такого изучения христианства, чтобы человек знал: Христос изошел из Солнца, а в человека Иисуса вошел.

Церковь не хотела, чтобы люди об этом знали! Церковь не хотела допустить существования науки о Христе Иисусе, она допускала только то, что она сама предписывала. Случилось так, что император Юлиан, предпринимая поход в Азию, был предательски убит: его изгнали из этого мира. Впоследствии это привело к тому, что этого Юлиана всегда называли «Юлиан Отступник», Апостат, еретик; Юлиан-Еретик! Он же хотел дать людям возможность установить связь между христианством и древним познанием. Он полагал, что христианство будет развиваться лучше, обладая содержанием древней мудрости, а не только следуя приказаниям священников, когда люди обязаны верить только в то, что говорят священники. Случилось все же так, что в то время, когда праздник Пасхи был отнесен на весну, люди все еще знали: праздник Пасхи связан с воскресением. И хотя они уже больше ничего не знали о воскресении человека, они, тем не менее, праздновали воскресение природы. Но затем было забыто и это, забыто там, где праздник Пасхи хотя и справляется, но где уже не знали, что он означает. В настоящее время незнание зашло так далеко, что люди спрашивают: почему праздник Пасхи справляется в соответствии с Солнцем, Луной и звездами? Надо просто-напросто взять первое воскресенье апреля, тогда проще было бы вести бухгалтерский учет! Сегодня хотят справлять Пасху, ориентируясь на бухгалтерию! И, в сущности, люди, желающие справлять Пасху, ориентируясь на коммерцию, даже честнее, чем другие, те, кто хотя и назначают праздник Пасхи в соответствии с небом, но ничего больше не знают об этом. Те, кто почестнее, говорят со своей точки зрения так: такое исчисление праздника нам не нужно. Печально, однако, то, что нам приходится проявлять такого рода честность только потому, что никто больше не знает, какие истинные закономерности действуют тут. Перед нами сегодня стоит задача снова указать на то, что именно духовное начало является мерилom всюду.

Когда-то в древности ожидали первого полнолуния после начала осени, осеннего равноденствия, и тогда назначали праздник Адониса. Так же ориентировались на Луну, однако знали при этом о противоположности: небо посылает нам в это время снег — праздник Адониса приходился всегда между концом сентября и концом октября — это наилучшее время для того, чтобы вспомнить о воскресении человека. Тут человеку не нужно воскресение в природе. Но, по крайней мере, в первое время празднования Пасхи еще было известно, что Пасха является праздником смерти (поминовения) и праздником воскресения. Это же оказалось забытым. (Можно было бы говорить о тройном смысле Пасхи в истории: Пасха как исход индивидуальной человеческой души из тела и ее воскресение в духовном мире — праздник Адониса; Пасха как воспоминание об исходе евреев из египетского плена, национальный праздник — еврейская Пасха; Пасха как символ умирания и воскресения природы, праздник природы — Элевсинские мистерии. Три пасхальных принципа объединяются в христианской Пасхе, имеющей как общечеловеческий, так и природный характер. Еврейская Пасха отмечалась в 14 день месяца нисана или авива; если день приходился на понедельник, среду или пятницу, то Пасху сдвигали на день вперед. Положенный в

основу исчисления лунный цикл Гиппарха точно совпадает с астрономическим, при этом начало года у евреев подвижное, так что даты Пасхи приходятся в разные годы на различные даты григорианского календаря. Многие христиане на Востоке праздновали ветхозаветную Пасху вместе с евреями, соединяя этот день с воспоминанием о смерти Иисуса Христа — таинством страдания; напротив, римляне отмечали тот факт, что Христос воскрес и воскрес именно в день Солнца, они отмечали таинство Воскресения. Еще в конце II в. по поводу установления пасхалий состоялся спор между римским епископом Виктором и эфесским епископом Поликратом. Затем на Никейском Соборе 325 г. были установлены общие для всех правила на основе юлианского календаря, носящие не только чисто астрономический, но и символический характер. Вследствие смещения точки весеннего равноденствия на один градус в 72 года, с такой же скоростью смещался тридцатипятидневный интервал возможных пасхальных дат, и расчетные даты перестали совпадать с природными явлениями; к моменту возникновения григорианского календаря в 1582 г. точка весны отодвинулась на 10 дней, а расчетное 14 нисана не совпадало с полнолунием на 4 или 5 дней, что и послужило причиной создания нового календаря. Однако даты григорианской католической Пасхи ориентированы лишь на астрономические явления, на точку равноденствия, определяющую сезоны в системе Солнце — Земля и на полнолуние, но символический смысл, — последовательность евангельских событий, несовпадение с еврейской Пасхой — не соблюдается. В России царь Иоанн Грозный отказался принять папскую реформу. Комиссия 1899 г. при участии В. В. Болотова признала нецелесообразным изменение календаря. Григорианский календарь был принят в России при В. И. Ленине, причем «живая церковь» пыталась ввести эту реформу в церковный обиход. Всероссийский Церковный Собор 1917—1918 гг. в Москве постановил сохранять старый стиль для церковного исчисления и для богослужбной практики. Часть Церквей за рубежом с 1923 г. перешла на новоюлианский календарь, своего рода «гибрид» григорианского календаря и Александрийской пасхалии. Православная Пасха вычисляется по юлианскому календарю с помощью Великого Индиктиона, «Миротворного круга», а позднее по формулам Гаусса. В Юлианской пасхалии тридцатипятидневный интервал пасхальных дат смещается по эклиптике на один градус за 128 лет, значительно медленнее, чем в Григорианской пасхалии; благодаря этому положение Солнца на эклиптике в пасхальные дни оказывается ближе или даже совпадает с той точкой, где находилось Солнце в момент Мистерии Голгофы, так что вычисление Пасхи связывается с системой Зодиак — Солнце — Земля — Луна. Можно говорить, что Григорианская пасхалия, ориентированная на тринадцатый Зодиак, носит сезонный, эфирный характер, тогда как Юлианская пасхалия ориентирована на сидерический Зодиак, на неподвижные созвездия; она носит астральный и, кроме того, ярко выраженный символический характер. Отдельные христианские Церкви, по антропософским представлениям, направляются под водительством различных христианских Ангелических Существ, каждое из которых вносит в церковный обиход индивидуальные черты; отступление от обихода может вести к потере Ангела-Покровителя той или иной Церкви. Показательно то, что Святой огонь в Храме Гроба Господня в Иерусалиме сходит именно в юлианскую Пасху — прим. перев.)

Так что можно сказать: уже пора по поводу таких праздников снова вспомнить, чем они когда-то были, ибо мы должны снова прийти к духу. А если мы хотим прийти к духу, то мы не должны бессмысленным образом справлять Рождество и Пасху, но мы должны ясно представлять себе, какой смысл они имеют. Однако мы не должны вызывать сумятицу в мире; у людей не вызовет воодушевления, если праздник Пасхи взять и перенести на осень. Но мы должны придать этому празднику определенный смысл, для того чтобы человек вспоминал при этом следующее: человек слагает свое физическое тело, проходя через смерть, и смотрит назад на свою земную жизнь. Затем он слагает свое эфирное тело и становится тогда чисто духовно-душевым в духовном мире, воскресает в духовном мире. Но тем самым углубляется понимание Мистерии Голгофы. Ведь Мистерия Голгофы, в сущности, явила во внешней, реальной действительности то, что прежде являли в образной форме на празднике Адониса. Древние имели дело с образом. Христиане же имели дело с историческим событием. Но историческое событие имеет те же самые истоки, что и древние образные формы. На празднике Адониса образ Адониса погружался (в

воду), а после трех дней восставлялся снова. Это был настоящий пасхальный праздник. Но затем то, что всегда совершали в обра^{001H}ой форме, свершилось как реальное событие: Хри^{001E}гос был в Иисусе; Он умер. Он снова воскрес в том виде, как я рассказал вам. И об этом должны были теперь лишь вспоминать, имея каждый год на Пасху праздник поминовения.

Сначала это проходило хорошо: ибо для чего сл^{001Ж}жил раньше людям образ на празднике Адониса? Им было необходимо чувственное созерцание. Пока в дре^{001H}ее время созерцали духовным образом, хотели в чу^{001E}твенном мире иметь какой-то образ. Но когда, бла^{001A}даря Мистерии Голгофы, пришел Христос, людям уже стал не нужен образ; они только в духе еще вспоминали о том, что произошло. Праздник Пасхи должен был справляться более духовно. Уже не надо было изгота^{001H}ивать языческий образ, кумир, а лишь вспоминать в д^{001H}е. Благодаря этому, как рассуждали, праздник Пасхи одухотворился. Ко времени Христа Иисуса мистерии еще существовали. Но как все же обстояло дело с дре^{001H}им праздником Адониса? Видите ли, в Европе совсем не легко увидеть, что представлял собой такой праздник древних язычников. Ведь если бы такой праздник, как праздник Адониса справляли в вашем присутствии, то вы сказали бы так: для тех, кого посвящали в ми^{001E}риях, происходящее было лишь образом, образом вообще; но вот для широкого круга, для народа эта статуя ежегодное воспринималась как само божество, как Бог, которого извлекали и топили. Отсюда происх^{001D}ит то, что называют фетишизмом. Такая статуя была фетишем, статуя, в которой находится бог; культ такого предмета называют фетишизмом. Конечно, этого сл^{001D}ует избегать. Однако в некотором отношении такое по^{001H}ожение сохраняется в христианстве, ибо то, что я вам описывал как дароносицу, где находится святая святых, гостия — как это называют, — в католицизме почита^{001E}я в качестве истинного Христа. Говорят: даже в физич^{001E}ком смысле хлеб и вино претворяются в плоть и кровь Христа. Это, однако, пережиток, сохранившийся не от просвещенного язычества, которое повсюду на заднем плане еще видело духовное, но пережиток оставшийся от язычества, пришедшего в упадок, когда развился ф^{001E}ишизм, когда столп принимали за самого бога.

Видите ли, господа, я говорю: они не имели ник^{001K}ого представления об этом; ведь такие вещи в насто^{001H}ее время необходимо реально переживать, чтобы правильно судить о том, насколько сильно уверовали люди в таких богов, на самом деле являющихся сто^{001H}ами. Например, мне приходилось быть знакомым с одним очень умным профессором — ведь и среди них могут быть очень умные люди, в сущности, все они умны, однако современная наука не дает им прийти к духовности. Этот человек был русским и путешес^{001E}вовал через Сибирь с Востока, из Японии. Когда он оказался в глубине Сибири, в середине, ему стало немного неуютно. Он почувствовал себя одиноким и покинутым. Что же он сделал? Он сделал нечто такое, чего вы наверняка не стали бы делать, да и любой ж^{001E}ель Запада тоже не стал бы; но он был наполовину азиатского происхождения, при этом был хорошо образован. Он сделал из дерева фигурку божка. Эт^{001E} божка он взял с собой в свое дальнейшее путешествие и по-настоящему молился ему. Он сделал себе нек^{001E} деревянного божка. Когда я познакомился с этим человеком, он был страшно нервным. Это состояние он получил от своего деревянного божка. Вы даже не можете представить себе, что это значит: молиться такому деревянному божку!

Мистерии, существовавшие ко времени возникн^{001B}ения христианства, заботились о том, чтобы люди в большей мере приходили к духовности (отрываясь от вышеописанного фетишизма — прим. перев). То, что раньше во время праздника Адониса разыгрывалось перед глазами человека, теперь надо было возродить на пути воспоминания и молитвы.

Однако вместо того, чтобы стать более одухотв^{001E}енными, эти вещи, к сожалению, воспринимались все более и более материалистически; они станов^{001H}ись более внешними, более формальными. Постепен^{001H}о в III, IV вв. установился порядок, когда при наст^{001H}лении Страстной Пятницы священники молились, люди настраивались. В три часа пополудни, в момент, когда Христос должен был умереть, звон колоколов прекращался. Все стихало. Затем, опять-таки вне^{001H}им образом, точно так же, как и на древнем праздн^{001K}е Адониса, Распятый, Христос на кресте погружа^{001E}я — это было вначале, а позднее его только закры^{001H}и. Затем через три дня справлялся праздник Пасхи, праздник Воскресения. Но ведь это то же самое, что происходило и на древнем празднике

Адониса, таким он когда-то был. Форма праздника постепенно становилась проявлением римского господства над душами. В некоторых областях, например, там, где я врос — я не знаю, происходит ли это и здесь, — было так: после того, как наступала Страстная Пятница и Христос полагался во гроб, мальчики ходили вокруг со своими колокольцами, с инструментами похожими на колокола, они позванивали со словами:

В большом соборе мы звоним, Колокола зовут нас в Рим.

Итак, все было ориентировано на Рим, это особенно сильно выступало в отдельных элементах праздника Пасхи.

Непосредственная задача современного человека состоит в том, чтобы освободиться от материализма и прийти к духовной познавательной жизни, научиться понимать вещи духовно, а следовательно, и праздник Пасхи тоже понимать духовно. Видите ли, почему справляют праздник Пасхи? Каждый год на Пасху можно вспомнить о том, что если человек умирает и начинаются поминальные обряды, причитания над покойником, то эти причитания над покойником должны содействовать воспоминанию о том, что человек уходит из физического мира. В течение всего лишь трех дней он смотрит назад на этот физический мир; затем в качестве второго трупa он слагает с себя свое эфирное тело. Затем он восстает в духовном мире как "Я" и астральное тело. Об этом он тоже должен вспоминать. Было бы весьма неутешительно, грубо, если бы каждый раз, когда умирает человек, на третий день сразу же запевать радостное песнопение. Но можно, тем не менее, вспоминать о таком радостном песнопении, думая, в общем, о бессмертии человеческой души, о том, как через три дня она воскресает, восстает в духовном мире.

Отсюда возникает много замечательных вещей. Видите ли, благодаря этому праздник Пасхи оказывается связанным с каждой отдельной человеческой смертью. Для всякой смерти отдельного человека становится актуальным то, что можно выразить такими словами: мы скорбим, но вот приходит Пасха. При этом мы вспоминаем о том, что любая душа воскресает в духовном мире, после того как она умерла. Вам известно, что праздник, посвященный смерти разных людей, день поминовения всех умерших, в настоящее время справляется осенью; это так называемый день поминовения усопших (у католиков второй день праздника Всех Святых, 2 ноября по григорианскому календарю — прим. перев). В то время, когда уже не знали, что этот праздник относится к Пасхе, предшествуя ему, был учрежден праздник Всех Святых (у католиков 1 ноября по григорианскому календарю — прим. перев). Однако эти две вещи принадлежат друг другу, и, в сущности, день поминовения усопших следовало бы отмечать как день смерти, как Страстную Пятницу, а Пасху — как день Воскресения. Эти вещи составляют единое целое. Но они оторваны друг от друга более чем на полгода! Так современное распределение праздников в году зачастую не позволяет понять, что лежит в их основе.

Но, видите ли, дело обстоит так, что все находящееся на Земле ориентировано не на саму Землю, но на небо. Удивляются, если на Пасху еще идет снег; снег идти уже не должен, но должны прорасти растения — ведь известно, что Пасха должна быть праздником воспоминания о Воскресении, о бессмертии человеческой души.

И если эти вещи рассматривают именно так, то весь праздник Пасхи снова обретает эмоционально-смысловое содержание. Тогда люди, празднующие Пасху, могут во время Пасхи вспоминать о том, что связано с самим человеком. Тогда праздник Пасхи обретает силу, тогда знают, почему во время этого праздника вспоминают и о себе. Сегодня связь человека с течением года известна лишь потому, что зимой человек должен носить шубу, а летом — летний костюм, что летом он потеет, а зимой мерзнет. Известно только материальное. Однако ничего не знают о том, что при наступлении весны проявляют активность те духовные силы, которые извлекают все из Земли, тогда как осенью духовные силы все уничтожают. Никогда-нибудь это будет понято, то во всей природе найдут жизнь, найдут, что вся природа оживлена. В настоящее время люди говорят о природе по большей части вздор. Если они видят растение, они вырывают его из Земли и исследуют с помощью ботаники, потому что они совсем ничего не знают об этих вещах. Если я вырву волос и опишу его, то это будет вздор, поскольку волос может вырасти только на человеке или на животном; он не может возникнуть сам по себе: вырастить волос на безжизненном камне вам не удастся. Тут основой должно служить нечто

живое. И растения являются волосами Земли, ибо Земля живёт. И подобно тому, как человеку необходим для жизни воздух, Земле необходимы излучения звезд с их духовностью; она вдыхает их, чтобы жить. Подобно тому, как человек движется и перемещается по Земле, так и сама Земля перемещается в мировом пространстве. Она живет во всем мировом пространстве. Земля — живое существо, (говоря о жизни Земли, автор имеет в виду ее поверхностный слой, почву и т. п.; в целом же Земля уже не является существом, целиком пронизанным жизнью, она умирает и частично уже умерла — см. том 354 и др. — прим. перев).

Итак, мы можем сказать: относительно праздника Пасхи можно было бы вспомнить, что сама Земля является живым существом. Если она выгоняет растения, то она молода (в данном месте — прим. перев.), как молодой ребенок, у которого растут свежие волосы. Старик теряет волосы, как земля теряет осенью растения. Это тоже жизнь, хотя эта жизнь в ритмическом отношении организована иначе; юношеская жизнь, молодость — весной, старость — осенью, затем снова юность — весной, старость — осенью. В случае человека эти периоды длятся дольше. По существу, все в мировом пространстве живет.

Думая о Пасхе, вы представляете себе, что этот праздник — по крайней мере, в настоящее время — при взгляде на вновь пробуждающуюся природу, дает нам право сказать: это неправда, что все вокруг мертво. Умирают только уже живые существа. Жизнь является первичной. Повсюду жизнь побеждает смерть. И праздник Пасхи должен напоминать нам об этой победе жизни над смертью, давая нам тем самым силу. И если люди снова станут обретать силу на этом пути, то они смогут улучшить внешние обстоятельства разумно, а не так, как это происходит сегодня во многих сферах. Но прежде всего такая духовность необходима нам в духовной науке, необходима для того, чтобы найти гармонию с духовным миром; миром живым, а не мертвым.

В этом смысле, господа, мне хотелось бы пожелать вам поистине прекрасного праздника Пасхи; пусть и в ваших душах он будет столь же прекрасен, как прекрасны весенние цветы, растущие из Земли! После Пасхи мы снова продолжим наши беседы на научные темы.

Итак, на Пасху надо иметь следующее ощущение: человек может снова приступить к работе, исполнить мужества и радости. Хотя в настоящее время обстоятельства зачастую не позволяют радоваться при работе, здесь у нас это все же возможно! Здесь созданы условия, при которых работа может радовать! Но в любом случае, господа, я хочу увидеть вас снова, чтобы говорить с вами, чтобы иметь возможность из духа, достигаемого с помощью духоведения снова, пожелать вам поистине прекрасного праздника Пасхи! До встречи после Пасхи!

ДЕВЯТАЯ ЛЕКЦИЯ

Дорнах, 26 апреля 1924 г.

Задаются вопросы.

Первый вопрос: Почему раны, нанесенные человеку при порезе — резаные раны, например, — заживают полностью, в то время как при вырывании куска тела всегда остается шрам; с тридцати до сорока лет у данного человека на таком месте отсутствовала чувствительность. Он хотел бы узнать, чем это обусловлено, принимая во внимание то, что ткани каждые семь лет обновляются!

Второй вопрос относится к археологическим находкам в Египте. Сообщалось, что была найдена мумия в гробнице и что при раскрытии этой гробницы или при работах, проводимых на входе, умерли от отравления два инженера и руководитель. Относительно первого случая сначала считали, что он произошел вследствие обычного сердечного приступа или чего-то подобного; но затем другого человека постигла такая же участь. В газетах высказывалось предположение, что при бальзамировании мумий использовались яды для того, чтобы предотвратить проникновение людей в помещения гробницы. Я не могу поверить в то, что яд способен сохранять свое действие так долго. Может быть, в воздушном пространстве образовывались газы, вызывающие очень быструю смерть? Или, может быть, имевшиеся тогда в Египте яды сохраняли свое воздействие столь долго?

При этом также находят части одежды. Эти одежды помещают на воздухе, и они тотчас же распадаются в пыль. Потом с помощью химии пытались препарировать эти материи, чтобы сохранить их для потомства.

В гробницах фараонов находили зерна, пролежавшие тысячи лет. Это зерно посеяли, и оказалось, что оно не потеряло всхожести.

Мне хотелось спросить, возможно ли все это при нормальных условиях.

Подбираясь к главной гробнице, они, в частности, по сообщению газет, в течение восьмидесяти дней проламывали центральный камень. Но он был подобен обрушившейся скале, так что гробовой камень был ввален большим камнем. Похоже, что все обрушилось в результате взрыва, хотя все же удалось с трудом проникнуть в гробницу; как это оказалось возможным?

Доктор Штайнер: Сначала о том, что касается заживления ран: мы будем рассматривать вопросы один за другим — о резаных ранах, операционных разрезах. Эти резаные раны заживают более или менее хорошо. Можно наблюдать, что иногда заживление резаных ран происходит настолько хорошо, что позднее приходится тщательно приглядываться к тому месту, где была резаная рана, если хотят обнаружить шрам. С другой стороны, бывают другие резаные раны — здесь имеются в виду не только операционные разрезы, но и простые порезы, не так ли? — заживающие чрезвычайно плохо; шрам толстый, часто обнаруживается совсем жесткий шрам. Кое-что я хочу рассказать вам об этом. Когда я был мальчиком, мне не раз приходилось порезаться ножом. Дело у меня тогда складывалось так, что я всегда должен был иметь при себе перочинный нож — в школу ходить приходилось далеко — и иметь нож было необходимо, не так ли? Но я всегда терял этот перочинный ножик, и из-за этого мне приходилось часто доставать ножи. Я много вырезал и, как это часто бывает при вырезании — что имело место и в настоящем случае, — мне приходилось не раз очень сильно порезаться. Но вам пришлось бы очень тщательно присматриваться, если бы вы захотели увидеть следы (порезов); они почти совершенно зажили. Впрочем, если как следует присмотреться, то видны эти резаные раны, которые были зияющими и сильно кровоточили. Но их едва видно. И напротив, некоторые резаные раны оставляли рубцы, толстые шрамы, которые были видны долго. Откуда же возникают эти толстые шрамы? Видите ли, человеческое тело целиком и полностью формируется изнутри; это вы могли бы увидеть по данному мною описанию построения человеческого тела. При этом я говорил: все то, что должно быть образовано как человеческое тело, должно образовываться изнутри, вплоть до поверхностных слоев кожи. Как возникает простуда, переохлаждение? Я уже говорил вам об этом. Простуда, переохлаждение возникает оттого, что человек развивает не только свою собственную теплоту, но на него воздействуют внешние тепло и холод, так что человек, подобно куску дерева, подвергается воздействию со стороны окружающей среды, причем холод подступает так быстро, что человек замерзает, остывает. При этом человек ощущает холод как раздражающий фактор, противостоящий тому, что приходит изнутри человека. Все это является чуждым для человеческого тела, оно вступает в борьбу с холодом. Так вот, в тот момент, когда вы порезали себя, будь это вследствие неловкости, неудачи, или вследствие операции, — в тот же момент чужеродный инструмент оказывается в том месте, где должно было бы оказывать воздействие лишь само человеческое тело. Нож проникает в то пространство, где должны действовать исключительно кровь, нервы, мускулы и тому подобное. Следовательно, на этом месте возникает биологическая, жизненная борьба между силами, находящимися внутри тела и проникающими силами. Последние носят проникающий характер. Для того, чтобы отразить их, внутренняя физическая материя сплывается там вокруг и возникает шрам. Происходит уплотнение, для того чтобы не позволить этим силам проникать дальше. Следовательно, шрам является прежде всего защитной оболочкой, образующейся для того, чтобы препятствовать проникновению чуждых сил. Вначале всегда возникают шрамы.

Допустим, человек молод, например, настолько молод, насколько был молод я, когда получал эти порезы ножиком; мне было десять, одиннадцать, двенадцать лет. Если человек так молод, его эфирное тело развивает полную деятельность. Если эфирное тело так сильно, как это бывает в пору ранней юности, то по мере отпадения физической материи шрамы постепенно сглаживаются; суггестии, вещества мало-помалу соответствующим образом упорядочиваются. Теперь допустим, что человек старше; тогда эфирное тело, особенно в том месте, где располагается шрам, не столь сильно, чтобы его преодолеть. Оно повторяет свою работу, делает ее дважды, поскольку оно не может овладеть тем местом, где вырос шрам, и поэтому он не может изгладиться,

исчезнуть. От силы или слабости эфирного тела всегда зависит, возникнет ли (постоянный) шрам или он постепенно изгладится. Повреждения, раны в детском возрасте всегда оставляют после себя более слабые шрамы, нежели ранения, полученные позднее. Но и люди тоже бывают разные; один в течение всей своей жизни сохраняет чрезвычайно крепкое эфирное тело, и у него шрамы с большей легкостью изглаживаются, преодолются, чем у другого, с ослабленным эфирным телом.

Например, у крестьянина, всегда работающего на природе, на свежем воздухе, которому никогда не приходится интенсивно работать в воздухе, насыщенном углекислотой; он находится в воздухе, насыщенном углекислотой, только в крайнем случае, зимой, когда он не работает. Крестьянин попеременно зимой и летом находится то в хорошем, то в плохом воздухе. Крестьянин имеет более крепкое эфирное тело. Однако он не всегда находится на свежем воздухе. Есть даже известная поговорка, не так ли? «Почему в деревне воздух такой хороший? Потому, что крестьяне не открывают окон! Если бы крестьяне распахнули окна, воздух не был бы таким хорошим!» Но это между прочим. Тому, кто живет в деревне, приходится всегда испытывать чередование воздуха, насыщенным кислородом, и воздуха, насыщенным углекислотой. Благодаря этому жизнь его протекает в совершенно иных, более здоровых условиях. Это обнаруживается не только при образовании шрамов в случае ранений, но и в других случаях. Приезжайте в деревню: там люди летом, как вы знаете, ходят босиком, без обуви. В любой момент каждый из них может наступить на ржавый гвоздь; но там, на природе, на это не обращают внимания! Человек вытащит гвоздь, оботрет кровь грязным пальцем — все тут грязное: гвоздь грязный, вытекающая кровь тоже загрязняется — рана слегка воспаляется, но уже через короткое время все снова приходит в норму, заживает. Серьезной роли это не играет.

Однако тот, кто привык жить в городе, имеет гораздо более чувствительное эфирное тело. Может случиться, что у него появляется маленький прыщик, порез при бритье — и он от этого умирает! Я говорю вам о действительных событиях; бывает, кто-нибудь бреется, поранит себя при бритье и умирает от кровотечения, потому что возникает заражение крови. Это означает, что заражение крови возникает от слабости эфирного тела. Эфирное тело оказывается недостаточно сильным для того, чтобы сразу же правильным образом устранить проникающий яд, чужеродные вещества. Для этого нужно здоровое прочное, жизнеспособное эфирное тело. Именно это имеет место у крестьян. Но теперь даже у них оно становится все слабее; вот если бы вы приехали в деревню в пору моей юности, как бы обрадовали вас эти пышущие здоровьем, изобилием эфирные тела крестьян! Конечно, при наступлении почтенного возраста, особенно у крестьян они изнемогают, поскольку эфирное тело отпадает, а также потому, что астральное тело у крестьян не очень сильно. Но эфирное тело очень сильное. Поэтому все излечивается у них гораздо быстрее, чем у горожан. Профессия, связанная с работой на земле, является необычайно здоровой.

Видите ли, все эти вещи, конечно, необходимо знать; однако при наших социальных условиях ничего изменить нельзя. Сначала должны распространиться познания об этих вещах. Несомненно, пора понять, что именно благодаря более сильному или более слабому действию эфирного тела протекает более или менее интенсивно как образование шрамов, так и заживление повреждений, нанесенных внешними, не принадлежащими телу субстанциями. Например, нож является внешней субстанцией, проникающая грязь — тоже внешняя субстанция, от которой организм должен медленно защитить себя, и так далее. Тому, кто знает об этом, не покажется удивительным, что некоторые раны вообще не удается излечить, поскольку люди имеют истощенное, изъеденное эфирное тело. Это, главным образом, происходит оттого, что трудовая деятельность больше не связана с природой; не только насыщенный углекислотой воздух является тут причиной, но и то, что человек больше не связан с природой. Если кто-то целый день сидит в канцелярии или в мастерской, то его труд совсем не связан с природой. Подумайте о нашей граничащей с фантастической культуре: она полностью отрывает людей от природы, она создает все более вредные вещества, которые все более враждебны и чужды всему природному.

В новое время наступило большое ускорение. С духовной точки зрения такие вещи не рассматривают, хотя их необходимо рассматривать именно с духовной точки

зрения. Вы только представьте себе: раньше хотя бы сами писали. Сегодня человек печатает на пишущей машинке. Но что оказывает наибольшее влияние на здоровье при таком «писании», кроме движения и тому подобного? Я хотел бы сказать, что среди скрытых факторов, которые надо учитывать при письме, наибольшее влияние на здоровье оказывает запах чернил. Запах чернил, производившихся раньше, не был вреден; в известном смысле он даже действовал корригирующим образом. Ущерб, причиняемый человеку неестественным положением, напряжением руки, компенсировался благодаря старому способу производства чернил; чернила производились из чернильных орешков. Продукт, полученный из чернильных орешков, обладал запахом, который постоянно, хотя и не очень сильно, но все же укреплял эфирное тело. Когда же, как вы знаете, начали делать анилиновые чернила, когда стали производить химические чернила, то есть производить чернила на основе не природного сырья, когда стали выпускать, как говорят в химии, синтетические чернила, человека тем самым совсем изолировали, перестали принимать во внимание. Анилиновые чернила распространяют запах, действующий противоположным образом по сравнению с запахом старых чернил из орешков. Теперь переходят на пишущие машинки. Несомненно, что движения, которые при этом приходится выполнять, удары по клавишам — теперь уже есть пишущие машинки, не требующие резких движений, но это пока лишь новейшие конструкции — итак, эти движения — далеко не самое худшее; самое худшее — это та дрянь, которая используется при производстве типографской краски. Она полностью, тотальным образом разрушает человеческое эфирное тело; доходит до того, что люди и в результате работы на пишущей машинке получают болезни сердца, поскольку сердце побуждается к деятельности преимущественно со стороны эфирного тела. Культура успешно продвигается вперед; однако необходимая при этом компенсация может быть достигнута не иначе, как благодаря познаниям, касающимся того, что оказывает реальное воздействие. Ведь не правда ли, дело действительно обстоит так, что современность противится прогрессу. Этого, конечно, не должно быть; но в основе так явления лежит известный инстинкт. Он состоит в том, что человек, даже не зная все в точности, замечает: в будущем прогресс неизбежно сопряжен с производством все более и более вредных вещей. Одно связано с другим. И это, к сожалению, так.

Теперь о том, что касается другого вашего вопроса: почему при вскрытии древних гробниц с мумиями возникает сильнейшая опасность. Это имеет место не только в случае древних гробниц с мумиями, но также и в том случае, если имеют дело не с погребенными мумиями, как в Египте, но и с другими погребениями, хорошо укрытыми или размещенными в скалах. Входя туда, человек попадает в высшей степени ядовитую атмосферу; для того, кто, так сказать, проникает туда, этот воздух чрезвычайно опасен и вреден. Отчего это происходит?

Вас может удивить, господа, что мне придется начинать издали, дабы объяснить такую вещь, однако только благодаря этому объяснение станет для вас приятным. Видите ли, человек живет на Земле не только один-единственный раз, нет, он — как я уже объяснял вам это — живет в повторяющихся земных жизнях, он снова и снова возвращается. Однако, человек при возвращении является совершенно иным, нежели был прежде. Все вы, вероятно, были бы весьма удивлены, если бы когда-нибудь появился художник, хорошо изучивший духовную науку, и если бы этот художник все сидящее здесь общество изобразил с натуры в прежней земной жизни! Вы были бы удивлены тем, что каждый из вас выглядел бы совсем иначе, нежели сейчас. Это было бы очень интересно! Ведь вы возвратились, не правда ли? Если вы жили в настоящее время и прошли через смерть, прошли через духовный мир, вы снова придете. Та сила, которая имеется в наличии для того, чтобы построить более позднее тело — это тело строится не только благодаря отцу и матери, оно строится также и с помощью того, что имеется в нас уже сейчас и через смерть переносится в духовный мир, — эта сила обладает последствием. То, что действовало внутри в прежней земной жизни, продолжает существовать.

Вы, однако, могли бы сказать так: действительно ли у человека есть сила для того, чтобы преобразовать то, что имеется в нем сегодня и что полностью связано с телом, которым он обладает; преобразовать таким образом, чтобы образовалось совершенно другое тело? Сегодня никто не смог бы преобразовать то, что как духовные силы он имеет внутри своего тела, — преобразовать так, чтобы могло быть

образовано другое тело. Однако вы не можете, умерев, сразу же родиться снова: в промежутке между первым и вторым долго пройти время, причем достаточно долгое время. Этот длительный промежуточный период действительно необходим. Вот тогда-то и преобразуются все условия. И при нормальных условиях, если человек не был преступником или чем-то подобным, это время между смертью и новым рождением тянется достаточно долго. Когда же человек снова возвращается на Землю? На Землю человек приходит снова, когда условия, при которых он жил, становятся совершенно иными. Конечно, некоторые люди возвращаются, когда еще имеют место старые условия, но тогда они сильно болеют, страдают от этого. Однако при нормальном ходе дела человек снова приходит на Землю только тогда, когда условия, отношения, становятся совершенно иными. Итак, человек не рождается снова в прежних условиях.

Но что содействует полному изменению этих старых условий? Видите ли, здесь не следует фантазировать, здесь надо придерживаться реальности. Силы, которыми мы обладаем, живя не на Земле, а между смертью и новым рождением, таковы, что они действуют также и здесь, на Земле. Из всех звезд, отовсюду протекают к нам эти силы. Но, по существу они являются нашими силами. Только в течение этого времени мы не находимся на Земле. В то время, когда мы находимся на Земле, наши силы воздействуют по направлению от Земли; если же мы не находимся на Земле, они оказывают свое воздействие из небесного пространства. И в этом случае они являются силами уничтожения, разрушительными силами. Они уничтожают те условия, те обстоятельства, в которых мы были прежде.

Если это касается внешних, внеземных условий, то это легко понять; но это заходит дальше, проникающая оттуда в природу, господая! Это проникает оттуда вплоть до природы!

Представьте себе, что в условиях нашего времени человека закапывают в землю или кремируют. Мы знаем, что через некоторое время от этого человека почти ничего не останется. Если вы придете на кладбище и через пятьдесят, шестьдесят лет посмотрите, что еще осталось в том месте, где когда-то был погребен один из ваших предков, то, в крайнем случае, вы найдете пару остатков кости, но и они потом разложатся. Итак, здесь нет больше ничего из того, что должно было быть уничтожено; ведь все наше тело должно быть уничтожено, если мы родимся снова. Однако если внешне уже ничего больше видимым образом не осталось от нашего тела, тем не менее, еще многое остается в наличии; те, кто способен видеть тонкие субстанции, обнаружат, что на том месте, где погребен человек, даже если он был кремирован, еще долго остается последствие того, что едва сохранилось от человека. Прежде все это должно быть уничтожено.

У египтян обычай изготавливать мумии был предиктован определенным намерением. Их намерением было воспрепятствовать необходимости для человека опускаться вниз, на Землю⁽³³⁾. Они не желали этого; бальзамируя трупы, они тем самым мешали сходу вниз. Они хотели сохранить для человека условия пребывания в духовном мире (Геродот сообщает: «Египтяне также первыми стали учить о бессмертии человеческой души. Когда умирает тело, душа переходит в другое существо, как раз рождающееся в этот момент. Пройдя через всех земных и морских животных и птиц, она снова вселяется в тело новорожденного ребенка. Это круговращение продолжается три тысячи лет». «История» кн. 2, 123. Египтологи XIX в. опровергали это мнение; так «История религий» Ш. де ля Соссей 1899 г. сообщает: «Целый ряд «Книги Мертвых», главы 76—88, служат выражением взглядов, которые трудно связать с другими воззрениями. Они дают мертвецу власть превращаться в различные существа. Он может принять вид золотого ястреба, лилии, птицы Бенну, священного барана, крокодила и т. д... Геродот ошибался, приписывая египтянам учение о переселении душ. Эти метаморфозы были совершенно добровольными... Эти тексты ... имели целью доставить покойному полное блаженство, отождествляя его с богами или посвященными им растениями и животными» — прим. перев.).

Следствием этого было то, что они не только консервировали мумии, но и со знанием дела использовали вещества; со знанием дела они применяли такие вещества, которые позволяли физическим соединениям сохранять такую прекрасную форму, что мы еще и по сей день держим в музеях эти мумии. Они представляют собой точную копию того, чем был когда-то человек^(33a).

Во-первых, господая, то, что сохраняется в течение тысячелетий, с

неизбежностью становится подобным яду, поскольку действует разрушительно. Оно несет в себе разрушительные, уничтожающие силы. В мумии живет — в ней заключено — необычайно много разрушительных сил. Фактически, дело обстоит так, что когда вы рассматриваете мумию, на которой проступает прах, пыль, то вы имеете дело с разрушительными силами в чистом виде, они выходят оттуда наружу⁽³³⁶⁾. Эти разрушительные силы присутствуют здесь по причине, о которой я говорил: присутствуют потому, что (умерший) человек, действуя извне, окружая, хочет разрушить все то, что находилось здесь, включая и облекавшееся в форму (останки — прим. перев.). Мумия находится здесь; человек же посылает в нее свои разрушительные силы. Итак, она несет в себе его разрушительные силы.

Во-вторых, египтяне к тому же применяли в египетских мумиях специфические вещества, чтобы сохранить эти мумии. Эти вещества особенно препятствуют разложению. Довольно быстро эти вещества создают ядовитую атмосферу. Так что атмосфера, окружающая мумию, всегда ядовита. Это имеет отношение также и к религиозным воззрениям египтян.

Сюда же присоединяется нечто иное. Откуда получали египтяне те вещества, превращавшиеся через относительно короткое время — в течение которого сами египтяне без вреда для себя могли работать с ними — в яд? Видите ли, современные люди больше не имеют никакого понятия о силе речи! В древности, в древнеегипетскую эпоху сила речи была огромной. Представьте себе сильно дымящийся огонь. Если вы подуете на огонь, то форма дыма изменится. Дутье следовало, вы могли бы каким-либо образом приводить дым в вихреобразное состояние; итак, вы можете изменять форму дыма. Дутье влияет не очень сильно. Но если вы начнете насвистывать песенку, то это тоже будет непрерывное дутье, вдухание и тому подобное. Тем самым вы формируете дым пламени в соответствии с содержанием песенки. Люди древности всегда знали, что вещи совершенно меняются, если каким-либо образом наговаривать на них, произносить наговор, особенно если использовать определенные слова. Для бальзамирования, для приготовления мумии они использовали свои специи, пряности. Работа с этими специями отличалась от того, как работаем со специями в настоящее время мы. Их работа всегда проводилась так, что во время бальзамирования все время нечто произносилось, нечто говорилось. Сегодня это звучало бы примерно так: «Тот, кто приблизится к моему телу, умрет». Однако это произносилось в такой тональности и на таком языке, что материя ориентировалась определенным образом, так, чтобы во время бальзамирования некая сила переходила в вещество специй. Она жила внутри. Современные люди больше не верят в это, но на самом деле это так. Допустим, что вы имеете дело с мумией, с веществом мумии; в ней до сих пор сохраняются внутри древние слова: «Кто приблизится к моему телу, умрет, найдет смерть». Это и происходит, потому что данная субстанция получила ту силу, которая была введена в нее посредством слова.

Сегодня все это еще существует, хотя и в остаточном виде. Но если вы посетите католическую церковь, там священник уже не обладает могуществом, позволяющим ему с помощью слова видоизменять вещества; тем не менее, такую силу, хотя и в малой степени, он использует. Он изготавливает воскурения, каждения, фимиам. Вся процедура, разыгрываемая там, совершенно безвредна, если она проводится правильно: при этом совершается каждение, затем в дыму кадильницы произносятся известные молитвы или посылаются мысли. Последнее в данном случае не происходит, но, тем не менее, совершают каждение, создается кадильный дым. В нем произносятся определенные слова; эти слова затем присутствуют в кадильном дыме и воздействуют на людей, находящихся в атмосфере кадильного дыма. Поэтому кадильный дым является важным средством для обращения грешников.

Итак, вы видите, господа: в остаточном виде вышеописанное влияние сохраняется до сих пор! Однако бальзамирование было фактически священнодействием, при этом человек преобразовывал материю. Видите ли, один человек, которого я хорошо знаю, приближаясь к азиатским гробницам — египетские гробницы в этом отношении наиболее характерные, но и азиатские гробницы тоже этим отличаются, — этот человек обнул: приближаясь к этим гробницам, известную гробницу вообще нельзя переступить. Известно, что если ты пойдешь дальше, ты упадешь в обморок или умрешь. Итак, подходить туда нельзя; удерживает ядовитая атмосфера. Это происходит по той причине, что те вещества,

которыми обрабатывали мертвых, были на самом деле заговорены словом, вредным разрушительным словом. Но к этому имеет отношение и кое-что другое. Не правда ли, если человек жил на Земле, скажем, десять столетий, тысячу лет тому назад, то его силы, несомненно, претерпели изменение. Человек проходит через период между смертью и новым рождением. Он приходит снова, возвращается. При этом он обладает силами для того, чтобы построить себе новое тело. Он обладает этими силами. Он обладает ими благодаря тому, что он смог в духовном мире преодолеть все разрушительные силы. Следовательно, благодаря этому становятся более крепкими и те силы, которые действуют из семени. Ибо человек сегодня не смог бы сформировать из человеческого семени тело, которое ему нужно сейчас; он стал бы держаться того тела, которое было тут (у него — прим. перев.) столетия тому назад. Та сила, которая будет заложена в каком-либо семени, должна быть старой, она должна приходиться из прошлого. С помощью нынешней силы нельзя ничего осуществить ни в одном семени. Видите ли, вообще для того, чтобы семя в случае растения могло действовать на следующий год, оно в течение зимы должно быть лишено внешних сил, должно быть предоставлено внутренним силам Земли. А эти силы являются для всего внешнего разрушительными силами. Так что, в сущности, эти семена злаков, помещенные в гробницу египетского фараона, захоронены вместе с разрушительными силами. При этом все то, что является на данный момент телом, нынешним телом, будет уничтожаться, если человек отдает свое тело во власть разрушительных сил, тогда как все, заложенное в семени, окажется в противоположном положении. Его жизненные силы будут укрепляться. Благодаря этому может случиться так — подобное происходит не со всеми злаками, но со многими, — что произойдет то же самое, что в ином случае могло бы произойти лишь во время зимы; семена злаковых растений, находясь вместе с разрушительными силами трупа, консервируют, сохраняют свои силы. Даже в течение очень долгого времени они сохраняют такую же всхожесть, как у свежих злаковых семян.

Рассматривая подобные вещи, необходимо иметь ясность относительно того, что в жизни происходят вещи, которые совершенно невозможно понять с точки зрения материалистической науки, поскольку здесь реальное воздействие оказывают духовные силы. Духовные силы начинают оказывать воздействие, как только по ходу земных событий истекает определенный срок. Теперь возьмем следующее. Конечно, это всего лишь нечто такое, о чем я могу вам только рассказать; однако возможно, что человек добьется того, чтобы самому ретроспективно созерцать прежние земные жизни, как свои, так и жизни других, бывших с ним вместе людей. Но ведь прежде бывшие люди претерпели в духе преобразование. От них тоже ничего не осталось. Так, скажем, если человек живший в Древней Греции и родившийся снова, окажется в настоящее время очень мудрым и сможет созерцать свой древнегреческий облик, в котором он когда-то странствовал, то он будет видеть этот облик в духе, он, правильным образом, увидит его в духе. Но если бы вдруг по какой-то причине — как я полагаю, не без помощи черта — то, что он видит в духе, превратилось в реального человека, то есть если бы он повстречал это в виде облеченного в тело человека, то он бы от этого умер. Человек не может встречаться с прошлым обликом — прим. перев., облеченным в тело! Он тут же умрет! И тот, кто увидел бы прошлую инкассацию в ее реальном физическом виде, должен был бы противостоять тем силам, которые хотят умертвить будущее, они реальным образом хотят умертвить его. Так уж обстоит это дело. Вследствие этого возникают совершенно неестественные отношения. Представьте себе, люди, тела которых были мумифицированы в Древнем Египте и до сих пор лежат, сохраняя их облик, на самом деле давно возвратились на Землю, они давно пришли снова! Они жили или живут сейчас, но и их прежние облики находятся здесь. Эти прежние облики действуют не только на воплотившихся снова людей, но, если человек снова воплотился, они разрушительно воздействуют и на других людей, оказывающихся вблизи от такого остающегося в сохранности облика. В сущности, от каждой мумии в действительности исходит влияние, враждебное человеческой жизни. Иначе и быть не может; враждебное для человеческой жизни влияние исходит от них. Однако люди не учитывают всего этого. И из-за этого может, конечно, случиться так, что мумии, принадлежащие особенно тщеславным и наделенным властными полномочиями людям, мумии, к которым было приложено много тайного труда, чтобы надолго сохранить их и придать им вредоносность, — эти мумии могут когда-

нибудь нанести вред. Если кто-то оказывается вблизи, то он или заболевает, или даже, при некоторых обстоятельствах, умирает. Вот почему теперь происходят эти необъяснимые вещи.

Кроме того, остается еще и третье: из этих сообщений вы узнали, что в настоящее время чрезвычайно трудно забраться в эти гробницы. Это и на самом деле страшно трудно. Когда сегодня мы слышали о древних мистериях — а об этом нам приходилось слышать уже не один раз, — вы могли бы спросить: где же проходили эти мистерии? Чтобы увидеть, где они проходили, надо было бы сначала врыться в глубину, в скалы, там обнаружались бы пещеры, пустоты; в этих пещерах можно было бы увидеть различные интересные письма, требующие расшифровки. В настоящее время все это скрыто скалами, скалами, которые так срослись между собой, у которых швы, «рубцы», возникающие при обработке камня, так срослись, что сегодня при поверхностном осмотре нельзя заметить, что это не природная скала, но скала, обработанная руками человека. Дело обстоит так, что египтянину хотелось защитить гробницу. Он врубался глубоко в скалы и, кроме того, сооружал искусственные постройки, которые постепенно в ходе тысячелетий изменялись так, что выглядят теперь как естественное, природное скалистое образование, как скалистый холм. Тут остается еще один вопрос. Он приведет вас к пониманию многих вещей в истории, которые иначе не понять. Мне хотелось бы знать, что получилось бы, если бы некоторое число людей сегодня должно было прилагать те силы, которые — как можно это представить себе — были необходимы, чтобы строить такие вещи! Даже для разрушения их требуется много времени, как вы говорили! Вы только представьте себе, что фараоны — так назывались египетские цари — обладали могуществом, которое благодаря их сильной духовности позволяло им воздействовать на людей! Если даже на материю могли воздействовать, то тем более могли словесно воздействовать на людей. Сегодня мы не делаем этого, потому что сегодня человек должен быть убежден тем, что он слышит. Но древние фараоны обладали огромной мощью. Поэтому они могли необычайным образом действовать на силу людей, на их силу, используемую при работе. Нам, однако, понадобится призвать на помощь еще одно явление, чтобы понять все это. Видите ли, нормальный человек может поднимать и сдвигать определенные вещи и так далее. Но приходилось ли вам видеть, каким необычным образом возрастает сила у сумасшедших, у безумцев?

Вы были бы удивлены тем, какую силу приобретает человек при поднятии вещей, которые он в ином случае не мог бы поднять, при переноске вещей, которые он в ином случае не мог бы нести! Какие силы получает он, если будет бороться с вами! Вы могли бы играючи, с легкостью одолеть его тогда, когда он не был безумен; если же он стал сумасшедшим, он тотчас же одолеет вас. Так возрастают силы у человека, сошедшего с ума.

Египтяне не были сумасшедшими. Но они в то же время не были столь рассудительными, как мы сегодня; они вели сновидческий образ жизни и обладали чудовищной силой. Современный человек вообще не имеет больше никакого понятия о том, как мало людей требовалось в Древнем Египте для перетаскивания огромных камней, для того, чтобы доставить их до места, расположенного иногда очень высоко. Современный человек совершенно не в состоянии представить себе, что это было такое время, когда пять человек могли доставить издалека громадный скальный блок и могли заставить его высоко вверх. Силы людей в Древнем Египте были чудовищно велики. Добиться этого удавалось только потому, что силы у этих людей развивали, а их самих немедленно обращали в рабов. Однако рабство служило не только для этого: его наличие показывает, что человечество уже становилось слабым и уже пробуждался рассудок. В эпоху, следующую за египетской, наличие рассудка, ума уменьшило физическую силу. Здесь в отношении рабства обнаруживалось то, что его хотели (искусственно) поддерживать, и были необходимы правовые нормы для такого поддержания. Однако раньше дело еще обстоит иначе: тогда ведь природу человека оставляли в тупо-безразличном, сонном состоянии ради усиления его физической силы. И вот, благодаря искусственно обретенным физическим силам и создавались такие вещи, как царские гробницы, для доступа к которым в настоящее время приходится прилагать огромные усилия, хотя бы для того, чтобы их разломать!

Не правда ли, относительно всех подобных вещей распространено ошибочное мнение, причем по той причине, что в настоящее время к таким работам

приступают, как правило, материалистически настроенные люди. Они не могут понять, что же это такое. Тот, кто раскапывает гробницу фараона, должен умереть. Люди были страшно удивлены этим, поскольку они не знали, что в намерения древних египтян входило, чтобы такой человек умер. Они обладали средствами, для того, чтобы воздействовать на протяжении времени, пронизывая время насквозь.

Вы только вообразите себе следующее: допустим, вы находитесь в Базеле и у вас есть радиопередатчик. Кто-нибудь в Берлине ловит вашу передачу, он слышит то, что вы говорите в микрофон. Ведь, не правда ли, здесь пространство как бы устраняется, оно совсем устраняется. Почему? Потому что мы, используя нашу радиопередачу, открытую нами, преодолели пространство и в состоянии действовать сквозь пространство. То, что передается в качестве радиосообщения, может появиться где угодно. Радиосообщение проходит сквозь пространство, и оживает в другом месте. Да, господа, представьте себе, что вы здесь передаете по радио: «Кто слышит, что я говорю, тот умрет!» А теперь представьте, что это слышит очень нервный человек, страшно впечатляемый человек. Он воспринимает: «Кто услышит то, что я говорю, тот умрет», — конечно, он должен быть исключительно нервным, и в этом случае он действительно может умереть от испуга, особенно если тот, кто произносит эти слова, кто ведет радиопередачу, сам безумен. Ибо силы, живущие в речи сумасшедшего, гораздо мощнее сил, живущих в речи разумного, нормального человека. Так что если бы это передавал здесь безумный, сумасшедший, а эти изречения безумца кто-то слушал, то последний мог бы и умереть.

Египтяне обладали возможностью консервировать, закладывать в свои гробницы такие изречения. И они действуют теперь, только уже не сквозь пространство, а сквозь время. И если сейчас англичанин просовывает туда свой нос, он не знает, что в запахе, проникающем в его нос, действуют слова, запечатленные в специях.

Нервный человек, слушающий радиопередачу, услышав радиосообщение безумца, мог бы, по крайней мере от испуга, умереть. Другой же умирает, ничего не слыша, поскольку это (эта информация — прим. перев.) заложено в запахе. От этого он умирает. Здесь заложено своего рода «радиосообщение», если можно так выразиться, оно наколдовано; здесь человек имеет дело с «радиопередатчиком, работающим во времени», с тем, что создали древние египтяне. Они хотели убить того, кто просунет туда свой нос. Это стало возможным только потому, что они владели искусством наговаривать соответствующие слова в специи так, чтобы они действовали.

Видите ли, вас перестанут удивлять эти вещи, если вы будете подходить к ним с точки зрения духовного знания. Однако весьма примечательно то, что человек, вникая сегодня во все, что только можно, производя исследования — иногда даже с помощью носа, как это показал последний случай — весьма неприятным образом наталкивается на действие духа. Те, на кого дух воздействовал наиболее сильно, тем самым, убив их, должны были бы, если бы уже после своей смерти они стали распространять мудрость, провозгласить истину! Но этого не происходит. Вот почему приговор, вынесенный им самим в духовном мире, приходится произносить нам.

ДЕСЯТАЯ ЛЕКЦИЯ

Дорнах, 5 мая 1924 г.

Доброе утро, господа! Кто-нибудь из вас надумал что-нибудь сегодня?

Господин Эрбсмель: Мне хотелось бы спросить, почему современные люди рассматривают звездное небо так, как это они делают сейчас, тогда как древние вавилоняне рассматривали его совсем иначе?

Доктор Штайнер: В связи с этим вопросом надо бы сказать кое-что о том коренном изменении, которое наступило по отношению к рассмотрению мира. Госпожа доктор Вреде⁽³⁴⁾ проводила здесь астрономический курс, и вы видели, как нелегко сегодня освоить вычислительные, математические методы исследования.

Видите ли, если хотят иметь ясность относительно этих вещей, надо прежде всего иметь в виду, что древние люди были поистине гораздо духовнее — именно так можно сказать — духовнее, чем современные люди. Относительно долго было известно о тех воздействиях в природе, о которых в настоящее время совсем ничего не известно. Мне хотелось бы обратить ваше внимание на факты в этом направлении. Ибо невозможно понять, что предлагали древние вавилоняне и ассирийцы в

качестве своей астрологии, науки о звездах, если не будут поняты определенные вещи, которые сегодня, в сущности, совсем неизвестны.

Например, Руссо (не Жан-Жак Руссо — прим. перев) сообщает следующее^(34a): находясь в Египте, следовательно, в области жаркого климата, о котором мы упоминали на последнем занятии, не так ли — находясь в Египте, он с помощью взгляда, определенным образом направленного на животное — например, на жабу, идущую навстречу — пристально, напрягая глаза, глядя на жабу, останавливал эту жабу, и даже доводил ее до полной обездвиженности. Жабы становились как парализованные. Это всегда удавалось ему в теплых областях, в Египте, например. Он мог тут парализовать жабу и затем мог даже убить ее. Но потом он захотел заняться тем же самым в Лионе. Там ему попала одна жаба. Он смотрел на нее, смотрел пристально и вдруг обнаружил, что парализован он сам! Он не мог больше двигать глазами, он был парализован настолько, как если бы он был мертв. Только когда подошли люди, позвали врача и дали парализованному змеиный яд, яд виперы, он смог выйти из спазматического состояния, он смог спастись. Вот чем обернулась эта история. Итак, вы видите, стоило человеку из Египта переправиться в Лион, как действие исходящее от природного существа изменилось на противоположное.

Итак, мы можем сказать: есть воздействия, очень тесно связанные с человеческой волей — ибо они являются раскрытием человеческой воли. Такие воздействия имеются. Имеются в наличии и соответствующие силы. Ведь не правда ли, то, что было тут сто лет тому назад, имеется и сегодня, да и всегда будет существовать, пока существует Земля. Просто люди больше не хотят сегодня заботиться об этом.

Однако, господа, это связано и с некоторыми другими вещами. Если нам хочется постичь, понять, в чем тут дело, нам надо обратить внимание на ареал, где подобные вещи происходят. Нам надо, в определенном смысле, привлечь на помощь географию. Но опять-таки, не ту сегодняшнюю скучную географию, которая говорит не о различии между взаимными воздействиями жабы и человека, а лишь о совершенно внешних вещах.

Мне хотелось бы в этом направлении привести вам еще один, уже совсем из другой области, пример.

Видите ли, в XVII столетии был один ученый, Ван Гельмонт⁽³⁵⁾. «Ван» или «ван», частица, входящая в голландские фамилии, происходящие от какой-либо местности; в отличие от германского «фон» она не указывает на дворянское происхождение — прим. перев). Этот ученый еще владел многим из того, что знали ранние. Ведь, в сущности, содержание прежнего знания было совершенно утрачено только в XIX в. В XVII в. оно еще было достаточно сильным, а в XVIII в. начинать приходиться в упадок. И только в XIX в. люди, по их собственному мнению, непревзойденно поумнели!

Этот Ван Гельмонт размышлял над тем, каким образом можно узнать больше, чем мог узнать человек с помощью обыкновенного человеческого рассудка. Сегодня люди уже не размышляют о том, как узнать больше, чем позволяет узнать обычный рассудок, так как они уверены, что человеческий рассудок может познать все. Однако Ван Гельмонт, бывший врачом, не очень сильно полагался на человеческий рассудок. Он стремился к духовному знанию.

Однако в то время было еще невозможно достичь духовного знания духовным же образом — как мы пытаемся это делать теперь в антропософии. Тогда человечество еще не заходило так далеко. И Ван Гельмонт использовал старую методику. Он делал то, чему не следует подражать, и я, конечно, никоим образом не хотел бы рекомендовать это. Этого делать нельзя. В настоящее время это уже больше не действует так, как прежде. Но Ван Гельмонт еще делал это.

Видите ли, он брал одно известное растение⁽³⁶⁾, ядовитое лекарственное растение. При определенных заболеваниях его прописывают. Он брал его. Будучи врачом, он, конечно, знал, что есть это растение нельзя, поскольку от этого можно умереть. Но он лизал конец корня, нижнюю часть корня. Следующим образом он описывал состояние, в которое приходил. Он говорил, что чувствовал нечто такое, как если бы его голова совершенно выключалась, как если бы он оказывался без головы. От этого он как бы лишался головы, становился безголовым. (Речь идет об аконите, который на немецком языке носит название «железная шапка», Eisenhut — прим. перев) Конечно, у него не отпадала голова, но он больше не ощущал ее. При

этом он уже ничего не мог узнать с помощью головы. Но теперь область живота у него начинала действовать подобно голове. И смотрите-ка, у него возникало большое просветление, проявляющееся в форме образов, которые мы сегодня в антропософии называем Имагинациями; его просветление проявлялось в форме образов из духовного мира. В его жизни это стало большим потрясением, это подтолкнуло его прямо-таки страшным образом; теперь он знал: о духовном мире можно говорить не только посредством рассудка, но можно по-настоящему увидеть этот духовный мир. Итак, благодаря этому он получал Имагинации из духовного мира.

Это продолжалось два часа. Через два часа у него был совсем небольшой приступ головокружения. Затем он стал вполне здоровым. Вы можете представить себе, что, конечно, это было значительным потрясением в его жизни; ведь с этого момента он знал, что духовный мир можно увидеть. Но он узнал еще нечто другое. Он узнал, что голова с ее мышлением является препятствием для созерцания духовного мира.

Мы, конечно, не поступаем так, как поступал Ван Гельмонт, лизавший корень растения — хотя некоторые люди подозревают нас в подобном, но это чепуха, — однако вследствие духовных упражнений мышление, связанное с головой, само отключается. Голова служит только для того, чтобы постигать то, что видят, созерцают посредством остального организма человека. Итак, здесь (то есть, в случае антропософов — прим. перев.) духовным способом вызывается тот же самый процесс, который вызывал Ван Гельмонт, используя более древний способ.

Сегодня я не собираюсь рассказывать вам всего, что было бы необходимым для того, чтобы еще раз охарактеризовать вам духовнонаучное обучение: это можно сделать при других обстоятельствах. Сегодня же я веду рассказ в связи с вопросом господина Эрбсмюля. Именно эти два случая, рассказанные мною, имеют непосредственное отношение к воздействию звезд, небесных тел. И поскольку в настоящее время такое воздействие небесных тел вообще отрицают, то и подобные вещи тоже больше не рассматривают.

Ван Гельмонт испытал столь крупное потрясение в своей жизни, ему это понравилось, и захотелось повторить такой опыт, для чего он стал чаще лакомиться верхушкой корня этого растения. Однако у него ничего больше не получалось, ничего достичь не удалось.

Что бы это могло означать, — то, что ему не удалось достичь того же самого? Видите ли, это означало, что Ван Гельмонт стал делать это с опозданием, так что какие-то (временные) соотношения не совпадали с прежними. Сам Ван Гельмонт не мог это объяснить. Конечно, я не могу сказать вам, что вы, подобно Гельмонту, могли бы и сами достичь того, о чем я рассказал вам, — когда Ван Гельмонт в первый раз смаковал верхушку корня этого растения, Ван Гельмонт не указал дату (события — прим. перев). Однако на основании сведений, которые, хотя и совсем иным путем, могут быть получены из духовной науки, можно сказать следующее.

Видите ли, в первый раз, когда Ван Гельмонт попробовал эту верхушку корня, наверняка было полнолуние. Но он не обратил на это внимания. Позднее он стал делать это уже не в полнолуние, и уже ничего не смог достичь этим способом. От первого раза у него кое-что сохранилось; он получил возможность снова видеть кое-что в духовном мире. Но такого продвижения, такого потрясения, как в первый раз, ему уже не удавалось достичь снова.

Живя в XVII в., он уже больше не знал о том, что это зависит от Луны, и верил, что это вызвано исключительно действием корня растения. Но в древности такие вещи были хорошо известны. Вот почему в древности повсюду жило убеждение в том, что звезды несомненно оказывают влияние на жизнь человека, животного и растения.

Если исследовать, как происходят такие вещи, то было бы рассуждать так: хотя мы не едим ядовитых растений, но обыкновенные растения мы едим, едим и корни растений. В то время как ядовитые растения мы можем использовать лишь в качестве лекарственных, для лечения, другие растения, неядовитые, мы используем как продукты питания. Видите ли, господи, дело обстоит так: если едят корни растений, то и они, так же, как корни ядовитых растений, находятся под воздействием Луны. Луна оказывает влияние на рост корней у растений. Поэтому определенные корни растений при определенной конституции человека очень

нужны. Вы знаете, что в кишечнике, в пищеварительных органах появляются паразиты, глисты, и это переносится очень тяжело. Для людей, у которых легко заводятся глисты, хорошим продуктом питания является красная свекла (в других лекциях автор говорит также о репе — прим. перев). Если красная свекла попадает в кишечник, она раздражает глистов, парализует их, а затем они выходят вместе с фекалиями. Отсюда вы увидите, что корни оказывают влияние на этих насекомых животных, на глистов. Корни красной свеклы не ядовиты для нас, но для глистов они ядовиты. И опять-таки дело тут обстоит так: вы обнаружите, что глистные свойства этих растительных корней проявляются наиболее сильно, если мы едим их в полнолуние. На эти вещи необходимо обращать внимание.

Видите ли, можно сказать: при изучении корней растений обнаруживается, что растения дают нам нечто такое, что очень сильно воздействует на двигательную-метаболическую систему (система членов тела, конечностей и обмена веществ). Люди, имеющие определенные заболевания, могут получить большую помощь, если им назначают корневую диету, дают в пищу корни, причем дают в период полнолуния, а в период новолуния прекращают.

Видите ли, все то, что можно наблюдать у растений, имеет значение и для человека, а именно для размножения и роста последнего. Детей, имеющих в связи с болезнью тенденцию оставаться маленькими, тоже можно кормить корнеплодами, чтобы они лучше росли; только надо производить сказанное в подходящий для этого время: в детском возрасте, между рождением и седьмым годом жизни. Силы Луны оказывают большое влияние на все то, что в мире животных и в мире людей связано с ростом и размножением. Следовательно, Луну необходимо изучать, не только направляя на нее телескоп, надо изучать, как она действует на Землю. Те, кто были учеными в Вавилоне и Ассирии, точно знали о том, какое влияние она оказывает на то или иное растение и тому подобное. Они не говорили о Луне просто как о шаре, который там, наверху странствует в мировом пространстве, нет, они повсюду видели воздействия Луны. Эти воздействия Луны обнаруживаются главным образом на поверхности Земли. Они не уходят глубоко в Землю. Они углубляются лишь настолько, чтобы можно было возбуждать корни растений. Они не «застревают» внутри Земли.

Вы могли бы, например, для доказательства того, что лунные силы совсем не проникают в землю, спросить пловцов, плавающих при лунном свете. Они быстро вылезают из воды, так как у них возникает чувство, что они тонут. Вода замирает, чернеет. Свет Луны не входит в воду, он вообще не идет в глубину, он не вступает в связь с Землей. Как вы видите, дело в том, что животные и человек находятся под влиянием лунного света, который действует, исходя не из Земли, а лишь от самой внешней ее поверхности, проникая лишь до корней растений. Тем самым вы получаете первое разъяснение относительно звездного неба.

Теперь перейдем к примеру, приведенному мною в связи с Руссо, который парализовал и даже мог убить жабу в жаркой зоне и который сам был парализован в умеренной зоне, в Лионе. Что тут лежит в основе?

Здесь, господа, надо только вспомнить о том, что если Земля, являющаяся шаром, если Земля освещена Солнцем, то в жаркой климатической зоне лучи Солнца падают почти отвесно. Тут они действуют совершенно иначе, нежели в умеренной зоне, где они падают на Землю косо, под совершенно иным углом. Как рост и размножение у растений и у человека находится под влиянием Луны, точно так же находится под влиянием Солнца то, что является (у человека — прим. перев.) его внутренней анималистической, то есть животной силой, которая переносится в его взгляд. Действия этой анималистической, этой животной силы зависят от Солнца. Солнце посредством своих сил обуславливает то, что в Египте человек с легкостью «заколдовывает», парализует жабу, даже может убить ее, в то время как в умеренной зоне он сам вынужден поддаться влиянию жабы. Это опять-таки зависит от Солнца.

Вам, конечно, известно, что иногда вы испытываете затруднения при мышлении, да и во всей своей внутренней жизни, а иногда все это идет легче. Это, в свою очередь, зависит от Сатурна, от того, где он стоит.

Так воздействия небесных тел сказываются во всей нашей человеческой, животной и растительной жизни. Только минеральное подвержено земному воздействию. Поэтому-то с помощью науки, ограничивающейся только земным, невозможно прийти к какому-либо пониманию человека. Нельзя узнать, что делают

звезды, если игнорировать этот вопрос, если не рассматривать звездные воздействия.

Представьте себе как-нибудь такую ситуацию — однажды, правда, дело обстоит не так плохо, но раньше такое вполне могло произойти — представьте, что кто-то является крупным государственным деятелем.

Но если бы вы спросили у тех, кто живет вместе с ним в его доме, кто для него готовит, например, кухарку, которая совершенно не интересуется государственными делами, если бы у нее спросили: «А что этот человек делает?», то, возможно, она ответила бы так: «Он завтракает, ест обед, ест ужин; а больше он и не делает ничего, в другое время он уходит. А больше он и не делает ничего». Она просто не знает, что он делает еще.

Современные ученые говорят то же самое, но только о звездах, о небесных телах, говорят только то, что они могут вычислить, только то, что знают. Другие, прежние люди, хотя бы интересовались тем, а что же звезды делают еще? Вот почему у них и была такая наука о звездах. Они знали, что Луна имеет отношение к растительному началу в человеке, Солнце — к животному началу в человеке, Сатурн же имеет отношение к чисто человеческому началу в человеке. Это они развивали дальше.

Они рассуждали так: «Солнце имеет отношение к животному началу в человеке. Если Солнце светит всем отвесно, вертикально, то тогда человек в жаркой климатической зоне сильно воздействует на животных».

Видите ли, в Европе, например, имеет место сильное взаимодействие между человеком и лошастью; но развить такую внутреннюю, тонкую связь с лошастью, как это бывает у арабов, то есть в жаркой зоне, — в Европе не способен никто, поскольку такие отношения между человеком и животным именно здесь развиты быть не могут. Это зависит от отвесного падения солнечных лучей, от воздействия Солнца.

Смотрите дальше, господа. В Вавилоне и Ассирии знали, что от Солнца исходят определенные воздействия, определенные силы. Люди вели наблюдение за Солнцем (изображается на рисунке). Они рассуждали так: вот созвездие Льва, то есть некая группа звезд на небе, а здесь, скажем, созвездие Скорпиона. Есть в году определенное время, когда Солнце стоит в созвездии Льва, это означает, что Солнце закрывает созвездие Льва, за Солнцем видно созвездие Льва (созвездие за Солнцем можно увидеть, например, во время солнечного затмения. Современная астрология, говоря о Солнце во Льве, имеет в виду, как правило, не созвездие Льва, а знак Льва, который в настоящее время смещен по отношению к созвездию на 18 градусов; протяженность знака Льва от 120 градуса по 150 градус, тогда как протяженность созвездия Льва от 138 градуса по 173 градус; знаки имеют равную протяженность по 30 градусов, тогда как протяженность зодиакальных созвездий меняется от 18 градусов у Весов до 46 градусов у Девы — прим. перев.) В другое время Солнце перекрывает созвездие Скорпиона, или созвездие Стрельца, или другую группу звезд.

Вавилоняне и ассирийцы знали: человек оказывает наиболее сильное воздействие на животное, когда Солнце стоит перед созвездием Льва; это воздействие наиболее слабо, если Солнце стоит в созвездии Девы или Скорпиона. Следовательно, они знали не только о том, какая планета имеет отношение к тому или иному действию человека, но знали также и о том, как на такое отношение влияет положение Солнца, закрывает ли оно созвездие Льва или Скорпиона, от этого влияние изменялось.

Что же делают сегодня? Сегодня просто рассчитывают: Солнце стоит в Зодиаке в Овне, в Тельце, в Близнецах, в Раке, во Льве, в Деве, в Весах, в Рыбах и так далее; рассчитывают, как долго оно стоит в созвездии, когда оно туда войдет и тому подобное. Знают, что 21 марта Солнце стоит в созвездии Рыб, но больше ничего не знают. Древние вавилоняне и ассирийцы еще знали, например, то, что если Сатурн стоит в определенном созвездии, которое называли Плеядами (в настоящее время 1 градус Близнецов — прим. перев), то тогда человеческой голове предоставляется наибольшая свобода. Все это они знали. Они могли с легкостью выносить суждения на эту тему, поскольку жили в более жаркой местности, чем наша, и потому, что они создали определенную науку, в соответствии с которой они объясняли всего человека, ориентируясь на небо.

Эту науку можно было применять по отношению к человеку; однако постепенно эту науку забыли. В то время обозревали как планетную систему, так и небо

Римская история того времени представляла собой нечто ужасное; в нравственном отношении это были совершенно испорченные люди. Они все еще владели древней наукой, но как люди они уже не могли больше сохранять, поддерживать ее: это такие фигуры тиранов, как Нерон⁽³⁷⁾ или Коммод^(37a).

О римском императоре Коммод, например, можно рассказать следующее. Этот Коммод был, как и все римские императоры, «посвященным». Но что означало в данном случае «посвященный»? Это было так, как сегодня кто-либо носит имя с каким-либо титулом. Любой римский император уже заранее, поскольку он был императором, расценивался как «посвященный».

Это, во всяком случае, указывает на то, что науку в то время ценили очень высоко. Однако римские императоры — за исключением Августа — не владели этой наукой. Но они, тем не менее, тоже были вхожи в мистерии; они даже могли сами посвящать других. В одном из градусов посвящающий должен был ударить по голове того, кого посвящали. Это было символическим действием. Император Коммод нанес такой удар, что посвящавшийся человек упал замертво. Это осталось безнаказанным, хотя виноват был император Коммод. Какими эти люди были в качестве «посвященных», такими они были и людьми (в третьей лекции описано подобное событие с императором Калигулой, который правил на 150 лет раньше Коммода; очевидно, что результаты за эти 150 лет не улучшились — прим. перев.).

Дальше на Север жили люди, которые позднее развили среднеевропейскую культуру, но тогда они были еще совершенно нецивилизованными. Однако позднее германцы завоевали Италию, Грецию и Испанию. И после этого там сохранились только те, кто работал, опираясь на чистую логику, на чистое мышление. Должны были возникнуть догмы. Ни во что другое углубляться было нельзя. Мышление ограничивалось лишь наиболее внешними вещами. Происходило так, что из школ, из монастырей повсюду изгонялось, искоренялось то, что составляло древнее знание. Можно видеть, как, в сущности, только нелегальным, подпольным образом, можно сказать, с помощью контрабанды, кое-что из этой вавилонской науки доходило до Европы. Но, как правило, это не заходило так далеко, тогда как в Вавилоне еще относительно долго культивировалась такая наука.

Греческая (византийская — прим. перев.) империя в Константинополе просуществовала вплоть до средних веков (до 1453 г. — прим. перев.). Видите ли, господа, там были весьма колоритные фигуры! Подобно тому, как к нам иногда приходят польские евреи в кафтанах и старинных цилиндрах — они хотя и не пользуются большим авторитетом, но основательно знают иудаизм, — так и в Константинополе тоже все снова и снова появлялись такие фигуры в то время, когда все (то есть вся наука — прим. перев.) было искоренено. Они приносили с большими, даже огромными свертками пергамента, на котором было многое записано. Видите ли, в Константинополе у всех этих колоритных персонажей их пергаментные свитки отбирали и вскрывали. Так в Константинополе складировалось, накапливалось все то, что приходило туда из Вавилона и Ассирии. Об этом никто не заботился. Но в Европе все это искореняли. Только в XII, XIII столетиях и позднее, в средние века по мере падения империи эти пергаментные свитки снова получали свободу, причем некоторые люди воровали их. Их доставляли в Европу. Вот откуда и произошло то, что тогда еще не ученые мужи, а необученные люди расшифровывали эти пергаментные свитки.

Так в средневековье снова стало распространяться знание, хотя и в малом объеме. Это малое знание, в свою очередь, побуждающим образом действовало на других; ни Парацельс⁽³⁸⁾ ни Ван Гельмонт не смогли бы создать ничего, если бы те люди не доставляли в Европу украденные ими пергаментные списки и не продавали бы их там за большие деньги. Благодаря этому в Европу снова кое-что приходило. И на основании всего того, что попало в Европу, в настоящее время функционируют некоторые тайные общества. Есть всевозможные ордена, масоны, Odd Fellows (братство чудаков) и так далее; у них не было бы никакого знания, если бы его не доставляли в Европу из Константинополя в пергаментных свитках, которые тогда продавали за большие деньги.

Но оценить это знание не могли. Если человек был образованным настоятелем собора, таким, как Коперник, то он не ходил к тем людям, которые обладали этими пергаментными свитками. Нельзя было это делать. Можно было испортить себе всю репутацию, весь престиж. Однако из-за сказанного теряла репутацию и эта древняя наука. И вот, такой человек, как Коперник, впервые основывает в то время ту науку,

которую мы имеем и по сей день, которую мы действительно имеем сегодня.

При этом, однако, происходило нечто примечательное, господа. Прямо-таки прекрасным оказалось то, что когда Коперник основывал свою астрономическую науку, он уже не знал всего того, что знали на эту тему раньше, так же, как и сегодня этого больше не знают. Но в последующие времена тоже больше не понимали, что говорил Коперник. Два положения Коперника понимают; третье больше не понимают. Если понимают два положения Коперника, то полагают, что Солнце стоит в центре, а вокруг Солнца вращаются Венера, Меркурий, Земля и так далее. Сегодня этому обучают во всех школах. Если же понимают Коперника в целом, то дело обстоит совсем не так; сам Коперник указывал еще на то, что здесь стоит Солнце (изображается на рисунке), за ним Меркурий, за ним Венера, здесь Земля и так далее. Все это в действительности вращается вместе с Солнцем в мировом пространстве по вот такой винтовой линии. Это при желании можно прочесть у Коперника. Итак, перед нами странный факт, состоящий в том, что хотя Коперник и опровергнул старую науку, новое поколение не поняло его. Только теперь начинают понимать Коперника, то есть замечают то, что он выдвинул три, а не два положения; третье положение люди понимали с трудом. Так постепенно астрономия превратилась в то, чем она является сегодня: в науку, основанная исключительно на вычислениях.

Вы могли бы задуматься вот над чем: то, что еще сохранилось от древней науки, было достигнуто не тем путем, каким сегодня достигают чего-то. Сегодня мы достигаем каких-то результатов с полной ясностью в душе. Древние делали это главным образом инстинктивно. Больше не понимают того, что представляло собой знание древних.

Очень интересным примером тому может служить случай, произошедший пару лет тому назад. Один шведский ученый⁽³⁹⁾ приступил к чтению древней алхимической книги, в которой говорилось о свинце, о серебре, о том, что произойдет, если в свинец добавить серебро, что случится, если добавить золото и так далее. Что же сделал этот ученый? Он сказал: мы приняли к сведению то, что написано, теперь мы сделаем все это! И он стал повторять все это в своей лаборатории, взял свинец в том виде, каков он есть сейчас, взял серебро в том виде, каково оно сейчас, обработал на огне, как было написано, — но ничего из этого не вышло!

Ничего и не могло выйти, потому что то, что он там вычитывал, были именно такие знаки. Он считал, что знак O означает золото; следовательно, он брал золото и обрабатывал его химически. Этот знак ФФФФФФФФ означал свинец; итак, я беру свинец и обрабатываю его химически.

Однако весь ужас состоял в том, что тот человек, алхимик, у которого все это вычитал шведский ученый, имел в виду в данном случае не металлы, а планеты. Он имел в виду, что если смешать солнечные силы с силами Сатурна и Луны — описанное в данном месте относится к эмбриону человека, — итак, если на ребенка в теле матери действуют солнечно-лунные силы, тогда происходит то-то и то-то.

Стало быть, с этим шведским ученым случилось так, что он, используя внешние металлы, хотел сделать в реторте то, что у указанного алхимика относилось к эмбриональному состоянию в материнском теле. Конечно, ничего не подтвердилось, ведь он должен был бы наблюдать процесс возникновения, происходящий в материнском теле; тогда он мог бы подойти к этой проблеме. Видите, вот как мало понимают сегодня то, что имели в виду в этой древней науке.

Все это показывает вам, как, в сущности, следует дать ответ на вопрос, поставленный господином Эрбмелем. На него следует отвечать так, чтобы довести до сознания следующее: да, конечно, с новой наукой все обстоит хорошо, прекрасно и правильно; сегодня можно точно рассчитать местоположение звезды, можно рассчитать ее удаление от другой звезды, можно посмотреть в спектроскоп и увидеть, какого цвета спектральные линии, можно даже определить отсюда химический состав звезды. Но как звезда воздействует на Землю — это надо исследовать заново! Это нельзя исследовать так, как это делают сегодня многие люди: они просто берут древние книги. Конечно, это было бы легко, если бы можно было просто взять древние книги и узнать из них все то, чего не знают люди сегодня. Однако даже при Парацельсе это уже не годилось; люди не понимают книг, так как читают они их «нынешними» глазами. Речь идет о том, чтобы научиться заново открывать те влияния, которые оказывают звезды на людей. Это

возможно только с помощью духовной науки, с помощью антропософской духовной науки.

Так может быть заново открыто не только то, где располагается Луна, но и как связана Луна со всем человеком. Таким образом, приходят к тому, что ребенок в течение десяти лунных месяцев, то есть десять раз по четыре недели переживает в теле матери воздействия Луны; причем переживает воздействие Луны так, что за это время ему приходится пережить восемь, девять, десять полнолуний. Эмбрион плавает в плодных водах и, следовательно, является до своего рождения совсем иным существом, он защищен от земных сил. Это наиболее важно, то, что он защищен от земных сил и находится преимущественно под влиянием Луны, хотя другие небесные тела тут тоже влияют.

Видите ли, должно произойти так, чтобы уже сегодня в наших университетах и в наших школах, даже в средней общеобразовательной школе изучались совершенно иные предметы; чтобы в первую очередь изучали человека, человеческое сердце, человеческую голову, изучали, как все это связано со звездами. В университетах, во-первых, должно даваться описание, как из совсем маленького человеческого семени развивается человеческий эмбрион в течение первой, второй, третьей, четвертой, пятой недель и так далее. Это уже есть, такое описание имеется, но нет еще другого описания; о том, что делает в то же самое время Луна. Наука о физическом возникновении человека может появиться только тогда, если на одной странице будет описано, что происходит в теле матери, а на другой странице будет описана деятельность Луны.

И опять-таки, надо совершенно отчетливо представлять себе, что, например, в случае смены зубов на седьмом году жизни надо описывать не только то — именно это случается сегодня, — что представляют собой молочные зубы, как вырастают другие, а молочные зубы вытесняются. Надо описывать это с позиций науки о Солнце; ибо этот процесс зависит от солнечных сил.

Точно так же и при описании половой зрелости человека имеют в виду чисто физические процессы. Одно они зависят от Сатурна; необходима наука о Сатурне. Дело не следует вести так, как ведется оно сегодня, когда каждый предмет освещается сам по себе. При таком подходе может произойти то, что произошло в больнице одного европейского города. В университетскую клинику пришел один больной, он полагал, что у него заболевание селезенки. И вот он спросил: в какое отделение должен я обратиться с заболеванием селезенки? Там ему пояснили, что он может направиться в любое отделение. Но там он, к несчастью, упомянул, что, кроме того, у него и печень больная. Тогда ему сказали: вы не наш больной, вы должны быть переведены в другую клинику, где находятся больные с заболеваниями печени, а у нас только больные с заболеваниями селезенки. Он оказался между двумя охапками сена, подобно тому известному (буриданову) ослу, который находился между двумя охапками сена, равными по размеру и совсем не отличавшимися друг от друга.

Это знаменитая логическая иллюстрация проблемы свободы воли! Говорят: что сделает осел, если он стоит между двумя охапками сена, которые одинаковы по величине и одинаково сильно пахнут? Если он решит оборотиться налево, то он думает, что справа так же вкусно; решит оборотиться направо — думает, что слева так же вкусно. Так он и вертелся, то туда, то сюда, пока не околел с голоду между двух охапок сена! Вот и этот больной с двумя заболеваниями не знал, куда обратиться, и тоже мог бы умереть, решая, направиться ли ему в отделение по заболеваниям печени или в отделение по заболеваниям селезенки!

Я упомянул об этом только для того, чтобы показать, что сегодня каждый знает кое-что о самом маленьком кусочке мира. Но сегодня это значит ничего вообще не знать! Ведь если сегодня человек хочет узнать что-либо о Луне, ему надо идти в обсерваторию, в планетарий и там спрашивать. Но там, в свою очередь, ничего не знают о возникновении человека. Тут надо обращаться с вопросами к гинекологу, акушеру, профессору по женским болезням. Однако ни один из них ничего не знает о небесных телах. А ведь эти две вещи взаимосвязаны.

Беда современного знания состоит в том, что каждый знает только о части мира, а в целом не знает никто. Поэтому происходит так, что современная наука, особенно если ее преподносят в популярных лекциях, производит страшно скучное впечатление. Конечно, господа, предмет оказывается скучным, если вы вам рассказывают только о том, что составляет ничтожную часть предмета.

Допустим, вы хотели узнать, как выглядит стул, которого здесь нет, а кто-то описывает вам древесину, тогда как вы хотите знать, как стул сформирован, построен. Так же скучно сегодня изучать антропологию, как ее теперь называют, науку о физическом человеке, скучно, поскольку совместно с этим не описывают, по каким причинам это происходит. А если это описывают, то без всякого отношения к предмету.

Следовательно, астрология, наука о звездах, тогда будет приведена в порядок, когда она будет связана с антропологией, наукой о человеке. Об этом идет речь; именно в такой форме я мог сегодня кратко ответить вам на заданный вопрос. Действительно, происходит так, что такие важные вещи, как те, о которых я рассказывал вам в связи с Руссо и Ван Гельмонтом, — это факты, но их нельзя понять, ограничиваясь рассмотрением одной Земли. Но такие важные вещи понимать надо. Люди стали проявлять склонность к материализму даже в словоупотреблении. Ведь как, к примеру, называют то, что какой-либо человек может своим взглядом парализовать животное? Это называли магнетизмом. Да, но ведь слово «магнетизм» позднее стали употреблять лишь по отношению к железу, по отношению к магнитам. И если сегодня этот термин используется на научном уровне, то говорят лишь о том, что относится к железу, опасаясь неправильного использования слова «магнетизм». Только шарлатаны еще говорят о том, что человека можно магнетизировать, однако у них больше нет никакого представления об этом. Именно для того, чтобы приближаться к таким вещам, необходима духовная наука.

Следующий раз — в девять часов утра в среду.

ОДИННАДЦАТАЯ ЛЕКЦИЯ

Дорнах, 8 ноября 1924 г.

Ну, как, господа, подготовили ли вы вопросы на сегодняшний день?

Автор вопроса: По какой причине при смерти Христа Солнце затмилось на три часа?

Доктор Штайнер: Да, господа, это, конечно, очень значительный вопрос, по какой причине при смерти Христа Солнце затмилось на три часа? Видите ли, этот вопрос, насколько вы можете себе представить, этот вопрос тоже очень, очень сильно занимал меня⁽⁴⁰⁾. Я могу предположить, что и для автора вопроса этот вопрос тоже очень важен, причем он обнаруживает прежде всего, то, что в подобные вещи современные люди больше не верят. Поэтому еще в XIX в. для таких вещей предлагали очень простое решение. Поняли так: на самом деле этого не было, это просто образ, и не надо придавать таким вещам большого значения. Однако, господа, дело обстоит совсем не так! И если очень тщательно исследовать все то, о чем можно узнать из содержания духовной науки, то приходишь к тому, что во время смерти Христа происходило солнечное затмение, по крайней мере, сильное закрытие Солнца, так что ко времени наступления смерти в данной местности имело место помрачение, затемнение. Нельзя было бы просто игнорировать такие вещи, отрицая их; надо, конечно, выяснить, в чем дело.

Мне хотелось бы обратить ваше внимание на то, на что я уже часто указывал в вашем присутствии; в древних источниках вы всюду обнаруживаете, насколько сильно принималось во внимание время дня, время года, и так далее. Сегодня люди почти не замечают этого. Вам ведь известно, что в Новом Завете много рассказано об исцелениях, совершенных Христом, рассказывается о формах, о способах, примененных Им для исцеления больного. Очень ценно то, что Он развивал среди людей вполне определенную практику по исцелению болезней. Исцеления в то время осуществлялись существенно легче, чем в настоящее время; однако на это люди не обращают больше внимания, этого не учитывают. Сегодня надо лечить людей — уже развитых, находящихся в Европе — ориентируясь на тело. Но так было не всегда. Еще в то время, когда Христос был на Земле, а в более давнее время тем более, можно было успешно исцелять, ориентируясь на душу, из души. Душа у современного человека больше не обладает таким сильным влиянием, поскольку современный человек в соответствии со всем своим воспитанием, обладает абстрактными мыслями. Видите ли, таких мыслей, которые имеют теперь все люди, в прошлом еще не было. Тогда человека внутренне охватывало то, о чем он думал. Чего-то подобного тому, что называют логическим мышлением, в прежнее время еще не было. Человек в отношении своей душевной жизни был совершенно иным.

Сегодня вы можете сообщить человеку что-либо исключительно важное: до его тела это не дойдет, не **с**может действовать на тело, поскольку душа у него оттянута, абстрагирована от тела. Думают, что древние люди обладали инстинктивным ясновидением потому, что были более свободны от своего тела. Но это совсем не так: они были в большей степени вдвинуты в свое тело, они ощущали все по большей части с помощью своего тела и поэтому они могли оказывать на тело огромное влияние посредством души. Если произносилось **о**пределенное имя, то перед душой древнего человека тотчас же вставал этот образ. В настоящее время при произнесении какого-либо слова образ не появляется.

Однако древние люди сразу же имели законченный **о**браз, и этот образ вызывал у них или мороз по коже (от страха — прим. перев.), или гомерический хохот, или что-либо еще; все сразу же переходило в тело. Видите ли, эти свойства оказывались очень пригодными для исцеления. Но использовать их можно было только в том случае, если правильным образом использовались силы из окружающей человека среды. Вот почему при описании исцеления больного Христом говорится: «... когда заходило Солнце, приносили к Нему всех больных и бесноватых» (Мк. 1: 32). Следовательно, Он не собирал больных при полном, ярком солнечном **с**вете: в этом случае утешение, даваемое Им душе, не было бы так полезно. Только когда люди приходили к **Н**ему в полутьме, в сумерках, это приносило пользу.

Сегодня люди совершенно упускают это из виду. Хотя дело обстоит именно так, что эти вещи связаны с человеческой жизнью. Светит ли яркое Солнце или наступили сумерки, весна теперь или осень — все это оказывает огромное влияние. Так же обстоит и с **и**ными явлениями природы. Мы можем сказать так: мы **р**ассматриваем жизнь Христа, как она развивалась от Его рождения до Иоаннова крещения, а затем, в течение трех лет, до Его смерти — все в некотором смысле **о**бобщается. Но в этом действии принимает участие не **т**олько то, что выражается в решении синедриона, не только то, что произвело переворот среди людей и так далее; в этом действии принимают участие также явления, происходящие как на небе, так и во всей природе.

Я говорил вам, господа: пока человек находится (как эмбрион — прим. перев.) в теле матери и затем **р**одится, влияние на него оказывают лунные силы. **П**озднее влияние на человека оказывают солнечные силы. Я говорил вам о том, что силы других звезд, других небесных тел тоже оказывают влияние на человека. Но влияние на человека оказывают, кроме того, все явления, происходящие вовне, в природе.

Видите ли, порой привлекает внимание то, как **с**егодня люди, не будучи в состоянии выйти за пределы абстрактного мышления, ломают голову над **п**роблемами явлений природы. В настоящее время, например, известно, что солнечные пятна — ведь и на Солнце есть пятна — с периодом в одиннадцать, двенадцать лет все снова и снова появляются в большом числе. Однако хотя и известно, что во время появления солнечных пятен на Земле всегда нарушается спокойствие, никто не склонен действительно учитывать то внеземное влияние на Землю, которое выявляется в солнечных пятнах. Но ведь такое влияние несомненно имеется! **К**огда идет дождь, то люди с пониманием относятся к тому, что следует прекратить кое-какие работы на земле, не так ли? Если дождь льет как из ведра, они не могут как следует выполнять садовые работы или что-то в этом роде; они должны их прекратить. В данном случае природа оказывает влияние на сознательную жизнь человека. Но на бессознательную жизнь человека **с**ильное влияние оказывает все космическое **о**кружение, включая мир звезд, небесных тел. Так, солнечный свет, имеющий значение для человека, доходит до него совершенно иным образом, если он местами затемнен, нежели в том случае, когда он повсеместно ярок.

Не следует говорить, что из-за таких вещей **н**аносится ущерб свободе. Там, где имеют дело с глубокими, духовными влияниями, человек с его свободой должен строить, опираясь на эти влияния, причем строить так, чтобы, находясь во втором этаже, не приходилось **г**оворить, что надо проломить пол для того, чтобы попасть на нижний этаж. Следует с уважением относиться к **з**аконам природы, также и к великим космическим законам. Можно сказать так: все обострилось в природе именно в то время, когда происходившее в Палестине величайшей печалью отражалось в некоторых **с**ердцах. Но тем самым эта величайшая печаль переходила в природу. Эти две вещи взаимосвязаны; в действительности они взаимосвязаны. И затем можно сказать: так же, как кровь течет в теле и здоровье человека зависит от этой крови, так, со своей стороны в кровь втекает то, что живет в солнечном свете.

Оно втекает в кровь. Представьте себе, что кто-то умер. Если бы вы могли за два месяца до этого исследовать его кровь, то она показала бы вам, что уже вступила на путь безжизненности.

Как кровь перед смертью человека вступает на путь, ведущий к безжизненности, точно так же и то, что живет в свете уже заранее, уже ко времени рождения Христа развивалось по тому пути, который и привел к сумраку, возникшему одновременно с Его смертью. Итак, между природными явлениями и жизнью Христа установилась непосредственная внутренняя связь. Можно было бы сказать: как Христос сознательно избирал сумерки для исцеления больных, точно так же Его бессознательное в душе избрало солнечное затмение, чтобы умереть. Так надо представлять себе эти вещи; тогда можно прийти к их правильному объяснению. А это важно, господа! Эти вещи, конечно, нельзя объяснять внешним, грубым образом, их надо объяснять внутренним образом.

Ставится вопрос: Выполнил ли еврейский народ свою миссию в эволюции человечества?

Доктор Штайнер: Видите ли, это такой вопрос, который при обсуждении слишком легко, к сожалению, превращается в агитацию. Однако то, что следовало бы совершенно объективно высказать по этому поводу, не имеет ничего общего с какой бы то ни было агитацией.

Рассматривая развитие еврейского народа в древности, надо сказать, что форма его развития в высшей степени способствовала подготовке христианского развития. Еще до вступления в мир христианства у евреев была очень духовная религия, однако это была религия — я уже характеризовал ее вам — принимавшая в расчет только духовный закон природы. Если еврея спрашивали: «Почему наступает весна?», то он говорил: «Потому что так хочет Иегова!» «Почему этот человек плох?» — «Потому что так хочет Иегова!» «Почему в стране разразился голод?» «Потому что так хочет Иегова!» Все сводилось к этому единственному Богу. Из-за этого евреи и соседние с ними народы жили враждебно; последние их не понимали. Евреи тоже не понимали эти соседствующие с ними народы, поскольку эти соседние народы не признавали таким же образом этого единственного Бога, но признавали духовных существ во всех природных явлениях — многих духовных существ.

Видите ли, господа, ведь эти многие духовные существа в природных явлениях просто-напросто существуют, и те, кто их отрицает, отрицает нечто действительное. Такое отрицание духовных существ, связанных с природными явлениями, подобно тому, как если я стал бы сейчас говорить: в этом зале нет ни одного отдельного человека! Сказать это я, конечно, могу, так что если я приведу сюда слепого и скажу «В этом зале нет ни одного человека!» и вы при этом не начнете смеяться так громко, что он услышит, то он может и поверить. Ведь и в этой области можно впасть в иллюзию. К Фридриху Ницше⁽⁴¹⁾, который очень плохо видел — он был тогда профессором в Базеле, — всегда приходило очень мало слушателей; несмотря на то, что лекционный курс был очень интересен, юные слушатели особого прилежания не проявляли. Он же всегда был погружен в свои мысли, рассказывал по кафедре и читал свою лекцию. И вот однажды случилось так, что в аудитории вообще никого не было! Но поскольку он так плохо видел, он заметил это только тогда, когда уходил. Так что слепого можно было бы убедить, что здесь в зале нет ни единого человека. Вот так же объясняет людям, что никаких духовных существ нет, тот, кто сначала, используя воспитание и все, что происходит в настоящее время, делает этих людей слепыми по отношению к духовным воздействиям.

Но с другой стороны, для человека важно понять, что ему приходится иметь немало хлопот со всем этим множеством природных духов. Однако у него есть сила, преодолевающая все то, что вызывают в человеке эти природные духи. Благодаря этому человек приходит к единому человеческому Богу. Евреи прежде всего в сильнейшей степени подошли к этому единственному человеческому Богу и отрицали всех остальных духовных существ в явлениях природы. Их заслуга состоит в том, что они тем самым впервые признали одного-единственного человеческого Бога, Яхве или Иегову. Яхве же означает просто «я есмь».

Эта вещь приобрела большую важность в мировой истории, это единобожие, монотеизм, сопровождающийся отрицанием всех остальных духовных существ. Представьте себе: есть два народа, ведущие войну друг с другом; каждый признает только одного бога, но лишь один из этих народов может одержать победу.

Победивший народ говорит: наш бог позволил нам одержать победу. Но если бы победил другой народ, то и он тоже стал бы говорить: наш бог позволил нам победить. Но ведь если бог один-единственный, дающий возможность победить одному народу и дающий возможность победить другому народу, то получается, что этот бог побеждает сам себя! Следовательно, если турки имеют своего Бога, а христиане — своего Бога, у обоих народов Бог один и тот же, то один народ просит: «Пусть единственный Бог пошлет нам победу», тогда как и другой молит: «Пусть один-единственный Бог принесет нам победу». И оба эти народа просят своего и того же Бога, чтобы он победил сам себя! Должно быть ясно: речь идет не об одном-единственном духовном существе! Подобное выступает и в обыденной жизни: одному хочется, чтобы пошел дождь, он молит о дожде, другому хочется, чтобы светило Солнце, и он в тот же день молится о солнечной погоде. Ничего не выходит! Если бы это заметили, то в эти вещи было бы внесено побольше ясности. Но этого даже не замечают. В делах большого масштаба человек попадает в бессмысленное положение, живет, руководствуясь той бессмысленностью, которую он не позволяет себе в мелочах. Ведь в кофе не кладут одновременно и соль, и сахар, его делают сладким и только, кладут только одно. Но по большому счету, а в этом случае и заблуждения оказываются большими, люди ведут себя не так, как если бы они хотели иметь во всем только одну ясность. Итак, евреи сделали обычаем то, что называют монотеизмом, исповеданием одного-единственного Бога.

Я уже как-то рассказывал вам вкратце, что христианство, в сущности, рассматривает три Божества: это Бог-Отец, живущий во всех явлениях природы, Бог-Сын, живущий в человеческой свободе, и Бог-Дух, доводящий до сознания человека, что тот — человек — обладает независимой от тела духовностью. Тем самым оказываются понятными три вещи. В ином случае приходится приписывать одному Богу и то, что Он допускает телесное умирание человека, и то, что на основе того же самого решения Он снова пробуждает его из мертвых. В то время как в случае трех Лиц, трех ипостасей, умирание относится к одному Богу, смерть — к другому, а пробуждение в духе — опять-таки к какому-то другому. Итак, в христианстве выявилась необходимость представлять духовное Божество в трех Лицах. В трех Лицах — это только сегодня дело обстоит так, что этого не понимают, но первоначально это означало «образованное тройко» и представляли это так: Божество выступает именно в трех Лицах.

Поскольку еврейство имело в виду только одного Бога, оно было вынуждено не делать изображения этого единственного Бога, а постигать этого единственного Бога лишь внутренней частью души, посредством рассудка. Легко понять, однако, что вследствие этого в высшей степени уплотнялся человеческий эгоизм; ведь человек становился чужд всему, что было вне его, поскольку видел духовное лишь в своей собственной персоне. На самом деле этим вызывался известный национальный эгоизм, народный эгоизм евреев. Не следует этого отрицать, однако, евреям из-за этого более свойственно усваивать то, что не является образным; в то же время им менее свойственно усваивать образное. Если еврей становится скульптором, то ничего выдающегося при этом не возникнет, поскольку у него нет предрасположенности к тому, что выступает в образе, он лишен ее. Если же еврей становится музыкантом, то он будет отличным музыкантом, ведь музыка не является образной, ее нельзя изобразить как внешнее. Вы можете найти среди евреев крупных музыкантов, но едва ли во времена расцвета искусства вы найдете среди них великих скульпторов, тем более художников! Евреи рисуют совершенно иначе, нежели христианские или даже нехристианские, восточные живописцы. Они рисуют так, что цвета на картине, нарисованной евреем, почти не имеют никакого значения; значение имеет то, что выражает картина, то, о чем хотят рассказать с помощью этой картины. Это особенно характерно для еврейства; внести в мир то, что лишено образа, то, что всецело реализует себя в человеческом "Я".

Насколько легко рассматривать это, настолько же нелегко утвердить исповедание этого единственного Бога; люди сразу же становились язычниками, если исповедание одного-единственного Бога преподносилось без нажима. Евреи в наименьшей степени являлись язычниками. В христианстве же, напротив, языческий элемент воцаряется с легкостью. Внимательно вглядываясь, вы могли бы это заметить повсюду. Возьмите, например, то почтение, которое в христианстве уделяется церемониям. Я уже говорил вам, не правда ли, дароносица отображает Солнце и внутри — Луну. Этого больше не знают. Однако человек, не имеющий в

этом отношении ясности, молитвенно обращается к дароносице как к чему-то внешнему. Так мало-помалу в течение столетий христианство строилось по языческому образцу. В иудаизме же, напротив, развивалось противодействие этому.

Возьмите то, что происходило в совершенно определенной области, там, где положение было наиболее ясно; возьмите христианство стран Запада, то есть тех христиан, которые приходили из Греции, Рима и Центральной Германии; они были неспособны развивать и дальше древнюю медицину, поскольку не могли больше созерцать в целебных травах духовное начало. Они больше не имели возможности видеть духовное начало в целебных травах. Однако те евреи, которые приходили из стран Востока, из Персии, и так далее, повсюду видели духовное начало, то есть своего единственного Иегову. Если вы рассмотрите развитие медицины в средние века, вы найдете, что евреи принимали в этом процессе очень деятельное участие. Арабы принимали деятельное участие в развитии иных наук, тогда как евреи развивали медицину. А то, что удалось внести в медицину арабам, было разработано ими опять-таки с помощью евреев. Но вследствие этого медицина и стала именно такой, какова она сегодня. Хотя медицина осталась духовной, она осталась, я мог бы сказать, в рамках монотеистической духовности. И сегодня, наблюдая медицину, вы можете видеть: за исключением пары средств — их совсем немного — всем остальным средствам приписывается все! Больше не знают, как действует средство, подобно тому, как в иудаизме не знают об отдельных духах природы. Так в медицину вовлекался тот абстрактный дух, тот культ Иеговы, который по сей день присутствует в медицине.

Было бы, например, вполне естественным, если бы в различных странах Европы среди врачей в процентном отношении евреев было не больше, чем во всем народонаселении. Я не хочу сказать — пожалуйста, не поймите меня неправильно! — что следовало бы ввести такую меру законодательным образом, этого я совершенно не имею в виду. Однако естественным образом должно было бы произойти так, чтобы общей численности евреев соответствовала численность евреев среди врачей. Но этого не происходит. В большинстве стран численность евреев среди врачей значительно больше. Это восходит еще к средневековью; тогда их очень привлекала медицина, поскольку она отвечала их абстрактному мышлению. Эта абстрактная иеговистская медицина очень подходила к их образу мыслей; она соответствовала ему. И только здесь, в антропософии, где снова возвращаются к отдельным духам природы, снова познают, что за природные силы заключены в отдельных травах и камнях. Указанным образом это снова возвращается на надежную почву.

Итак, евреи почитали этого единственного Иегову и тем самым удерживали людей от потери себя во множественности духов. Конечно, дело обстояло так, что евреи вследствие этого всегда отличались от других людей, что вызывало у других склонность к антипатии, — как всегда, тот, кто отличается, вызывает у других склонность к антипатии. Но сегодня пора сказать себе, что в будущем больше нет необходимости так обособлять культуру, не позволять расти, не давать ей разрастаться вширь, чему на протяжении столетий содействовали евреи; в будущем на смену такому образу действий должно прийти сильное духовное познание. Тогда перед познанием, перед сознанием человека выступит также и соотношение между одним-единственным Божеством⁽⁴²⁾ и множественностью духов. Тогда не потребуются в познании культивировать один-единственный народ. Вот почему я с самого начала находил сомнительным то, что евреи, не видя иного выхода, основали сионистское движение. Создавать еврейское государство означает самым опустошительным образом содействовать реакции, самым опустошительным образом возвращая к реакции, совершая тем самым грех против всего того, что необходимо сегодня в этой области.

Видите ли, один весьма уважаемый сионист, с которым у меня были дружеские отношения, изложил мне однажды свой идеал: отправиться в Палестину и основать там еврейское государство. Сам он активно содействовал основанию этого еврейского государства, содействует и сегодня и даже занимает в Палестине весьма престижное положение. Я говорил ему: такая вещь сегодня несвоевременна; сегодня своевременным является то, к чему мог бы примкнуть всякий человек, независимо от его расовой, национальной, или классовой, или иной принадлежности. Сегодня можно пропагандировать только то, к чему может присоединиться любой человек

без различий. Но никто не может требовать от меня, чтобы я присоединился к сионистскому движению. Здесь снова от всего человечества они обособляют одну часть! И по этой простой очевидной причине такое движение в настоящее время не годится. Оно, в сущности, представляет собой самую разрушительную реакцию. Эти люди приводят в качестве возражения нечто примечательное, они говорят: да, но ведь в настоящее время выявляется, что люди вовсе не желают иметь дело с чем-то общечеловеческим, они требуют, чтобы все развивалось на национальной основе.

Разговор, о котором я вам теперь рассказываю, состоялся перед Мировой войной 1914—1918 гг. Вы видите, господа, что люди больше не захотели следовать великим общечеловеческим принципам, они захотели обособленного развития национальных, народных сил, и именно это привело к Мировой войне! Это величайшее несчастье XX в. возникло от того, чего евреи тоже хотели. Можно сказать так: поскольку все то, что делали евреи, в настоящее время сознательным образом могли бы делать все люди, евреям не остается ничего лучшего, как войти в остальные народы, смешаться с всем остальным человечеством так, чтобы еврейство просто прекратилось в качестве народа. Вот то, что было бы идеалом. С этим в настоящее время вступают в противоречие многие еврейские обычаи, но прежде всего ненависть других людей. Именно это должно быть преодолено. Но преодолеть такую вещь невозможно, если все останется по-прежнему. Если евреи чувствуют себя обиженными, когда кто-то говорит: «Среди вас нет скульпторов», то обижаться не надо; можно сказать: «Ведь не должны же, наконец, все люди быть скульпторами!» Благодаря своим личным способностям вы можете заниматься чем-то иным! Для ваяния евреи не подходят; ведь даже в десяти заповедях у них записано: «Не сотвори себе кумира» («Ты не должен делать изображения твоего Бога»), поскольку они не хотели наглядно изображать сверхчувственное. Но тем самым характеризуются личные качества.

Не правда ли, вы можете просто представить себе: если я создаю образ, пусть даже описательный, как это часто приходится делать — то есть описывать — в духовной науке, то другой человек может запомнить его, наслаждаться им, познавать его — это уж как он хочет. Но если я не создаю никакого образа, тогда я все время должен лично находиться под самым воздействием (то есть под воздействием того, что могло бы воплотиться в образ — прим. перев.); в настоящем случае это (порождающее образ воздействие — прим. перев.) не отделяется от меня. Поэтому оно принимает личностный характер. Люди должны прийти к тому, чтобы видеть в другом человеке духовное начало. Сегодня среди евреев господствует, прежде всего, расовое, расистское начало. Они и браки заключают прежде всего друг с другом. Следовательно, они еще руководствуются расовым, расистским, а не духовным. И на вопрос о том, выполнил ли еврейский народ свою миссию в человеческой познавательной эволюции, необходимо ответить так: он ее выполнил, потому что народ, культивирующий извечный монотеизм, единобожие, должен был существовать здесь раньше. Но в настоящее время монотеизм должен выступать в форме духовного познания. Вот почему миссия является исполненной. Вот почему эта еврейская миссия как таковая, именно как еврейская, больше не нужна в эволюции, и единственно правильным было бы то, если бы евреи в результате ассимиляции с другими народами растворились в других народах.

Вопрос: Почему судьба этого народа оказалась трагична, что он должен был отправиться в изгнание?

Доктор Штайнер: Видите ли, господа, тут надо рассматривать в целом как форму, так и характер этого ищущего. Еврейский народ, живший во времена Христа, среди которого Христос умер, жил в окружении совсем другого народа, среди римлян. Представьте себе, что было бы в том случае, если бы римляне попросту захватили Палестину, убив тех людей, которых они хотели убить, изгнав других, и евреи уже тогда имели бы намерение или стремление смешаться с другими народами? Что бы произошло в этом случае? Римляне завоевали бы Палестину, часть евреев была бы убита; другие же были бы, как говорят сегодня, так как это делают, все страны, высланы и могли бы жить где-нибудь в ином месте.

Но у евреев не было ни намерения, ни стремления смешиваться с другими; напротив, повсюду, где оказывалась хотя бы пара евреев, они жили исключительно друг с другом. Они были рассеяны во все стороны; но благодаря тому, что они жили лишь друг с другом, заключали браки только в своем кругу, это становилось заметным, было замечено, что они, как евреи, являлись чуждыми. В ином случае

никто не заметил бы, что они находятся в изгнании. Это стремление самих евреев привело к тому, что становилось заметным: они находятся в изгнании. Это лежит во всем характере еврейства. Последующие поколения удивлялись тому, что евреи были изгнаны, что они были вынуждены жить в состоянии отчужденности. Но ведь это происходило почти повсеместно! Как только иные люди смешивались с остальными, ничего подобного не было заметно. В характере еврейства заложено то, что они повсюду упорно консолидируются. В этом отношении можно сказать: вследствие сплочения, консолидации людей становятся заметными те вещи, которые в ином случае остались бы незамеченными.

Конечно, становится горько и тяжело на сердце, когда читаешь, как евреи в средние века жили в гетто, то есть в тех кварталах городов, где их пребывание разрешалось. Они не смели приходить в другие кварталы городов; даже ворота гетто были закрыты и тому подобное. Однако, видите ли, ведь говорят об этом потому, что евреи были консолидированы в гетто, потому что это было заметным! Ведь и другим людям приходилось точно так же плохо, хотя и не в той форме, а в другой. Не правда ли, евреи оставались в своих гетто, консолидировались там, и о них знали: они не могут выйти наружу. Но другие люди, которые ежедневно должны были работать с раннего утра до позднего вечера, они тоже не могли выйти наружу, даже ворот не было; им было точно так же плохо! Так что можно сказать: такие вещи основаны единственно лишь на видимости, они основаны на видимости так же, как и многое в мировой истории основано лишь на внешнем виде.

Время сегодня таково, что все эти вещи следует освещать с точки зрения действительности. При этом приходят к следующему: там, где исполняется судьба, дело идет о том, что поистине является внутренней судьбой, или, как мы ее называем с помощью восточного термина, кармой. Это роковое изгнание было у евреев создано их собственным характером; они упорны и они всегда сохраняли себя в отчужденности. Это создало то, что в более позднее время становилось сильно заметным, так что об этом говорят и по сей день.

С другой стороны, это вызвало то, что евреев отличают от других и приписывают им всевозможные проделки, причины которых неизвестны. Не правда ли, если в местностях, где господствует суеверие, убивают человека и не могут найти преступника, и если там живет не пользующийся любовью еврей, то говорят: евреям нужна на Пасху человеческая кровь, они убивают людей. Разговоры о таких вещах были, потому что евреев отличают от других. Но и сами евреи приложили страшно много усилий ради того, чтобы их отличали от других. Сегодня имеется настоятельная необходимость, чтобы по отношению ко всем этим вещам строго выдвигалось именно общечеловеческое, а не расовое или национальное.

Вопрос: Какое мировое значение имели те семьдесят душ древних израильских семейств, из которых складывалось человечество?

Доктор Штайнер: Тут дело обстояло так, господа: с давних пор на Земле существуют самые различные народы. Эти различные народы к настоящему времени уже потеряли свое значение. Я говорил вам прямо: цениться должно только общечеловеческое. Но если мы возвращаемся назад в развитии человечества, то мы находим земное население разделенным на самые различные народы. Как в явлениях природы живет духовное начало, так и в народах тоже живет духовное начало. В каждом народе присутствует ведущий народный дух. Поэтому я в моей «Теософии» сказал: народный дух — это не просто абстрактное слово! Ведь чем является сегодня для материалиста французский народ? Это столько-то и столько-то — двадцать четыре миллиона человек, собранных в кучу в Западной Европе. И затем, воспринимая это совершенно абстрактно, исследуют отличительные качества этого народа. Но дело обстоит не так! Как у растения существует зародыш, точно так же у духовного начала народа существует нечто подобное зародышу, которое потом развивается. Во всем народе живет вполне реальный дух.

Если вы, господа, согласитесь с тем, о чем было сейчас мною сказано, что евреи на протяжении исторического развития имели миссию распространять единение, тогда вы поймете: этот еврейский народ имел как народ должен был быть подготовлен к такой миссии. Вот почему случилось так, что различные народные духи, из которых каждый обычно в отдельности отличился о каком-то народе, в период первоначального возникновения в мире еврейского народа заботились обо всем еврейском народе. Не правда ли, если мы возьмем вавилонян (изображается на рисунке) и затем приходим к ассирийцам, египтянам, грекам,

римлянам, то мы говорим: индийский народный дух, вавилонский народный дух, ассирийский народный дух, египетский народный дух, греческий народный дух, римский народный дух и так далее. Итак, они отличаются друг от друга, эти народные духи, и каждый народный дух в отдельности заботится лишь об одном народе. В случае же еврейского народа на клочке земли в Сирии — там, где этот еврейский народ развивался — на него, на этот народ, оказывали влияние все эти народные духи, так что, по существу, воля всех этих народных духов уже жила в этом одном еврейском народе.

Мне хотелось бы пояснить вам это с помощью одного образа. Представьте себе, что каждый из вас находится в своей домашней обстановке и делает там то, что вы обычно делаете в своей домашней обстановке. Следовательно, каждый из вас теперь — господин Долингер, господин Эрбсмель, господин Бурле и так далее — находится в особом кругу. Так было и в случае этих народных духов. Но вот, скажем, вы решили защищать интересы рабочего класса; в этом случае вы не остаетесь в своем доме, вы проводите собрание, вы собираетесь вместе, проводите совместные обсуждения, и то, что исходит от вас, исходит от вашей организации, вашего сообщества. Можно сказать так: то, что эти народные духи культивировали у других народов, каждый из них выполнял для себя, в обстановке своего «народного дома»; то, что они культивировали в еврействе, они делали, собравшись на духовное собрание; на одних евреев это действовало сильнее, на других — слабее. Это отражено в Библии, где говорится, что в израильском народе в семидесяти душах правили духи народов, все они оказывали влияние. Однако это влияние, бывшее очень сильным, превратило евреев в некотором смысле в народ космополитов, и это свойство они упорно сохраняют. Они могут где угодно собираться вместе и сохранять там еврейство, поскольку они таким образом все еврейство несут в самих себе.

Стоит обратить внимание, что еврейство все несет в себе! Если вы, например, войдете в такие общества, в такие масонские общества, вроде Odd Fellows, где нет никакого духовнонаучного знания, но есть древнее знание в том виде, который им самим больше непонятен, то вы обнаружите там в используемых словах нечто от всевозможных древних народов; египетские предметы, церемонии, слова, ассирийские, вавилонские слова и знаки, церемонии и так далее. Но по преимуществу вы найдете там именно еврейское, так называемую Каббалу и тому подобное. Еврейское в этом направлении носит поистине космополитический характер, оно приспособляется ко всему, но хранит свое, первоначальное, поскольку именно это свое, первоначальное оно несет в себе. Вот почему и с древнееврейским языком дело тоже обстоит так: древнееврейский язык содержит в себе многое, заложенное изначально, относительно как духовного, так и физического; вот почему всегда очень многое выражается с помощью древнееврейских слов. У евреев была такая отличительная особенность: записывать только согласные; гласные же добавлялись потом с помощью дополнительных знаков. Эти гласные, в сущности, даже не записывали на бумаге. Каждый мог их произнести по-своему, так что один говорил «Иегова», другой — «Иегова», третий — «Иехаве», четвертый — «Иогаве». Гласные были различными, в соответствии с ощущением. Поэту то, за чем священники закрепляли одно произношение, как имя «Иегова», называлось «непроизносимым именем», поскольку в данном случае не разрешалось использовать те гласные, которые хотелось.

Благодаря своей цепкости еврейство обладает тем, что указывает на форму, в которой проявлялось участие различных народных душ в становлении единой нации. Если затем вы видите евреев в различных областях, то вам придется внимательно присматриваться, чтобы распознать еврейское начало среди тех евреев, которые ассимилировались, сотрудничая среди других. Вы ведь знаете, что значительнейший государственный деятель XIX вв. был евреем⁽⁴³⁾. Итак, ассимилировавшихся евреев больше уже не отличают от других. Впрочем, тот, кто является знатоком, по одной фразе определит, что говорит еврей; в речи еще есть еврейская стилизация, если только это не имитация; конечно, современные люди очень многое имитируют. Но евреи имитируют мало. Можно заметить, как еврей повсюду исходит из того, что может быть мысленно зафиксировано. В этом состоит отличительное свойство. Это связано с тем собором народных душ, которые сотрудничали все вместе; так что даже сегодня еврей полагает, что если уж он что-либо говорит, это должно быть, без всякого сомнения, правомерно. Он исходит из

того, что выведено из частного. Это очень интересно! Предположим, что собралось определенное число людей, трое, четверо, пятеро; один из них еврей, остальные не еврей. Допустим, они являются представителями какого-то общества. То, что я рассказываю, не выдуманно, мне пришлось это пережить. В этом обществе царили разные мнения. Допустим, что эти пять человек, между которыми один еврей, говорят. Одни будут говорить так: да, очень трудно постричь всех этих людей под одну гребенку, добиться единомыслия; чтобы добиться компромисса, тех, кто в меньшинстве, надо уговаривать вот так, а тех, кто в большинстве — вот так. Компромисс будет достигнут в результате того, что люди будут определенным образом говорить друг с другом. Второй (не еврей) будет говорить так: да, но я жил среди людей, которые находятся в меньшинстве, я знаю, как трудно будет их убедить! Третий, представитель меньшинства говорит так: все это не годится, у нас больше нет никакого желания в этом участвовать! Четвертый говорит: но ведь надо все же посмотреть, из чего исходят с той или другой стороны. Это говорят не еврей. И вот начинает еврей: все это чепуха! Понятие компромисса, компромисс состоит в том, что люди с различными мнениями уравнивают, компенсируют друг друга и уступают. Он вносит нечто абстрактное: понятие компромисса; он исходит не из чего-то конкретного, но начинает: понятие компромисса — причем выставляет ультимативное требование, тоже указывающее на его изначальную цепкость. Непонятный человек говорит: «В чем состоит понятие компромисса?» — И так далее, то он уже имеет в себе некое представление об этом, его он и хочет продемонстрировать. Однако еврей с этого не начинает, но говорит: понятие компромисса! Тем самым выставляется иеговистское представление: «Иегова сказал!» Он не думает над тем, а как обстоит дело в частности? Нет, он просто-напросто выдвигает то, что постулируется в понятии. Поэтому еврей всегда думает, что он может все что угодно развить из понятия. Пока еврей замыкается в своем кругу, так будет и дальше; если же они будут ассимилироваться среди других людей, они уже не станут говорить: «понятие компромисса» — они должны будут вести себя так, как и другие люди. Именно это связано с воздействием на них народных душ.

Господин Долингер: Какое значение для еврейского народа имело древо Сефирот?

Доктор Штайнер: Мы начнем эту тему в следующий раз, в субботу.

ДВЕНАДЦАТАЯ ЛЕКЦИЯ

Дорнах, 10 мая 1924 г.

Господа, у нас еще остался последний вопрос о еврейском древе Сефирот. В это древо Сефирот еврей в древности, по существу, облакали свою высшую мудрость. Можно сказать даже так: в это древо они заключили мудрость, относящуюся к человеку, мудрость об отношении человека к миру. Мы часто отмечали: человек состоит не только из видимой части, той, которую видят глазами; человек также еще состоит из невидимых, сверхчувственных членов тела. Эти сверхчувственные члены тела мы назвали эфирным телом, астральным телом и "Я" или «я-организацией». Обо всех этих вещах уже в древности было известно — хотя и не таким образом, как в настоящее время, но исходя из инстинкта. Это древнее знание целиком и полностью предано забвению. Сегодня считают, что нечто такое, как это еврейское древо жизни, древо Сефирот, есть одна фантазия. Но это не так.

Давайте выясним сегодня, что же имели в виду древние еврей под этим древом Сефирот. Они мыслили себе это так: человек поставлен в мире, но мировые силы со всех сторон воздействуют на него. Если рассматривать человека таким, каким он является в мире (изображается на рисунке), то, изображая его схематически, мы можем представить его себе так. Вот как представляем мы себе стоящего в мире вещного человека. Древние еврей представляли себе, что на этого древнего человека со всех сторон воздействовали мировые силы. Здесь я черчу одну стрелку, доходящую до сердца. Итак, на человека действуют мировые силы; здесь, внизу — силы Земли.

Еврей говорили: сначала три силы действуют на человеческую голову — здесь на рисунке я обозначил их этими стрелками 1, 2, 3 — затем три силы действуют на среднюю часть человека, преимущественно, на грудь, на дыхание и кровообращение

(стрелки 4, 5 и 6 на рисунке). Затем три силы действуют по большей части на конечности человека (стрелки 7, 8 и 9) и десятая сила действует на человека, исходя из Земли (стрелка 10, внизу). Итак, десять сил — по представлениям древних евреев — действуют на человека извне. Прежде всего, мы рассмотрим те три силы, которые приходят из дальних, наиболее удаленных частей космоса и воздействуют на человеческую голову, делают человеческую голову круглой, создают ее по образу совершенно круглой Вселенной. Эти три силы, итак, 1, 2 и 3 являются наиболее благородными, они приходят — если использовать более поздний термин, греческое выражение — с высших небес (по греческим представлениям небес было семь — прим перев). Они формируют человеческую голову, создавая ее как сферическое отображение единого сферического космоса.

При этом мы сразу же должны развить одно понятие, которое могло бы помешать вам, если бы я просто, без объяснения высказал его вам. Ибо, видите ли, в этих десяти понятиях, рассматривавшихся евреями как высший пункт их мудрости, первое — обозначенное тут, наверху (1 на рисунке) — таково, что позднее им страшно злоупотребляли. Позднее люди, которым удавалось захватить власть, дискредитировали как знаки этой власти, так и слова для ее обозначения, сведя все это в область чисто внешней власти. Так, отдельные люди, присвоившие себе народную власть, переносили ее и на своих потомков, они присвоили себе то, что называлось короной, венцом. Раньше, в древнее время, «корона» была словом для обозначения высшего, что может быть даровано человеку как духовность. И носить корону могли только те, кто в вышеописанном мною смысле проходили через посвящение и, следовательно, достигали высшей мудрости. Она была знаком высшей мудрости. Я ведь рассказывал вам, как первоначально все ордена что-то означали, и как только позднее их стали учреждать ради тщеславия, они перестали что-либо значить. Но нечто подобное мы должны иметь в виду и при выражении «корона». В понятие «корона» для древних входило все то, что как «сверхчеловеческое» ниспосылалось в человека из духовного мира. Неудивительно, что короли надевали корону. Они, как вы знаете, не всегда были мудры и не всегда обладали дарами высших небес, но они надевали на себя эту регалию, этот знак. Высказываясь о древней традиции, не следует смешивать ее с тем, во что она превратилась вследствие злоупотребления. Итак, то высшее, высшие мировые дары, высшие духовные дары, которые могут спуститься на человека, которые он может соединить со своей головой, если он много знает, — вот что древнее еврейство называло «кетер», корона. Стало быть, как вы видите, это было наивысшим. Это было то, что из космоса духовно формировало голову.

Кроме того, этой человеческой голове были нужны еще две другие силы. Эти две другие силы подходят к ней справа и слева. Думали так: высшее приходит сверху вниз; справа и слева приходят две другие силы, обе они являются мировыми силами, распространяющимися в мире. Одну, которая как бы входит через правое ухо, называли «хокма» = мудрость. Если мы сегодня хотим перевести это слово, мы скажем «мудрость». С другой стороны, из мира приходила «бина». Сегодня мы сказали бы, что это ум, интеллект (2 и 3 на рисунке). Древние евреи проводили различие между мудростью и интеллектом. Сегодня каждого обладающего интеллектом человека считают в то же время и мудрым. Но на самом деле это не так. Можно обладать интеллектом, но придумывать величайшие глупости. Посредством интеллекта измышляются величайшие глупости. А конкретно, если присмотреться ко многому, происходящему в современной науке, придется сказать, что во всех своих отраслях эта наука интеллектуальна, но, несомненно, не мудра. Уже с давних времен древние евреи отличали друг от друга «хокма» и «бина», древнюю мудрость и древнюю интеллектуальность. Следовательно, человеческая голова и, в сущности, все то, что в человеке принадлежит к чувственно-воспринимающей системе, включая и относящиеся сюда нервы, все это обозначали тремя терминами: «кетер», «хокма», «бина» — корона, мудрость, интеллектуальность.

Таким образом, по воззрению древних евреев, формировалась из Космоса человеческая голова. Итак, существовало ясное сознание того — иначе не возникло бы такого учения, — что человек является членом всего космоса, всей Вселенной.

Относительно человеческого тела можно было бы, например, задать вопрос: как обстоит дело с печенью? Свои сосуды печень получает в качестве элемента кровообращения; свои силы она получает от того, что окружает человека. Древние евреи говорили так: человек получает свои силы от материального окружения, те силы, которые затем — прежде всего, в теле матери, но и позднее — содействуют построению его головы.

Кроме того, есть три другие силы (4, 5 и 6 на рисунке); они больше задействованы в средней части человека, они действуют на человека в сердце, в легких. Они, следовательно, действуют на среднюю часть человека; они в меньшей степени приходят сверху вниз, но действуют по большей мере из окружения. Они живут в солнечном свете, приходящем на Землю, они живут в ветре и погодных явлениях. Так обнаруживаются те три силы, которые древние евреи называли: хесед, гебура, тиферет. Если мы хотим использовать современные выражения, то это можно было бы выразить так: «хесед» = свобода, «гебура» = сила; «тиферет» = красота.

Здесь мы начнем, прежде всего, со средней силы, с «гебуры». Я говорил вам, что хочу с помощью стрелки подчеркнуть то, что она идет в сердце! Сила, которой обладает человек, сила отваги, сила души и физическая сила одновременно имеют отношение к человеческому сердцу. Поэтому евреи представляли себе так: когда дыхание входит в человека, когда дыхание устремляется к сердцу, то тем самым в это сердце входят не только физические силы дыхания, но входит также духовная сила, «гебура», связанная с дыханием. Итак, желая выразиться точнее, мы сказали бы так: жизненная сила, сила, благодаря которой человек что-то может, — «гебура». Но по одну сторону от «гебуры» находится то, что называли «хесед», человеческая свобода. А по другую сторону — «тиферет», красота. Человек в своем образе фактически представляет собой нечто наиболее прекрасное на Земле! Древние евреи представляли себе это так: если я слышу удар сердца, то я слышу тем самым жизненную силу, входящую в человека. Если я протягиваю правую руку, то тем самым я получаю информацию о том, что я — свободный человек; когда протягиваются мускулы, сюда входит сила свободы. Левая же рука, которая движется более нежно, которая может прикоснуться с большей нежностью, приносит то, что делает человека прекрасным.

Итак, эти три силы — «хесед» — свобода, «гебура» — жизненная сила, «тиферет» — красота — соответствуют в человеке тому, что связано с дыханием и кровообращением, со всем тем, что находится в движении и ритмически повторяется. Сюда относится ритм сна, смена дня и ночи. Это тоже относится к движению, со всем этим связан человек.

Но, кроме того, человек является таким существом, которое может изменять свое положение в пространстве, может перемещаться, он не таков, как растение, которое всегда вынуждено оставаться на том же месте. Животное тоже может перемещаться. Это свойство у человека общее с животным. У животного нет ни «хокмы», ни «тиферет», ни «хесед», но зато у него уже есть «гебура» — жизненная сила. И этими тремя началами, обозначенными мною здесь, человек обладает наряду с животным только благодаря тому, что он обладает и другими.

То, что человек может перемещаться, то, что он не прикреплен к одному месту, евреи называли «нецах», это означает, что человек преодолел закрепленное состояние, присущее Земле, он стал подвижным (стрелка 7 на рисунке). «Нецах» — это преодоление. Ну, а то, что действует на середину человека, где расположен у него центр тяжести — знаете ли, настоящее обстоятельство интересно, — это точка, расположенная примерно здесь; во время бодрствования она расположена немного выше, а во время сна она опускается ниже, доказывая тем самым, что во время сна что-то находится снаружи, — итак, то, что действует на середину тела, что вызывает у человека способность размножения, связанную с сексуальностью, древние евреи называли «ход». В настоящее время мы будем обозначать это словом «сочувствие», оно было бы примерно это. Вы видите, это выражение носит более человеческий характер. Итак, под «нецах» имеется в виду внешнее движение — наше перемещение в пространстве, под «ход» подразумевается внутреннее сочувствие внешнему миру, все это «ход» (стрелка 8). Затем ниже 9, «йесод»; это то, на чем, в сущности, стоит человек, фундамент. Человек, следовательно, чувствует себя связанным с Землей; чувствует, что он может стоять на Земле, это фундамент, это «йесод». То, что человек имеет такой фундамент, вызвано, помимо прочего, и

теми силами, которые приходят к нему извне.

Кроме того, на него действуют силы самой Земли (стрелка 10), не только силы, действующие из окружения, но и силы самой Земли действуют на него. Тогда это называли «малкут». Сегодня мы должны были бы перевести: поле, на котором человек действует, земной внешний мир; «малкут» — поле. Трудно подобрать соответствующее выражение для «малкут», можно сказать: поле, царство, но все такие выражения оставались бы неправильными; современные названия больше не отвечают тому, что ощущал древний еврей: то, что в данном случае на него действует сама Земля.

Представим себе, что здесь находится середина человека; сюда примыкают бедренные кости, по обе стороны человека, здесь они доходят до колена, здесь были бы коленные чашечки (см. рисунок). На эти кости все эти силы тоже действуют; но то, что они как бы высверлены, являются трубчатыми, представляют собой трубу, происходит оттого, что внедряются земные силы. Итак, все то, где внедряются земные силы, древние евреи обозначали как «малкут», поле.

Вы, следовательно, видите, что если хотят говорить об этом древе Сефирот, следует рассматривать самого человека! Все десять вместе: «кетер», «хокма», «бина», «хесед», «гебура», «тиферет», «нецах», «ход», «йесод», «малкут» называли евреи десятью сефирами. Эти десять сил представляют собой то, посредством чего человек, в сущности, связан с высшим миром, с духовным миром. Только десятая сила, «малкут», погружена в Землю. Итак, в сущности, здесь находится физический человек (указывается на рисунке) и этого физического человека окружает духовный человек, сначала снизу, как земные силы, но затем как силы, действующие из окружения, хотя и находящиеся вблизи Земли: «нецах», «ход», «йесод». То, что является воздействием этих сил, духовно принадлежит человеку. Затем идут силы, действующие на человека, те, что действуют на его головную систему: «кетер», «хокма», «бина». Вот так — как я это в красках изобразил вам здесь — представляли себе евреи человека, со всех сторон связанным с миром. Человеку свойственно содействовать в себе сверхчувственное. И это сверхчувственное они представляли себе указанным образом.

Мы могли бы, однако, задать встречный вопрос: чего еще хотели достичь евреи с помощью этих десяти сефир, помимо объяснения при их посредстве человека в его отношении к миру? Ведь каждый ученик евреев должен был изучать эти десять сефир, но не только так, чтобы он мог их просто перечислить. Вы получили бы совершенно неверное представление об этом, посчитав, что на занятиях в древнееврейских учебных заведениях самым главным было то, что я вам нарисовал на доске. Если хотят ответить лишь на вопрос: «что такое древо Сефирот?», можно было бы быстро ответить: «вы сразу же узнали бы об этом». Сегодня люди удовлетворяются, когда на вопрос «Что такое древо сефирот?» просто перечисляют то, о чем я сейчас говорил. Но тогда это не имело бы отношения к человеку! Это было бы тогда все-навсего десятью словами и разнообразными фантастическими объяснениями по их поводу! То, что сказано мною по отношению к человеку, является правильным. Но в (древнееврейских — прим. перев.) школах этим делом не ограничивалось; воспитанник иудаизма должен был изучить целую науку в ее тогдашнем смысле, он должен был изучить на эту тему гораздо больше.

Представьте себе, господа, что вам пришлось бы изучить только алфавит и вы знали бы — если бы вас кто-нибудь спросил: «Что такое А, В, С, D и так далее?» — вы знали бы только эти буквы А, В, С и D, и так далее. Ваши познания ограничивались бы тем, что вы могли бы друг за другом перечислить двадцать две или тридцать две буквы. Немногого удалось бы вам тем самым достигнуть! Ведь если какой-нибудь человек может перечислить тридцать две буквы и только, немногого он может достичь тем самым, не так ли? Но точно так же котировался бы и тот древний еврей, который мог бы сказать только одно: «кетер», «хокма», «бина», «хесед», «гебура», «тиферет», «нецах», «ход», «йесод», «малкут», то есть мог бы только перечислить десять сефир.) Того, кто ответил бы только так, евреи расценили бы как человека, способного сказать только А, В, С, D, E, F, G, H и так далее. Ведь надо научиться гораздо больше, чем алфавит, не правда ли? Надо научиться использовать алфавит при чтении, надо научиться использовать буквы при чтении. Представьте, господа, как мало имеется букв и как много вы прочли в своей жизни! Вы только представьте себе это, вспомните. Возьмите какую-нибудь книгу, возьмите — я хочу привести в качестве примера — «Капитал» Карла Маркса, и если

книга перед вами, просмотрите: тут на страницах ведь нет ничего, кроме двадцати двух букв, ничего иного! В книге содержатся одни буквы. Однако за ними стоит многое, и все это возникает благодаря тому, что эти двадцать две буквы перетасовываются, перекомпоноуются друг с другом: А стоит то перед В, то перед М, то М стоит перед А, Л перед I, и так далее. Благодаря этому возникает все многообразное содержание книги. Если кто-то владеет только алфавитом, то, взяв книгу в руки, он, возможно, скажет: мне ясно все, что есть в этой книге: вот стоит А, В, С, только в разной последовательности; я знаю все, что стоит в этой книге. Однако все то, что действительно находится там внутренним образом как смысл, он прочесть не может, этого он не знает. Как вы видите, надо научиться читать с помощью букв; человек должен в своей голове и в своем духе так компоновать буквы, чтобы из них возник смысл. Вот так должны были древние евреи изучить десять сефир; они были для них буквами. Вы скажете: но ведь это слова! Но ведь раньше буквы тоже обозначались словами! Однако уже в Греции, когда буквы приходили в Европу, это было утрачено людьми.

При переходе от греческой культуры к римской происходило нечто очень значительное, не так ли? Греки называли свое А не А, а «альфа», и «альфа», в сущности, означало «духовный человек»; свое В они называли не В, а «бета», это нечто подобное «дому». Так как каждая буква имела свое название. Греки не могли бы даже представить себе, что буква является чем-то иным, помимо того, что обозначено с помощью ее наименования. Лишь в то время, когда совершался переход от греческой культуры к римской, перестали говорить «альфа», «бета», «гамма», «дельта» и так далее, тогда стали обозначать буквы не именами, где каждое имя указывало на значение соответствующей буквы, а стали говорить: А, В, С, D и так далее, так что в целом все стало абстрактным. Именно в эпоху упадка эллинизма, после наступления латинского, римского элемента в Европе возникла своего рода величайшая «культурная диарея». Вследствие этой чудовищной диареи на пути от эллинизма к латинизму была утрачена духовность.

Видите ли, именно в это время еврейство, иудаизм проявил особенное величие. При написании «алеф», их первой буквы они имели в виду человека. Вот что означал «алеф». Они знали: повсюду, где бы они ни оперировали с этой буквой во внешнем мире, выраженное ими посредством этой буквы должно быть применимо к человеку. Любая буква, предназначенная для выражения чувственного мира, имела название. А такие названия, как «кетер», «хокма», «бина», «хесед», «гебура», «тиферет», «нецах», «ход», «йесод», «малкут», представляли собой наименования духовных букв, наименования для того, что надо было изучать, чтобы читать в духовном мире. Так что евреи имели алфавит: алеф, бет, гимель и так далее — алфавит, с помощью которого они постигали внешний мир, физический мир. Но они имели также и другой алфавит, в котором было только десять букв, десять сефир, с помощью которого они постигали духовный мир.

Видите ли, господа, если я просто перечислю вам названия «кетер», «хокма», «бина», «хесед» и так далее, то это равносильно А, В, С, D и так далее. Однако подобно тому, как мы компоуем друг с другом буквы, древний еврей знал как сказать «кетер», «хесед», «бина». И если он говорил «кетер», «хесед», «бина», если он компоновал их таким образом, он как бы тем самым говорил: в духовном мире высшая духовная сила достигается посредством свободы и интеллектуальности. Тем самым он обозначал высоких духовных существ, не имеющих физического тела, у которых высшая небесная сила достигается посредством свободы и интеллектуальности.

Если же он говорил «хокма», «гебура», «малкут», это означало: посредством мудрости духи производят жизненную силу, с помощью которой они действуют на Земле. Он сознательно сочетал друг с другом все эти вещи, подобно тому, как мы сочетаем буквы. Таким образом, ученик древних евреев с помощью этих десяти духовных букв постигал своего рода духовную науку. Следовательно, это древо, это древо Сефирот было для них тем, чем является для нас «древо» алфавита с его двадцатью тремя буквами. Дело с этими вещами обстояло весьма примечательным образом; видите ли, в первые два столетия после возникновения христианства обо всех этих вещах было известно. Но когда затем евреи рассеялись по миру, эта форма познания посредством десяти сефир пришла в упадок. Отдельные еврейские воспитанники, которых тогда, как вы, возможно, знаете, называли хахамим, если они были учениками раввинов, — эти хахамим еще изучали эти вещи; но даже тут больше

не было правильного знания о том, как читать с помощью этих десяти сефир. Наприм^ер, еще в XII столетии возник большой спор относ^ительно двух тезисов; первый тезис гласил: «ход», «хесед», «бина». Этот тезис был установлен Маймо^нидом⁽⁴⁴⁾. Его противник, наоборот, утверждал тезис: «хесед», «кетер», «бина». Итак, спорили об этих тезисах. Эти тезисы возникали из древа сефирот; один читал так, другой — иначе, по-разному сочетая эти вещи. Однако уже в период средневековья это искусство чтения было забыто. Интересно то, что позднее, в середине средн^евековья, появился один человек, Раймонд Луллий^(44a); этот Раймонд Луллий был интереснейшим человеком!

Видите ли, господа, чрезвычайно интересно знаком^иться с таким человеком. Представьте себе, что среди вас нашелся бы любопытный, который сказал бы себе так: сейчас я услышал о Раймонде Луллий и хочу те^перь прочитать о нем! Возьмите сначала энциклопедию, а затем какую-нибудь книгу, где речь идет о Раймонде Луллий; прочитав то, что пишут сегодня в книгах о Рай^монде Луллий, вы обхочетесь до животиков; он ведь был исключительно смешным человеком, насколько это только можно себе представить! Люди сообщают о нем: этот Раймонд Луллий записал десять слов на кар^точки, а затем брал то же, что используют в азартных играх, — своего рода рулетку, которую вращают, где все перекомбинируется, перетасовывается; так он комб^инировал эти десять карточек, а то, что выходило, запис^ывал — в этом и состояла для него мировая мудрость. Ч^тая о том, как записывают слова на десять карточек, как их комбинируют, перетасовывают друг с другом и как человек хочет таким образом открыть нечто особенное, можно хохотать до упаду; ведь действительно надо быть смешным человеком, чтобы делать нечто подобное.

Тем не менее, в случае Раймонда Луллия дело об^остояло иначе. Он говорил следующее: вы могли бы с тем, что дает вам ваш земной алфавит, зайти еще дальше в п^ринципах истины, но найти ее вы не сможете. Он говорил: ваша обычная голова не годится для того, чтобы найти истину. Эта обычная голова подобна рулетке, которую вращают и внутри которой ничего не заложено, так что и выбирать не из чего, чтобы достичь результата. Луллий говорил своим ближним: все вы стали пустоголовыми, в вашей голове больше ничего нет, ваша голова — это ничто. Вам надо вложить в вашу голову такие понятия, как эти десять сефир; вам следует затем учиться крутить вашу голову от одной сефиры к другой, пока вы не на^учитесь использовать эти буквы. Вот, что повторял им Раймонд Луллий. Это написано в его сочинениях. При этом он выражался образно, но данный образ философы восприняли всерьез и считали, что он действительно имел в виду своего рода рулетку, которую крутят, чтобы тасовать карточки, в то время как та рулетка, которую он имел в виду, представляет собой не что иное, как свер^хчувственное познание, осуществляемое в голове!

Это древо жизни, это древо Сефирот является, следовательно, духовным алфавитом. Люди, находи^тся в западных странах, в Греции, с самых древних времен тоже обладали духовными алфавитами. В то время, когда жили Александр Великий⁽⁴⁵⁾ и Аристотель^(45a), в соответствии с греческой традицией тоже были д^есять понятий. Сегодня вы найдете их повсюду при изучении логики в школах: бытие, качество, о^тношение и так далее — десять наименований, хотя и иного рода, поскольку они приспособлены для стран Запада, (имеются в виду десять категорий Аристот^еля, см. «Логика», глава «Категории» — сущность, к^оличество, качество, соотношение, место, время, пол^ожение, обладание, действие, претерпевание, — прим. перев). Но и в западных странах эти десять греческих букв духовного алфавита понимаются столь же мало, как и в ранее приведенном случае.

Видите ли, история человечества в этом отношении весьма интересна. Выше, в Азии, те, кто еще что-то зн^али, учились читать в духовном мире с помощью древа Сефирот. А те люди, которые в первые века христианств^а еще кое-что знали о духовном мире — в Греции, Риме и так далее, — учились читать в соответствии с аристот^евским древом жизни. Но мало-помалу все — и те, кто использовал древо Сефирот, и те, кто использовал древо Аристотеля, — забыли, откуда происходят данные вещи, и могли лишь перечислять эти десять понятий. В настоящее время мы должны применять данные вещи таким образом, чтобы научиться читать в духовном мире, в ином случае мы вообще перестанем что-либо знать о человеке. Видите ли, одним из интереснейших тезисов является следующий. Если еврейский мудрец писал или говорил «гебура», «нецах», «ход», то сегодня это следовало бы перевести на немецкий язык такими словами: жизненная сила создает в почках сновидения, (о

сновидениях как о результате работы внутренних органов нижней части тела, почек и печени см. том № 348 «О здоровье и болезни». — прим. перев). Но если сегодня кто-либо говорит: жизненная сила возбуждает в почках сновидения, то имеют в виду физическую силу, физическое воздействие. Однако древний еврей, говоря «геб⁰¹⁸ра», «нецах», «ход», имел при этом в виду следующее: то, что находится в человеке как духовный человек, обуславливает то, что является в сновидениях. То, что возникло в результате сочетания букв, представляло собой некоторое утверждение относительно духовности.

Дело обстоит так, что только благодаря духовной науке в настоящее время можно получить какое бы то ни было разъяснение по поводу этих вещей. Сегодня ни один человек не скажет вам, что эти десять сефир были буквами для духовного мира. Этого вы нигде не услышите, этого сегодня ни один человек не знает! Можно сказать: дело в том, что современная наука уже не знает большую часть того, что было когда-то известно человечеству, она должна все это постигать заново.

Возьмите хотя бы букву, которую я нарисовал вам здесь: «алеф», N. Что же означает этот «алеф» для чувственного мира? Тут стоит человек. Он предстоит тут, посылая свою силу. Это вот этот штрих (см. рисунок, справа). Он поднимает вверх правую руку, это вот этот штрих; другую руку опускает вниз — это вот этот штрих. Таким образом, эта первая буква «алеф», к, выражает человека. И любая буква — также и в греческом языке — выражает нечто, так же, как первая буква означает «человека».

Видите, господа, в настоящее время люди совершенно не чувствуют, как связаны между собой эти вещи. Первую букву, символизирующую человека, древние евреи называли «алеф», греки — «альфа», причем они подразумевали под этим то, что в человеке является духовно подвижным, то, что как духовное находится за физическим человеком. У нас есть одно древнее немецкое слово. Оно в первую очередь исполняется, если у человека возникают особые сновидения. Если духовный человек оказывает давление, нажим на человека, то такое явление называют Alpdruck, Alp (кошмар, удушье во сне). Говорят, что при этом на человека находит нечто, от чего он становится одержимым. Но затем из слова Alp возникло слово Elf (эльф), Elfe (эльфы) — духовные существа, эльфы; человек представляет собой лишь уплотнившегося эльфа. Это слово Elf (эльф), которое восходит к слову Alp (кошмар, удушье во сне), может напомнить вам об «альфе» в греческом языке. Вам надо только отбросить «а», и затем вы имеете: Alph, Альф, ph — то же самое, что f (ф), Альф, то есть нечто духовное. Благодаря тому, что тут вставлена буква «Ф», говорят: «алеф» в человеке, Alp в человеке. Если же вы, как это принято в еврейском языке, уберете гласную, то для первой буквы получите Alf, Альф = Elf, эльф. Человек для обозначения духовной мудрости произносит «эльф». Речь идет об эльфах. Сегодня, разумеется, скажут: это существа, которых выдумали древние на основе своей фантазии, мы в это больше не верим. Однако древние говорили: вам надо только как следует всмотреться в человека, чтобы обнаружить Alph, эльфа, только этот эльф окажется облеченным, вставленным в тело, он не является тут тонким эфирным существом, он является плотным, телесным существом в человеке. Но люди давным-давно разучились постигать человека.

Но самое забавное, господа, состоит вот в чем. Представьте себе, что во второй половине XIX в. происходит следующее (я, впрочем, не собираюсь опровергать того, что такие вещи могли происходить): брали стол, вокруг него садились люди, скажем, восемь человек; они клали руки так, что кончики пальцев касались крышки стола, и стол начинал плясать! Затем они подчитывали притоптывания стола при пляске и, тоже с помощью букв, составляли слова. В этом и состояли спиритические сеансы. Они рассуждали так: если мы размышляем, то никакого настоящего познания из этого не получается; настоящее познание надо получать каким-либо иным путем. В действительности дело в том, что люди, говорящие таким образом, вправе говорить это о самих себе — ведь это по большей части люди маломысленные, они не желают раздумывать, размышлять, им хотелось бы получить истину как-нибудь иначе, без собственных усилий. Вот почему они садятся восьмером вокруг стола и дают столу возможность выстукивать, сначала А, потом В, потом С и так далее, затем они складывают слова — вот в этом и состоят спиритические откровения. Не правда ли, тут мудрость достается им даром; сами же они не достигают ее.

Но, что, в сущности, можно было бы сказать этим людям? Такие люди стремятся к познанию духовного мира; они имеют вполне честное намерение познать духовный

мир. Духов увидеть нельзя; их не видно и не слышно, так как у них нет тела. И вот эти люди д^вают: а ведь духи в качестве тела могут использовать стол, так их можно будет понять, хотя бы немножко. Н^аряду с этим замечено: вещи, которые таким образом ^крываются, носят преимущественно общий характер, и могут быть легко узнаны иначе! Но в любом случае следовало бы сказать этим людям: вот вы, восемь ч^{ел}век, заседаете вокруг стола; вы хотите, чтобы пришел дух, которого можно услышать. Но разве вы сами не д^вки? Ведь вы сами тоже духи, вы, заседающие здесь! Так взгляните же, наконец, на самих себя, поищите духа в ^двих себе. И, может быть, тогда вам удастся обнаружить более великого духа. Напрасно вы предполагаете, что прозреете от того, что вам настучит стол, а не в случае, если вы — как и следует человеку — используете ваши собственные члены тела, ваши голоса и, прежде всего, ваши мыслительные силы! Это на самом деле так — не надо сомневаться в том, что если восемь человек усядутся вокруг стола, стол начнет танцевать, поско^лку на этот стол воздействуют силы из подсознания, это так. Но при этом не удастся достичь ничего, что не м^огло бы быть достигнуто в гораздо более высоком смысле, если бы человек в самом себе заставил заработать свою собственную «альфу» или «алефа».

Однако при переходе от эллинизма к латинству люди забыли про «алефа». Первая буква означает А — и вот считают, что первая буква означает только А; разинуть рот, и только! Только это, и ничего кроме. Одной замужней даме стало казаться слишком глупым то, что ее муж постоянно держит речи, читает доклады на научные темы. Он был очень образованным ч^{ел}в^еком и постоянно держал речи, читал лекции. Ей же это было ужасно противно. И вот в один (прекрасный) день она заявила ему: тебе постоянно хочется читать лекции, держать речи! Если тебе так хочется что-н^ибудь держать, то придержи свой язык! (буквально «не разевай рот!» — прим. перев.). Да, то, что составляло содержание, оказалось полностью утраченным. Греки не мыслили себе А, «альфу» без того, чтобы помыслить о человеке. Они тут же вспоминали о человеке. Они не использовали «бету» без того, чтобы не вспомнить о доме, в котором живет человек. «Альфа» — это всегда человек. Они представляли себе нечто, подобное ч^{ел}в^еку. А в случае «беты» они представляли себе нечто такое, что облекает человека, находится вокруг него. И древнееврейское «бет» и греческая «бета» предст^{ав}ляли собой оболочку «альфы»; эта «альфа» находилась внутри как духовное существо. Так тело предст^{ав}ляло собой «бет», «бету», тогда как «альфа» представляла собой духа, находящегося внутри. Сегодня мы гов^орим об алфавите («альфа» — «бета» —...), но у греков это значило: «человек в своем доме» или также «чел^овек в своем теле», в своей оболочке.

Это, в сущности, весьма забавно, господа. Возьм^ите сегодня в руки любую энциклопедию, и прочтите в алфавитном порядке (в порядке «альфа» — «бета») всю мудрость, которой обладает человечество. Если бы кто-то — вы этого делать не будете — начал с «А» и окончил на «Z», то он приобрел бы ее для себя. Да, но в соответствии с чем расположилась и упорядочилась бы в человеке эта мудрость? В соответствии с алфав^итом («альфа» — «бета»), в соответствии с тем, что м^ожно знать о человеке. Это очень интересно. Люди стали распространять мудрость таким образом, потому что они больше не знают о том, что мудрость, в сущности, приходит из алфавита («альфа» — «бета»). И если п^еревести буквально слово «алфавит» («альфа» — «бета»), то получилось бы, хотя и несколько в ином виде: ч^{ел}в^еческая мудрость, человеческое знание. И опять-таки, будучи выраженным с помощью греческого слова, п^олучилось бы: «Антропософия, человеческая мудрость». Это сказано в любом словаре, в любой энциклопедии. В сущности, содержанием любой энциклопедии должна была бы быть антропософия, ведь все и в энциклопедии распределено по алфавиту («альфа» — «бета»), то есть в соответствии с «Человеко-мудростью» («альфа» — «бета»), в соответствии с «Человеком в своем теле» («альфа» — «бета»). Это даже забавно. Ведь каждая энциклопедия представляет собой мертвый скелет. А древняя му^дрость, находящаяся там, где в алфавитном порядке были расположены науки, исчезла. Вся плоть (ткани) и кровь исчезли, все мускулы и все нервы отпали. Т^еперь пройдите по энциклопедии; в ней всего лишь мертвый скелет древней науки. Но теперь должна возникнуть новая наука, которая содержит не только этот мертвый скелет, подобно энциклопедии, но кот^орая будет снова иметь все то, что имеет человек, плоть, кровь и так далее; это и есть антропософия! Вот поч^ему лучше всего было бы послать к черту все эти

лексиконы (словари, энциклопедии и т. п.), несмотря на то, что сегодня они еще нужны, — ведь все это лишь мертвый скелет древней науки. Должна быть основана новая наука!

Видите ли, господа, вот то, чему можно научиться с помощью древа Сефирот, если только понять его правильным образом. Оказалось очень полезным то, что господин Доллингер поставил этот вопрос, поскольку тем самым мы проникли в антропософию немного глубже.

Следующий раз — в среду в девять часов.

ТРИНАДЦАТАЯ ЛЕКЦИЯ

Дорнах, 14 мая 1924 г.

Господин Бурле: 22 апреля был день рождения Канта (двухсотлетний юбилей). Нельзя ли попросить господина доктора немного рассказать нам об учении Канта⁽⁴⁶⁾, а также о том, что можно рассматривать в качестве противоположности этому учению; и не является ли сегодня антропософское учение таковой противоположностью?

Доктор Штайнер: Господа, если я должен буду ответить на этот вопрос, вам придется сегодня последовать за мной в область, несколько более трудную для понимания. Но господин Бурле, ранее ставивший вопрос о релятивизме, о теории относительности, всегда задает трудные вопросы! Так что вам, пожалуй, придется сегодня быть готовыми к тому, что этот материал окажется для понимания не столь легким, как то, о чем я сообщал в иных случаях. Однако, видите ли, о Канте возможно рассказывать в легкой для понимания форме, поскольку он сам по себе понимается нелегко. Дело тут обстоит так, что сегодня весь свет, который вообще — я не хочу сказать «интересуется этим предметом», ибо по-настоящему интересуются этим очень немногие, но делает вид, что интересуется этим, — весь свет говорит о Канте как о чем-то исключительно важном для мира. Ведь и вы тоже знаете, что к этому двухсотлетнему юбилею было написано целое множество статей, цель которых — разъяснить миру, какое огромное значение имел Иммануил Кант для всей духовной жизни.

Видите ли, уже мальчиком я часто слышал в школе от преподавателя истории литературы: «Иммануил Кант был императором литературной, просвещенной Германии!» Однажды я оговорился и сказал «был королем литературной Германии». Преподаватель немедленно поправил меня и сказал: «Императором литературной Германии!»

Мне приходилось чрезвычайно много заниматься именно Кантом, причем — об этом я упоминаю в своей биографии — в течение некоторого времени у меня был учитель истории, который всегда читал вслух из каких-то книг; тогда я подумал, что и сам могу читать все это дома. Однажды, когда он вышел, я подсмотрел, что же это он читает вслух, и стал добывать для себя то же самое. Это удалось. Я достал «Критику чистого разума» Канта издания «Рекламной универсальной библиотеки»: ее я расброшировал и подшил в мой школьный учебник, который лежал передо мной во время занятий; так я читал Канта, в то время как учитель вел урок истории. Поэт я со всей ответственностью отваживаюсь говорить о Канте, о котором все и без того говорят без умолку; люди, если им скажешь что-то на духовные темы, тут же возражают: «Да, но ведь Кант сказал!» Как в богословии всегда говорят: «в Библии сказано», так многие, в сущности, образованные люди говорят: «Да, но ведь Кант сказал!» Двадцать четыре года тому назад я читал лекции; при этом я познакомился с одним человеком, который, сидя в аудитории, постоянно спал, он всегда слушал в сонном состоянии; лишь иногда, если мне приходилось повышать голос, он просыпался, подпрыгивал, как ванька-встанька, и восклицал: «Да, но ведь Кант сказал!»

Ну, а теперь давайте посмотрим, как, собственно, этот Кант рассматривает мир. Он говорил, причем с известным правом: все то, что мы видим, что мы чувствуем, короче, все, что мы воспринимаем с помощью органов чувств, следовательно, вся природа, находящаяся вне нас, не есть действительность, но есть лишь видимость, явление. Но откуда же возникает это явление? Оно возникает из-за того — это наиболее трудное, и вы должны в этом как следует разобраться, — что на нас воздействует нечто, названное Кантом «вещью в себе», то есть нечто совершенно неизвестное, о чем мы вообще ничего не знаем, воздействует на нас; это воздействие, которое мы, в сущности, и видим, само не является «вещью в себе».

Итак, смотрите, господа, если я вам это нарисую, то выглядеть это будет так: здесь находится человек — можно было бы с таким же успехом взять чувство слуха или чувство осязания, но мы предпочтем чувство зрения — а где-нибудь здесь, снаружи, находится «вещь в себе». О ней, однако, мы ничего не знаем, она совершенно неизвестна, о ней не знают ничего. Но данная «вещь в себе» оказывает воздействие на наш глаз. Хотя мы ничего о ней и не знаем, она оказывает воздействие на наш глаз. И вот, внутри человека возникает теперь явление; это явление мы проецируем во все стороны, подобно птице, распушающей перья, оно становится внешним миром (указывается на рисунке). О том, что нарисовано на рисунке красным, мы не знаем, мы знаем только о том, что мы имеем в качестве явления, то есть о том, что я изобразил фиолетовым цветом: лишь об этом мы кое-что знаем. Следовательно, по Канту мир создается в целом самим человеком. Вы видите дерево; о «дереве в себе» вы совершенно ничего не знаете. Это «дерево в себе» только оказывает воздействие на вас, что означает: нечто неизвестное откуда-то оказывает на вас воздействие, и это воздействие вы сами превращаете в дерево, в вашем восприятии вы воздвигаете это дерево. Итак, представьте себе, господа: здесь находится стул, сидение — как «вещь в себе». Чем она является на самом деле, неизвестно; но то, что есть тут, оказывает на меня воздействие. И, в сущности, я произвожу, создаю этот стул. Так что если я сажусь на этот стул, я не знаю, на какую «вещь в себе» я уселся. Эту «вещь в себе», то, на что я уселся, я сам себе, в сущности, и подставляю.

Видите ли, Кант говорит о границах познания: никогда нельзя знать, чем является «вещь в себе», потому что все, по существу, является лишь миром, созданным человеком. Очень трудно сделать «вещь в себе» доступной для понимания. И если задают вопрос о Канте, то для того, чтобы действительно познакомиться с ним, характеризовать его, приходится говорить о довольно необычных вещах. Ведь если рассматривают философию Канта как она есть, бывает трудно поверить, что вещи действительно таковы. Дело, однако, обстоит так: Кант, исходя из теории, исходя из мышления, утверждает: о «вещи в себе» знать ничего нельзя, а весь мир создан всего лишь из того воздействия, которое мы получаем от этих вещей (в себе).

Однажды я говорил: если человек не знает, чем является «вещь в себе», то она может оказаться чем угодно, она может быть, например, хоть шляпкой от гвоздя! Это есть также и у Канта. Было бы правильным сказать: по Канту «вещь в себе» может состоять из чего угодно. Но здесь мы подходим к дальнейшему: если придерживаться этой теории, то все вы, как я вас вижу здесь, являетесь лишь моим проявлением; я посадил вас всех тут на стулья и не знаю, что стоит за каждым из вас как «вещь в себе». И опять-таки, когда я стою здесь, то вы тоже не знаете, что за «вещь в себе» тут находится, но вы видите явление, которое вы сами воздвигли. А то, что я говорю, это то, что вы сами делаете слышимым! Следовательно, то, что я здесь делаю, — это «вещь в себе», которая это делает тут и которую вы все не знаете; но эта «вещь в себе» оказывает на вас воздействие; вы отбрасываете, проецируете это воздействие сюда. Вы, в сущности, слышите то, что вы сами создаете!

Взяв этот пример, можно, если рассуждать в кантовском духе, сказать: пусть вы сидите снаружи, завтракаете, и говорите: давайте сейчас войдем в зал и в течение часа послушаем то—то и то-то. Чем является «вещь в себе», которую мы слышим, этого мы знать не можем, но мы увидим тут этого Штайнера, так что мы — по крайней мере, в течение часа — будем иметь дело с этим «явлением», и при этом услышим то, что мы хотим услышать. Это наиболее близко к тому, что говорит Кант, ведь он утверждает: о «вещи в себе» никогда и ничего узнать нельзя.

Видите ли, один последователь Канта, Шопенгауэр⁽⁴⁷⁾ считал эти вещи настолько очевидными, что говорил: в этом даже сомневаться нельзя! Совершенно несомненно, говорил он, что когда я вижу синий цвет, синее находится не снаружи, но это синее проецируется туда мною самим, если «вещь в себе» оказывает на меня воздействие. Если я слышу там, «снаружи», что кому-то больно, и он стонет, то и боль, и стоны исходят не от него, но от меня! Это, как говорит Шопенгауэр, совершенно ясно, очевидно. А если человек закрывает глаза и спит, весь мир помрачается и немеет; тогда для человека тут совсем ничего нет.

Так что, господа, по этой теории вы можете самым примитивным способом создавать и устранять этот мир. Вы засыпаете, и мир исчезает; вы снова просыпаетесь, и снова создаете весь мир, — по крайней мере, тот, который видите.

Кроме этого, здесь остается только «вещь в себе», о которой вы не знаете. Именно это Шопенгауэр считал вполне очевидным. Однако при этом Шопенгауэру все же становилось немного жутко. От этого тезиса он чувствовал себя неловко. Тогда он сказал: по крайней мере кое-что находится снаружи (то есть вне «вещи в себе» — прим. перев), а именно синее и красное, тогда как холодное и теплое не находятся снаружи. Если я мерзну, то я сам создаю этот холод, — однако то, что находится вовне, снаружи, есть воля. Во всем живет воля. И эта воля является совершенно свободной демонической властью. Но живет она во всех вещах.

Итак, он все же чуть-чуть внедрил в «вещь в себе». Все, что мы представляем, он тоже рассматривал как чистое явление, производимое нами самими; но «вещь в себе» он наделял, по крайней мере, волей. Было много людей, да и по сей день есть много людей, не представляющих ясно, каковы следствия из учения Канта. Однажды я познакомился с человеком, который — что, в сущности, и должно быть, если человек следует учению — совершенно проникся учением Канта. Он сказал себе так: «Ведь я сам создал все — горы, облака, звезды, все, все и человечество тоже создал я сам, и все что ни есть на свете создал я сам. Но мне не нравится то, что я создал. И я хочу снова уничтожить все это». И тут он говорит: «Я начал с того, что уже уколошил пару человек», — ведь это был умалишенный. Он рассказал, что для начала уже уничтожил пару человек, чтобы исполнить свое намерение по уничтожению того, что он сам создавал. Я сказал ему, что следует задуматься над тем, в чем состоит разница такого рода; у него есть пара башмаков. По теории Канта их сделал он. Но пусть он задумается над тем, что, кроме того, что он создал эти башмаки — как явление, — над ними ведь поработал еще и сапожник!

Вы видите, как обстоит дело: в том, что в мире зачастую пользуется наибольшей славой и известностью, содержится величайшая бессмыслица! И за эту величайшую бессмыслицу люди порой цепляются с поразительной твердолобостью. Наиболее курьезно то, что придерживаются этого учения именно просвещенные люди.

То, что я рассказываю вам вкратце, исключая то, что действительно трудно для понимания, человеку, читающему Канта, пришлось бы вычитывать во многих книгах, так как у него все это разбросано при изложении длинной-длинной теории. Например, Кант начинает свою книгу «Критика чистого разума» — так он назвал ее — с того, что, прежде всего, доказывает: пространство находится не снаружи в мире; его я создал сам, я выпрадаю его из себя. Итак, во-первых, пространство — это явление. Во-вторых, время — это тоже явление. Ибо тут сказано: когда-то был Аристотель — но его я сам сотворил во времени, ибо время в целом создаю я сам.

Кант написал эту большую книгу — «Критику чистого разума»; она производит довольно привлекательное впечатление. Если истинный филистер получает в руки толстую книгу «Критика чистого разума», то он облизывает пальчики: ведь это нечто страшно умное — «Критика чистого разума». Читая нечто подобное, человек ощущает себя вроде Господа Бога на земле! Затем, после введения, значит: «Часть первая. Трансцендентальная эстетика». Ведь, не правда ли, тут идет: «Трансцендентальная эстетика»? Когда кто-то раскрывает мою «Философию свободы»⁽⁴⁸⁾, то там, в первой части стоит всего-навсего: «Человек и мир». Тоже мне — человек и мир, ведь это так тривиально, что и читать не стоит. Но вот трансцендентальная эстетика! Такую книгу филистер раскрывает как нечто грандиозное! Что такое трансцендентальная эстетика, об этом он обычно не думает, но именно это ему как раз и подходит: ведь это такие слова, что, выговаривая их, можно вывихнуть язык. Это основной заголовок, (книга разделена на три отдела: «Введение», «Трансцендентальное учение о началах», «Трансцендентальное учение о методе». В разделе «Трансцендентальное учение о началах» часть первая названа «Трансцендентальная эстетика», — прим. перев).

Затем идет подзаголовок: «Глава первая. Трансцендентальная дедукция пространства» (в издании под ред. Асмуса (М.: Мысль, 1964) дано: «Глава первая. О пространстве. Параграф 3. Трансцендентальное истинное понятие пространства — прим. перев.). Для филистера нельзя и придумать ничего более прекрасного, чем подобная глава. Правда, глава начинается таким образом, что филистер, в сущности, ничего не поймет. Однако более ста лет каждый твердит: Кант — великий человек. Так что, читая Канта, и сам филистер проникается некоторой манией величия.

Затем идет вторая глава: «Трансцендентальная дедукция времени» (в

вышеупомянутом русском издании вторая глава именуется: «О времени», тогда как о трансцендентальной дедукции речь идет во второй части отдела «Трансцендентальная логика. Глава вторая. О дедукции чистых рассудочных понятий, раздел 1, параграф 13, 14 и т. д. — прим. перев). Если человеку удастся одолеть трансцендентальную дедукцию пространства, он приходит ко второй части: «Трансцендентальная аналитика» (в вышеупомянутом издании «трансцендентальная аналитика» выступает в качестве первого отдела второй части, озаглавленной «Трансцендентальная логика» — прим. перев). И в трансцендентальной аналитике доказывается главным образом то, что человек обладает трансцендентальной апперцепцией (термин «апперцепция» был введен Лейбницем и означает осознанное восприятие в отличие от «перцепции», обычного восприятия: у Канта термин «трансцендентальная апперцепция» означает изначальное единство сознания познающего субъекта, которое обуславливает единство опыта. — прим. перев).

Господа, раз уж мне был задан вопрос, придется говорить вам об этих вещах, об этой истории с трансцендентальной апперцепцией. Надо было бы прочесть много сотен страниц для того, чтобы вобрать в себя все, что ученая эрудиция наболтала в этой главе о трансцендентальной апперцепции. Под трансцендентальной апперцепцией подразумевается то, что человек сам создает свои представления и обуславливает единство процесса представления. Итак, если все является лишь представлением — весь мир, — то, следовательно, весь этот мир должен быть выткан, извлечен подобно нити из ничтожества собственной сущности. Вот что примерно описывается там.

Теперь подходим к следующему: в главе о трансцендентальной апперцепции Кант, подобно пауку влетает из самого себя целый мир со всеми деревьями, облаками, звездами и т. д. Да, он выплетает, тклет его, так он говорит. Однако то, что ему действительно удалось выплести и с чем приходится постоянно сталкиваться в этой исключительно обширной главе, оказывается на поверку именно теми же самыми представлениями — лишь переделанными на более поздний лад, — о которых я на последнем занятии говорил вам, рисуя древо Сефирот. Причем Кант дает их в чисто алфавитной форме, а не так, чтобы с их помощью можно было что-то прочесть, что-то узнать! (см. предшествующую лекцию — прим. перев.) К тому же когда-то это было, по крайней мере, нечто совершенно конкретное. Но Кант выплел все это так, что сказал: мир состоит, во-первых, из количеств, во-вторых, из качеств, в-третьих, из отношений, в-четвертых, из модальностей. Затем каждое из этих понятий, в свою очередь, имеет три подпонятия: например, количество включает в себя единство, множественность, всеобщность. Качество включает в себя действительность, отрицание, ограничение и т. д. Это были двенадцать понятий — три раза по четыре будет двенадцать, — и из них человек мог выплести мир. Однако милейший Кант тем самым не выплел, извлекая из себя, всего мира; он, с помощью трансцендентальной апперцепции, выплел всего-навсего двенадцать понятий. Итак, не мир в целом создал он, а только двенадцать понятий. (Данные понятия приведены у Канта — в указанном выше издании — на с. 175, параграф 10 «О чистых рассудочных понятиях или категориях» в главе первой «Аналитика понятий» в таблице под названием:

ТАБЛИЦА КАТЕГОРИЙ

1. КОЛИЧЕСТВА Единство Множественность Целокупность (всеобщность)

2. КАЧЕСТВА 3. ОТНОШЕНИЯ

Реальность Присущность и самостоя-

Отрицание тельное существование

Ограничение Причинность и зависимость

Общение

4. МОДАЛЬНОСТИ Возможность — невозможность Существование — несуществование Необходимость — случайность

Таков перечень всех первоначальных чистых понятий синтеза, которые рассудок содержит в себе a priori и т. д. » — прим. перев).

Если бы в этой теории была доля правды, то должно было бы хоть что-нибудь получиться. Но филистеры не замечают, что ничего не получилось, а получились всего-навсего двенадцать понятий; филистеры с сытым брюхом шествуют теперь по всему миру с этой философией Канта и говорят: ничего познать нельзя! Ну, в отношении самих филистеров это понятно; они чувствуют себя очень уютно, если

им говорят: хоть вы и не можете ничего познать, но дело не в вас самих, ведь и весь мир таков. Если ты считаешь, что ты ничего не знаешь, то в этом ты прав: но это происходит не от твоей неспособности, а оттого, что весь мир ничего не может познать. И вот появляются эти двенадцать понятий. В этом и состоит трансцендентальная аналитика.

Теперь, однако, мы подходим к исключительно трудной большой главе под названием «О трансцендентальных паралогизмах». Это продолжение. В Кантовской «Критике чистого разума» одно высокопарное заглавие следует за другим! Тут говорится: есть люди, утверждающие, что пространство бесконечно. Затем приводятся доказательства этих людей, считающих, что пространство бесконечно. Но есть и такие люди, которые говорят: пространство конечно, ограничено. Здесь тоже показано, какие доказательства при этом приводят эти люди. Так что в «Критике чистого разума» вы найдете, — в последующей главе (об антиномиях — прим. перев.) эти доказательства приводятся вступая на двух противоположных страницах, — на одной странице доказывалось: пространство бесконечно. На другой странице доказывалось: пространство конечно. Затем снова доказывалось: время бесконечно, является вечностью. Затем доказывалось: время имеет начало и будет иметь конец. Так это делает Кант, господа. Затем идет доказательство: человек свободен. И снова, с другой стороны: человек несвободен.

Что хочет сказать Кант тем, что дает доказательства двух противоположных тезисов? Он хочет сказать тем самым: мы вообще не можем ничего доказать! Мы можем с равным успехом утверждать: пространство конечно, как и бесконечно; времяечно и время закончится! С равным успехом мы могли бы сказать: человек свободен или человек несвободен. Это, следовательно, сводится к тому, что в настоящее время человек должен сказать: думайте, как хотите, к истине вы все равно не придете, но для вас, людей, это безразлично.

Затем указывается на то, что можно мыслить так, как этому учит трансцендентальная методика, (вторая половина книги озаглавлена: «Трансцендентальное учение о методе», — прим. перев.). Для этого нужно, прежде всего, протудировать книгу Канта. Тут можно было бы спросить: а для чего, в сущности, Кант все это предпринимает? И тогда можно прийти к тому, чего же он хочет на самом деле. Видите ли, до Канта люди, занимавшиеся философией, тоже знали не особенно много, но они, по крайней мере, утверждали: кое-что о мире знать все же можно. Им противостояли те — такая ситуация сложилась еще в период средневековья, ведь, как я вам показал, еще в течение средневековья было утрачено древнее знание, — кто еще со времен средневековья прониклись мыслью: знать можно только то, что сообщают чувства, органы восприятия, но нельзя знать о том, что имеет отношение к духу. В это можно только верить. Так в ходе всего средневековья, вплоть до Канта складывалось утверждение: о духовном знать ничего нельзя; в духовное можно только верить.

Естественно, что церкви было вполне на руку такое учение; что невозможно ничего знать о духовном, надо лишь верить в это, поскольку в этом случае церковь сама могла диктовать, в какого рода духовность следует человеку верить.

Как уже говорилось, были философы — Лейбниц⁽⁴⁹⁾, Вольф^(49a) и так далее, вплоть до Канта утверждавшие, что, по крайней мере, кое-что знать можно; посредством чистого разума можно знать о том, что в мире существует духовное. Кант же сказал: это поистине бессмыслица верить в возможность что-либо знать о духовном, нет, во все духовное можно только верить! Ведь духовное заключено в «вещи в себе». А о «вещи в себе» знать ничего нельзя. Следовательно, во все, что относится к духовному, можно лишь верить. Кант, написав второй вариант (второе издание) «Критики чистого разума», выдает себя. В этом втором издании помещается курьезная фраза, там говорится: «Я должен был потеснить, дискредитировать знание, чтобы освободить место для веры». Ведь это, по сущности, вероисповедание, господа! Вот то, что привело к непознаваемой «вещи в себе»! Вот почему Кант назвал свою книгу «Критика чистого разума»; сам разум должен быть подвергнут критике, утверждающей, что он, разум, ничего не может знать! В этой фразе: «Я должен был потеснить знание, чтобы освободить место для веры» — в этой фразе и заключается, в сущности, истинное содержание Кантовой философии. Но тем самым распахиваются врата для любой веры. И, в сущности, любая позитивная религия могла бы сослаться на Канта! Но на Канта могли бы также сослаться и те люди, которые говорят: так почему же мы ничего не знаем? Да

потому, что ничего знать нельзя! Видите ли, так учение Канта стало, по существу, опорой для веры. Поэтому вполне естественно, что я сам должен был с самого начала отвергнуть Кантово учение. Несмотря на то, что я, будучи еще школьником, уже прочел всего Канта, я должен был всегда всецело отвергать Кантово учение по той простой причине, что иначе пришлось бы остановиться на том, что люди просто верят в духовный мир; при этом никогда не удалось бы создать никакой духовной науки. В сущности, Кант является тем, кто отклоняет всякую духовную науку и хочет иметь одну лишь веру.

Итак, Кант написал сначала первую книгу — «Критика чистого разума». В этой «Критике чистого разума» доказывается следующее: о «вещи в себе» ничего узнать невозможно. Можно иметь лишь веру в то, чем является «вещь в себе».

Затем он написал вторую книгу — «Критика практического разума». Он написал и третью книгу «Критика способности суждения», но это уже не так важно. Итак, «Критика практического разума» была написана им как вторая книга. Здесь он создает очерк собственности веры. Сначала он написал книгу о знании — «Критику чистого разума». В ней он доказывает, что ничего знать нельзя. Теперь филистер может отложить книгу: ведь ему доказали, что ничего знать нельзя. Затем Кант пишет «Критику практического разума»; здесь он формулирует свою веру. Как же выстраивает он свою веру? Тут он говорит: человек, рассматривая себя в мире, обнаруживает, что он является несовершенным существом; однако же быть несовершенным не свойственно человеку. Следовательно, где-то должно иметься большее совершенство человека. Мы ничего даже и не знаем об этом; но мы верим в то, что где-то на Земле должно иметься большее совершенство человека, мы верим в бессмертие.

Видите, господа, это существенно отличается от тех научных обзрений, которые я даю вам по вопросу о том, что в человеке продолжает жить дальше, после того, как он прошел через смерть! Однако Кант вовсе не хотел познания такого рода, он попросту хотел из несовершенства человека вывести доказательство того, что человек обязан верить в бессмертие.

Точно так же, как то, что человек обязан лишь верить, Кант доказывает затем, что ничего нельзя знать о свободе, но следует верить, что человек свободен; ведь не будь он свободен, он не был бы ответствен за свои поступки. Итак, полагают: чтобы он мог быть ответствен за свои поступки, он должен быть свободен. Это Кантово учение о свободе часто напоминает мне о другом «учении», которым один профессор юриспруденции всегда предварял начало своего лекционного курса. Он говорил: господа, есть люди, которые говорят: человек несвободен. Но, господа, если бы человек не был свободен, он не был бы ответствен за свои дела. Но тогда не могло бы быть и наказания. Но если бы не было наказания, то не было бы и уголовного права, науки о наказании. Однако я являюсь представителем этого уголовного права — следовательно, и меня тоже бы не было. Но я существую, следовательно, существует и уголовное право, наука о наказании. Следовательно, существует и наказание, а значит, существует и свобода. Итак, я доказал вам, что свобода есть! То, что говорит Кант о свободе, целиком напоминает мне речь этого профессора. Точно так же говорит Кант и о Боге. Он говорит: нельзя знать о какой бы то ни было «власти в себе» (Macht an sich). Но ведь слона я не могу создать; следовательно, я верю, что его может создать кто-то другой, который может сделать больше, чем я. Следовательно, я верую в Бога.

Так вот, Кант написал эту вторую книгу — «Критика практического разума». В ней он говорит, что мы, как люди, обязаны веровать в Бога, в свободу и в бессмертие. Знать об этом мы не можем, но веровать обязаны. Вы только представьте себе, как это бесчеловечно: специально было доказано, что знание есть ничто; во-вторых, что человек обязан веровать в Бога, о котором он ничего не может знать, веровать в свободу и в бессмертие! В сущности, Кант был величайшим реакционером. Люди любят красивые слова: поэтому они назвали Канта «всесокрушающим». Да, знание он «сокрушил» целиком, однако так, как если бы он сокрушил, разломал игрушку. Ведь мир вопреки всему этому остается! остается и вера, которой он оказал весьма существенную поддержку.

Это продолжалось в течение всего XIX столетия, пока не перешло в наше (XX) столетие. И вот сегодня, естественно, люди повсюду пишут по поводу двухсотлетия со дня рождения Канта! В действительности же именно Кант является примером того, как мало люди, в сущности, думают. Ведь то, что я сейчас рассказал вам,

является точным изображением учения Канта. Однако то, что люди говорят: Кант был величайшим философом, Канту вообще нечего возразить и так далее, является примером, с очевидностью обнаруживающим то, что именно на Канта всегда могут опираться противники духовной науки. (Одним из таких противников во второй половине жизни стал широко известный русскоязычный антропософ и оккультист Валентин Томберг (1900—1973): не отрицая антропософии как таковой, он утверждал, что она не является духовной наукой, так как, по Томбергу, духовная наука именно как наука, в принципе невозможна, а духовные вопросы являются исключительно объектом веры. Как может видеть читатель, данная мысль не нова и является простым повторением основного положения Канта, а стало быть, критика, высказываемая Р. Штайнером в адрес Канта, в равной мере могла бы быть отнесена и к Валентину Томбергу⁽⁵⁰⁾, который не сумел преодолеть столь типичного для его времени заблуждения См. письмо Томберга от 9 марта 1970 г. в книге Sergej Prokofieff «Die Beziehung des späteren Tomberg zu Rudolf Steiner und zur Antroposophie» Dornach, 2003 — прим. перев). Просто потому, что они могут сказать: да ведь мы же берем за исходное не религию, мы берем за исходное наиболее просвещенного из философов! Но ведь это действительно так, что на Канта с равным успехом мог бы сослаться как в высшей степени проникнутый догматизмом религиозный учитель, так и какой-нибудь (в светском смысле) просвещенный человек.

Затем Кант написал другие труды, один из них примерно такого содержания: есть ли у метафизики возможности стать в будущем наукой?^(50a) — где он показывает, что это невозможно, и так далее. В сущности, надо сказать: вся наука XIX в. переболела Кантом; Кант был, в сущности, болезнью для науки.

Если вы будете рассматривать Канта как пример того, насколько вздорные формы может порой принимать духовное развитие, то вы будете правильно рассматривать его. Но тогда вы скажете себе: в познании надо действительно быть настороже, ибо этот мир удивительно сильно расположен к тому, чтобы именно в познании производить величайшую бессмыслицу. Вы можете представить себе, в каком затруднительном положении оказывается человек, будучи представителем духовной науки; не только представители религии, но и другие люди, даже сами философы и те, кто, в свою очередь, увлечены этими философами, — все настроены против него. Любой филистер приходит и говорит: да, ты тут что-то утверждаешь о духовной науке, но ведь Кант доказал, так говорят они, что об этом знать невозможно! Это, в сущности, наилучшее групповое возражение, которое можно сделать. Кто-нибудь может сказать: я вообще не желаю слышать о том, что говорит этот Штайнер, потому что Кант уже доказал, что обо всем этом знать невозможно.

Вы удовлетворены?

Господин Бурле говорит: Он-то главным образом хотел когда-нибудь услышать, что имел в виду Кант. А это, как говорил господин доктор: о Канте слышишь так много, но положительного-то в услышанном ничего нет. Во всяком случае, понять это довольно трудно.

Доктор Штайнер: Дело не осталось без последствий. В 1869 году под авторством одного человека, тоже увлеченного Кантом, появилась книга «Философия бессознательного»; эта книга произвела огромную сенсацию. Эдуард фон Гартман⁽⁵¹⁾ поистине был очень умным человеком! Если бы он жил до Канта, если бы Кант не оказал на него такого влияния, то, вероятно, у него получилось бы нечто более значительное. Но он, по существу, так и не смог освободиться от сильных предрассудков, полученных им от Канта. Так же, как и для его предшественника Шопенгауэра, для Эдуарда фон Гартмана было очевидно, что человек ничего не знает ни о чем в мире, кроме своих собственных представлений, то есть того, что он сам проецирует, выносит из себя вовне. Но кроме того, Эдуард фон Гартман принял и учение Шопенгауэра о том, что «вещь в себе» следует наделять волей. Повсюду внутри находится воля. Однажды я написал статью об Эдуарде фон Гартмане^(51a), там я также упоминал и о Шопенгауэре. Шопенгауэр говорил так: о «вещи в себе» мы не знаем ничего, от нее мы имеем лишь представления. Лишь эти представления являются разумными, воля же неразумна, глупа. Так что, в сущности, все, что мы о себе знаем, есть не что иное, как знание о неразумной, глупой воле.

В той статье, где я упомянул Шопенгауэра, я тогда говорил: по Шопенгауэру все разумное в мире является трудом человека, ибо человек создает в мире именно все; то, что находится за этим, есть глупая воля. Итак, мир — это глупость

божества. Статья, одна⁵², была тогда конфискована. Она должна была быть опубликована в Австрии.

Дело обстоит так: Эдуард фон Гартман считал: «вещь в себе» следует наделить волей; но воля, в сущности, глупа, неразумна, и поэтому в мире так плохо. Вот почему Эдуард фон Гартман стал так называемым пессимистом. Вот почему его воззрением было, что мир никуда не годится, он не хорош, но плох в своей основе, совершенно плох. И не только то, что делают люди, но и все, что есть в мире, — плохо. Он говорил: можно считать, что мир плохой. Надо только на одну сторону прихода, дебета, поставить все то, что составляет в жизни счастье и удовольствие и так далее, а по другую сторону — все то, что мы имеем как страдания и так далее; по другую сторону всегда оказывается больше. Баланс всегда отрицательный. Следовательно, весь мир плох. Вот почему Гартман и стал пессимистом.

Но, видите ли, во-первых, Эдуард фон Гартман был, в сущности, умным человеком, а, во-вторых, тем, кто делает выводы. Он говорил: почему же люди все еще живут? Почему они не предпочтут уничтожить себя? Ведь если все плохо, было бы куда разумнее назначить день для всеобщего самоубийства человечества; тогда все, что было тут создано, исчезло бы. Но Эдуард фон Гартман продолжает: нет, если назначить такое всеобщее самоубийство, то из этого ничего не выйдет. И даже если бы мы его назначили — люди ведь возникли из животных, а животные не стали бы себя убивать, и тогда из этих животных снова произошли бы люди! Следовательно, подобным образом мы ничего не достигнем. Поэтому он придумывает кое-что другое. Он рассуждает так: если уж хочешь искоренить действительно все, что является земным миром, то это делать не путем самоубийства людей, но надо до основания уничтожить всю Землю. Сегодня у нас еще нет необходимых для этого машин; но некоторые машины люди уже изобрели; поэтому надо использовать всю мудрость для того, чтобы изобрести машины, с помощью которых можно пробурить Землю, забраться достаточно глубоко, а затем, используя динамит или тому подобные устройства, взорвать всю Землю так, чтобы обломки разлетелись по свету и обратились в прах. Вот тогда будет достигнута истинная конечная цель.

А ведь это не шутка, господа! Это действительно является учением Эдуарда фон Гартмана⁽⁵²⁾ — то, что надо изобрести машину, чтобы всю Землю, так сказать, поднять на воздух, расколоть ее и обратить в прах.

Восклицание с места: В Америке хотят построить пушку, чтобы вести лунный обстрел, обстреливать Луну!

Доктор Штайнер: Однако то, о чем я говорю вам, было настоящим философским учением в XIX веке!

Вы скажете: «Как же могло случиться, что все это исходило от такого умного человека? Ведь только глупец может утверждать подобные вещи!» Нет, Эдуард фон Гартман поистине не был глупцом, он был даже умнее, чем все остальные. Это я вам могу тотчас же доказать. Именно потому, что он был более умен, чем распространяемое Кантом учение, и возникла эта глупость о машине, с помощью которой следовало бы разметать весь мир, обратив его в ничто. Это был вполне умный, хотя и основательно подпорченный Кантом человек.

Итак, он написал «Философию бессознательного». В этой «Философии бессознательного» он сказал: конечно, верно, что люди произошли от животных; но при этом сопутствующую роль играли духовные силы. Эти силы являются силами воли, следовательно, они неразумны, это глупые силы. Все это он описал вполне разумно; тем самым он изобрел нечто, противоречащее дарвинизму.

И вот в то время — представьте себе, ведь это было в шестидесятые годы прошлого (XIX) века, — существовали как эта умная гартмановская «Философия бессознательного», так и дарвинизм, представленный Геккелем⁽⁵³⁾, Оскаром Шмидтом^(53a) и другими, и признаваемый остальными людьми за нечто непревзойденное по уму. Но «Философия бессознательного» противоречила дарвинизму. И вот тогда все, бывшие твердолобыми дарвинистами, выступили и сказали: надо основательно опровергнуть этого Эдуарда фон Гартмана, ведь он вообще ничего не смыслит в естествознании! Но что же сделал тогда Гартман? То, что он сделал, будет ясно из следующего. В то время как другие раздирали горло от крика — имеются в виду печатные издания, публикации, — появилась книга^(53b) «Бессознательное с точки зрения дарвинизма». Это было основательнее опровержение Эдуарда фон Гартмана с точки зрения дарвинизма! Но никто не знал, кто автор.

Теперь, господа, все естествоиспытатели обрадовались, поскольку выступил тот, кто основательным образом опроверг Эдуарда фон Гартмана. Даже Геккель говорил: «Такого человека, пишущего против Гартмана, — назови он нам свое имя, — мы рассматривали бы как одного из наших, как естествоиспытателя первого ранга!» Само собой, книга была быстро, очень быстро раскуплена, и появилось второе издание^(53в); тут автор назвал себя. Это был сам Эдуард фон Гартман! Он написал книгу против самого себя. Но теперь они перестали его хвалить; данная вещь уже не получила такой широкой известностью! Вот так-то он доказал, что был умнее, чем все остальные! Однако видите ли, средства информации, предоставляемой людям, об этой истории умалчивали. Этот кусочек духовной истории следовало рассказать для того, чтобы стало понятно: хотя Эдуард фон Гартман был человеком, которого испортило кантианство, он, тем не менее, обладал основательным умом.

Когда я говорю вам, что он хотел пустить весь мир на воздух с помощью машины, которую следовало изобрести, — мы могли бы с полным правом заметить, что, хотя он, возможно, и был страшно умен, этот Эдуард фон Гартман, но нам-то, не штудировавшим Канта, все это кажется глупостью. Хотя я и изобразил вам Эдуарда фон Гартмана как умного, у вас есть основания полагать, что он, тем не менее, был глуп. В это вам нетрудно поверить. Однако, учитывая последнюю рассказанную историю, вы должны были бы подумать, что те, другие, были еще глупее его; вот тогда бы вы меня порадовали! Ведь вполне возможно было бы исторически доказать, что те, другие, были еще глупее, чем тот, кто собирался взорвать Землю.

Важно, чтобы человек знал об этих вещах; ведь в настоящее время существует своеобразный культ всего, что напечатано. И с тех пор, как в издании «Универсальной библиотеки» появился Кант — впрочем, я тоже смог прочесть его только благодаря этому, ибо иначе мне бы просто не удалось купить его тогда; эта книга и была толстая, стоила она дешево, — так вот, с тех пор благодаря Канту черту стало намного вольготнее, потому что с тех пор все читают Канта. Это значит, что они читают первую страницу, но ничего не понимают. Затем они слышат, что Кант является «императором просвещенной, литературной Германии» и думают: черт возьми, ведь и мы кое-что знаем о Канте, значит, мы сами такие же умные люди! Большинство из них таково, что признается себе: «Ведь мне приходится говорить, что я понимаю этого Канта, а иначе другие скажут, что я глуп, так как не понимаю его». В действительности люди не понимают его, но не признаются в этом; они говорят себе: «Я должен понимать Канта, ведь я очень умный. И вот я утверждаю: я понимаю очень умные вещи, если я понимаю Канта!» Тогда это импонирует людям.

Однако действительно, господа, несмотря на то, что было трудно осветить этот вопрос в несколько популярной форме, я, тем не менее, рад тому, что именно этот вопрос был задан, так как благодаря ему становится видно, как протекает так называемая духовная жизнь людей и насколько осторожным должен быть человек, когда на него воздействует то, что привнесло теперь к такой большой шумихе во всех газетах, шумихе по поводу двухсотлетия со дня рождения Канта. Я не хочу сказать, что Канта не следовало бы чествовать, ведь чествовать будут и других, но, тем не менее, истинное положение вещей таково, как я описал его вам.

Давайте снова поговорим об этом в ближайшую субботу в девять часов.

ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ ЛЕКЦИЯ

Дорнах, 17 мая 1924 г.

Господин Эрбсмель: Что означают кометы, появляющиеся время от времени? Чем отличается Зодиак от остальных звезд?

Доктор Штайнер: Этот вопрос будет подводить нас к пониманию астрономии. Вы ведь слушаете астрономические лекции, так что было бы очень хорошо, с известной точки зрения, обсудить именно этот вопрос.

Смотря на звездное небо, мы видим Луну, как на более крупное и ближайшее к нам небесное тело. Поэтому Луна оказывает на человека, находящегося на Земле, то влияние, которое легче всего воспринимается. Вы уже, конечно, слышали о том, как Луна возбуждает фантазию у человека. Об этом знает каждый. Но я рассказывал вам и о других влияниях Луны, которые она оказывает на размножение существ и тому подобное. Кроме того, мы видим другие небесные тела, ведущие себя подобным Луне образом. Луна передвигается, вы можете видеть

ее передвижение, и другие небесные тела, похожие на нее, тоже передвигаются. Те небесные тела, которые передвигаются, мы называем блуждающими звездами или планетами.

В случае Солнца тоже кажется, что оно движется. В действительности, оно тоже перемещается, но относительно нашей Земли оно неподвижно. Оно всегда остается на том же самом удалении и не описывает круга вокруг Земли. Поэтому о Солнце говорят как о неподвижной звезде. Также и другие звезды, кроме тех, которые явно изменяют свое местоположение, являются фиксированными, неподвижными звездами.

Если посмотреть на звездное небо, то вид его будет примерно тем же, который это звездное небо имеет каждую ночь — особенно в лунные ночи. Но есть и перемены на звездном небе. В известные недели летом вы можете увидеть, как вспыхивает одна звезда за другой, как они стремительно движутся и исчезают: это метеориты, «падающие звезды». Такие падающие звезды можно увидеть на небе и в иное время, но преимущественно их можно наблюдать в известные недели лета, когда целые стаи таких маленьких звезд вспыхивают, быстро проносятся по небу и затем исчезают.

Кроме них, однако, существуют и другие небесные тела, о которых господин Эрбсмель говорил в своем вопросе: это кометы. Эти кометы появляются значительно реже; они отличаются своей формой от других звезд. По своей форме они выглядят примерно так: у них есть своего рода ядро, а далее — хвост, который тянется за ними. Иногда они выглядят так, что за ними тянется два таких хвоста. Если рассматривать другие перемещающиеся звезды, то движение этих последних носит относительно регулярный характер, всегда известно, что в определенный момент времени эти небесные тела появляются, в другой определенный момент времени они находятся «под» Землей, и их не видно; в то время как у этих небесных тел, у комет, наблюдается следующее: они приходят и снова уходят, при этом достоверно не известно, куда они, собственно, уходят. По сравнению с другими звездами и небесными телами они обнаруживают известную неупорядоченность движения.

Эти кометы люди всегда рассматривали иначе, нежели другие звезды, и у суеверных людей этим кометам приписывалась большая роль. Эти суеверные люди верили в то, что если появилась такая комета, то это означает несчастье.

Особенно удивляться этому не следует, так как все, что протекает нерегулярно, вызывает у людей удивление и изумление. Не следует это принимать чересчур серьезно; ведь даже самым обыкновенным предметам, которые вели себя всегда определенным образом, люди придают значение, если их поведение становится необычным. Если, например, падает нож, он обычно не втыкается в пол, но падает боковой плоскостью. Этому не придают значения, поскольку это привычно. Но если нож воткнется в пол, то суеверные люди считают, что это имеет значение. Если светит Луна, то к этому люди привыкли, это не означает чего-то особенного. Но вот если восходит звезда особенная по форме, тогда это означает нечто особенное! Так что не надо немедленно волноваться, если суеверные люди будут ссылаться на что-то.

Прежде всего, мы должны рассматривать вещи с научной точки зрения. И тогда надо констатировать следующее. В не очень древнее время внимание направляли главным образом на то, что видели на небе; писали, что Земля стоит в центре мира — я сейчас только пересказываю то, что представляли себе тогда, — и что вокруг Земли вращается Луна, Меркурий, Венера, Солнце и так далее; все звездное небо движется — что тоже можно наблюдать, — каждая звезда восходит и снова заходит⁽⁵⁴⁾. Видно, что звездное небо движется. Если вы достаточно долго остаетесь вне помещения, вы увидите, как так называемые неподвижные звезды перемещаются по небу (имеется в виду суточное вращение небосвода — прим. перев). Так это воспринимали в древности — ведь именно это видели — и записывали то, что было видно.

Но как вы знаете, в XV—XVI столетиях появился Коперник и сказал: это не так! Земля не располагается в центральной точке, но в центральной точке располагается Солнце, а вокруг Солнца вращаются Меркурий, Венера, Земля и так далее. Тем самым сама Земля была причислена к планетам. Появилась совершенно иная мировая система, совершенно иные воззрения о пространстве. Подобно Солнцу, другие неподвижные звезды тоже должны были стоять на месте. Их

движение, следовательно, является лишь кажущимся (имеется в виду суточное вращение звезд — прим. перев).

Видите ли, господа, дело обстоит так: однажды мне уже приходилось говорить на эту тему в связи с другим вопросом, поставленным господином Бурле — вопрос был о теории относительности, о том, есть ли в этой теории нечто правильное, — и в связи с другими поставленными вопросами. Так, например, существовала теория, выдвинутая известным (астрономом) Тихо де Браге⁽⁵⁵⁾, который говорил: да, Солнце стоит на месте, но и Земля стоит на месте и так далее. Была, следовательно, еще и другая система мира; но мы рассматриваем эти две: древнюю, восходящую главным образом к Птолемию^(55a), а затем коперниканскую систему, восходящую к Копернику. Итак, это две системы мира, две мировых системы. В каждой из них кое-что правильно. Если совершенно точно разбираться в фактах, то нельзя различить, является ли правильной одна или другая система.

Дело вот в чем, господа: я говорил вам тогда, что есть люди, утверждающие, что нельзя различить — когда я, например, еду на автомобиле от виллы Ганзи наверх к Гётеануму, — нельзя различить: то ли автомобиль едет, то ли Гётеанум движется навстречу! Несомненно, что на глаз это неразлично; отличить можно только благодаря тому, что автомобиль может испортиться, автомобилю нужен бензин, а Гётеануму — не нужен. Отличить можно по внутреннему состоянию. Точно так же, идя в Базель, вы можете отличить: вы ли идете в Базель или Базель пришел к вам, потому что вы устанете. Итак, решить это можно только по внутреннему состоянию.

Из сказанного вам должно быть очевидно только то, что любая система мира может быть с одной стороны верной, а с другой стороны ложной. Абсолютного решения тут быть не может. Это именно так! Действительно, по отношению к мировой системе нельзя решить, какая из них совершенно правильная, а какая совершенно ложная. Вы скажете: да, но ведь эти вещи можно вычислить! Видите ли, вы будете вычислять, но выполненные вычисления сходятся не совсем! Если, например, рассчитывают скорость небесного тела, то знают: через определенное время оно должно стоять в определенном месте на небе. Итак, вычисляют, где должна стоять звезда в определенное время, и направляют туда телескоп; звезда должна попасть в телескоп. Но часто ее там не оказывается, и приходится вновь исправлять формулу; это показывает, что ни один из расчетов целиком не сходятся. Дело в системе мира обстоит так, что ни один расчет не сходится полностью! Отчего это происходит? Представьте себе, что вы хорошо знаете одного человека. Вы говорите себе, что на него вы можете положиться с полной гарантией, если он что-либо обещает вам. Допустим, вы очень хорошо знаете одного человека, он обещал вам 20 мая в пять часов дня быть в определенном месте. Вы тоже будете там. Вы в полной уверенности, что он находится там, ведь вы его знаете. Но все же может случиться так, что он не придет! Так и с системой мира. Если мы рассматриваем мелочи, тогда допустимо говорить: можно положиться, что дело пойдет так, как это известно. Если я топлю печку, то в соответствии с законами природы в комнате распространяется тепло. Маловероятно, что однажды огонь не согреет комнату! Но такое положение дел прекращается, господа, если речь идет о крупных соотношениях в космосе. Здесь что-то тоже может происходить — как и в случае, когда мы имеем дело с отдельным человеком — с гарантией, с предсказуемостью, но может происходить и непредсказуемым, ненадежным образом, — как это тоже имеет место в случае отдельных людей. Следовательно, любой расчет в этой области, всегда где-нибудь имеет изъян, трещину. Откуда же берется этот изъян? Изъян этот возникает оттого, что наша Солнечная система не является предоставленной лишь себе самой. Допустим, с тем неназванным человеком, когда он направлялся к вам, что-то случилось по дороге. Его задержали. Если бы эта планетная система была такой, что в ней не происходило бы ничего иного, кроме того, что совершают Солнце, Луна и звезды, то она была бы вполне исчисляемой, все можно было бы рассчитать; можно было бы совершенно точно знать, где стоит небесное тело в определенное время, знать с точностью до тысячной доли секунды, поскольку можно было бы проводить очень точные расчеты. Но в этих расчетах, как я говорил, имеется изъян. Он возникает только вследствие того, что этой системе не дозволяется пребывать во Вселенной, будучи ни от чего независимой, самой по себе: в нее вторгаются, вызывают ее кометы. Из-за того, что эти кометы вторгаются из Космоса, Космос, Вселенная дает этой планетной системе нечто подобное тому, что мы получаем при приеме пищи; комета является своего рода продуктом питания

для планетной системы. Дело обстоит так: при вторжении такой кометы движение всегда немного изменяется, так что совершенно упорядоченного, регулярного движения не бывает. Дело обстоит так, господа: из-за комет, как в движениях, так и в покое всей планетной системы создается неупорядоченность, нерегулярность.

О самих кометах. Видите ли, тут люди утверждают следующее: комета приходит сюда из таких удаленных областей, что ее там не видно; когда же она приближается к Солнечной системе, ее начинают видеть (изображается на рисунке). Итак, ее видят. Теперь она идет дальше; ее пока еще видят, затем меньше, затем она исчезает. Что говорят по этому поводу люди? Люди говорят: пока она над Землей, ее можно видеть; если же комета уходит сюда, она становится невидимой, а через определенное число лет она снова возвращается назад. Так рассуждают эти люди.

Если я нарисую вам Солнечную систему, то здесь у нас окажется Солнце, здесь — планеты. Эти люди представляют себе все сказанное так.

Комета приходит сюда издалека, из областей, лежащих за пределами Солнечной системы, приходит сюда в район Солнца; тут она перестает быть видимой, если она внизу — тут она снова возвращается назад. Следовательно, они представляют себе, что если планеты движутся по коротким эллиптическим орбитам, по коротким эллипсам, то комета движется по исключительному эллипсу. Если она подходит сюда и оказывается над нами, ее можно увидеть наверху, тогда она остается видимой, в ином случае же она невидима; затем она возвращается назад. Комета Галлея⁽⁵⁶⁾, названная по имени своего первооткрывателя, появляется каждые шестьдесят семь лет.

Однако, господа, в этом рассуждении есть нечто такое, с чем духовная наука, исходя из своих наблюдений, согласиться не может: это неверно, что кометы вот так обходят вокруг! (то есть двигаются по замкнутой вытянутой эллипсоидной орбите — прим. перев.). В действительности верным является то, что здесь комета только лишь возникает, здесь она, если можно так выразиться, материализует, выделяет из себя мировое вещество, здесь мировое вещество сосредоточивается, накапливается; здесь оно возникает (указывается на рисунке), идет дальше, а здесь снова исчезает, растворяется. Эта линия (эллипс) здесь в действительности совсем не существует. Мы, следовательно, имеем дело с неким образованием, которое на известном удалении возникает и на известном удалении снова перестает существовать. (То есть на определенном расстоянии от Солнечной системы комета материализуется, образует материальные формы, а затем, пройдя Солнечную систему, на известном удалении от Солнечной системы полностью исчезает как материальный объект, дематериализуется; см. об этом также ПСС том 235 — прим. перев.) Так что же тут все-таки происходит?

Здесь уместно сказать: неверно, что Солнце стоит на одном месте! По отношению к Земле оно неподвижно, но по отношению к пространству оно движется с огромной скоростью. Вся планетная система несется сквозь мировое пространство, движется вперед. Солнце движется в направлении созвездия Геркулеса. Вы, конечно, могли бы спросить, откуда это известно, что Солнце движется к созвездию Геркулеса? Вы знаете, что если входят в аллею и вы стоите тут, то деревья, расположенные впереди, кажутся дальше друг от друга, а вдали они кажутся расположенными ближе друг к другу. Не правда ли, если смотрят в аллею, то деревья кажутся сближающимися друг с другом; но если вы теперь пойдете в этом направлении (то есть по аллее — прим. перев.), то вам покажется, как будто деревья отодвигаются друг от друга. Вы видите, что расстояние между двумя деревьями становится все больше и больше. Теперь представьте себе, что здесь находится созвездие Геркулеса и звезды этого созвездия Геркулеса удалены друг от друга на известное расстояние. Если бы мы вместе с нашей Солнечной системой стояли на одном месте неподвижно, то эти расстояния должны были бы оставаться без изменений, теми же самыми. Если же Солнце вместе с другими планетами движется в этом направлении, то тогда звезды созвездия Геркулеса должны казаться все больше, они должны казаться отодвигающимися, удаляющимися друг от друга. Что и происходит с ними в действительности! В течение столетий можно наблюдать, что расстояния (между звездами — прим. перев.) в созвездии Геркулеса становятся все больше и больше. Отсюда следует, что Солнце действительно движется по направлению к созвездию Геркулеса. И подобно тому, как мы здесь можем вычислить посредством измерения с помощью визира —

как близко мы проходим и с какой скоростью, ведь если один идет быстрее, то расстояния будут увеличиваться быстрее, чем для другого (идушего медленнее — прим. перев.), — точно так же можно вычислить и то, как движется Солнце. Вычисления эти выполняются очень точно. Следовательно, вся планетная система вместе с Солнцем быстро движется в направлении созвездия Геркулеса.

Но это перемещение действует на планетную систему так же, как на вас действует работа. Когда вы рожаете, вы теряете свою субстанцию и вы должны снова заменить ее. Также и когда планетная система проносится сквозь мировое пространство, она постоянно теряет свою субстанцию. Ее тоже необходимо заменять. Тут бродят, перемещаются кометы; они собирают субстанцию и сами оказываются поглощенными, когда такие кометы проходят сквозь планетную систему. Таким образом, благодаря пришедшим в негодность кометам снова восполняется утраченная субстанция планетной системы. Но в то же самое время эти кометы, входя в планетную систему, содействуют возникновению в ней неупорядоченности, нерегулярности; вот почему в действительности не удастся рассчитать ее движение.

Это одновременно показывает вам следующее: если взглянуть на дело шире, окажется, что объекты в мировом пространстве живут! Такая планетная система является, в сущности, живым существом; она должна принимать пищу. Поедаются при этом кометы!

Из чего, однако, главным образом, состоят эти кометы? В качестве важнейших веществ кометы содержат в себе то, что в планетной системе поистине происходит к ним с неба; они содержат азот и углерод. Конечно, также и водород, и так далее. Но эти два вещества особенно важны: углерод и азот. Ведь азот необходим для нас в воздухе, который всегда должен обновляться; углерод тоже необходим нам, поскольку он нужен растениям. Так что Земля действительно получает свои вещества из космоса! Они всегда заменяются.

Но дело заходит еще дальше. Вам известно, что когда вы едите, то вещи, которые предназначены вам в пищу, имеют на тарелке достаточно большие размеры; вы измельчаете их, вы разгрызаете их. Прежде всего вы их разрезаете. Вы должны это делать; ведь если бы вы — если бы это было возможно — проглотили большого гуся целиком, ничего хорошего из этого бы не вышло! Вы должны все это размельчить. Точно так же вам не удалось бы проглотить целиком телячью голову; это могут сделать только змеи, люди же этого не могут. Все это надо измельчить. То же самое делает со своими продуктами питания и планетарная система. Такая комета иногда тоже может оказаться проглоченной — не каждая, но иногда какую-то из них могут целиком проглотить по примеру змей. Но приходят и такие кометы, которые были измельчены на подходе. Затем комета, например, в августе, распадается на рой метеоритов, распадается на маленькие настоящие звездочки, падающие вниз — метеориты. Ведь эти выпадающие метеориты являются крошечными частицами комет. Хотя вы и не видите, как эти мировые продукты питания поступают в Солнечную систему, вы в то же самое время видите, как эти мировые продукты питания поглощаются Землей. Вот таким образом, следовательно, можно расценивать значение для Земли этих столь нерегулярно появляющихся комет.

Видите ли, дело тут обстоит так — при этом надо отказаться от каких бы то ни было суеверий: на все, происходящее на Земле, кометы оказывают свое влияние, причем это можно наблюдать. Примечательно вот что: вы знаете, что бывают хорошие и плохие годы для сбора винограда; при этом хорошие для винограда годы возникают оттого, что Земля испытывает своего рода голод. Тогда она свою способность к плодородию предоставляет главным образом Солнцу, и Солнце действует благоприятно на урожай винограда. Если на Земле был хороший для винограда год, то можно быть почти уверенным, что скоро появится комета, поскольку Земля проголодалась и ей необходимо питание для всего другого. Затем (то есть после появления кометы — прим. перев.) идет плохой для винограда год. Если же опять наступает год, хороший для урожая винограда, то затем снова приходит комета. Отношение Земли к ее веществам, субстанциям зависит от того, появляются ли или не появляются кометы.

Еще спросили о том, чем отличается Зодиак от других звезд.

Не правда ли, если мы просто заглянем в мир Космоса, то увидим бесчисленные звезды. Эти звезды располагаются, как кажется, неупорядоченно. Но

всегда можно различить группы, называемые созвездиями. То, что мы при этом разглядываем, находится на том или ином удалении от Луны; ближе или дальше. Рассматривая эти звезды, мы видим, что Луна проходит тут, не правда ли, она проходит через все звездное небо. Но есть известные созвездия, расположенные так, что Луна всегда проходит именно через них; через другие же созвездия она не проходит. Следовательно, если вы рассматриваете, например, созвездие Геркулеса, то Луна через него не проходит. Но если вы наблюдаете за созвездием Льва, то Луна через определенное время проходит через это созвездие Льва. Итак, имеется двенадцать созвездий, которые замечательны тем, что они, так сказать, представляют собой дорогу, по которой идет Луна, по которой идет Солнце. Они, в сущности, являются лишь вехами на этой дороге, указателями пути, по которому совершается кажущееся движение Солнца и истинное движение Луны по небу. Так что можно сказать: двенадцать созвездий — Овен, Телец, Близнецы, Рак, Лев, Дева, Весы, Скорпион, Стрелец, Козерог, Водолей, Рыбы — представляют собой путь Луны; она всегда проходит через них, через другие созвездия она не проходит. Так что всегда можно сказать: в такое-то определенное время, когда Луна стоит на небе, она стоит или в одном созвездии, или в другом, или между ними, но это только созвездия, принадлежащие к Зодику.

Господа, обратите внимание на то, что находящиеся на небе звезды оказывают исключительное влияние на Землю вообще и особенно на человека. Поистине, человек зависит не только от того, что находится на Земле, но он, человек, связан и со звездами, находящимися на небе.

Представьте себе какую-нибудь излюбленную звезду или созвездие, стоящее там; вечером оно восходит, утром заходит. Оно постоянно стоит на одном месте и всегда оказывает свое влияние на человека. Но представьте себе другое созвездие, например, скажем, Близнецов или Льва; через них проходит Луна. В тот момент, когда Луна проходит через них, она перекрывает Близнецы или Льва; тогда я вижу только Луну, а созвездие Близнецов я не вижу (хотя Луна перекрывает созвездие только частично, ее свет мешает видеть его целиком, — прим. перев). В указанный момент созвездие Близнецов, следовательно, не может оказывать своего воздействия на Землю, поскольку это воздействие перекрывается. Так повсюду на небе находятся звезды, не перекрывающиеся ни Солнцем, ни Луной, но всегда оказывающие на Землю свое влияние; кроме того, там находятся звезды, через которые проходит Луна, и кажущимся образом проходит Солнце; данные звезды время от времени перекрываются и их влияние прекращается. Мы можем сказать так: Лев является созвездием Зодиака, зодиакальным созвездием, он оказывает известное влияние на человека. Но если перед ним стоит Луна, то влияния нет; в этом случае человек оказывается свободным от этого влияния Льва, тут влияние Льва на него не оказывается.

Вы только представьте себе, вы стоите здесь, вы страшно ленивы и не идете, но кто-то толкает вас сзади и вынуждает вас идти; он побуждает вас двигаться вперед, в этом и состоит его влияние, его воздействие. Но допустим, я задерживаю это воздействие; он не может толкать вас, влияние на вас не оказывается; тогда вы должны — если вам все же надо идти — вы должны идти сами!

Видите ли, человек нуждается в этом влиянии. В чем же тут, однако, дело, господа? Давайте установим это как следует: созвездие Льва оказывает на человека известное влияние. Созвездие оказывает это влияние, пока оно не экранировано, не перекрыто Луной или Солнцем. Но давайте пойдем дальше. Возьмем в качестве сравнения пример из жизни. Скажем, кто-то хочет что-то узнать. Допустим, что у него живет гувернер или домашний учитель, знающий прямо-таки все; маленькому мальчику лень думать самому, он спрашивает домашнего учителя, который отвечает ему, а так же дает ему домашнее задание. Но если домашний учитель ушел, если домашнего учителя нет, и задание все же надо сделать, то приходится развивать силы самостоятельно, из самого себя. Приходится вспоминать.

Лев оказывает влияние на человека постоянно, кроме того времени, когда его экранирует Луна, тогда влияние отсутствует. Но если Луна перекрывает, прерывает влияние, оказываемое от созвездия Льва, человек должен тогда развить данное влияние из самого себя. Итак, человек, который в то время, когда созвездие перекрыто, экранировано Луной, должен особенно сильно развивать это влияние из самого себя, — такой человек является, так сказать, львиным человеком, человеком-львом. Тот, кто особенным образом может развить влияние Рака, если это созвездие

экранировано, являясь человеком-раком. В соответствии со своими задатками тот или иной человек развивается в большой мере или одно, или другое. Однако вы видите отсюда, что зодиакальные созвездия имеют особые отличия; с ними дело обстоит так, что они то оказывают влияние, то нет. Луна, которая за четыре недели обходит все указанные созвездия, создает тем самым ситуацию, что мы в течение этих четырех недель всегда имеем такой момент, когда данное влияние из какого-либо зодиакального созвездия на нас не оказывается; то же самое относится и ко всем другим созвездиям (Зодиака). Поскольку в древности небесным влияниям люди уделяли очень большое внимание, Зодиак для них был, естественно, важнее, чем другие созвездия. Ведь эти другие созвездия всегда сохраняют свое влияние, оно не изменяется. Но в случае Зодиака можно сказать: влияние изменяется в зависимости от того, оказывается ли образ в Зодиаке перекрытым или нет. По этой причине воздействие Зодиака на Землю исследовалось совершенно особенным образом. Теперь вы видите, почему Зодиак при наблюдении звездного неба является более важным, чем другие звезды. (Перекрывающиеся и открывающиеся созвездия подобны гигантскому телеграфу, передающему с помощью космической «азбуки Морзе» информацию на Землю, живым существам и человеку; с этой точки зрения некоторые космические эксперименты, такие, как распыление экранирующих веществ и т. д., могут иметь непредсказуемые последствия, — прим. перев). Из всего этого вы можете заключить, что одни только расчеты не могут быть единственным предметом исследования в астрономии, но необходимо исследовать также и те вещи, о которых я только что рассказал вам.

Дело в том, что сегодня, если человек говорит на эту тему, его рассматривают как фантазера, как полудурачка. Люди говорят: ну, если кому-то надо узнать о звездах, пусть он идет к астрономам в обсерваторию, им все известно! Вы знаете, на эту тему есть такая шутка: поскольку человек, страдающий подагрой, тоже страдает от всевозможных внешних влияний, некоторые люди говорят о больных подагрой diathesis urica: ему надо сходить в обсерваторию и там все уладить. На человека, который хочет говорить об этих вещах с духовной точки зрения, люди сегодня смотрят, как на полудурачка. Но при этом происходят следующие вещи. Благодаря возможностям, полученным на основе духовной науки, мне в ряде прочитанных в 1906 году в Париже лекций, довелось сказать: если с кометами дело обстоит именно так, если они действительно выполняют указанную задачу, то в их состав должны входить соединения углерода с азотом. Об этом в ту пору не было известно. Углерод с азотом образуют циан, синильную кислоту (HCN — прим. перев.). Углерод и азот, как я говорил, должны были быть открыты в кометах. Это было сделано мною в Париже в 1906 году⁽⁵⁷⁾. Этому тогда не поверил никто среди тех, кто не признавал духовной науки. Но затем, краткое время спустя — я был в лекционной поездке в Швеции — во всех газетах появилось весьма ошеломляющее известие о том, что с помощью спектральной фотографии в появившейся тогда комете был открыт циан.

Видите ли, люди всегда говорят: если антропософия что-нибудь знает, она должна говорить о том, что впоследствии будет подтверждено. Но такие вещи происходили бесчисленное количество раз! Действительно, в 1906 году я предсказал открытие циана в кометах! Это открытие действительно было сделано позднее. Отсюда вы можете видеть, что эти вещи фактически верны, ибо затем они могут быть подтверждены, если только к ним подходят правильно. Однако естественно и то, что если нечто подобное происходит, эти люди умалчивают об этом, они молчат намертво, поскольку это их не устраивает. Тем не менее, это так.

Итак, стало быть, можно исходя из духовного познания говорить о кометах вплоть до их материального состава, вплоть до того, что в кометах содержится циан, причем говорить так, что это впоследствии подтверждается. И это только один пример.

Вот почему я не опасаясь говорить о таких вещах, которые кажутся людям совершенно дурацкими; о том, что кометы возникают здесь, а здесь перестают существовать, о том, что вот здесь их материал конденсируется, а вот здесь снова исчезает, когда они выходят из планетной системы. Это результаты духовного наблюдения. В свое время это будет подтверждено физическими наблюдениями.

Многое из того, что говорит в настоящее время материалистическая наука, является чудовищной фальсификацией. Например, эти люди представляют себе, что Солнце является своего рода газовым шаром. Но оно на самом деле вовсе не является газовым шаром, оно является чем-то совершенно иным, нежели газовым

шаром. Видите ли, господа, если вы имеете дело с сельтерской водой, то в ней внутри жидкости находятся маленькие жемчужины. Можно было бы считать так: ну да, вот сельтерская вода, а там внутри эти маленькие жемчужины, вот, что за вещи плавают там внутри. Но в действительности это не так; на самом деле вот здесь находится сельтерская вода, а здесь находятся пустоты (изображается на рисунке). Тут внутри содержится меньше (вещества), чем в остальной воде. Там находится углекислый газ, а вокруг находится вода, но ведь газ гораздо менее плотный, чем вода. По отношению к воде то, что находится внутри ее, является пустым, полым пространством: роль полого пространства по отношению к воде выполняет присущая газу разреженность. Но Солнце тоже представляет собой полое пространство в Космосе, причем более разреженное, чем какой бы то ни было газ; там, где находится Солнце, разрежение исключительно высокое! Больше того, господа: если вы движетесь по миру, то вы находитесь в пространстве. Однако там, где стоит Солнце, даже пространство является полым, пустым. Что это значит: пространство является полым? Что значит «полое пространство», вы можете уяснить себе из следующего: когда в воздушном насосе вы оттягиваете поршень назад, так что внутри образуется безвоздушное пространство, то стоит вам сделать здесь маленькое отверстие, как это безвоздушное пространство тотчас же начнет всасывать внешний воздух, так что в полость начнет со свистом врываться внешний воздух. В случае Солнца дело обстоит так: то, что там находится, представляет собой совершенно полое пространство, свободное от чего бы то ни было; не только от воздуха, но даже от тепла, от чего бы то ни было это полое пространство свободно. (По антропософским представлениям тепло является не состоянием вещества, а самостоятельной субстанцией типа инфракрасного излучения, неким подобием флогистона, — прим. перев.) Это полое пространство таково, что оно со всех сторон духовно замкнуто, духовно изолировано, так что лишь через солнечные пятна туда время от времени может что-то врываться. Астрономы были бы крайне удивлены, если бы они на космическом автомобиле, или на чем-либо подобном, или на космическом корабле, могли туда въехать — самолеты для этого не годятся, так как там, вверху, воздух отсутствует. Астрономы при этом ожидали бы следующее: мы поднимаемся наверх, поднявшись, попадаем в первый туман, ведь Солнце является раскаленным газом. Они, правда, ожидали бы, что этот раскаленный газ их сожжет, что здесь они окажутся в огне, так как температура должна там достигать многих тысяч градусов. Однако обстановка не позволила бы им попасть в огонь, потому что Солнце полое, оно свободно также и от теплового излучения. Тепла там тоже нет! Это можно было бы перенести! Можно было бы перенести и тепло, если бы на огромном космическом корабле подняться и проникнуть в Солнце. Непереносимым является, однако, совсем другое: это нечто, подобное тому случаю, когда сюда со свистом врывается воздух — не вырывается, а именно врывается. Человек был бы мгновенно втянут в Солнце и тут же обратился бы в пыль, был бы совершенно распылен, ибо Солнце является полым пространством, которое все засасывает; человек стал бы совершенно высосанным. Это было бы вернейшим способом, чтобы исчезнуть.

Итак, материалистическая наука рассматривает Солнце совершенно неверно. Оно по отношению ко всему остальному является полым пространством, а благодаря этому оно среди небесных тел, находящихся к нам ближе всего, является наилегчайшей «персоной» в мировом пространстве, самой наилегчайшей. Луна относительно тяжелая, поскольку она когда-то вышла из Земли и забрала с собой те тяжелые вещества, которые не были нужны Земле. Так что Солнце и Луна представляют собой полную противоположность; Солнце является наиболее легким телом в мировом пространстве, а Луна — наиболее материальным. Если бы ее можно было взвесить, то она, разумеется, была бы легче, чем Земля, поскольку она значительно меньше, но по тому, что называют удельным весом, она тяжелее. Отсюда следует, что поскольку Солнце является наиболее легким телом в мировом пространстве, то и существа, исходящие из него, носят наиболее духовный характер. Поэтому, отвечая на вопрос о Христе, поставленный господином Доллингером, я мог бы сказать вам следующее: когда мы рождаемся, от Солнца исходит наиболее духовная сущность, ибо Солнце является наиболее духовным существом; тогда как Луна является сущностью наиболее материальной. Если же Луна является наиболее материальной сущностью, то она оказывает на человека влияние, которое по ходу повседневной жизни распространяется в материальном. Видите ли, все другие небесные тела, звезды, помимо Луны, тоже, конечно,

оказывают свое влияние. Когда мы перевариваем пищу, когда мы наблюдаем циркуляцию крови, то на все это звезды, небесные тела оказывают некоторое влияние. Они оказывают влияние на материальные процессы. Но, тем не менее, если вы представите себе, что вы едите кусок хлеба, то этот кусок хлеба постепенно преобразуется в кровь; здесь одно превращается в нечто другое; возникает часть человека, возникает кровь, когда вы в процессе обмена веществ преобразуете хлеб. Если вы солите хлеб, то соль эта затем входит в кости, она будет преобразована. При этом всегда возникает какая-то часть, ибо это материальное имеет отношение именно лишь к части человека. Все, что находится на Земле, может дать возможность возникнуть лишь какой-то части человека; то, что возникло, должно затем содержаться в человеке. Однако Луна оказывает наиболее сильное материальное влияние; поэтому-то она оказывает влияние на размножение; ведь при этом возникает не просто часть, но человек в целом! Солнце обладает влиянием на самое духовное, тогда как Луна — поскольку и сама она является наиболее материальным — оказывает влияние на материальное. Так что человек воспроизводит самого себя, или воспроизводит точное подобие самого себя именно под влиянием Луны. В этом есть противоположность: воздействие Солнца, так сказать, производит заново наши мысли, обновляет наши волевые силы. Влияние Луны состоит в том, что она обновляет наши материальные силы, что она заново воспроизводит материального человека. Между Луной и Солнцем стоят другие небесные тела, которые, в частности содействуют тому, чтобы в человеке происходили иные вещи.

Все это доступно для понимания. Только всегда, рассматривая астрономическое, надо в то же время уделять внимание человеку. Видите ли, астроном говорит: «Мне не импонирует то, что я наблюдаю невооруженным глазом; я должен производить наблюдения с помощью телескопа. Я полагаюсь на телескоп, это мой инструмент». Духовная наука говорит: «Ах, но что же я все-таки могу наблюдать с помощью телескопа! Конечно, я увижу очень многое; ведь мы тоже признаем (этот род наблюдений); однако наилучшим инструментом, который можно использовать для познания Вселенной, является сам человек». Все может быть познано с помощью человека. Сам человек является наилучшим инструментом, так как в человеке обнаруживает себя все. То, что происходит наверху в созвездии Льва, обнаруживает себя, проявляется в кровообращении человека. Если перед Львом стоит Луна, об этом можно узнать по кровообращению человека. То, что там, наверху, происходит в Овне, обнаруживает себя в росте волос у человека. Если Луна стоит в Овне, волосы растут медленнее, и так далее. Итак, рассматривая человека, в любом из случаев можно видеть, что происходит во Вселенной. Если у человека, скажем, появилась желтуха, то искусство и целения, медицина, должна, естественно, прежде всего увидеть причину в теле; это само собой разумеется; но почему же в конце концов у человека возникает желтуха? Потому что в то время, когда Луна перекрывает созвездие Козерога, человек особенно предрасположен к тому, чтобы развивать эти силы Козерога из себя.

Так во всем можно видеть: человек является инструментом, с помощью которого познается все. Если, например, человек перестает получать влияние Водолея, если, следовательно, Водолей закрыт Луной, а человек не в состоянии развить силы Водолея из самого себя, то у него возникают мозоли. Так, рассматривая человека в качестве инструмента, всегда можно увидеть, что происходит во Вселенной, если подходить к этому научно, а не на основе суеверных предрассудков. Действовать таким образом — это и есть настоящая научная деятельность, которую развивает духовная наука. Конечно, многие люди имеют об этом неясные, смутные представления; из того, как они себе это представляют, ничего увидеть не удастся. Тут дело выходит согласно поговорке: «Кукарекает петух на навозной куче; порода не изменится, но, может, станет лучше!». Именно так многие люди думают о мире: закукарекал петух на навозе, значит, погода не изменится или станет лучше.

Но если эти вещи понимают по-настоящему, все получается иначе; тогда с помощью человека — наилучшее совершенного прибора или инструмента из числа доступных, инструмента более совершенного, чем все остальные — познают то, что происходит во Вселенной. Дело тут не в том, чтобы попросту открыть ту или иную вещь, а в том, чтобы изучать, штудировать происходящее в человеке. Естественно, сначала надо знать то, как обстоит дело с мозолями, как они образуются из кожи, и

тому подобное, чтобы на этой основе можно было прийти к тому, какое действие производит звезда Водолея, если оно перекрыто. Однако если мы изучаем эти вещи по отношению к человеку, то таким образом, по человеку, можно изучить всю Вселенную.

В ближайшую среду будет следующее занятие!

ПЯТНАДЦАТАЯ ЛЕКЦИЯ

Дорнах, 20 мая 1924 г.

Доброе утро, господа! Может быть, кто-то придумал что-нибудь на сегодняшнее занятие?

Вопрос: Как надо понимать чудеса, о которых в Библии рассказывается в связи с Моисеем⁽⁵⁸⁾ — об умиротворении моря? (См. Исх. 14: 21—27: «И простер Моисей руку свою на море, и гнал Господь море сильным восточным ветром всю ночь и сделал море сушею, и расступились воды и т. д. — прим. перев).

Доктор Штайнер: Видите ли, это в меньшей степени относится к совершению внезапного чуда; тут дело в том, что Моисей был очень сведущим. Он ведь был не только тем, кем его изображала Библия, он, фактически, был учеником египетской школы, учеником мистерий. В этой школе человека учили, сообщая не только о духе в мире, но, с известной точки зрения, и о мире природы. На море есть время прилива и время отлива, время его подъема и отступления назад, и дело было в том, что Моисей знал, как организовать переход через Красное море, чтобы он со своими людьми перешел в то время, когда море отступило, и можно было использовать переманную косу, которая вследствие отлива стала видимой, так сказать, обнажилась. Следовательно, чудо состояло не в том, что Моисей запрудил и одолел Красное море, а в том, что он фактически знал больше, чем другие, в том, что он сумел правильным образом выбрать время. Моисей вычислил эти вещи, так что он пошел в подходящее время — он знал, как долго это продлится, — соответственно, и идти надо было быстро, чтобы море не застало врасплох. Все это, конечно, было иным, нежели чудом.

В таких делах следует видеть то, что в основе их лежит знание о вещах, именно знание, а не что-то иное.

Так обстоит дело с большинством вещей, сообщения о которых дошли из древности. Народ удивляется этому, поскольку он не понимает таких вещей, не знает. Но если известно, что в древности были также и очень умные люди, то можно объяснить происхождение. В ином случае не многое из этих вещей можно было бы объяснить.

Может быть, у кого-то есть вопрос?

Вопрос: Является ли духовная культура, распространяемая из Тибета по остальной Азии, еще удовлетворительной, подходящей для этих людей, или она уже полностью пришла в упадок, стала декадентской?

Доктор Штайнер: Видите ли, культура Тибета является очень древней культурой, даже культурой, восходящей к древней атлантической эпохе. Вы только должны представить себе, что когда-то было такое время, когда большая часть Европы была покрыта водой и вода убывала только в Азии. И напротив, на том месте, где сегодня находится Атлантический океан, была суша. Там, где мы сегодня переезжаем в Америку, между Америкой и Европой, была суша. Итак, в древности было такое время, когда поверхность суши и поверхность воды имели совершенно иные соотношения, нежели сегодня.

Однако во время, отстоящее от нашего на пять, шесть, семь тысячелетий, тут в Азии, была та же самая культура, что и на этом атлантическом континенте, находившемся тогда на том месте, которое сегодня между Европой и Америкой покрыто морем. Здесь, по эту сторону, в Азии была тогда культура, которая сохраняется в ущельях, расщелинах и подземных пустотах в Тибете. В то время, когда между Европой и Америкой возникло море, а Европа поднялась, эта атлантическая культура, естественно, была полностью потоплена; но по эту сторону, в Тибете, она сохранилась. Однако эта культура подходила лишь для того древнего времени, когда люди жили в совершенно иных условиях, нежели сегодня. Вы должны себе представить хотя бы то, что тогда воздух не был таким, как сегодня, что человек не был таким тяжелым, как сегодня, что вес человека был много меньше, а воздух был гораздо плотнее. Весь воздух тогда был пронизан густым туманом, что делало возможным жить совсем иным образом, нежели сейчас.

Письма и чтения или чего-то подобного тогда еще не было, но были знаки. Эти знаки не наносили на бумагу. Ведь и бумаги не было. Их не наносили на пергамент, но выцарапывали на скалах. В этих скалах люди делали пещеры, пустоты и внутри этих пещер они выцарапывали тогда — как это называют — свои тайны; так что необходимо понимать те знаки, которые они делали, если хотят узнать, какие представления имели те люди.

Вы могли бы спросить: как случилось, что этим людям удавалось скрытно сохранить это? Вы знаете, древнее строительное искусство вообще состояло не в том, чтобы строить снаружи; сначала врубались в скалы и в скалах делали жилища. Это древнейшая форма строительного искусства. Не следует слишком удивляться тому, что эти древнейшие формы строительного искусства находятся также и здесь, в Тибете. Однако такая культура постепенно пришла в полный упадок, стала декадентской, вырождающейся. И то, что возникло в Тибете позднее, таково, что уже не может быть исполнено в современности, ибо эта тибетская культура древнее, чем индийская культура. Индийская культура возникла только после того, как Земля приняла тот облик, который она имеет и сегодня. Итак, тибетская культура, сохранившаяся в плохой форме, существовала до этого в относительно хорошей форме. Принцип власти в Тибете сформировался в поистине безрадостной форме. В Тибете тому, кто должен стать правителем, воздаются божественные почести; это божественное поклонение, в сущности, подготавливается заранее. Выборы там происходят, я мог бы сказать, на сверхчувственном уровне. Далай-лама, то есть тот, кто предназначен стать правителем, получает достоинство таким образом, что еще задолго перед этим, когда еще здесь находится старый Далай-лама, замечают: этот старый Далай-лама скоро может умереть, и где-нибудь определяется одна семья, о которой говорят: из этой семьи должен произойти новый Далай-лама. Так было в Тибете в древнее, более раннее время. Наследственного правления не было. Его не было, однако священство, которое на самом деле и правило, определяло новую семью, из которой должен был произойти новый Далай-лама.

Так вот, если в этой семье рождался ребенок, его хранили до тех пор, пока не умирал старый Далай-лама. Вы можете представить себе, что тем самым практиковалось величайшее безобразие. Иногда просто, если старый Далай-лама не устраивал, искали ребенка и говорили: в этого ребенка должна вселиться душа старого Далай-ламы. Но ведь тот должен был сначала умереть. Об этом заботилось в подходящее время само священство, и вот народ уверяли, что душа старого Далай-ламы вошла в ребенка. Таким образом, эти люди приводили дело к тому, что, фактически, весь народ верил: душа, находящаяся в каком-либо Далай-ламе, уже была в Далай-ламе тысячи лет назад. Они думали, что это все та же самая душа. Для людей существовал один и тот же Далай-лама; он только менял внешнее тело.

В древней культуре, той, что была раньше, было не так; то, что возникло позже, было самым настоящим бесчинством, безобразием. Но отсюда вы можете видеть, что священство мало-помалу пришло к тому, чтобы ради сохранения своей власти устраивать дело таким образом.

Сказанное не противоречит тому, что если бы, несмотря на такую ситуацию, удалось расшифровать знаки, погребенные в скалах — к ним, впрочем, европейцы получают доступ в редчайших случаях, — мы бы пришли к большим естественнонаучным тайнам, которыми обладали люди в древности. Итак, правильно то, что приходят к великим естественнонаучным тайнам, которыми обладали люди древности: дело только в том, чтобы эти сведения были открыты в новой форме.

Дело обстоит так: те самые сведения, которые были когда-то, которые приходили к людям как во сне, в сновидческом тумане, те же самые сведения должны снова появиться среди людей благодаря антропологии. Но на Востоке это произойти не может. Видите ли, новое знание, новое познание никогда не сможет реализоваться на Востоке таким же образом, как в Европе, поскольку восточное тело для этого непрочно. Попытки, которые надо предпринимать, чтобы прийти к тем вещам, о которых я говорю вам в настоящий момент, осуществимы лишь на Западном, но не на Восточном пути. Человек Востока консервативен в гораздо большем масштабе, нежели может быть консервативен европеец: человек Востока не хочет иметь нового, и поэтому на него не производит особенно сильного впечатления то, что мы делаем тут, в Европе. И напротив, если ему скажут: из этих древних криптов — так называют эти пещеры в скалах, — приходит особая мудрость, она древняя,

вот тогда это производит на него исключительно сильное впечатление. Но и европейцы тоже, хотя и в незначительной степени, страдают этим: вам надо было бы только заглянуть в масонские ложи высших градусов, если вы туда имеете доступ! Антропософией здесь интересуются слегка, лишь постольку, поскольку тут тоже озабочены проблемами сверхчувственного; однако сильно в эти вещи они не вникают. Но с другой стороны, если кто-нибудь скажет им: найдено что-то, относящееся к древнеегипетской мудрости, или к древнееврейской мудрости, — вот тут-то они возрадуются! Они сейчас же займутся этим, ибо люди эти таковы, что вновь открытое не производит на них никакого впечатления; и напротив, то, что исходит из глубочайшей древности, даже если оно непонятно, производит на этих людей неизгладимое впечатление. Вот почему можно представить, какой подъем возникнет в этом случае, ведь речь идет о древнейшей мудрости, которую можно отыскать в Тибете. Ведь и жители Азии тоже утратили многие вещи, так как на более значительная азиатская культура, индийская культура, была основа лишь впоследствии. Следовательно, многое из того, что неизвестно жителям Азии, можно еще обнаружить в Тибете.

Люди, живущие там, не имеют достаточных возможностей регулярно распространять эти знания, так как древняя тибетская теократия ничего не делает для такого обнародования: она хочет сохранять эту древнюю власть лишь для себя самой. Знание — это власть, если только оно сохраняется в тайне. Когда европейцы приезжают в Тибет, они этих вещей не принимают. Итак, существует немного шансов на то, что настоящие тибетские истины будут обнародованы; они продолжают жить лишь в древних традициях. Дело еще и в следующем: из перешедшего к потомкам уже можно получить представление о том, что же там, в сущности, скрывается. Но обнародование как таковое представить себе трудно. Как вы сказали, задавая вопрос, эти вещи приобрели декадентский, упадочный характер; однако если вернуться к тому, что находится в крипах, а не ориентироваться на то, о чем говорит священство, можно было бы достичь необычайных результатов. Однако было бы чрезвычайно трудно расшифровать все это. Без антропософии открыть это трудно. Антропософия могла бы произвести такую дешифровку, но ей это не нужно, ведь она обнаруживает эти вещи сами по себе.

Вопрос: Что могла бы сделать Европа для того, чтобы эти регрессивные тенденции в Азии снова обратились в прогрессивные?

Доктор Штайнер: Это прямо-таки прекрасный вопрос! Видите ли, ведь если Европа ничего не сделает в этом отношении, то тогда и миру придется пойти регрессивным путем! Ведь в Азии дело обстоит так — это следует из слов, только что сказанных мною, — что люди там придерживаются древности, а никакого прогресса даже знать не хотят. Вы видите это на примере Китая. Китай находится на той же самой ступени, на которой он стоял тысячи лет назад. Уже тысячи лет тому назад китайцы обладали многим из того, что в Европе было открыто значительно позднее; бумагу, книгопечатание, и тому подобное они там еще тогда имели. Однако прогресса они не принимают, они сохраняют все в древней форме.

С другой стороны, европейцы: что они делают, приезжая в Азию? Ведь не правда ли, англичане ввозили в Китай опиум и подобные вещи в первой половине XIX столетия! (Торговлю опиумом англичане вели открыто и широко, а после того, как китайский император ввел закон о смертной казни для наркоторговцев, в 1841—1842 гг. Англия объявила Китаю войну за «право свободного ввоза» опиума, — прим. перев.) Но европейцы до сих пор ничего стоящего не сделали для того, чтобы хоть как-нибудь распространить в Азии истинную духовную жизнь. Это тоже трудно, поскольку люди этого просто не принимают.

Видите ли, интересно вот что: вы знаете, что там есть европейские миссионеры; они приходят туда с европейской религией, европейской теологией и хотят распространить в Азии европейскую культуру. Но на жителей Азии это не производит совсем никакого впечатления! Ведь миссионеры описывают им Иисуса Христа так, как они Его себе представляют. И тут азиаты говорят: если я взгляну на моего Будду, то обнаружу более превосходные качества! Итак, это им совсем не импонирует. Им это нравится только в том случае, если Иисуса Христа изображают так, как Он был представлен здесь, в лекциях, прочитанных недавно в качестве ответа на ваши вопросы. Тогда, конечно, это производит на них впечатление. Однако при этом помехой становится консервативность жителей Азии, их реакция и то, что они, в первую очередь, недоверчивы.

Примечательно также и следующее, господа; видите ли, есть отдельные ученики древней мудрости. В Азии эти ученики научились кое-чему у тибетских учителей, мудрецов, тибетских посвященных. Сами эти посвященные не имеют дела с европейцами; но ученики иногда общаются с последними. Тут иногда человек оказывается в крайней степени удивленным. Я уже говорил вам такие вещи, которые удивляли вас, например, о влиянии Космоса на человека. Если это хотят исследовать по-настоящему, потребуется очень много времени. Я действительно могу сказать: кое-что из того, о чем я могу сказать вам сегодня, длилось сто лет, прежде чем я смог заговорить об этом.

Ведь это невозможно открыть в два счета, за один день, тут для открытия требуются годы. Так открывают подобные вещи. Например, открывают то, что я рассказывал вам о Луне, о том, что и там есть некое население, которое имеет дело с населением Земли, чтобы тем самым регулировать размножение. Действительно, год за годом, этого не удастся обнаружить на путях, которыми идет современная наука; этого нельзя обнаружить в два счета, за один день, к такому открытию можно прийти лишь в течение многих лет. Это именно так! Тогда достигают этого. Но если это уже достигнуто, то неожиданно проливается свет и на то, что говорят ученики восточных посвященных. Прежде это было непонятно. Эти люди говорят, скажем, о духах Луны и их влиянии на Землю. Европейские ученые скажут: все, что они говорят — вздор! Но если человек сам приходит к этому, он уже не говорит больше, что это вздор, нет, он только удивляется тому, что эти «древние головы» много тысяч лет назад уже знали об этом, а человечество утеряло эти знания. Это может произвести большое впечатление на человека: как! Он сам открыл эти вещи с такими усилиями, а затем ему стало известно, что об этом уже знали когда-то, все это, хотя и в непонятной сегодня форме — ведь иногда те, кто говорит об этом, сами ничего не понимают — сохранилось с древнейших времен. Можно почувствовать известное уважение, большой респект, большое уважение к тому, что здесь когда-то было.

Если европейцы хотели что-нибудь сделать в Азии, им следовало бы сначала позаниматься антропософией! Потому что иным образом у них дело не пойдет. Современная европейская наука и техника не импонирует жителям Азии, так как они рассматривают современную европейскую науку как детскую забаву, как нечто, имеющее отношение только к внешнему; а во внешней европейской технике они не нуждаются. Они говорят: почему мы должны иметь дело с машинами? Это бесчеловечно! Это им вовсе не импонирует, и они рассматривают как посягательство на свои права, если там строят железные дороги и фабрики; это раздражает европейцев. Но там это вызывает ненависть. Так вести дело нельзя. Надо было бы немного поучиться у древности. В древности фактически обладали извечным духом для того, чтобы вести дела как следует.

Видите ли, почему современной европейской культуре не удастся ничего сделать в Азии? Но вот одному человеку удалось кое-что сделать в Азии на основе греческой культуры. Это было в VI столетии до основания христианства; это удалось Александру Великому. Александр Македонский перенес в Азию многое из греческой культуры. Теперь это присутствует в Азии. При этом то, что перенес Александр в Азию, по окольному пути — через Испанию, через арабов и евреев — снова пришло в Европу! Но благодаря чему Александру Великому вообще удавалось переносить эти вещи в Азию? Только благодаря тому, что он никогда не поступал, как современные европейцы. Европейцы считают себя разумными людьми, абсолютно разумными людьми. Сталкиваясь с иными людьми, они говорят: «Все они глупы, мы должны преподавать им нашу мудрость». Но при таком подходе к этим «иным людям» ничего не получится. Александр так не делал; он прежде всего усваивал то, чем обладали эти люди. И в то, что уже имели эти люди, он давал возможность — причем очень постепенно, в малом масштабе — он давал возможность влиться чему-то иному; он ценил и уважал то, чем обладали другие.

Вообще-то это тайна — умение нечто привнести! Несмотря на то, что против англичан следовало бы сказать многое, несмотря на достойные сожаления главы английской истории, когда англичане эгоистически доставляли опиум в Китай ради наживы, несмотря на то, что многое другое тоже говорит против англичан, следует все же сказать: не только в духовной области, но даже, скорее по преимуществу, в хозяйственной жизни англичане всегда внимательно относились к тому, что было обычаем у народов, к которым они приходили. Они умели относиться к этому с

уважением! Немцы же в таких случаях меньше всего умеют проявлять уважение. Потому-то немцы всегда несчастливы в делах колонизации, у них и мыслей нет о том, как выглядит то или иное в глазах людей, у которых они хотят иметь свою колонию. Сломая голову этим последним приходится принимать порядки, которые сами немцы имеют в центре Европы! Конечно, ничего из этого не получается. Поэтому развитие осуществляется таким путем: англичанам везет в деле основания своих колоний; несмотря на то, что колонисты бунтуют и прочее, в хозяйственном отношении Англия, тем не менее всегда удерживает перевес. Итак, англичане понимают, что необходимо постоянно вникать в природу и сущность чужого народа. Англичане и войну тоже ведут совершенно иначе, нежели ведут ее, например, немцы. Как представляет себе немец необходимость войны с каким-либо народом? Я сейчас совсем не хочу говорить против войны, я хочу лишь указать, как это себе представляют немцы: надо просто выступить и завоевать этот народ. Этого англичане не делают; они сначала приглядываются, провоцируют к выступлению народ, дают возможность (этим народам) измотать, разгромить друг друга, и наблюдают лишь за тем, как долго это длится; иными словами, они дают возможность людям доканать друг друга. Это подтверждает история. Именно благодаря этому и была основана эта английская мировая империя (Британская империя, занимавшая к 1914 г. четверть земной суши — прим. перев). Другие никогда, в сущности, не знают, «куда побежит дракон», как пойдут дела. Англичане же в известном смысле инстинктивно с уважением относятся к отличительным качествам, свойствам чуждого им народа. Благодаря этому англичанам удалось достичь колоссального экономического превосходства. В Англии наверняка никому не пришло бы в голову сделать то, что делают теперь в Германии, а именно ввести рентную марку (денежная единица Германии 1923—1924 гг. — прим. перев). Само собой разумеется, сейчас в Германии большая нехватка денег. Денег нет ни у кого. Но когда была введена рентная марка, так называемая денежная единица со стабильной стоимостью, люди восприняли это как что-то страшно умное. На самом деле это была величайшая глупость из всего, что можно было сделать. Ибо пока в Англии любые бумажные деньги обеспечивались золотом, все происходило так же, как это обычно происходит в экономике всего остального мира; для любых бумажных денег имеются в наличии обеспечения золотом. Если же печатают деньги, не обеспеченные золотом, то эти деньги или же немедленно падают в цене, то есть валютный курс опускается, или, если курс поддерживается искусственно, как это делают сейчас с деньгами со стабильной стоимостью, товары становятся все дороже. Не правда ли, теперь в Германии мы имеем рентную марку; ее стоимость всегда составляет одну марку. Но, господа, приобрести на нее можно лишь столько, сколько раньше можно было приобрести за пятнадцать пфеннигов, следовательно, в действительности стоимость ее составляет не более пятнадцати пфеннигов. То, что она не опускается, то, что она является «денежной единицей со стабильной стоимостью», всего лишь иллюзия. Дело обстоит так: в Германии думают, но не имеют понятия о том, что надо с уважением относиться к реальности.

Видите ли, на эту тему есть один довольно милый анекдот о том, как представители различных народов изучают естественную историю, изучают, например, кенгуру, или какое-нибудь другое животное, живущее в Африке. Англичанин путешествует в Африку, — как Дарвин⁽⁵⁹⁾ в целях естественной науки предпринял свое кругосветное путешествие — и наблюдает животное там, где оно действительно живет. Там он может увидеть, как оно живет, в каких природных условиях. Француз переносит это животное из пустыни в зоопарк. Он изучает его в зоопарке; он не наблюдает за животным в его естественной обстановке, а делает это в зоопарке. Однако что же делает немец? Он вообще не беспокоится по поводу этого животного, как оно выглядит; он сидит у себя в кабинете и начинает размышлять. Вещь сама по себе его не интересует, я ведь недавно рассказывал вам о философии Канта, его интересует только то, что у него в голове. Он довольно долго что-то выдумывает. И после того, как он долго выдумывал, он говорит. Но с действительностью это не согласуется.

Но даже у англичан все это обстоит очень относительно. Принятый в древности образ действий по отношению к людям в Европе в настоящее время уже никто не понимает — тогда как Александр Великий внешне оставлял все как было и лишь едва-едва медленно осуществлял то, что ему надлежало перенести из Греции в Азию. В Европе ни один человек этого больше не понимает. Однако европейцем

следовало бы снова усвоить это. Вот почему первое из того, чему следовало бы научиться европейцам, это не переносить в Азию то, что европейцы имеют; нет, европейцы должны сначала внимательно изучать все то, что известно жителям Азии; затем узнать и то, например, что является мудростью Тибета. Только в этом случае, отнесясь со всем уважением к культуре других людей, можно чего-то достичь. Вот то, чему должна научиться Европа.

Европа представляет собой, в сущности, величайшее теоретическое построение, систему теории. Европа теоретизирует, а к практике не имеет отношения. Это все же именно так! Европа даже гешефты, бизнес ведет на основе теории, даже эти вещи носят исключительно надуманный характер. В течение какого-то времени это удается. Но это никогда не продолжается долго. Что же касается распространения духовной культуры, то в этом Европа прямо-таки в высшей степени несчастлива, ибо она совершенно не понимает, как надо вникать в нечто иное.

Здесь тоже духовная наука должна привести к изменению образа мыслей. Но как это происходит в наше время? Видите ли, господа, именно в случае антропософии речь идет о том, что надо поступать в полном соответствии со здравым смыслом, в соответствии с практикой жизни, правильной практикой. Например, надо что-то начать где-нибудь. Что делал я сам, господа? Однажды я написал о Ницше⁽⁶⁰⁾ — тогда люди считали, что я якобы приверженец Ницше. Если бы я писал об этом так, как хотелось людям, придерживавшимся некоторых воззрений, то мне надо было бы написать так: Ницше был большим дураком, Ницше отстаивал ту или иную глупость, с Ницше надо бороться вплоть до поповщины и тому подобное. Я написал бы в этом случае враждебное, направленное против Ницше сочинение; я мог бы там ругаться более изощренно и почти так же сильно, как ругался и сам Ницше, — но пользы бы от этого не было никакой, это не имело бы никакой цены! Я вникал в учение Ницше; я отображал то, что Ницше говорил сам; я давал возможность влиться сюда тому, что являлось антропософией. Сегодня появляются люди и говорят: раньше он был приверженцем Ницше, а теперь он антропософ. Однако именно потому что я антропософ, о Ницше я написал так, как это написано! Затем точно так же я писал о Геккеле^(60a). Я, конечно, мог бы написать: Геккель был вульгарным материалистом, он совершенно не понимал, что такое дух, и тому подобное. Да, господа, тем самым, опять-таки не было бы ничего сделано; нет, я принял Геккеля таким, какой он есть; так я поступал во всем, не отрицал те или иные вещи, но принимал их, как они есть. И тем самым, благодаря антропософии, был дан образец того, как надо действовать, если есть необходимость перенести культуру в Азию! Если человек едет в Индию, надо прежде всего точно знать: что утверждают старые брахманисты, а что утверждают буддисты. И тогда надо нести этим людям буддизм и брахманизм, но добавлять сюда, давать возможность влиться сюда так же и тому, что вы считаете правильным. Так, например, делали и ученики самого Будды. Ученики Будды незадолго до возникновения христианства распространяли буддизм в Вавилоне на Евфрате и Тигре, но делали они это именно так, как я вам сейчас рассказал; они при этом обязательно обращались к людям с тем, что эти люди могли понять. В древности не практиковалось упрямое навязывание теории. Жители Азии совершенно не понимают европейского упрямства. Несомненно, что, например, отношения между брахманистами и буддистами не такие, как отношения между католиками и протестантами. Католики и протестанты развивают сегодня свое учение чисто теоретически; один верит в то, другой в нечто иное. Между брахманистами и буддистами едва ли есть иное различие, кроме того, что брахманисты не поклоняются Будде, а буддисты поклоняются. Они уживаются друг с другом совершенно иным образом, нежели уживаются друг с другом евангелисты и католики в Европе.

Несомненно, если хотят распространить культуру, то необходимо иметь здравый смысл, чувство действительности! Мне хотелось бы выразиться так: прошибай холодный пот, если сегодня обращаешь внимание на то, как европейцы ведут хозяйственную деятельность в Азии. При этом погибает то, чем обладала Азия, но ничего взамен не получается. Это, конечно, связано с нашим собственным бедственным положением; с тем, что Европа сама в беде, и что очень трудно представить себе, как она должна выбираться из этого бедственного положения. Большая беда состоит в том, что Европа сама теперь находится в упадке. Европа не может выбраться из состояния тотального разрушения культуры, в которое она

попала, если люди не решаются принять истинную духовную культуру. Сегодня многие еще не понимают этого. Поэтому сегодня все люди, приезжающие в Европу из Азии, реально обнаруживают, что все эти европейцы — в сущности варвары.

Вы тоже, вероятно, слышали, что самые разные представители Азии, образованные, умные представители Азии потянулись в Европу; но у всех у них одно мнение, что все европейцы — варвары. Имеют же они такое мнение по той причине, что в Азии все еще сохраняется многое от древней науки о духе, от древнего понимания духа, так что все знания европейцев эти люди считают детской забавой. Все, что вызывает удивление в Европе, эти люди в Азии считают детской забавой.

Видите ли, европейцы развивались таким образом, что даже их величайшие технические новшества, по существу, страшно юны, родились совсем недавно. Интересно, например, следующее: когда вы приходите в некоторые музеи, где демонстрируются древние европейские экспонаты, вы порой можете быть очень сильно удивлены. Вы могли бы, например, удивиться, находясь в этрусском музее, где находятся экспонаты, остатки этрусской культуры — то есть культуры, которая когда-то была в Европе, — обнаружив, как искусны были те люди, например, в стоматологии. Они исключительно искусно, ловко лечили зубы, вставляли своеобразные пломбы, причем из камня! Все это в Европе погибло; в Европе действительно наступило варварство. В период, называемый Великим переселением народов — с III по VII век по Р. Х. — все в Европе было, по существу, варваризировано, приведено в варварское состояние. Только после этого периода этими вещами овладевали заново. Конечно, сегодня страшно удивляются нашими достижениям! Однако это уже было когда-то. Откуда же оно приходило в то время? Тогда эти вещи в большей или меньшей степени переносились из Азии! Ту внешнюю технику, которой обладали жители Азии, они утеряли. Кое-что из этого еще имеют китайцы. Но в отношении духовной культуры азиаты сегодня действительно опережают европейцев. И если мы в Европе не сможем найти ничего лучшего, чем то, что в духовной культуре имеют жители Азии, то зачем вообще нужны в Азии миссионерские организации и тому подобная ерунда? В этом нет никакой необходимости!

Итак, культуртрегерство в Азии получит смысл только в том случае, если у самой Европы будет духовная наука. Если Европа сможет дать жителям Азии духовную науку, тогда этим жителям Азии будет нравиться, что европейцы доставляют им технику. Однако теперь они воспринимают это так, что европейцы кроме этой техники вообще ничего не знают. Среди азиатов дело обстоит так, что на них производит большое впечатление, если они приезжают, например, в Германию; если настоящие азиаты, образованные, обученные, приезжают в нынешнюю Германию, — например, хорошо образованные китайские ученые, — если они приезжают в Германию и им рассказывают о Гёте или Шиллере, они внимательно прислушиваются. Но затем ученый говорит только одно: да, хотя Гёте и Шиллер не были так умны и мудры, как отдельные индивидуальности в Древней Азии, тем не менее, и в них была кое-какая духовность. Однако в XIX столетии это быстро пошло на спад, все это быстро исчезло. И в настоящее время китайский ученый рассматривает, например, немцев как страшных варваров. Он говорит: с Гёте и Шиллером немецкая культура пришла в упадок. Ему не импонирует, что в XIX столетии открыли железнодорожное сообщение. Ему слегка импонирует еще гётевский «Фауст», хотя он и утверждает, что отдельные индивидуальности древней Азии были гораздо мудрее. В первую очередь европейцу следовало бы осознать вот что. Ему следовало бы осознать, что азиаты вообще не делают ничего на основе таких понятий, какие свойственны европейцу; на этой основе азиат не делает ничего, нет, азиат стремится к образам, к таким образам, которые находятся в монастырях в Тибете. Азиат хочет образов. Те абстракции, те понятия, которые имеет европеец, азиат иметь не желает, они причиняют ему головную боль, они ему не нужны.

И такой знак, как, например, крюкообразный крест, так называемая свастика, этот знак был древнейшим солнечным знаком — исключительно распространен в Азии. О нем жители Азии еще помнят. У некоторых большевистских руководителей на уровне правительств хватило ума, точно так же, как и у немецких националистов, народников, использовать этот крюкообразный, гаммированный крест в качестве своего знака. (На некоторых денежных знаках в первые годы после

революции 1917 г. изображался гаммированный крест, то есть свастика — прим. перев.). На азиатов это производит гораздо большее впечатление, чем марксизм. Марксизм состоит из понятий для мышления; это людям не импонирует. Но такой знак импонирует им. Если же, не поняв, что надо изучать в людях, прийти к ним с тем, что для них совершенно чуждо, ничего среди них достигнуть не удастся.

Вот еще один пример, показывающий, что Европа действительно приходит к тому, чтобы самой иметь духовное познание, духовную науку.

Вы, возможно, тоже слышали, что появилась болшая двухтомная книжка известного Шпенглера⁽⁶¹⁾, — он однажды читал в Базеле лекцию; как я слышал, эта книжка Освальда Шпенглера «Закат Европы» (буквально «Закат западных стран» — прим. перев), итак, закат Европы и Америки. Автор показывает, что все существующее сейчас в так называемой европейской культуре должно погибнуть. Это обнаруживается в одном. Он рассматривает культуру как обреченного на смерть больного. Да, господа, то, что сегодня является внешней культурой, должно погибнуть. Только изнутри, только из духа может быть достигнуто что-то новое. А внешнее должно погибнуть. Вот почему речь в книге идет о закате западных стран, о том, что по необходимости следовало сказать о внешних проявлениях. Но вот Шпенглер приходит к тому, что он рассматривает как позитивное начало, в чем он обнаруживает новое. Так на что он указывает, господа? Чем это является по Освальду Шпенглеру? Это прусское начало! Всей Европе следовало бы принять это прусское начало; это и должно было бы быть культурой будущего Европы, полагает Шпенглер.

Не знаю, как он говорил в Базеле, так как не могу себе представить, что на швейцарцев могло произвести большое впечатление, если бы он стал доказывать им, что из этого состояния заката нас должно вывести прусское начало! Однако вы видите, что такой значительный человек, такой разумный человек, как Шпенглер смог хорошо понять: да, все то, что есть, должно погибнуть, и будущее принадлежит грубому насилию, грубой власти. Это он говорит совершенно откровенно: в будущем смогут существовать только грубые, исполняющие насилие завоеватели — таково его мнение.

Если нечто подобное является в настоящее время наиболее распространенной книгой, а ведь эта книга Освальда Шпенглера — самая популярная в Германии, и житель Востока, азиат сравнит то, что там написано, со своей собственной духовной культурой, он должен будет сказать себе: и это один из умнейших людей в Европе! А ведь житель Востока имеет свою возвышенную духовную науку, пусть даже сновидческую, древнюю; и вот он говорит: «Что за недотепы — эти умнейшие люди Европы? Ничего хорошего они нам не принесут!» Именно так обстоит дело, господа. И если ставится вопрос «Что может сделать Европа, чтобы противостоять регрессивной тенденции в Азии?», надо ответить кратко: «В Европе дело обстоит так, что европейцы сначала должны обрести самих себя, они сначала должны достичь той духовности, которая была утрачена ими во время Великого переселения народов (III—VII века по Р. Х.)». В первые христианские столетия истинная духовность была утрачена. Ибо то, что дошло до Европы, было в действительности не глубоким христианством, это были просто слова, правильные слова. Лучше всего это можно увидеть из того, как Лютер тогда переводил Библию. Что он сделал из Библии? Какую-то непонятную книгу! Ведь невозможно понять то, что стоит в Библии перевода Лютера, если только быть честным. Можно верить этому: но в действительности понять это нельзя, поскольку Европа тогда уже вступила в тот период, когда о духе ничего больше не знали. В Библии ЕСТЬ Дух! И переводя Библию, ее надо было перевести именно духовным образом. Но то, что содержит, например, немецкая Библия в переводе Лютера, непонятно, недоступно для понимания, если только отнестись к этому честно. Так дело обстоит и во всех иных областях, за исключением самого внешнего естествознания, которое, однако, в этом мире не вводит в то, что действительно, не приводит к реальности. И если Европа вообще хочет что-либо сделать в Азии, то я на заданный вопрос должен ответить так: сделать что-нибудь Европа сможет только тогда, когда она сама обрзумится.

Теперь, господа, я должен съездить в Париж; после я скажу вам, когда мы продолжим занятия.

Дорнах, 4 июня 1924 г.

Нашли ли вы, господа, что-нибудь, о чем вам хочется спросить?

Вопрос: Как возникают солнечные лучи? Как получается, что на Землю они падают криволинейно?

Доктор Штайнер: Ведь вы полагаете, что солнечные лучи — это нечто реальное, не так ли? Но почему вы считаете, что они падают криволинейно: не могли бы вы это немного пояснить?

Человек, задавший вопрос, говорит, что он считал, что солнечные лучи падают на Землю не по прямой линии, а криволинейно.

Доктор Штайнер: Дело обстоит так. Солнечные лучи, как человек их видит, в сущности, не обладают никакой реальностью, действительностью (то есть не являются материальными — прим. перев). Но если мы рассмотрим Солнце как таковое, то и оно, по существу, не является физическим веществом, оно, в сущности, духовно и состоит из полости в пространстве.

Вам надо только правильно понять, что означает такая полость в пространстве. Если у нас есть бутылка сельтерской воды — я уже приводил однажды такое сравнение, — то в этом случае бутылка наполнена водой, и эта вода, собственно, видна лишь немного, она едва заметна: то, что внутри находится, известно, но наиболее отчетливо видны жемчужинки, пузырьки, находящиеся там внутри. Вам известно, однако, что если вы выпиваете воду, то эти жемчужинки, эти пузырьки улетучиваются; они, собственно, являются воздухом. И в качестве воздуха они значительно менее плотны, чем вода. Человек видит не то, что плотно, то есть воду, но видит то, что менее плотно, то есть воздух, находящийся внутри. Так обстоит дело и с Солнцем, там, наверху. Все, что находится вокруг Солнца, является, в сущности, более плотным, чем само Солнце: Солнце менее плотно, чем то, что находится вокруг Солнца; благодаря этому мы и видим Солнце. Это заблуждение, если верят, что Солнце в пространстве представляет собой, так сказать, нечто. В пространстве оно представляет собой ничто; это огромная дыра, луза, существующая подобно тому, как в случае сельтерской воды тоже повсюду, где есть жемчужинки, пузырьки, то есть воздух, существуют выемки, дыры.

Отсюда вы могли бы заключить: не может быть и речи, чтобы от дыры исходили лучи. Но лучи возникают совсем другим образом. Вы могли бы прояснить себе это и следующим образом. Допустим, у вас есть уличный фонарь, в этом уличном фонаре внутри находится источник света. Когда вы выходите на улицу и смотрите на этот фонарь, то если вечер ясный, вы увидите этот фонарь с устойчивым красивым блеском. Но представьте себе: вечер оказался туманным, повсюду вокруг туман, — тогда он будет светить вам так, как если бы от фонаря, от источника света исходили настоящие лучи! Следовательно, вы в этом случае увидите лучи. Но вы видите лучи не от источника света, иначе вы видели бы такие же лучи и в нормальный, ясный вечер. Лучи приходят от того, что находится вокруг (фонаря); и чем гуще туман, тем в большей степени увидите вы лучи. Вот почему вы видите солнечный свет не как нечто реальное, но как нечто подобное тому, когда вы сквозь туман смотрите на нечто менее плотное, смотрите в пустоту. Это понятно?

Продолжим дальше: если человек смотрит в даль сквозь туман, то видимый им предмет всегда кажется находящимся на ином месте, нежели на самом деле. Если человек стоит здесь, на Земле, и смотрит сквозь воздух на Солнце, — которое, в сущности, есть пустое место, — то он будет видеть, что Солнце стоит глубже (ниже), чем оно стоит в действительности; тогда оно будет в пустоте пространства стоять глубже (ниже). Из-за этого возникает явление, как если бы лучи шли криволинейно, — в ином случае этого бы не было. Это возникает только потому, что человек смотрит как бы сквозь туман. В подобном случае это вполне реально. Можно только все снова удивляться тому, что физики в настоящее время интерпретируют все сказанное так, как если бы Солнце находилось здесь, а здесь шли лучи, в то время, как ни Солнце, ни лучи не являются физической реальностью. И в том пространстве, которое пусто, присутствует духовное начало. Вот то, на что надо при этом всегда обращать внимание. Вот, что я могу сказать по этому вопросу.

Может быть, кому-то пришло в голову что-либо другое?

Вопрос: Нельзя ли было бы услышать что-нибудь о масонстве и его цели?

Доктор Штайнер: Видите ли, господа, можно сказать, что нынешнее масонство представляет собой лишь тень того, чем оно когда-то было. Я здесь уже широко освещал вопрос о том, что в древности человеческое рабство было таково, что

тогда школы, церкви и учреждения, связанные с искусством, не были идентичны современным, но представляли собой одно целое. В древней мистерии — как это тогда называли — сочетались одновременно и школа, и школа искусств, и религия. Только позднее все это отделилось друг от друга. По отношению к нашим средневропейским областям можно даже сказать, что это произошло не ранее XI—XII веков: до тех пор монастыри служили напоминанием о древних временах. Но в глубокой древности было так, что школа, церковь и школа искусств составляли единое целое. Ведь тогда все, что относилось к мистериям, все, чем там занимались, делалось с гораздо большей серьезностью, чем делается нечто в настоящее время, например, в наших школах и даже в наших церквях.

Дело тогда шло так, что прежде чем получить разрешение начать учебу, человек должен был долго готовиться. Сегодня решающим в вопросе о том, может ли человек учиться чему-то или нет, становится принцип, ничего общего с учебой не имеющий. Ведь, не так ли, сегодня решающим является только то, может ли данный человек, который должен учиться, вносить деньги, или он не может вносить их! Это, конечно, не имеет никаких отношения к способностям данного человека. Советственно иначе было поставлено дело в древности. Тогда среди всех людей без исключения отыскивали тех — а смотреть за этим тогда умели лучше, проницательнее, чем сегодня, — кто имел какие-либо способности. Естественно, что все эти вещи — поскольку уже тогда люди были эгоистичны — пришли в упадок: но изначально принцип был таков, что разыскивали тех, кто обладал способностями. Они предназначались к тому, чтобы учиться духовно — не просто посредством муштры и дрессировки осваивать основы, как это происходит при обучении сегодня, они могли учиться духовно.

Это духовное обучение было, однако, связано с тем, что во время приготовления учили вырабатывать вполне определенные способности. Вы только вспомните: если в обычной жизни человек хватается, берет в руки то или иное, он, в сущности, имеет при этом лишь грубое ощущение. Самое крайнее, чего могут сегодня достичь люди, так это на ощупь отличать разные вещи друг от друга, ощупывать вещи и кое-что различать на ощупь. Однако в отношении своего ощущения — я имею в виду чисто физическое ощущение — люди сегодня стали значительно глубже: они отличают тепло и холод. В лучшем случае люди при обучении могут развить более тонкое ощущение. Таковы, например, слепые. Есть слепые, которые учатся, проводя (пальцами) по бумаге, ощущать на ощупь формы букв. Каждая буква немного выдавлена на бумаге. Если в пальцах выработано тонкое осязание, можно немного ощущать буквы. Некоторые люди сегодня учатся более тонкому ощущению, более тонкому чувству. Как правило, ощущение почти совсем не разрабатывается, но люди учатся необычайно много, чтобы у них выработалось это весьма тонкое чувство, а именно осязание в кончиках пальцев и в пальцах. Сегодня человек различает тепло и холод не только с помощью осязания. Это возможно сегодня потому, что можно посмотреть на термометр; тогда для него станут очевидными даже тонкие различия в состояниях тепла или холода. Но термометр открыли лишь в ходе времени. Раньше люди пользовались только своим осязанием. Так вот, при мистериальной подготовке начинали именно с совершенно особого развития чувства осязания в пальцах и кончиках пальцев. Это происходило так, что человек научался ощущать тончайшим образом.

Так кто же выступал в мистериях в качестве того, кого сначала подготавливали, чтобы он мог ощущать с исключительной тонкостью? Другие люди не могут ощущать столь тонко. Допустим, что где-то еще в другом месте была некая мистерия. В древности люди много путешествовали; они путешествовали почти столь же много, и мы, причем порой можно было бы удивиться тому, как быстро они путешествовали. Железных дорог у них не было; но они путешествовали, потому что были более проворными, потому что они могли ходить быстрее, меньше уставали, несколько лучше ходили и тому подобное. И вот на пути они встречали таких же людей. Если два таких человека, которые могли ощущать тоньше, давали друг другу руку, они опознавали друг друга; тогда говорили об этом так: они опознавали друг друга благодаря их тонкому осязанию. Это то, что называют «прикосновением»; прикосновение — это когда в древности один касался другого и замечал, что у другого тонкое осязание.

Затем, господа, представьте себе второе: если принавали, что человек обладает тонкостью осязания, тогда он продвигался дальше, тогда его учили еще

больше. В древности писали совсем не так много, как сегодня; записывали исключительно редко, причем наиболее священное. Во всяком случае, в древности уже имелась своеобразная корреспонденция; но тогда эта корреспонденция осуществлялась по большей части с помощью всяких знаков. Так возникало много знаков для всего, что только возможно. Было также и то, что люди, не принадлежавшие к мистериям, то есть не мудрецы, как их называли, свои путешествия совершали в близлежащие районы, они не уходили очень далеко. Но ученые, мудрецы путешествовали очень далеко. При этом им пришлось бы знать не только все языки, но и все диалекты. А ведь даже северному немцу очень трудно разобраться в швейцарском диалекте. Однако для людей мистерий, кроме языка, на котором они говорили, имелись известные знаки, обозначающие все интересовавшие их вещи. Они делали знаки. Так, например, обычные жесты, которые человек делает, исходя из ощущения, формировались дальше; «я понимаю»: или «то, что ты мне говоришь, не имеет значения», «мы хорошо понимаем друг друга». Они рисовали крест. Так что именно среди древних мудрецов существовал полностью разработанный язык знаков, и все, что человек знал, он мог вложить в эти знаки. Так что вы можете понять: все люди, находящиеся в тогдашних высших школах, в мистериях, имели для всего известные знаки. Скажем, например, они хотели зафиксировать эти знаки. Только тогда они зарисовывали их. Так возникали нарисованные знаки.

Интересно, что еще сегодня есть некоторые шрифты, по которым можно с очевидностью установить, что они возникли из знаков. Таков, например, древний шрифт индусов, санскритский шрифт. В нем заметно, что весь он состоит из кривых и прямых линий. Кривая линия: недовольство чем-то, антипатия; прямая линия: симпатия. Вы только подумайте: кто-то знает, что прямая линия означает симпатию, а кривая линия означает антипатию. Теперь я хочу ему что-то сообщить. Для этого я тоже имею мой знак. Он хочет что-то сказать мне: сначала это может идти хорошо, но позднее эта история принимает плохой характер. Видите ли, вот тут все еще хорошо; позднее он рисует змеобразную линию; тут дело может пойти плохо. Это имело место для всех определенных знаков. Такими знаками или с помощью таких знаков договаривались, приходили к взаимопониманию те, кто был в мистериях. Так что к прикосновению добавился знак (das Zeichen).

Раньше в слове видели нечто совершенно особое. Видите ли, если сегодня человек произносит слово, он не имеет больше никакого понятия о том, что такое слово. Но он все же может еще кое-что чувствовать, чувствовать то, что заключено в гласных звуках. Вы легко можете почувствовать, если кто-то, попав в некое положение, восклицает: «А» — тут речь идет об удивлении. «А» — буква А означает удивление. Прибавьте к букве Р: тут заключено вращение, излучение: P(R) = излучение. А = удивление, Р — вращение, излучение.

Теперь нам, во всяком случае, известно то, что было сказано о солнечных лучах. Но даже если солнечные лучи и являются кажущимися, даже если они и не являются реальностью, действительностью, они выглядят так, как если бы они куда-то текли, устремлялись. Представьте себе, что кто-то говорит: там, вверху, находится нечто, оно светит мне утром и посылает мне на Землю то, что вызывает у меня восхищение, удивление. Удивление он выражает через «А», а то, что происходит сверху, — через «Р»; итак, он выражает все это как РА. Именно так называли древние египтяне солнечного бога: РА! В любой из этих букв заключено чувство, и мы объединили эти буквы в слове. Здесь было заключено всеохватывающее чувство. Сегодня это давно забыто. Только немного можно еще ощутить в различных вещах. Возьмем, например, «И»; это нечто подобное тихой радости: человек удовлетворен тем, что он переживает, воспринимает: «И». Поэтому смех может выражаться так: хи-хи. Это тихая радость. Так каждая буква несет в себе нечто определенное. Есть знание, благодаря которому можно точно так же строить слова, если обладать пониманием звуков, которые находятся в словах.

Вы скажете, господа: да, но ведь в этом случае должен быть лишь один-единственный язык! Первоначально у человечества и был один-единственный язык; когда еще чувствовали звуки, буквы, был лишь один-единственный язык. Потом появились различные языки, когда люди рассеялись. Но первоначально люди это чувствовали, и в мистериях учили тому, как ощутить звук, букву, как сделать из них слово. Поэтому в мистериях был единый особенный язык. На этом языке все говорили между собой. Они говорили между собой не на диалекте, а на этом языке,

который понимали все. Если один говорил «РА», то другие знали, что это Солнце. Если один говорил, например, «Э» — вы при этом чувствуете только одно: это меня отпугивает, это мне не подходит; «Э» = мне немного страшно, это нечто подобное страху! Теперь возьмем «Л»: это подобно чему-то происходящему, текущему; и «ЭЛ» — это нечто такое, что протекает и чего следует опасаться, перед чем испытывают страх. Так, в Вавилоне «ЭЛ» означало Бог. Все получало наименование по этому принципу. Или же возьмите Библию. Если вы говорите: «О» — это удивление, внезапное удивление, с которым не справиться. «А» — человек воспринимает ощущение, которое приятно, удивление, воспринятое охотно; «О» — при этом хочется уклониться, отступить; «Н» и «Ch» (X) — это дыхание. Так что можно сказать: «О» — отступающее удивление; «Н»(x) — дыхание; «И» — тут человек указывает на то, что его радует, это тихая радость = «И». И «М» — это желание самому войти, проникнуть. Произнося «М» вы чувствуете: «М» — тут дыхание выходит наружу и человек чувствует, что он сам гонится вслед за дыханием; «М» — это уходить, игнорировать. Теперь соединим все вместе: «ЭЛ» — это мы уже видели, это дух, проходящий в ветре; «О» = отступающее удивление, «X» — это дыхание, это более тонкий дух, действующий как дыхание; «И» — тихая радость; «М» — уход. И вот у вас получается ЭЛОХИМ, с которого начинается Библия; слово состоит из этих звуков. Так что можно сказать: что такое Элохим? Элохим — это существо в ветре, перед которым испытываешь страх, перед которым немного отступаешь, который, однако, благодаря дыханию радует человека и, идя к человеку, радуется: ЭЛОХИМ.

Вот так первоначально штудировали в словах по звукам, по буквам, что же, в сущности, означают эти слова. Люди сегодня больше не ощущают, чем, в сущности, является слово.

Как звучит в Швейцарии множественное число от слова Wagen (автомобиль, повозка, вагон)? Звучит ли оно здесь как Wagen или звучит как Wдgen? (Ответ «Die Wagen» — неверен. Это звучит в швейцарском немецком Wдge, как и предполагал доктор Штайнер). Оно все же звучит Wagen. Но это некорректно, неряшливо; первоначально было: Der Wagen, die Wдgen (вагон, вагоны). Во множественном числе мы имеем эту ситуацию в различных случаях. Например, мы имеем: Der Bruder, die Brдder (брат, братья). Но ведь и для Швейцарии это тоже правильно! Ведь вы не говорите die Bruder? Итак, der Bruder, die Brдder. Или, скажем, das Holz, die Holzer. Ведь здесь не говорят die Holzer (автор поясняет, что при образовании множественных чисел меняется артикль и корневая гласная — прим. перев.). Вы видите, господа, если образуется множественное число, то образуется и умляют: «а» переходит в «а», «и» в «и», «о» в «о». Почему это происходит? Умляют выражает, что вещь становится неопределенной! Если я вижу одного брата, тогда он со всей ясностью выступает как одна персона; если же я вижу много братьев, тогда возникает неясность, неопределенность, тогда я должен отделять одного от другого, и если я этого не смогу, это будет неопределенным. Невозможно увидеть одного в кругу других. Посредством умляют всегда обозначается процесс становления чего-то неопределенным, неясным. Следовательно, если в слове есть умляют, тут есть нечто неопределенное, неясное.

В речи, языке заложено нечто такое, что позволяет познать человека в целом: в этом находится весь человек. Таким образом люди выражают то значение, которое уже заложено в написанных буквах, в знаках. «А» всегда было удивлением. Если древний еврей изображал " (алеф), он говорил себе: кто в земном мире удивляется? Животные не удивляются, удивляется только человек. Поэтому он человека вообще обозначал как удивление. Если он писал свой алеф, " , древнееврейское А, это обозначало человека.

Было так, что каждая буква одновременно обозначала вещь или существо. Все это знали те люди, которые были в мистериях. Итак, если кто-то путешествовал и встречал другого и они имели общие знания, то они опознавали друг друга по слову. Так что можно сказать: в древности дело обстояло так, что люди, чему-то учившиеся, много знающие, опознавали друг друга по прикосновению, знаку, слову.

Да, господа, но ведь тогда за этим что-то еще стояло, в этом что-то заключалось! Тогда действительно вся ученость содержалась в этом знаке, прикосновении и слове. Ибо благодаря тому, что человек учился осязать, он учился различать предметы. Благодаря тому, что он имел знаки, он мог подражать всему тому, что было тайнами природы. А в слове он знакомился с внутренним

содержанием человека. Итак, можно сказать: в прикосновении имели дело с восприятием; в знаке имели дело с природой, а в слове имели дело с человеком, с его внутренним удивлением, его пугливым трепетом, его радостью и так далее. Имели, следовательно, дело с природой и человеком и воспроизвели их в знаке, прикосновении и слове.

В ходе человеческого развития тогда возникло то, что разделилось, с одной стороны, на университеты и позднее школы, а с другой — на церкви и искусство. Каждая из трех частей больше не понимала, что существовало первоначально, а прикосновение, знак и слово были совершенно утеряны. Понимали это только те, кто еще тогда заметили: черт возьми, ведь эти древние мудрецы благодаря всему, что они знали, обладали могуществом, властью! Справедлива и правомерна та власть, то могущество, которым обладает человек, который что-то знает, который может тем самым принести пользу ближним. Если бы никто не придумал, как сделать паровоз, у человечества этого паровоза просто не было бы! Итак, если человек нечто знает, это идет на пользу людям; тогда его власть правомерна. Однако позднее люди стали просто присваивать власть, перенимая внешние знаки. Как раньше те или иные знаки нечто означали, а позднее их значение было утеряно, точно так же и все в целом утратило значение.

И тогда, посредством, я хотел бы сказать; обезьяничивания (Nachaffung), подражания древним мистериям стало строиться все это, то, в чем вы обнаруживаете лишь внешнюю сторону предмета. Что же делали эти люди? У них больше не было утонченного осязания, но они упустились о знаках, по которым они опознают друг друга. Они определенным образом подают руку, и по этому признаку другой знает: он принадлежит к данному союзу. Так они опознавали друг друга по прикосновению. Затем определенным образом они еще делали знак. Знаки и прикосновения различались в зависимости от того, был ли человек в первом, во втором или в третьем градусе. Таким путем эти люди опознавали друг друга. Но здесь уже не содержалось ничего; это были всего лишь опознавательные знаки. Точно так же они имели для каждого градуса определенное слово, которое они могли произносить в определенном масонском союзе: они имеют, скажем, для первого градуса, — если кто-то хочет знать: что есть слово? — [пароль] — ИАКИН. Так узнают, что данный человек выучил слово «иакин» в масонской ложе, а иначе он не был бы допущен в первый градус. Это всего лишь слово-пароль. Затем, точно так же он делает знак и тому подобное.

В сущности, такая форма масонства развилась тогда, когда все остальное из мистерий было забыто; стали подражать тем отдельным вещам из древности, которые уже больше не понимали. Так что то, что масонство использует в качестве культа, самим масонством в настоящее время по большей части не понимается: даже знак, прикосновение и слово они не понимают, поскольку все они не знают, о чем тут идет речь. Они, например, не знают, что если они произносят слово второго градуса: БОАС (БОХАС), то «Б» означает дом, «О» — означает, как я всем уже говорил, сдержанное удивление, «А» — это приятное удивление; «С» — является знаком змея. Всем этим вы спрашиваете следующее: мы познаем мир как большой дом, построенный Великим Строителем Мира (Великим Архитектором Вселенной), перед чем надо чувствовать себя как напуганным, так и приятно обрадованным, и там присутствует также и зло, змей. Да, нечто подобно осознавали в древности, тогда в соответствии с этими вещами смотрели на природу, смотрели на человека. Сегодня, не имея никакого понятия об этом, бессмысленно в известных масонских объединениях, те, кто имеет второй градус, произносят слово «БОАС» (БОХАС). Точно так же, не правда ли, если люди, принадлежавшие третьему градусу, клали палец на артерию, то при этом действительно узнавали, что данный человек имел тонкое чувство, тонкое осязание. Это замечали по тому, каким образом клали палец на артерию. Позднее это стало прикосновением для третьего градуса. Сегодня люди знают только то, что если кто-то приходит и так берет за руку, то это масон. Итак, во всех этих вещах есть нечто древнее, исполненное достоинства, великое, нечто содержащее в себе всю прежнюю учность: теперь же все это превращено в формальность, доведено до ничтожества. В настоящее время положение дел в масонском союзе таково; он также имеет церемониал, некий культ; это идет еще из того времени, когда все показывалось в культе, в церемониале, для того, чтобы это оказывало большее воздействие на людей. Масоны делают это до сих пор. По отношению же к внутреннему содержанию масонский

орден действительно не имеет больше никакого значения (... der Freimaurerorden keine Bedeutung mehr hat).

Но к тому же многим людям страшно скучно б^о участвовать в этих вещах, когда организовывались такие союзы; ведь, в сущности, все это выродилось в с^в рода забаву. Потребовалось нечто такое, что могло бы влиться в масонство. Вследствие этого и возникло то, что масоны в большей или меньшей степени стали пол^физированными или же стали в большей или меньшей степени заниматься распространением религиозно-пр^оветительских учений. Клерикальные римские учения направлялись Римом. Те учения, которые противосто^яли Риму, распространялись масонством. Поэтому Рим, римский культ и масонство являются величайшими пр^отивниками. Это больше совершенно не связано с тем, что было у масонов в качестве культа, знака, прикоснов^ения и слова, это касалось обоюдных отношений. Во Франции союз назывался не союз (Bund, Тугенбунд — прим. перев.), но «Orient de France», «Восток Франции», поскольку все там брали с Востока, «Великий Восток Франции» («Grand Orient de France»), это большой фра^нцузский масонский союз. Другое, знак, прикосновение и слово — служат еще лишь для того, чтобы удерживать людей вместе, это то, благодаря чему они опознают друг друга. Общественный культ является встречами, где они собираются, особенно в связи с праздничными обстоятельствами; подобно тому, как другие собираются в церкви, так масоны собираются на церемонии, которые восходят к древним мистериям. Это сплачивает людей.

В Италии в определенное время, когда формиров^олись тайные политические союзы, был обычай соб^ираться для известных церемоний и опознавать друг друга по знаку и прикосновению. Политические со^юзы, политические объединения всегда были связаны с этим древним мистериальным знанием. Да и сег^одня можно обнаружить нечто примечательное: если сегодня вы путешествуете, например, по некоторым областям Польши или Австрии, вы встречаетесь с плакатами; на этих плакатах изображены странные знаки и странные буквы, складывающиеся в слова; неизвестно, что означает такой плакат; на самом деле такой плакат — их повсюду развешивают в польских и австрийских районах — является внешним знаком некоего союза, создававшегося известными национал^истическими течениями среди молодежи. Там имеют д^ело с теми же вещами. В сущности, это явление распр^остранено широко, весьма широко, и эти люди очень х^ошо знают, что знак тоже имеет известную мощную силу. Есть объединения, в частности, немецких наци^оналистов, использующих древний индийский знак: две слившиеся друг с другом змеи или также, если хотите, колесо, преобразующееся в свастику. Это с^водня их отличительный знак. Вы, возможно, слыш^али, что свастика, опять-таки, принята как знак для известных национал-шовинистических кругов. Это делается в целях поддержания традиции: посред^ством таких знаков древние люди выражали свое го^дство. Все это в больших масштабах имеет место в масонских союзах. Масонский союз существует для того, чтобы объединять определенных людей, что он и делает посредством церемоний, посредством зн^ака, прикосновения и слова. Такой союз преследует тайные цели, причем известные тайны сохраняются среди тех, кто связан этими церемониалом, знаком, прикосновением и словом. Конечно, тайные цели мо^жно преследовать только в том случае, если о них не узнают все; в масонских союзах дело обстоит так, что они преследуют многочисленные политические, кул^ьтурные или тому подобные цели.

Но вы могли бы сказать еще одно, господа. Вид^ите ли, вовсе не следовало бы считать людей, объед^иненных в масонские союзы, сомнительными из-за их деятельности; ведь иногда они имеют самые лучшие намерения. Они придерживаются лишь следующей точки зрения: с людьми нельзя достигнуть ничего иначе, чем посредством таких союзов, для чего целью большинства масонских союзов должна быть крупная благотворительность. Это прекрасно — заниматься бл^аготворительностью, практиковать гуманность. Этим такие союзы занимаются в большом масштабе. Поэт^у неудивительно, если масон постоянно ссылается на то, что страшно много гуманных и добродетельных акций организуется и основывается именно масонск^ими союзами. И все же надо сказать себе только одно: в сущности, в настоящее время все такие вещи больше не являются своевременными. Ведь не правда ли, что главным образом должны мы сегодня отвергнуть в н^ецах такого рода? Мы должны отвергнуть обособле^нность. Из-за нее довольно скоро возникает духовная аристократия, которой не должно быть. И демократ^ический принцип,

который постоянно должен приобретать все большее значение, вступает в радикальное противоречие как с масонским союзом, так и с замкнутым в себе священством. Итак, можно сказать: тут дело обстоит так, что тот, кто еще и сегодня может понять, что содержится в некоторых масонских церемониях первого, второго и третьего градусов — держится в том, чего сами масоны часто не понимают, — тот может признать, что эти церемонии часто восходят к самой древней мудрости; однако большого значения это не имеет. Большое значение имеет то, что в настоящее время во многих масонских объединениях, союзах изживается много политических или прочих социально полезных устремлений. Но Католическая Церковь и масонство находятся, как говорится, на ножах, они борются друг с другом. Такая ситуация, однако, сложилась в ходе времени.

Конечно, можно с легкостью недооценить эти вещи. Также имеет место следующее: у масонов есть определенные одеяния для их церемоний; у них, например, есть фартук из ягненка, фартук из шкуры ягненка. Кое-кто говорил: масонство есть не что иное, как спектакль, забава с инструментами каменщиков, ведь у каменщиков есть фартук. Но это не так. И фартук использовался здесь для того — первоначально он всегда был из ягнячьей кожи, — чтобы показать, что тот, кто состоит в таком союзе, не должен быть дикарем, обуреваемым страстями; итак, половые органы должны были быть прикрыты этим фартуком, который и являлся знаком для этого. Следовательно, речь шла и о том, что в знаках выражался характер человека. Так обстоит дело с очень многими знаками, которые проявляются и в одеяниях.

Имеются также более высокие градусы, где носят облачения, очень похожие на священнические: тут все в отдельности нечто означает. Например, я говорил вам, что человек кроме физического тела имеет также эфирное тело. И как священник снимает белые льняные одеяния, облачения, похожие на рубашки для выражения эфирного тела, точно так же и определенные высокие градусы масонов имеют такие же одеяния, а для астрального тела — являющегося красочным — имеется тога, верхнее облачение; вот так все это выражается. Мантия же, которая затем была соединена со шлемом, выражала могущество "Я".

Все эти вещи уводят нас назад к древним весьма глубокомысленным и значительным обычаям, которые сегодня потеряли свое значение. Если кто-то расползается в пользу масонства, он не должен расценивать то, что я говорю, как нечто пренебрежительное. Я лишь хочу показать все, как есть. Может, конечно, существовать и такой масонский орден, который объединяет исключительно хороших людей, и так далее. В настоящее время нечто подобное может стать особенно важным. Действительно, ведь если сегодня человек учится, то когда он становится врачом или юристом, последнее не захватывает его сердце. Поэтому многие юристы и врачи становятся масонами. Ведь тогда они имеют, по крайней мере, праздничность древних церемоний, а также нечто такое, где им не приходится излишне много думать, но постоянно содержащее в себе еще нечто: знак, прикосновение, слово, указывающее, что человек живет не только во внешнем материальном. (В ряде лекций автор говорил о роли масонства в развязывании Первой мировой войны в 1914 г. и о вредном воздействии церемониальной архаичной магии западных братств, см. т. 173, 174 и др. Сам автор в 1914 г. демонстративно вышел из рядов масонов — прим. перев.)

Вот то, что я хотел сказать вам. Есть ли еще что-нибудь, о чем вы хотели бы спросить?

Вопрос: В Америке имеется нечто под названием «Ку-клукс-клан». Как тут обстоит дело? Не могли бы мы услышать от господина доктора, что это значит? Все снова и снова приходится читать об этом.

Доктор Штайнер: Видите ли, Ку-клукс-клан — это новейшее открытие в данной области, причем такое открытие, которому надо придавать большую важность, чем это обычно делают. Вы знаете, господа, что лишь несколько десятилетий тому назад царило воодушевление по поводу космополитизма. Сегодня он еще присутствует как само собой разумеющееся среди пролетариата, среди социал-демократов — они акцентируют интернациональный фактор, но в кругах буржуазии и в иных кругах страшным образом распространяется и одерживает верх национализм, там очень сильны националистические настроения. вспомните о том, что люди, стоявшие за Вудро Вильсоном⁽⁶²⁾ — сам он был всего лишь подставным лицом (Strohmann — буквально, «соломенное чучело»), — эти люди принимали национализм в расчет,

хотели повсюду иметь национальные государства, повсюду подстрекали к национализму и так далее. (Вудро Вильсон впервые выдвинул националистический и по сути своей фашистский лозунг о «праве наций на самоопределение», чтобы под этим лозунгом развалить континентальные империи — прим. перев.) На это возлагали они свои надежды! Были и такие люди, которые сегодня повсюду развивают тенденции, доводящие национализм до высшей точки, до крайности. Эти стремления довести национализм до высшей точки, до крайности, нашли свое выражение в возникновении в Америке этого объединения Ку-клукс-клан. Оно широко использует в своей работе такие средства, как, например, знаки, именно в вышеописанном мною смысле.

Если внимание человека привлекают именно такие объединения, он должен знать, что знаки имеют определенную гипнотическую силу. Ведь вам известно, если вы возьмете курицу (изображается на рисунке), стукните эту курицу клювом об землю и проведете отсюда черту мелом, то курица побежит по этой черте! Она загипнотизирована, она бежит по этой черте! Вам только надо ткнуть ее клювом, тогда она побежит по черте, поскольку она загипнотизирована посредством этой черты. Вот так и каждый знак — а не только прямая линия для курицы — имеет значение, определенно убаюкивающее, снотворное значение, если он приложен к чему-то. Некоторые тайные объединения пользуются этим, они подбирают именно такие знаки, посредством которых они приводят в замешательство, дурачат других людей, усыпляют их, так что человек не может привести в действие свою собственную силу суждения. Подобные экстремистские средства исполняют как раз именно такие тайные объединения. К ним принадлежит в Америке и Ку-клукс-клан. Ку-клукс-клан опасен по той причине, что такие объединения берут за исходное не только какой-то один народ, нет, они хотят распространить националистический принцип повсюду. Никому не следовало бы говорить: Ку-клукс-клан остается исключительно американским учреждением, поскольку он хочет особым образом культивировать американский национализм. Так не говорит приверженец Ку-клукс-клана; но он говорит так: надо поощрять национализм вообще: и в Венгрии, и в Германии, и во Франции. Как прекрасно! И ведь он ориентируется не на американизм, он не патриот, но в этой кичливости людей на почве национализма он видит то, что, будучи затем задействовано у самых различных наций, приведет к тому, чего он хочет достичь: а именно ввергнет людей в абсолютный хаос! За этим скрывается исключительная жажда разрушения. Ку-клукс-клан особенно опасен по той причине, что он может распространяться и в других странах. И вы не должны говорить, если он однажды захочет распространиться здесь в Швейцарии, что это американское учреждение, американская организация; нет, тогда это будет национальная швейцарская организация.

Таковыми были, по сути, и масонские союзы; были и интернациональные, но в отдельных странах они всегда носили националистический характер. Хотя этим они занимались немного, они больше работали по отношению к внешнему миру, чтобы участвовать в том, что происходило во внешнем мире. Можно было бы сказать: да разве не безумны такие люди, желающие возбудить абсолютно националистический принцип, желающие все разрушить? Никто просто не смеет сказать об этом. Конечно, если человек спрашивает, это означает: само собой разумеется, он в таких делах участия не принимает. Но эти люди говорят себе: сегодня все испорчено настолько — ведущие люди говорят это для других, следующих за ними, — что этим, другим, совершенно все равно, они не видят смысла задумываться о том положении вещей, каково оно сегодня. Прежде всего, надо поступать с человечеством как с темной тупой массой. Тогда люди будут снова приходить в себя, тогда они снова будут учиться чему-то порядочному. Итак, у этих людей уже есть идея; в этом отношении именно у Ку-клукс-клана есть такая идея. Вы считаете: нет?

Автор вопроса: Однако! Но ведь это смешно!

Доктор Штайнер: Видите ли, многие вещи в культурной жизни смешны, и мы уже указывали на такие вещи, которые выглядят смешно. Но комическое иногда становится поистине опасным. Кому-то оно кажется смешным, но порой оно чрезвычайно опасно.

Господа, завтра в течение дня я должен уехать в Бреслау. После я скажу вам, когда у нас будет следующее занятие.

СЕМНАДЦАТАЯ ЛЕКЦИЯ

Дорнах, 25 июня 1924 г.

Доброе утро, господа! Может быть, вы придумали что-нибудь за столь долгое время, какой-нибудь особенный вопрос?

Вопрос о существах различных иерархий и их взаимодействии на человечество.

Доктор Штайнер: Я полагаю, что это такая тема, которая может оказаться несколько трудной, несколько непонятной для тех господ, которые сегодня здесь впервые, потому что для этого необходимо знать то, что уже было изложено в прочитанных мною лекциях. Но я все же хочу поднять эту тему и подойти к ней как можно более понятным образом.

Видите ли, если вы рассмотрите человека, как он стоит или ходит по Земле, то окажется, что человек несет в себе, в сущности, все царства природы. Прежде всего, он несет в себе животное царство; в некотором смысле его организация носит животный характер. Это вы могли бы увидеть хотя бы из того, что у человека есть, например, бедренные или плечевые кости, которые в подобном виде находят также у высших животных; если же хорошо познакомиться с этим вопросом, то и у животных, стоящих ниже, находят подобные или родственные образования. Даже у рыб можно, хотя и с некоторым приближением, увидеть, что у рыбы соответствует одной из костей человека. То, что может быть сказано о костной системе, точно так же можно сказать и о мышечной системе, и даже о внутренних органах. Мы находим у человека желудок — соответствующим образом находим мы желудок и у животных. Короче говоря, то, что имеет место в животном царстве, мы обнаруживаем также и в человеческом теле.

Это привело к тому, что в соответствии с материалистическими воззрениями человека вообще не считают всего лишь высокоразвитым животным. Но таковым он не является; ведь человек развивает три вещи, которых животное на основе своего организма развить не может. Первое — то, что человек научается прямохождению. Взгляните на животных, которые учатся ходить наполовину прямо, и вы увидите значительное различие между ними и человеком. У животных, которые ходят немного выпрямившись, например у кенгуру, вы видите, что передние конечности, с помощью которых оно не ступает, остаются атрофированными. Передние конечности у кенгуру не предназначены для свободных действий. В случае же обезьяны мы тем более не скажем, что она в этом отношении похожа на человека: когда она взбирается на дерево, она не идет, а залезает, цепляясь. Она, в сущности, имеет четыре руки, она не имеет две ноги и две руки. У нее ноги образованы рукоподобно, как руки, она залезает. Итак, прямохождение является первым, что отличает человека от животного.

Второе отличие человека от животного — способность речи. Способность говорить связана с прямохождением. Вот почему вы обнаруживаете, что там, где опять-таки животное получает нечто похожее на способность речи, (собака, хотя и является относительно умным животным, не получает такой способности, но ее получает, например, попугай, который ориентирован вертикально) вы найдете, что животное ориентировано вертикально. Речь связана с бытием в распрямленном по вертикали состоянии.

И третьим является свободная воля, к которой животное тоже не может прийти, так как зависит от своих внутренних процессов. У человека же эти последние погашаются и настраиваются на человеческий лад посредством всей внутренней организации (имеется в виду "Я-организация — прим. перев.).

Но несмотря на это, человек несет в себе животность. Он, следовательно, имеет это животное царство в себе.

Вторым из того, что несет в себе человек, является растительное царство. Что может человек благодарить тому, что он несет в себе животное царство? Видите ли, животное ощущает — человек тоже; растение же не ощущает. Хотя, как ни странно, современная наука считает — я уже упоминал об этом однажды⁽⁶³⁾, — что растение может ощущать, поскольку есть такое растение, например, так называемая венерина мухоловка, *Dionaea muscipula*^(63a); если к ней приближается насекомое, если оно подлетело, венерина мухоловка захлопывает свои лепестки и поглощает насекомое. Это очень интересное явление. Но если говорят: это растение, венерина мухоловка, должна почувствовать насекомое, то есть ощутить, воспринимая, когда последнее оказалось вблизи, то это такая же бессмыслица, как если кто-нибудь скажет: у одного совсем маленького предмета, который я настраиваю так, чтобы он захлопнулся, когда приблизится мышь — у мышеловки, — тоже есть ощущение того,

что мышь близко! Такие научные соображения недалеко отсюда, они просто бессмысленны. Растения не чувствуют. И в столь же малой степени способны растения к свободному передвижению.

Итак, то, что у человека является ощущением и движением, есть черта, общая с животным. Тут человек несет эту животность в себе. Только тогда он может разумно мыслить — животное этого не может — он является благодаря этому человеком. Затем человек несет растительное царство, целое растительное царство носит он в себе. Растения не передвигаются, но они растут. Растения не ощущают, но они питаются. Человек тоже растет и питается. Это совершает в нем растительное царство. Это растительные силы человек тоже несет в себе. Их он несет в себе и тогда, когда он спит. Он слагает с себя эту животность, когда он спит, ибо он не ощущает и не движется, — если он, конечно, не сомнамбула, лунатик, но это уже относится к ненормальному состоянию; в этом случае он не полностью лишается движения, в этом случае он болен. Но в нормальном состоянии человек во сне не бегаёт повсюду и не ощущает. Если он должен ощущать, он просыпается. Во сне он ощущать не может. Человек во сне несет в себе только растительное существо.

Минеральное существо, господа, мы тоже несем в нас; оно содержится, например, в наших костях. Хотя они немного живые, они содержат и безжизненное в виде углекислой извести. Мы носим в нас минеральное царство. Даже в мозгу у нас находится мозговой песок. Он является минералом. Минеральное мы тоже носим в нас. Итак, мы несем в себе животное царство, мы несем в себе растительное царство, мы несем в себе минеральное царство.

Но этим у человека дело не ограничивается. Если бы человек нес в себе только минерал, растение и животное, то он был бы подобен животному, он переменился бы, подобно животному, поскольку животное тоже несет в себе минерал, растение и животное (животное, растительное и минеральное начала — прим. перев.). Естественно, что человек имеет отношение не только к этим трем царствам природы, которые видны, но он имеет отношение и к другим царствам.

Я хочу изобразить вам это схематически. Представьте себе, что это человек (изображается на рисунке): теперь он имеет отношение к минеральному царству, растительному царству, животному царству.

Но ведь он человек. Вы могли бы сказать: да, но можно приручить, выдрессировать животное. Это правило; но приходилось ли вам встречаться с тем, что бык дрессирует быка? Или одна лошадь приручает другую лошадь? Животных, если они приручаются, дрессируют — то есть достигают известных способностей, отдаленно сравнимых с человеческими способностями, — обязательно должен дрессировать человек! Не правда ли, ведь не существует же такой собачьей школы, где бы преподавали сами собаки и из данных собак делали дрессированных; тут просто необходимо вмешательство человека. И если бы даже кто-то полагал, что можно во всем согласиться с материалистами, он должен был бы признать ход своих собственных мыслей; согласившись во всем с материалистами, он мог бы сказать: человек, в том виде, каков он сейчас, был первоначально живым, а потом был выдрессирован, «одомашен», — так ведь не могло же его самого выдрессировать то самое животное, каким он первоначально был! Ведь так быть не может, иначе одна собака могла бы выдрессировать другую собаку. Следовательно, первоначально должны были присутствовать существа — теперь они могут находиться где-то в другом месте, но, тем не менее, должны были быть существа, — которые подняли человека до его нынешней высоты. И эти существа не могли принадлежать к трем царствам природы. Представьте себе, что когда вы еще были подобны маленькому зверенышу в детстве, вас, чтобы сделать из вас человека, стал бы приручать жираф: это столь же невероятно, как невероятно то, что вас мог бы приручить дуб. В это верят, в крайнем случае, немецкие националисты, они допускают, что дубы, священные дубы, могли укрощать, приручать людей. Видите ли, минеральное тем более не способно на это; горный кристалл прекрасен, но он тем более не способен приручить, «одомашнить» человека. Тут должны были быть иные существа, иные царства.

Действительно, все у человека было поднято на более высокий уровень. У животного есть возможность лишь иметь представления, но не думать. Представления у животных образуются. Но мыслительная деятельность у животных отсутствует. Человек же имеет эту мыслительную деятельность. Так что,

хотя человек имеет, например, свое кровообращение от животного царства, он может, однако, иметь свой мыслительный орган не от животного царства. Можно сказать: человек мыслит, он чувствует, он волит. Все это происходит свободным образом. Все это происходит иначе (нежели у животного — прим. перев) благодаря тому, что человек является прямоходящим и говорящим существом.

Подумайте о том, насколько иначе вы должны были волить, насколько иной было бы все воление, если бы как в первый год жизни вы всегда ползали на четвереньках; все человеческое воление было бы в этом случае совершенно иным. Вы бы вообще не пришли к мышлению. Как вещи, носимые нами, в физическом теле связывают нас с тремя царствами природы, так связывает нас мышление, чувство и воление с тремя другими царствами, со сверхчувствительными, невидимыми царствами. Для всего надо иметь название. И как мы называем минеральное, растительное и животное царства природными, так называем мы иерархиями те царства, которые способствуют у человека тому, чтобы его мышление, чувство и воля были свободны (см. рисунок).

Так что мы, следовательно, имеем здесь природные царства, посредством которых человек сопричастен природе; здесь же мы имеем иерархии. Видите ли, как человек причастен к трем природным царствам, точно так же причастен он и к трем духовным царствам. Своим мышлением он причастен к иерархии — видите ли, в настоящее время для нее нет еще никакого названия. Поскольку материализм не обращает на такие вещи внимания, названия для этого еще нет: так что нам придется называть эту иерархию ее древним названием *Angeloi*, ангелы. Это название сразу же может подвергнуться поношению как суеверие. Конечно, сегодня в речи мы больше не обладаем возможностью отыскивать имена, поскольку люди утратили способность ощущать звуки: но ведь речь могла формироваться лишь до тех пор, пока люди еще испытывали переживания от звуков (имеются в виду звуки речи, а не музыкальные звуки — прим. перев). Сегодня каждый употребляет слова *Ball* (мяч), *Fall* (случай), *Kraft* (сила); там повсюду присутствует звук «А», в каждом из этих слов есть «А». Но что же представляет собой «А»? «А» является выражением чувства! Представьте себе, что вы внезапно увидели здесь, как кто-то распахнул окно снаружи и заглянул посмотреть, что тут такое; поскольку этого сейчас быть не должно, вы были бы удивлены; вероятно, большая часть из вас выразила бы свое удивление словом «Ах!», если бы он не постеснялся это сделать. «А» всегда служит для выражения удивления. Каждая буква выражает что-либо. И если я говорю: «Ball» (мяч), то я использую «А», потому что, бросив мяч, я удивлен тем, как странно он себя ведет: или, если это мяч для танцев, я удивляюсь тому, как он беспорядочно кружится! Только произошло то, что человек постепенно привыкает к этому и больше не удивляется; тогда он мог бы назвать мячик «Bull» или «Bill», но не «Ball». Возьмем слово «Fall» (случай). Если кто-то где-то шлепнулся, упал, можно сказать: «Ах!». Нечто иное, тоже значительное, заключено в звуке «Ф». «Kraft» (сила): если кто-то применяет силу, толкающую его самого: «Ах!» — и так повсюду, где выступает удивление, присутствует «А».

Подумайте: по вашему мнению, мышление сосредоточено в вашей голове. Но если бы вдруг вам пришлось воспринять, что ваше мышление связано с духовным существом, причем точно так же, как ваше ощущение, чувство на Земле должно быть связано с животным, чтобы вы могли эту животность носить в себе, — если бы вам пришлось вдруг воспринять это, вы были бы удивлены, и, чтобы выразить это удивление, вы должны были бы использовать слово, содержащее звук «А». Вы могли бы назвать это существо мышления, называвшееся когда-то «Angeloi», «ангел», назвать, используя «А». Ну, а то, что вы имеете как силу мышления, вы могли бы обозначить буквой, выражающей такую силу: буквой «Л». Тогда как силу в действии вы, возможно, обозначили бы с помощью «Б». Слово «альб» (в предшествующих лекциях описывается переход от слов «альб» и «альп» к слову эльф — прим. перев.) уже применялось однажды для обозначения чего-то духовного, оно могло бы служить знаком для тех существ, которые имеют дело с мышлением: если бы оно не использовалось в слове *Alpdruck* (кошмар), где оно носит болезненный характер. Итак, иерархии являются царством, которое охватывает и человека, которое человек носит в себе точно так же, как носит он в себе царства природы. И существа, названные *Alb* (альб), или ангелами, являются теми существами, которые должны иметь дело с мышлением.

И напротив, с чувством в человеке должны иметь дело животные существа. Что?

Животные существа? Видите ли, если человек хоть чуточку внимателен, если он уже заранее не приходит в ярость, когда речь идет о духовности, если человек допускает, что можно говорить и о духовном, ему уже может открыться кое-что — даже если он еще не может использовать духовных исследований, проводящихся в антропософии. Подумайте о том, что вы, если вы хотите чувствовать, должны иметь в себе тепло! Лягушка чувствует горячее менее интенсивно, менее живо, чем человек, поскольку у нее нет теплой крови: чтобы чувствовать, человек должен иметь в себе настоящее тепло. Но то тепло, которое мы имеем в себе, приходит от Солнца! Можно сказать: чувства тоже связаны с Солнцем, только духовным образом. Физическое тепло связано с Солнцем, а чувство, связанное с физическим теплом, стоит в связи с духовным Солнцем. Эта вторая иерархия, имеющая дело с чувством, живет на Солнце. Несомненно, можно прийти к тому — если только не страдаешь слепотой, встречающимся сегодня у многих, особенно у ученых, — можно прийти к тому, что вторая иерархия представляет собой солнечных существ. Внутренность Солнца не знает ни один человек; ведь если бы физики действительно могли попасть на Солнце, они были бы очень удивлены тем, что оно выглядит совсем не так, как они обычно себе представляют! Поскольку Солнце проявляется вовне лишь в свете и тепле, они думают, что оно является раскаленным газовым шаром. Однако оно не такое; оно, в сущности, состоит из исключительно всасывающих сил: оно полое, не толстое пустое, но оно засасывает. Мы могли бы сказать: необходимо оно проявляется как свет, как тепло; существа, находящиеся внутри, назывались по-гречески «сущностями откровения». Там, где еще что-то знали об этих

Существах — ибо древняя инстинктивная мудрость была гораздо разумнее, чем нынешняя, — этих существ, которые открывались на Солнце, называли Эксузиан; мы могли бы также сказать «солнечные существа». Мы только должны знать, что, говоря о чувствах, мы вступаем в царство солнечных существ. Точно так же, как я говорю: человек имеет в себе силы роста и питания, то есть имеет в себе растительное царство, я должен сказать: человек несет в себе силы чувства, то есть силы духовного солнечного царства, второй иерархии.

И, в-третьих, есть первая иерархия, имеющая дело с человеческой волей — в чем человек наиболее силен, посредством чего он не только движется, но и реализует свои дела. Воля связана с существами, духовно присутствующими вовне во всем мире, вообще являющимися высшими духовными существами из числа тех, с кем мы можем познакомиться. Мы тоже называем их греческими или древнееврейскими именами, поскольку немецких у нас нет, и вообще подходящего языкового выражения для них еще нет: троны, херувимы, серафимы. Это самое старшее царство.

Таким образом, в духовном имеются три царства, как и в природе, есть три царства. Как имеет дело человек с этими тремя царствами природы, так же имеет он дело с этими тремя духовными царствами.

Вы будете говорить: да, но ведь в это я могу либо верить, либо нет, ведь эти три царства невидимы, невоспринимаемы. Но, господа, мне приходилось знать и таких людей, которым надо было доказывать, что есть воздух! Человек не верил в то, что существует воздух. Когда я говорю ему: тут находится доска — он верит, поскольку если он пойдет сюда, то стукнется о доску, или если он посмотрит своими глазами, то увидит доску, но о воздухе он стукнуться не может. Он смотрит и говорит: да нет тут ничего. И, тем не менее, сегодня каждый признает, что есть воздух. Он действительно есть здесь. Будет и так, что и духовные люди признают. Сегодня люди еще говорят: никакого духовного начала тут нет — как говорили те деревенские мужики, крестьяне: да нету тут никакого воздуха, о нем говорят эти городские умники, им так хочется быть умными; ведь тут можно пройти, значит, ничего тут нет, раз можно пройти! — а тем не менее воздух давно здесь. Сегодня даже крестьяне знают, что воздух есть. Но даже наиболее разумные люди сегодня еще не знают, что всюду находятся духовные существа! Впрочем, в свое время они признают это, так как иначе им не удастся объяснить определенные вещи, объяснение которых просто необходимо.

Порою кто-то говорит сегодня: во всем том, что является природой, духа нет, ибо там есть только то, что известно о природе естествознанию, иного же в природе ничего нет. Говорить так, господа, подобно следующему: представьте, что тут лежит умерший, мертвец, а я подойду и скажу: «Ну-ка, ты, лентяй, ты почему не встаешь и не ходишь?!» Я прилагаю усилия к тому, чтобы дать ему понять, что

нельзя быть лентяем и надо вставать. Да, я в этом случае проявил бы непонятливость, так как ошибочно считал, что это живой человек. Также и это: все то, что естествоиспытатель может отыскать, он находит не на живом, он находит на мертвом. Повсюду в природе он обнаруживает, открывает лишь мертвое, а то, что живет, он не обнаруживает. То, что духовно, он на этом пути не находит, но, тем не менее, оно там есть.

Вот, что хотел я сказать вам в ответ на вопрос, поставленный в связи с иерархиями.

Господин Бурле: Господин доктор в прошлых лекциях говорил о знании духовной науки у древних народов. В настоящее время человечество утратило это знание. Не мог бы господин доктор объяснить нам, как это произошло? Только ли материализм повинен в этом?

Доктор Штайнер: как пропало древнее знание? Видите ли, господа, это весьма примечательное событие. Не так, как мы имеем сегодня, но в художественной, поэтической форме древние люди, наши предки, в глубокой древности обладали величайшим знанием, и это знание, как совершенно правильно сказал господин Бурле, человечество утеряло. Мы могли бы спросить, почему же было утеряно это знание. Конечно, мы не можем сказать, что только материализм повинен в этом; ведь если бы все люди еще обладали той древней мудростью, то материализм бы вообще не возник. Именно оттого, что древняя мудрость была утеряна и люди в духовном смысле стали инвалидами, именно поэтому, именно поэтому они открыли материализм. Следовательно, сам материализм обусловлен утратой древнего знания, — но не наоборот, как об этом иногда говорят, то есть гибель древней мудрости не обусловлена распространением материализма. Так чем же в действительности была вызвана гибель древнего знания?

Да, господа, это произошло оттого, что человечество находится в развитии. Конечно, можно теперь подвергать человека патологоанатомическому вскрытию; если он умер, вы можете его вскрывать. Таким образом вы можете получить сведения о том, как устроен человек в настоящее время. От древних времен сохранились еще в лучшем случае мумии в Египте, о которых мы недавно говорили; но они сплошняком набальзамированы и подвергнуть их правильному вскрытию больше невозможно. Как выглядел человек в прежнее время, а именно тогда, когда он был организован более тонко, люди в настоящее время не могут составить себе никакого научного представления на основе чисто внешних исследований; проникнуть сюда можно только с помощью духовных исследований. Но на этом пути мы приходим к тому, что человек в древности был совсем не таким, как сейчас.

В древности на Земле было время, когда человек не имел никаких твердых костей, как сейчас; тогда у людей были такие кости, которые сейчас есть только у детей, страдающих рахитом, имеющих мягкие кости, ноги у этих детей имеют форму Х- или О-образную и вообще слабы. То, что такие кости в принципе существуют, вы можете видеть на примере хрящекостных рыб (типа осетровых — прим. перев.), существующих и по сей день. В этом случае кости носят хрящевидный характер. Такие кости когда-то имели и люди, ибо костный остов, скелет когда-то был у людей мягким. Вы будете говорить: но ведь тогда все люди передвигались бы на Х- и О-образных ногах, все должны были бы быть кривыми, если бы кости были мягкими!

Именно так и случилось бы, если бы на нашей Земле воздух был всегда тем же самым, что и сегодня. Но это было не так; воздух был гораздо плотнее в древние времена. Он стал значительно более разреженным. В древности воздух содержал в себе гораздо больше воды, чем сегодня. Воздух содержал также гораздо больше углекислого газа, углекислоты. Весь воздух был плотнее. Теперь вам понятно, что тогда люди с их мягкими костями тоже могли жить; ведь наши нынешние кости мы имеем оттого, что воздух не может больше носить нас. Более плотный воздух нес людей. Ходьба в древние времена была больше похожа на плавание, чем сегодня. Сегодня ходьба стала страшно механической, машинообразной: мы ставим ногу — ее надо ставить как опору — мы ставим вторую ногу. В древнейшее время люди так не ходили; они ощущали, что насыщенный водой воздух подобно воде позволяет им нести себя; при этом они могли иметь мягкие кости. Когда же воздух стал более разреженным — можно с помощью внешней науки узнать о том, что воздух стал более разреженным, тогда и твердые кости стали необходимыми; только тогда эти твердые кости и возникли. Конечно, до этого углекислота была снаружи, она содержалась в воздухе; сегодня мы носим в себе углекислоту и выдыхаем ее; именно

благодаря указанному обстоятельству наши кости отвердели. Так связаны эти вещи.

Но если кости стали твердыми, то стали твердыми и в человеке и иные части, так что человек, имевший мягкие кости, имел значительно более мягкую мозговую массу. Вообще-то, в древности череп, голова человека тоже были сформированы совсем иначе. Видите ли, они в большей степени были сформированы так, как сегодня формируется голова у больных водянкой; правда, тогда это выглядело прекрасно, а сейчас это отнюдь не прекрасно. Голова человека поддерживалась в состоянии, как у совсем маленького ребенка, эмбриона, в теле матери, так как человек имел мягкие мозговые массы и мягкий мозг вытеснялся в переднюю часть черепа.

Господа, когда человек был мягким, его душевные способности были иными. С помощью мягкого мозга можно было мыслить гораздо более духовно, нежели с помощью жесткого мозга. Древние люди еще чувствовали это: человека, который всегда мог думать лишь об одном и том же, который мало воспринимал, а поэтому был упрям и стоял на одном, эти люди называли толстолобыми. Смысл этого чувства состоял в том, что если иметь мягкий мозг, то можно лучше мыслить и лучше формировать представления. Вот такой мягкий мозг имели древнейшие люди.

Но эти древнейшие люди имели кое-что иное. Мы действительно вправе сказать: если родится ребенок, то его череп с мягким мозгом и его мягкие кости еще похожи — кости не так сильно, но мозг очень похож — на то, что было у древнейших людей. Но попробуйте уложить или уложить такого маленького ребенка: ведь он и с места сдвинуться не может, он не в состоянии питать себя и тому подобное, он ничего не может! Поэтому о нем должны заботиться более высокие существа, как и о людях, имевших мягкий мозг. Отсюда следствие: люди тогда не имели никакой свободы, никакой свободной воли. Эти люди обладали большей мудростью, но они не имели никакой свободной воли. Однако при развитии человека постепенно появилась свободная воля. Для этого кости и мозг должны были отвердеть. Но вместе с отвердением древнее сознание пришло к концу. Мы не стали бы свободными людьми, если бы мы не стали «толстолобыми», твердолобыми, если бы мы не получили череп с более жестким мозгом. Но нашей свободой мы обязаны именно этому. Вот так, в сущности, закат древнего знания наступил одновременно с появлением свободы. Вот как. Это понятно? (Ответ: Да!) Закат знания наступил с появлением свободы!

И вот теперь люди, достигшие свободы, но потерявшие древнее знание, познали материализм. Но материализм истиной не является. Поэтому мы должны снова прийти к духовному познанию, несмотря на то, что сегодня мы имеем гораздо более жесткий мозг, чем древнейшие люди. Это мы можем сделать только благодаря антропософской духовной науке, которая приходит к познаниям, независимым от тела, достигая исключительно с помощью самой души. Древние люди обладали своими познаниями благодаря тому, что их головной мозг был мягче, то есть был более популен душе: мы имеем наш материализм, поскольку наш мозг, став жестким, больше не принимает душу. И мы должны посредством одной души, которую мозг не принимает, достигать духовного познания. Это дает духовная наука. Человек снова возвращается к духовному познанию. Но мы живем теперь в такую эпоху, когда человечество с помощью материализма покупает свободу. Поэтому нельзя сказать, что материализм плох, хотя он не является истиной. Материализм, если только он не чрезмерен, не есть нечто плохое, благодаря материализму человечество может научиться очень многому, чего оно не знало раньше. Вот так.

Есть еще один вопрос, уже ранее заданный в письменной форме: В вашей «Философии свободы» я прочел такую фразу: «Только когда мы сделали мировое содержание нашим мысленным содержанием, мы снова находим ту связь, из которой мы сами себя высвободили».

Итак, господин читал «Философию свободы». Он ставит вопрос: «Что принадлежит к этому содержанию мира, ведь все, что мы видим, существует лишь постольку, поскольку оно мыслимо». И затем он ссылается: Кант пояснил, что рассудок не способен постигать то, что является причинным миром, предшествующим миру опыта.

Видите ли, господа, дело обстоит так: когда мы рождаемся, когда мы маленькие дети, у нас есть глаза и уши, мы видим и слышим, то есть мы воспринимаем вещи, находящиеся вне нас. Стул, стоящий здесь, ребенок еще не может помыслить, он

лишь воспринимает его. Стул выглядит для ребенка так же, как для взрослого, только ребенок еще не мыслит о стуле. Допустим, что с помощью какого-либо устройства совсем маленький ребенок, еще не имеющий мыслей, стал бы говорить; тогда случилось бы так, что этот маленький ребенок проявил склонность критиковать все подряд, все хоть как-нибудь, да критиковать — ведь мы сегодня привыкли к тому, что даже бестолковые люди стремятся критиковать как можно больше. Я даже убежден, что если маленькому ребенку, который еще не может мыслить, дать возможность поболтать, он стал бы крупнейшим критиком. Но вот в древнейшей Индии критиковать, судить смели только те, кто достигли шестидесятилетнего возраста; другие не смели выносить суждения, ибо тогда говорили: у них еще нет мирового опыта. Я не хочу это ни защищать, ни критиковать, я хочу только рассказать вам о том, что это было. Сегодня любой человек, достигший двадцати лет, рассмеялся бы, если бы ему сказали, что он со своими суждениями должен подождать, пока ему не исполнится шестьдесят! Этого нынешние молодые люди не делают; они вообще не ждут, но едва лишь научившись водить пером, начинают писать в газеты и осуждать все подряд. В этом отношении мы сегодня зашли далеко. И я убежден, что если бы совсем маленький младенец мог говорить — ох, какой бы он был строгий критик!

Черт возьми, если бы шестимесячный получил дар речи, он тоже стал бы критиковать все в наших действиях!

Господа, видите ли, ведь мыслить-то мы начинаем лишь позднее! Какой, однако, образ мы описывали? Представьте себе полугодовалого ребенка, который еще не может иметь мысли о стуле, но видит стул, как видим этот стул мы: представьте, что ребенок затеял бы дискуссию о стуле. Вы бы тогда сказали: я тоже имею мысли о стуле: стул обладает весом, силой тяжести, чтобы стоять на полу, стул строгали и вырезали, благодаря этому он имеет форму. Стул обладает определенной внутренней упругостью, благодаря чему я могу сидеть на нем, не падая вниз, если я сажусь, и тому подобное. Я имею мысли о стуле. Я немного мыслю по поводу стула! Полугодовалый младенец всего этого не мыслит. Я прихожу и говорю так: стул имеет твердую форму, имеет тяжесть — полугодовалый младенец, который еще не имеет этих мыслей, говорит так: ты бестолочь, ты плуток от старости. То, что такое стул, мы знаем, когда нам полгода; но позднее он вызывает у нас всякие фантастические мысли. Вот, что было бы, если бы ребенок в полгода смог говорить; вот, что он бы сказал: то, что мы приобретаем только с возрастом — способность не только говорить о чем-то, но и мыслить об этом; при всем этом сами-то мысли относятся именно к стулу: раньше я их не имею. Я осознаю мысли, только достигнув определенной зрелости для этого. Но прочность стула находится все же не во мне. Ведь не моя собственная прочность позволяет мне сидеть, когда я сажусь на стул, в ином случае я мог бы сидеть на самом себе. Стул обладает тяжестью не благодаря мне, не потому, что я на нем уселся, ведь он и сам по себе тяжелый. Все, что я «схватываю», постигаю мыслительно, заключается уже в самом стуле. Я «схватываю», постигаю реальность стула, когда я в ходе моей жизни посредством мыслей снова связываюсь со стулом. Сначала я вижу лишь цвета и тому подобное, слышу, если кто-то с грохотом двигает стул, чувствую также и то, холодный ли он или теплый; это я могу воспринимать органами чувств. Но чем является стул внутренне, я узнаю только после того, как становлюсь старше и мыслю. В этом случае человек снова связывает себя с ним, устанавливает обратную связь.

Кант, недавно я говорил о нем, допустил величайшую ошибку: он считал, что еще не воспринимаемое ребенком, а воспринимаемое лишь позже мысленное содержание сам человек сперва привносит в вещи. В сущности, Кант говорит: если тут стоит стул — этот стул имеет цвет, стул гремит. Но если я скажу, что стул обладает тяжестью, то это не является свойством стула, это я сам наделяю его / таким свойством/, когда думаю, что он тяжелый. Стул имеет прочность, но он имеет ее не сам по себе, это я наделяю его, придаю ему /это свойство/, когда думаю, что он прочный. Да, господа, хотя учение Канта и рассматривают как великую науку, но на самом деле это великая бессмыслица, вздор. Это как раз тот случай, когда из-за своеобразного развития человечества величайшую бессмыслицу приняли за величайшую науку, за высшую философию, причем Кант стали называть «всесокрушителем», «всесокрушителем». Я тоже всегда видел в нем «сокрушителя» — а я с самой ранней юности все снова и снова изучал Канта, — но иначе мне не удалось бы задаться вопросом: кто же все-таки более велик: тот, кто

«сокрушил» тарелку из-под супа, или тот, кто ее произвел? Мне всегда казалось, что более велик тот, кто ее произвел! Кант же «сокрушил» в действительности все. Так что сделанное выше возражение от имени Канта не должно особенно беспокоить нас. Вещи таковы, что мы, радуясь, освобождены от этих вещей, поскольку не имеем с ними никакой связи. Мы снова вращаемся в вещи лишь тогда, когда составляем себе понятия. Поэтому на поставленный здесь вопрос следовало бы ответить так: что принадлежит к содержанию мира? В моей «Философии свободы» я говорю: только когда мы сделали содержание мира нашим мыслительным содержанием, мы снова находим ту связь, из которой мы были высвобождены, будучи детьми. Будучи ребенком, любой из нас обладает не содержанием мира, но лишь чувственно-воспринимаемой частью содержания мира. Однако мыслительное содержание действительно находится в /составе/ мирового содержания. Так что, будучи ребенком, любой из нас обладает лишь половиной мирового содержания, и только позднее, когда мы достигаем до наших мыслей, мы имеем мыслительное содержание не только в нас; но знаем, что оно присутствует в самих вещах, обуславливая наши мысли, причем так, что мы знаем, что они присущи вещам, находятся в вещах; таким образом мы восстанавливаем связь с вещами.

Видите ли, в восьмидесятые годы XIX столетия, где все было проникнуто кантианством, где все говорило о том, что учение Канта рассматривается как нечто высшее, и еще никто не отваживался что-нибудь сказать против Канта, мне было очень трудно выступить и объяснить, что философия Канта, в сущности, бессмысленна. Но я должен был для начала объяснить именно это. Ибо, естественно, если кто-то, как Кант, считает, что мы дополнительно к вещам досоздаем мыслительное содержание, то тогда он не может больше прийти к простому содержанию, тогда в душе присутствуют мысли лишь о чувственно-воспринимаемых, внешних вещах, и это лишь усугубляет материализм. Кант многократно повинен в том, что люди не могут выбраться из материализма. Кант вообще во многом ошибается. Я говорил вам об этом в тот раз, когда мне задавали вопрос о Канте, но с другой стороны. Другие осуждали материализм, поскольку не могли помыслить иного. Но Кант сказал так: о духовном мире вообще нельзя ничего знать, в него можно только верить. Тем самым сказано: можно что-то знать лишь о чувственно-воспринимаемом мире, поскольку лишь в этот чувственно-воспринимаемый мир можно протащить мысли.

Материалистически настроенные чувствуют себя все уверенней в своей правоте, когда ссылаются на Канта. Надо отучить человечество от этого предубеждения — то есть ту часть человечества, которая по крайней мере знает о Канте, они должны отвыкнуть от привычки звать к Канту всякий раз, и особенно звать к Канту в том случае, если они хотят сказать: «О духовном мире знать вообще ничего нельзя». Итак, мировое содержание состоит из чувственного содержания и мыслительного содержания. Но к духовному содержанию приходят лишь в течение жизни, когда развивают мысли. Тогда восстанавливают связь между природой и духом, в то время как в начале, будучи ребенком, имеют перед собой лишь природу, а дух только постепенно вырабатывается из собственной природы.

Может быть, у кого-то есть совсем небольшой вопрос?

Господин Бурле спрашивает о волосах человека и говорит: Сегодня многие девушки отрезают себе волосы. Может ли господин доктор сказать, полезно ли это для здоровья? Моя младшая дочь тоже охотно подстригла бы себе волосы, но я ей этого не позволяю. Я хотел бы узнать, вредно ли это или нет?

Доктор Штайнер: Тут дело вот в чем. Рост волос так мало связан со всем остальным организмом, что не так уж много зависит от того, отрастает ли человек длинные волосы или стрижется коротко. Вред не настолько велик, чтобы его можно было воспринять. Но есть разница в этом отношении между мужчинами и женщинами. Не правда ли, одно время было так — сейчас это уже иначе, — что очень часто видели, как антропософы ходят друг с другом, господа и дамы — господа с нестриженными волосами, с длинными локонами, а дамы — с короткой стрижкой! Люди, конечно, говорили об этом: эти антропософы выворачивают мир наизнанку; у этих антропософов дамы стригутся коротко, а мужчины отрастают волосы. Теперь это уже не так, по крайней мере, не так бросается в глаза, не так заметно. Но можно спросить, как обстоит дело с разницей полов при обрезании волос.

В общем, дело это обстоит так, что у мужчин пыльное ращение волос является чем-то чрезмерным; а у женщины это нечто необходимое. В волосах всегда

содержатся сера, железо, кремниевая кислота и еще некоторые иные вещества. Эти вещества тоже нужны организму. Например, мужчине очень нужна кремниевая кислота, поскольку мужчина из-за того, что он приобрел в теле матери мужской пол, теряет способность производить кремниевую кислоту самостоятельно. Свешенные подрезанные волосы всегда всасывают кремниевую кислоту, находящуюся в воздухе; через подрезанные волосы мужчины вбирают кремниевую кислоту из воздуха. Следовательно, в этом случае в подрезании волос нет ничего плохого. Плохо только, если они выпадают, так как тогда они не могут ничего всосать. Поэтому раннее облысение, которое отчасти связано с образом жизни человека, не является для человека чем-то предпочтительным.

Но вот для женщины отрезание волос все же не совсем хорошо по той причине, что женщина обладает способностью производить кремниевую кислоту по большей части в своем собственном организме, и, следовательно, нет необходимости слишком коротко стричься, поскольку в данном случае волосы дополнительно всасывают из воздуха кремниевую кислоту, которую женщина и так имеет, и возвращают эту кремниевую кислоту в организм. Тогда женщина становится внутренне «волосатой», колючей; у нее «вырастают волосы на зубах», то есть она становится зубастой, бойкой. Но это не бросается в глаза очень сильно; надо обладать некоторой чувствительностью, если хочешь заметить это, но все-таки что-то происходит. Образ действий становится более колючим, женщина становится внутренне «волосатой», колючей; так что обрезание волос, особенно в юношеском возрасте, тоже оказывает влияние.

Но эта история может повернуться и обратной стороной, не так ли, господа? Может быть так, что являющееся нынче в нашем окружении нынешнее, новое поколение людей — ведь дети сегодня организованы иначе, нежели мы в нашей юности — это люди, которым не хватает их внутренней кремниевой кислоты, так как им хочется быть позадиристей, быть более колючими. Они хотят быть слегка колючими, сварливыми. Тем самым они приобретают инстинкт подрезать себе волосы. Затем это становится модой: один подражает другому, и тут вся история оборачивается вспять: детям хочется стать колючими и они подрезают себе волосы. Если кто-то хочет бороться с этой модой, то тут нет ничего дурного, если мода не переходит меру. В конечном счете, вопрос решается так: одному подходит мягкость, нежность, другому — нечто колючее: это может меняться в зависимости от вкусов. Но особенно большого влияния это не имеет. Однако если у кого-то есть дочь, и она хочет выбрать себе партнера, которому нравятся «колючие», то уж лучше ей остричь волосы. Правда, тогда ей не удастся заполучить мужчину, который равнодушен к ней: может и так случиться. Итак, эта история в большой степени захватывает перипетии жизни.

ПРИМЕЧАНИЯ

Источники текста: лекции были синхронно стенографированы профессиональной стенографисткой Еленой Финкх (1883—1960) и затем расшифрованы. В основу настоящего издания была положена новая расшифровка первоначальной стенограммы. Отклонения от текста, допущенные в прежних изданиях, исправлены.

1, с. 15 —... маленького селения... — Нойдорфль у венского Нойштата, в тогдашней Венгрии.

2, с. 17 —... Однако, если бы мы не имели никаких разрушительных сил, то мы, как я уж говорил, на протяжении всей жизни оставались бы глупыми... — см. лекцию от 23 февраля 1924 г. в томе с 6-ю этими лекциями (ПСС, т. 352).

3, с. 20-урбрунн.

•... Вблизи этого селения находилось другое... — За-

4, с. 22 —... Здесь, например, мы имеем, если мы переходим к Азии — я вам это уже рисовал, говоря о человеческих расах, — мы имеем Индию, Переднюю Индию... — В лекции от 3 марта 1923 г. в т. 3 с этими лекциями (ПСС, т. 349).

4а, с. 22 — Махатма Ганди (1869—1948), индийский реформатор и государственный деятель.

5, с. 29 —... Недавно я указал вам на это... — в лекции от 21 февраля 1924 г. в т. 6 настоящего издания (ПСС, т. 352).

6, с. 31 —... Но даже сегодня в случае с английским шиллингом вы обнаруживаете эту вавилонскую систему счисления по дюжинам... —английская

валюта была переведена на десятиричную систему счисления.

6а, с. 45 —... Они даже верили, что надо сохранять физическое тело для того, чтобы человек мог вернуться назад... — По мнению редакции немецкого издания, данная фраза вступает в очевидное противоречие со сказанным на стр. 183: «Их (египтян) намерением было воспрепятствовать необходимости для человека снова опускаться вниз на землю». В связи с этим необходимо привести ряд указаний на эту тему как самого Р. Штайнера, так и иных авторов. Е. Блаватская в т. 1 «Тайной доктрины» приводит слова французского египтолога г. Масперо: «Каждый раз, когда я слышу обсуждения религии Египта, мне хочется спросить, о которой из египетских религий идет речь? О египетской ли религии четвертой династии или же о египетской религии эпохи Птолемеев? О религии ли масс или о религии ученых? О религии, преподававшейся в школах Гелиополиса, или же о той, что жила в умах и миросозерцании жреческого сословия в Фивах? Ибо промежуток во времени между первой гробницей в Мемфисе, носящей гроб царя третьей династии, и последними плитами, гравированными в Эфехе при Цезаре Филиппе-Арабе, исчисляются, по крайней мере, в пять тысяч лет. Оставляя в стороне вторжение пастушьего племени гисосов, эфиопское и ассирийское владычество, персидское завоевание и греческую колонизацию, и тысячу революций в его политической жизни, Египет претерпел множество потрясений и превратностей, как в нравственной, так и в умственной жизни. Глава XVII в "Книге Мертвых", содержащая, по-видимому, описание той системы мира, которая была принята в Гелиополисе в эпоху первых династий, известна нам по нескольким спискам, относящимся к XI и XII династиям. Каждый стих ее уже был истолкован тремя или четырьмя различными способами, и настолько разными, что, подобно с той или иной школой, Демиург является то огнем Солнца-Ра-Шу, то изначальной Водой. Время в своем течении сильно изменило представления о Вселенной и силах, ею управляющих. Если христианство на протяжении восемнадцати веков своего существования выработало, развило и преобразовало большинство из своих догм, то сколько же раз египетские жрецы могли изменять свои догматы на протяжении тех пятидесяти веков, что отделяют Феодосия от строителей пирамид». Р. Штайнер подчеркивает, что сказанное им в данной лекции относится к IV тысячелетию до Р. Х. Причин мумифицирования было много; главная — поддерживать общение с умершим и общение с духовным миром посредством мумии и души БА и ХУ умершего, и его двойника, называемого КА, вступавшими, в свою очередь, в общение с лунными демоническими духами (см. примечания переводчика 33, 33а, 33б и др. к данному тому), — прим. перев.

7, с. 46 —... лучше быть нищим в верхнем мире, — то есть, как считали в Греции, на земле, — чем царем в царстве теней... — Гомер, «Одиссея», 11 Песнь.

8, с. 57 — Платон (427—347 до Р. Х.).

8а, с. 57 — Ромул (VIII в. до Р. Х.), основатель Рима (ок. 751 г. до Р. Х.).

9, с. 58 — Тацит — Публий Корнелий Тацит (ок. 55—120 гг. до Р. Х.);

9а, с. 58... одну-единственную фразу... — «Их, — именуемых христианами — первооснователь Христос, был осужден на смерть прокуратором Понтием Пилатом в правление Тиберия». —Анналы, книга 15, 44.

10, с. 65 — Эмиль Дюбуа Раймонд (1818—1896), немецкий естествоиспытатель швейцарского происхождения, профессор физиологии в Берлине; о его высказывании см. в: «О границах естествознания», 7, Лейпциг, 1916, с. 46.

11, с. 68— Густав Штресеманн (1878—1929), был рейхсканцлером в 1923 г.

12, с. 70 — Фердинанд Август Лувье, — «Сфинкс и т. д. в "Фаусте" Гёте; результаты рационального метода исследования» (в 2-х томах), Берлин, 1887.

13, с. 75 — Орлеанская дева — Жанна д-Арк (1412—1431), была причислена к лику святых в 1920 г.

14, с. 76 —... один немецкий историк... —Людвиг Квидде, «Калигула», Ляйпциг, 1894 г.

15, с 76 — Вильгельм Второй (1859—1941), император с 1888 по 1918 гг

15а, с 76 — Гай Цезарь Калигула (12—41), с 37 по 41 гг по РХ римский император, сын полководца Германика, потомок Юлия Цезаря, прозвище «калигула» получил в детстве, поскольку носил солдатские сапоги (caligae) Бывший провозглашен императором, сначала проявил себя хорошим правителем, но тяжкая болезнь помрачила его разум Калигула стал расправляться с родственниками, бросал выдающихся людей на растерзание диким зверям, бесчестил женщин, даже

своих сестер, и т. п. Своего любимого коня хотел сделать консулом, а себя объявил богом и требовал поклонения своим статуям (Энцикл. сл. «Гранат», т. 23) Римский историк Гай Светоний Транквилл, (ок. 70 по Р.Х. — с. 140 по 150), дед которого занимал должность при дворе Калигулы, сообщает в своей знаменитой книге «Жизнь двенадцати Цезарей», кн. 4, 12 «Гай все больше получал надежду на наследство. Чтобы еще крепче утвердился в ней, он, после того как Юлия умерла в родах, обещал Энию Невию, жену Макрона, стоявшего во главе преторианских когорт, он ей обещал, что женится на ней, когда достигнет власти, и дал в этом клятву и расписку. Через нее он вкрался в доверие к Макрону и тогда, как полагают некоторые, извел Тиберия (своего деда — прим. перев.) отравой. Умирающий еще дышал, когда Гай велел снять с него перстень, казалось, что он сопротивлялся. Тогда Гай накрыл его подушкой и своими руками стиснул ему горло, а вольноотпущенника, который вскрикнул при виде этого злодеяния, тут же отправил на крест. И это не лишено правдоподобия». Далее Светоний сообщает (кн. 4, 22) «Тогда он (Калигула) начал притязать уже на божеское величие. Он распорядился привезти из Греции изображения богов, прославленные и почитаемые и искусством, в их числе даже Зевса Олимпийского, — чтобы снять с них головы и заменить своими. Палатинский дворец он продолжил до самого форума, а храм Кастора и Поллукса превратил в его прихожую, часто стоял там между статуями близнецов, принимая божеские почести от посетителей, и некоторые величали его Юпитером Латинским. Мало того, он посвятил своему божеству особый храм, назначил жрецов, установил изысканнейшие жертвы. В храме он ставил свое изображение в полный рост и облачил его в свои собственные одежды. Должность главного жреца отправляли поочередно самые богатые граждане, соперничая из-за нее и торгуясь. Жертвами были павлины, фламинго, тетерева, цесарки, фазаны, — для каждого дня своя порода. По ночам, когда сияла полная Луна, он неустанно звал ее к себе в объятия и на ложе, а днем разговаривал наедине с Юпитером Капитолийским». Далее в кн. 4, 32 «Даже в часы отдыха, среди пиров и забав, свирепость не покидала его ни в речах, ни в поступках. Во время закусок и попоек часто у него на глазах велись допросы и пытки по важным делам, и стоял солдат, мастер обезглавливать, чтобы рубить головы любым заключенным. В ПUTEОЛАХ при освящении моста — об этой выдумке мы уже говорили — он созвал к себе много народу с берегов и неожиданно сбросил их в море, а тех, кто пытался схватиться за кормила судов, баграми и веслами отталкивал вглубь. Мирмиллон из гладиаторской школы бился с ним на деревянных мечах и нарочно упал перед ним, а он прикончил врага железным кинжалом и с пальмой в руках обошел победный круг. При жертвоприношении он оделся помощником резника, а когда животное подвели к алтарю, размахнулся и ударом молота убил самого резника». Кн. 4, 50 «Думают, что его опойла Цезония зельем, которое должно было возбудить в нем юбовь, но вызвало безумие». Далее, кн. 4, 52 «много раз он появлялся с позолоченной бородой, держа в руке молнию или трезубец, или жезл — знаки богов, — или даже в изображении Венеры». Кн. 4, 58 «Одни говорят, что когда он разговаривал с мальчиками (Кассий) Херея ударом меча глубоко разрубил ему затылок с криком "Делай свое дело!" Р. Штайнер сообщает, что причиной очевидного безумия некоторых римских императоров, таких, как Калигула Нерон, и др. или живший на сто лет позже Коммод, было неправильное, без предварительного очищения проведенное посвящение их в древние мистерии — прим. перев.

156, с. 77 — когда во время одной церемонии — то что здесь описано в отношении к Калигуле, относится к Коммоду. Это утверждение редакции, издающей сочинения Р. Штайнера на немецком языке, совершенно беспочвенно, редакция почему-то считает, что Штайнер ошибся, причем он якобы опирался в данном случае лишь на свидетельство масона Рагона и Блаватской, и просто перепутал имена. У Р. Штайнера, как известно, были совсем иные источники его сообщений. То, что произошло с Коммодом в конце второго века, совсем не исключает подобия происшествия с Калигулой. Сравните приведенное Рудольфом Штайнером на с. 206 настоящего издания, а также такое же место в лекции от 20 мая 1917 г. в «Средняя Европа между Востоком и Западом», ПСС, т. 174а, с. 192. В «Тайной доктрине» Е. П. Блаватской, предполагаемом источнике, говорится (т. 3, с. 232): «Рагон говорит о слухах, обвиняющих императора Коммода, — как будто он однажды, будучи в роли инициатора, исполнял эту роль в посвящательной драме столь "серьезно", что действительно убил соискателя, нанося ему удар секирой» (Рагон Ж. М. «Orthodoxie

masonnique... », Париж, 1853). Приводим этот текст более полно по изданию: Е. П. Блаватская, «Тайная доктрина», изд. «Альтруист», 1991, т. 3, с. 232: «Масонское посвящение было оформлено по образцу посвящения в малых мистериях. Третья степень была степенью, применявшейся и в Египте и в Индии с незапамятных времен, и память о ней держится до сих пор в каждой ложе под обозначением смерти и воскресения Хирама Абифа, «Сына Вдовы». В Египте последнего называли «Осирисом», в Индии — «Локачакшу» (Глазом мира) и «Дианкара» (создатель неба и дня), или Солнцем — и везде этот обряд носил название «врата смерти». Гроб или саркофаг Осириса, убитого Тифоном, приносили и ставили в середине Зала Мертвых; кругом стояли посвященные и тут же поблизости — кандидат. Последнего спрашивали, участвовал ли он в убийстве или нет, и несмотря на его отрицание, после различных и очень тяжелых испытаний, Посвятитель (инициатор) притворно наносил ему удар по голове топориком; его бросали наземь, забинтовывали как мумию и плакали над ним. Затем блистала молния и раздавался гром, мнимый труп окружался огнем и, наконец, воскресал. Рагон говорит о слухах, обвинявших императора Коммода в том, что он однажды, играя роль посвящителя, настолько серьезно сыграл ее в драме посвящения, что в самом деле убил посвящаемого, нанося ему удар топориком. Этим доказывается, что малые Мистерии еще не совсем перестали существовать во втором веке нашей эры». Рагон Жан-Мари, известный французский масон, род. в Бельгии ок. 1781., посвящен в Брюгге в 1803, ложа Истинных друзей, основатель ложи Тринософов, учредитель масонского издания «Гермес», автор многочисленных трудов по истории масонства, ум. 1866. Об императоре Коммодe см. примечание 37а. — прим. перев.

15в, с. 77 — Август — Гай Юлий Цезарь Октавиан (63 до Р. Х. — 14 после Р. Х.).

16, с. 90 — Юлиан Отступник (332—363 по Р. Х.), — император с 361 по 363 г.

17, с. 91 — Генрих Второй (973—1024), король с 1002, император с 1014, причислен к лику святых папой в 1146 г.

18, с. 93 —... крестовые походы... — первый крестовый поход состоялся в 1096—1099 гг. и привел к основанию Иерусалимского королевства Готтфридом Бульонским (ум. 1100 г.).

18а, с. 93 — Петр Амьенский (ум. 1115 г.).

186, с. 93 — Вальтер фон Хабенихтс— французский рыцарь, в 1094 отправился в крестовый поход, пал в Никее в 1096 г. в битве с сельджуками.

19, с. 93 — Готфрид Бульонский — один из вождей первого крестового похода, сын Евстафия, графа Бульонского, с 1089 г. герцог Лотарингский; под Иерусалимом избран в короли, но принял только титул «защитника Гроба Господня», ум. 1100 г.

19а, с. 94 — Отто фон Гуерике (1602—1686 гг.).

19б, с. 94 — Николай Коперник (1473—1543), настоятель Фрауенбургского собора, астроном.

20, с. 98 — Вульфилла, Ульфилас (310—383 по Р. Х.) — епископ готов, арианин. Историк Иордан, живший в середине VI века по Р. Х., родственник королей из династии Амалов, сообщает следующее: «Были еще готы, именуемые малыми, народ многочисленный, имеющий своего епископа и примаса в Вульфиле, который, рассказывают, ввел у них письменность» Цитируется по Стасюлевич М История средних веков СПб, 1863 — прим перев

20а, с 98 — перевод Библии на готский язык— «Серебряный кодекс», готское рукописное Евангелие V века, написанное серебряными и золотыми буквами на пурпурном пергаменте, возникло в Верхней Италии, содержит Евангелие в переводе Вульфиллы

21, с 100 — Аттила — царь гуннов, Этцель немецких сказаний, прозванный «бичем Божиим», сын Мундцука, в 445 г по РХ убил своего брата-соправителя Бледу и объединил под своей властью гуннов, сарматские и германские племена, столица его государства, занявшего вскоре все пространство между Волгой и Германией, находилась в Верхней Венгрии, близ Токая В 447 г император Феодосий II стал платить ему дань, в 450 г, когда Валентиниан III отказал ему в руке своей сестры, Аттила двинулся со своими ордами на Запад (по свидетельству Иордана его войско насчитывало до 500) и проник уже в Галлию, но у города Труа на Каталунской равнине в 451 г потерпел страшное поражение со стороны Аэция и вестготского короля Теодориха, в 452 г напал на Италию, разрушил Аквилею, но внезапно отступил, когда папа Лев I уплатил ему большую дань, умер Аттила в 453 г в Паннонии на следующую ночь после брака с бургундкой Ильдикой (Кримгильдой)

(«Гранат») «Рост его был невелик, грудь широкая и большая голова, глаза узкие, редкая борода с проседью, нос вогнутый, и тело смуглого цвета, обличающее его происхождение» Цитируется по Стасюлевич М История средних веков СПб, 1863 — прим перев

21а, с 101 — «Герчания» — «De origine et situ germanorum», «О происхождении и местах обитания германцев», латинское сочинение Тацита в прозе, известно под названием «Германия», возникло, вероятно, в 100 г по РХ

22, с 117 — Моххамед, пророк, основатель ислама (570— 632 по РХ)

23, с 126 — Карл Великий (742—814 гг по РХ)

23а, с 127 — Гарун аль Рашид (786—809), халиф Багдада

24, с 133 — Мартин Лютер (1483—1546)

25, с 134 — Ян Гус — чешский реформатор (род 1369, сожжен на костре 1415 г)

26, с 136— в ближайшую субботу — предполагаемая лекция в субботу 22 марта не состоялась, а состоялась только в среду, 26 марта

27, с 139— на одном из Соборов — 869 г по РХ, на так называемом Восьмом экуменическом мнимо-вселенском Соборе в Константинополе

28, с 140 — Я говорил вам — в лекции от 12 марта 1924 г

29, с 145 — Отфрид фон Вайзенбург (ок 800 по 870), эльзасский монах Его «Евагелическая книга» представлял собой рифмованное на древненемецком языке переложение Евангелия

29а, с 145 — «Хелианд» — переложение Евангелия, рифмованное и аллитерированное, возникло между 822 и 840 гг

30, с 148 — Св Августин Аврелий (354—430 по РХ), один из величайших отцов церкви, в юности был манихеем, крестился, был епископом

31, с 150— одна статья — пока не установлено

32, с 162 — Константин Великий — святой, римский император (306—337), миланским эдиктом 312 г прекратил гонения на христиан, затем сделал христианство государственной религией, инициатор и руководитель Первого Вселенского Собора 325 г в Никее

32а, с 162 — Юстиниан I (482—565), правил 527—565, византийский император, преследовал инакомыслие, закрыл Афинскую философскую школу, изгонял из империи философов и ученых При нем Византия восстановила свои владения в пределах бывшей Римской империи

33, с. 183 —... Их намерением было воспрепятствовать необходимости для человека снова опускаться вниз на Землю... — это высказывание по-видимому противоречит сказанному на эту тему в лекции от 1 марта 1924 г. и от 5 марта 1924 г. данного тома. См. примечание 6а. В «Истории религий» Ш. де ля Соссей сообщает: «В их (египтян) представлении человек состоял из тела (ХЕТ), души (БА), тени (ХАЙБЕТ), имени (РЕН) и двойника (КА). Древнейший отпечаток представляет представление о КА. КА живет в человеке с рождения и не умирает после смерти, он живет в могиле, его местопребыванием может стать также статуя умершего. КА мог удалиться из могилы и причинять вред живым, например, вызывать головную боль. Наряду с КА имеет значение душа БА, представляющаяся в виде птицы (аналогичный слухай: сирена у греков или русалка у славян — прим. перев), она вылетает после смерти и уносится на небо, но иногда слетает в гости к мумии (и, по выражению Р. Штайнера, вьется около нее). По свидетельству пирамидных надписей умерший взлетает на небо в виде птицы или кузнечика, достает неба и там становится ХУ — «блестящим». Е. Блаватская отождествляла ХУ с астральным телом (см. «Тайная доктрина» т. 3 отдел XXVII, Египетская магия). Важное значение имело и имя РЕН; считалось тяжким преступлением стереть имя на гробнице. В книге Э. Шюре «Великие посвященные» сообщается: «По египетскому тайному учению человек сознает в своей земной жизни лишь свою живую и рассудочную душу, которые носили названия hati и bai. Высшая часть его существа, духовная душа и божественный дух, cheubi и kou, существуют в нем в состоянии бессознательного зародыша и развиваются по окончании земной жизни, когда он сам становится Осирисом». Осирисом становится каждый забальзамированный, о чем свидетельствуют надписи: Осирис такой-то (имярек). Мэнли П. Холл сообщает мнение некоего S. S. D. D., изложенное в книге «Египетская магия»: «Есть все резоны предположить, что мумифицировались только те, кто имел несколько степеней инициации, поскольку египтяне считали, что мумификация предотвращает перевоплощение. Это последнее нужно только несовершенным

душам, не сумевшим пройти испытания посвящения. Но для тех, кто имел волю и способность пройти в секретный Адитум, не было необходимости для такого освобождения души, которое получается разрушением тела. Тела инициированных, таким образом, сохранялись после смерти как некий талисман, или материальное основание для манифестации души на Земле». Кроме того, Р. Штайнер считал одной из главных причин мумифицирования то, что мумии становились жилищем лунных существ, сообщающих жрецам сведения из духовного мира. См. также примечания 6а, 33а, 33б к данному тому, а также ПСС, тт. 105, 238 (2), 216 (4, 5, 6) и др. — прим. перев.

33а, с. 184 —.. точную копию того, чем был когда-то человек... — см.: Геродот, «История», Кн. 2, -86—87: «Для этого поставлены особые мастера, которые по должности занимаются ремеслом бальзамирования. Когда к ним приносят покойника, они показывают родственникам на выбор деревянные раскрашенные изображения покойников. При этом мастера называют самый лучший способ бальзамирования, примененный при бальзамировании того, кого мне в данном случае не подобает называть по имени. Затем они предлагают второй способ, более простой и дешевый, и, наконец, третий — самый дешевый. Потом опрашивают, за какую цену те желают набальзамировать покойника. Если цена сходная, то родственники возвращаются домой, а мастера остаются и немедленно самым тщательным образом принимаются за работу. Сначала они извлекают через ноздри железным крючком мозг. Этим способом удаляют только часть мозга, остальную же часть — путем всасывания растворяющих снадобий. Затем делают острым эфиопским камнем разрез в паху и очищают всю брюшную полость от внутренностей. Вычистив брюшную полость и промыв ее пальмовым вином, мастера потом вновь прочищают ее растертыми благовониями. Наконец наполняют чрево чистой растертой миррой, кассией и прочими благовониями, кроме ладана, и снова зашивают. После этого тело кладут на 70 дней в натровый щелок. Больше 70 дней, однако, оставлять тело в щелоке нельзя. По истечении же этого 70-дневного срока, обмыв тело, обвивают повязкой из разрезанного виссонного полотна и намазывают камедью (ее употребляют вместо клея). После этого родственники берут тело назад, изготавливают деревянный саркофаг в виде человеческой фигуры и помещают туда покойника. Положив в гроб, тело хранят в семейной усыпальнице, где ставят гроб стоя к стене. Таким способом богачи бальзамируют своих покойников. Если родственникам из-за дороговизны первого приходится выбирать второй способ бальзамирования, то мастера поступают вот как. С помощью трубки для промывания впрыскивают в брюшную полость покойного кедровое масло, не разрезая, однако, паха и не извлекая внутренностей. Впрыскивают же масло через задний проход и затем, заткнув его, чтобы масло не вытекло, кладут тело в натровый щелок на определенное число дней. В последний день выпускают из кишечника влитое туда масло. Масло действует настолько сильно, что разлагает желудок и внутренности, которые выходят вместе с маслом. Натровый же щелок разлагает мясо, так что от покойника остаются лишь кожа да кости. Затем возвращают родным, больше уже ничего не делая с ним. Третий способ бальзамирования, которым бальзамируют бедняков, вот какой. В брюшную полость вливают сок редьки и потом кладут тело в натровый щелок на 70 дней. После этого тело возвращают родным.... Все это обычаи египтян, живущих в Верхнем Египте над болотами. Впрочем, и у жителей болотистой прибрежной области обычаи такие же, как и у других египтян». Геродот описывает Египет своего времени, то есть позднейший период, V в. до Р. Х. Следует учитывать, что Египет насчитывает не одно тысячелетие, и обряды и религия там подвергались изменениям. Так, в более древние эпохи бальзамировали только высокопоставленных, но не бедняков. Мэнли П. Холл сообщает: «Распространенное убеждение в том, что египтяне мумифицировали своих мертвых для того, чтобы сохранить их форму до воскрешения, неприемлемо в свете современного знания об их философии смерти» («Энциклопедическое изложение масонской, герметической, каббалистической и розенкрейцеровской символической философии». М., 1992). Далее: «Порфирий описывает египетский обычай очищения мертвых, заключающийся в изъятии внутренностей живота...» В книге «История религий», Ш. де ля Соссей, 1899 г., сообщается: «При бальзамировании внутренности и мясные части тела вынимались и прятались в особые кружки, канопы, которые отдавались под охрану богов, чаще всего четырех сыновей Горуса: Аместа, Гапи,

Дуамутефа и Кебе^{к01€}енуфа, — чтобы покойник никогда не чувствовал голода и жажды. Сердце же вынимали и на его место вкладывали каменного жука-скарабея (символ Солнца — прим. перев.), при этом во все места раскладывались амулеты... Цер^{€01М}ония погребения состояла в драматическом повторении тех же самых обрядов, с помощью которых Исида, Нефтис, Горус и Анупис возвратили жизнь мертвому Осирису. Уча^{€01В}ующие в погребении изображали собою эти божества... » См. также примечания 6а, 33 и др. к данному тому, а также ПСС, тт. 105, 238 (2), 216 и др. — прим. перев.

33б, с. 185 —... вы имеете дело с разрушительными силами в чистом виде, они выходят оттуда наружу... — следует иметь в виду, что речь идет о искусственных мумиях, а не о мощах; мумия принадлежит неочищенному внутренне человеку, в нее подселяются демонические лунные существа, тогда как мощи остаются, как правило, от благочестивых людей, св^{€01Т}ых, которые, по мнению Р. Штайнера, были воплощением даже не людей, а существ высших ангельских Иерархий. Вот почему роль мумии разрушительна, тогда как роль м^{€01Н}ей в высшей степени благотворна. — прим. перев.

34, с. 194 — Элизабет Вреде — (1879—1943), член учред^{€01Т}ельного Правления Всеобщего Антропософского Общества и руководитель Математическо-астрономической секции.

34а, с. 194 —... например, Руссо сообщает следующее... — имеет отношение к следующему месту в «Разоблаченной Изиде» Е. П. Блаватской: «Жак Пелиссер говорит, что л^{€01Д}и, глядя в упор на животных враждебным взглядом, осилis intentis, могут в течение четверти часа стать причиной их смерти. Руссо утверждает это на основе своего собствен^{€01Н}ого опыта в Египте и на Востоке, где он таким образом убил много жаб. Однако, когда он попытался сделать то же самое в Лионе, жаба, почувствовав, что не может ускольз^{€01Н}уть от его взгляда, повернулась, надулась и уставилась в его глаза застывшим огненным взглядом, причем он ощутил слабость, и даже впал в обморочное состояние, так что некоторое время его считали мертвым». (Е. П. Блава^{€01€}кая, «Разоблаченная Изиде», т. 1) Вышеназванный Руссо не имеет отношения к Жан-Жаку Руссо. Жан-Жак Пелиссер (1794—1864), герцог Малаховский, маршал Франции, участвовал в завоевании Алжира в 1830 г. и 1839—1855 гг., в 1858—1859 гг. был послом в Англии, а в 1860 г. — генерал-губернатором Алжира.

35, с. 196 — Ван Гельмонт — Иоанн Баптист Ван Гел^{€01М}онт, голландский врач (1577—1644).

36, с. 196 —... он брал одно известное растение... — борец, аконит, Aconitum; см. И. Б. Ван Гельмонт, «Demens Idea», § 12.

37, с. 206 — Луциус Домициус Нерон — 54—68 римский император, потомок Юлия Цезаря, племянник Клавдия. Род. 37 г. по Р. Х.; после смерти Клавдия в 54 г. став имп^{€01Р}атором, Нерон вел себя как безумный, радовался пожару Рима, истреблял родственников, убил мать Агриппину Младшую в 59 г., осудил на смерть своего воспитателя ф^{€01Л}ософа Сенеку в 65 г., истреблял популярных полководцев, беспутничал, затевал сумасшедшие проекты; строил «зол^{€01Т}ый дом», хотел довести море до стен Рима и т. д., выступал певцом и музыкантом в театре. Во время восстания Гал^{€01Б}ы покончил с собой со словами: «Какой великий артист погибает». В поведении Нерона Р. Штайнер усматривал след^{€01€}ствия неправомерного посвящения.

37а, с. 206 — Луциус Элиус Аврелиус Коммод (161—192), с 180 по 192 гг. римский император из династии Антон^{€01Н}ов, сын императора-философа Марка Аврелия Антонина и Фаустины; по смерти отца купил униженный мир с германцами и, вернувшись в Рим, отдался своим низким наклонностям, актерствовал, публично пел, состязался на колесницах, выступал гладиатором. Трусливый, жестокий, скотски сладострастный, он пользовался глубокой ненав^{€01€}ью народа и Сената. Покровительствуя земледельцам, объявил себя Гераклом; построил флот для перевозки а^{€01Р}иканского зерна в Италию. Убит в 192 г. Один из его пр^{€01€}мников — Септимий Север — объявил Коммода богом. См. также примечание 15б.

38, с. 208 — Парацельс Теофраст Бомбаст фон Хохенхайм (1493—1541), врач и естествоиспытатель, «отец медицины».

39, с. 210 —... Один шведский ученый... — Теодор Шведберг (1884—1971), см. его труд: «Материя», 1912 г., на неме^{€01К}ом 1914 г.

40, с. 215 —... этот вопрос тоже очень, очень сильно занимал меня... — см. лекцию от 2 октября и 18 декабря 1913 г., ПСС, т. 148, «Из исследований Акаши-хроники. Первое Евангелие».

41, с. 220 — Фридрих Ницше — философ (1844—1900).

42, с. 225 —... одним-единственным Божеством... — в смысле единственным или одним Божеством.

43, с. 233 —... значительнейший государственный деятель XIX века был евреем... — Бенъямин Дизраэли, лорд Биконфильд (1804—1881), английский государственный деятель и писатель.

44, с. 246— Мозес Маймонид (1135—1204), еврейский философ.

44а, с. 247 — Раймонд Луллий (1235—1315), каталонский философ.

45, с. 248 —Александр Великий (Александр Македонский) (356—322 до Р. Х.), сын Филиппа II Македонского и Олимпиады, ученик Аристотеля, великий завоеватель, походы которого привели к эллинизации Востока, основатель 12 городов с названием Александрия.

45а, с. 248 —Аристотель (384—322 до Р. Х.), величайший философ античного мира, создатель логики, воспитатель Александра Македонского.

46, с. 255 — Иммануил Кант (1724—1804), немецкий философ, родоначальник агностицизма.

47, с. 259 — Артур Шопенгауэр (1788—1860), немецкий философ, основной труд «Мир как воля и представление».

48, с. 261 — «Философия свободы» — основной труд Р. Штайнера по философии, 1894 г., ПСС, т. 4.

49, с. 266— Готфрид Вильгельм Лейбниц (1646—1716), немецкий философ.

49а, с. 266 — Христиан Вольф (1679—1754), немецкий философ.

50, с. 269— Валентин Томберг (1900—1973), антропоф, председатель Эстонского Антропософского общества, впоследствии отошел от антропософии, автор многочисленных трудов по оккультизму, герметике и Таро.

50а, с. 270 —... есть ли у метафизики возможность стать в будущем наукой?.. — см.: Прологомены к любой разумной метафизике, которая могла бы выступать в качестве науки, Рига, 1783.

51, с. 270 — Эдуард фон Гартман (1842—1906), немецкий философ.

51а, с. 271 —... Однажды я написал статью об Эдуарде фон Гартмане... — «Эдуард фон Гартман. Его учение и его знчение». Сначала появилась в ежемесячнике «Немецкое слово» (Вена), 11 выпуск, январь 1891, вторично опубликовано в «Методологических основах антропософии 1884—1901», ПСС, т. 30.

52, с. 272 —... Это действительно является учением Эдуада фон Гартмана... — в его «Философии бессознательного», т. 2, Метафизика бессознательного, гл. 14: «Цель мирового процесса и значение сознания».

53, с. 273 — Эрнст Геккель (1834—1919), известный естествоиспытатель.

53а, с. 273 — Оскар Шмидт (1823—1886), зоолог, ученик Геккеля.

53б, с. 273 —... появилась книга... — (анонимно) «Бессознательное с точки зрения физиологии и учения о происхождении видов. Критика естественнонаучной части философии бессознательного с естественнонаучной точки зрения», Берлин, 1872

53в, с. 274 —... появилось второе издание... — «Бессознательное с точки зрения физиологии и учения о происхождении видов. 2-е дополненное издание, опубликованное анонимно в 1872 г. книги с приложением: "Исходящая от Оскара Шмидта критика естественнонаучных основ философии бессознательного», Берлин, 1877.

54, с. 278 —... каждая звезда восходит и снова заходит... — кроме околополярных.

55, с. 279 — Тихо де Браге (1546—1601), датский астроном.

55а, с. 279 — Клавдий Птолемей (87—165 по Р. Х.), египетский географ, математик и астроном, один из основоположников астрологии, автор книг «Тетрабиблос», «Альмагест» и др.

56, с. 282 — Эдмунд Галлей (1656—1742), английский астроном.

57, с. 290 —... Это было сказано мною в Париже в 1906 г... — в цикле лекций о «Космогонии», прочитанном с 25 мая по 14 июня 1906 г.

58, с. 296— Моисей (ок. 1300 до Р. Х.), основатель иудизма, пророк, автор ряда книг в Библии, так называемое Пятикнижие Моисеево.

59, с. 307 — Чарльз Дарвин (1809—1882).

60, с. 308 —... Однажды я написал о Ницше... — «Ницше как борец против своего времени», Веймар, 1895, ПСС 5.

60а, с. 309 —... затем я точно так же написал о Геккеле... — «Геккель и его противник», 1900, Вестфалия, вторично опубликовано в «Методологические основы антропософии, 1884—1901.», ПСС, т. 30.

61, с. 313 — Освальд Шпенглер (1880—1936), «Закат Европы», в 2-х т., Мюнхен, 1918—1922.

62, с. 332 — Вудро Вильсон (1856—1924); был президентом США 1913—1921 гг., в его правление США достигли политического могущества и диктовали свою волю послево-

енной Европе; в январе 1918 г. выдвинул так называемые 14 пунктов — программу мирного переустройства Европы, содействовал развалу Австро-Венгрии и Российской империи; по настоянию его ближайшего советника полковника Хауса был освобожден Л. Бронштейн-Троцкий, задержанный в канадском порту с 200 млн долларов, полученными от американского банкира Якова Шиффа для поддержки революции в России.

63, с. 337 —... я уже упоминал об этом однажды... в лекции от 21 апреля 1923 г. в томе 3 этих лекций.

63а, с. 337 —... так называемая венерина мухоловка... — *Dionaea muscipula*, сем. росянковые, принадлежит к насекомоядным растениям, растущим в глухих местах в теплой зоне Северной Америки. Ср. об этом: Дарвин Ч. Насекомоядные растения. Перев. Кариса. // Собрание сочинений. Т. 8. Штутгарт., 1876. С. 259.

64, с. 349 —... Только когда мы сделали мировое содержание... — см. «Философия свободы. Основные черты современного мировоззрения», ПСС, т. 4.

ЦВЕТНЫЕ ДОСКИ

К ЦИКЛУ ЛЕКЦИЙ ДЛЯ РАБОЧИХ ГЁТЕАНУМА

ИСТОРИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

И

МИРОВОЗЗРЕНИЯ КУЛЬТУРНЫХ НАРОДОВ

При расшифровке стенограмм не всегда удавалось точно восстановить на какой именно фрагмент изображаемого на доске рисунка ссылается докладчик. Поэтому текст содержит места, где должна была быть иллюстрация, которая, однако, отсутствует.

Сохранились оригинальные зарисовки и надписи, сделанные Рудольфом Штайнером во время этих бесед-лекций: в то время было принято покрывать доски черной бумагой. Репродукции всех сохранившихся «досок» приведены в отдельном многотомном издании Rudolf Steiner «Wandtafelzeichnungen zum Vortragswerk» (Rudolf Steiner Verlag, Дорнах, Швейцария).

Даже при поверхностном сравнении указанных репродукций со стандартными иллюстрациями в изданиях трудов Р. Штайнера становится очевидной определенная бедность и неполнота вторых. Кроме того, учитывая личность лектора, предмет докладов и обстоятельства, при которых делались зарисовки, можно предположить, что созерцание репродукции в целом, а не просто ее черно-белых фрагментов, способно дать читателю нечто большее.

Исходя из указанного, издательство сочло целесообразным привести в настоящей публикации и фрагменты (как они даны в оригинале), и подборку репродукций досок.

По техническим причинам репродукции досок даны не в хронологической последовательности.